Журнал зарегистрирован Министерством связи
и массовых коммуникаций Российской Федерации
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77 - 40505

Почтовый индекс журнала 24819

Мир политики и социологии

2012, № 11

Санкт-Петербург
2012

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Сальников В.П., главный редактор журнала «Мир политики и социологии», доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации

Александров А.И., Первый заместитель председателя комитета Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации по конституционному законодательству, правовым и судебным вопросам, развитию гражданского общества, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского государственного университета, Заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор

Бейдина Т.Е., заведующая кафедрой государственного, муниципального управления и политики Читинского государственного университета, доктор политических наук, профессор

Бродский М.Н., доктор экономических наук, доктор юридических наук, профессор

Гончаренко Л.Н., доктор философских наук, профессор

Карташов В.Н., заведующий кафедрой теории и истории государства и права Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации

Керимов Д.А., член-корреспондент Российской академии наук, доктор юридических наук, профессор

Крылов Д.А., заместитель руководителя исполкома Забайкальского регионального отделения политической партии «ЕДИНАЯ РОССИЯ», доктор философских наук, доцент

Малышев А.В., заместитель руководителя управления по внутренней политике Администрации Президента Российской Федерации, кандидат экономических наук, доцент

Макаров А.В., директор Юридического института Читинского государственного университета, доктор юридических наук, профессор

Масленников Д.В., проректор по научной работе Национального открытого института России, доктор философских наук, профессор

Оганян К.Н., заведующий кафедрой социологии Санкт-Петербургского государственного инженерно-экономического университета, доктор философских наук, профессор

Покровский И.Ф., доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Заслуженный юрист Российской Федерации, Заслуженный работник культуры Российской Федерации

Родионова А.К., профессор кафедры теории и истории государства и права Читинского института Байкальского государственного университета экономики и права, доктор политических наук

Степашин С.В., председатель Счетной палаты Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор

Хабибулин А.Г., заведующий кафедрой финансовых и экономических расследований МГУ им. М.В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор

Чибинев В.М., декан факультета права и экономической безопасности Санкт-Петербургского государственного инженерно-экономического университета, доктор юридических наук, профессор

Швецов М.Ю., директор Института социально-политических систем Читинского государственного университета, доктор педагогических наук, профессор

Щендрыгин Е.Н., заведующий кафедрой конституционного и избирательного права Орловского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации

Адрес редакции: 198261, Санкт-Петербург, пр. Ветеранов, д. 114, корп. 1, лит. Б.

Ответственность за достоверность сведений в опубликованных статьях несут авторы. Полная или частичная перепечатка материалов и использование их в любой форме, в том числе в электронных СМИ, допускается только с письменного разрешения редакции журнала.

© Мир политики и социологии, 2012

© Фонд поддержки науки и образования в области правоохранительной деятельности «Университет», 2012

СОДЕРЖАНИЕ

История политических и правовых учений, учреждений и процессов

Хабибулин А.Г. Политико-правовые проблемы государства в области социально-экономического развития России 7

Иконникова И.С. М.М. Сперанский в интерьере личной библиотеки и правовая жизнь российского общест 18

История, теория, практика политико-правовых институтов России и зарубежных стран

Артамонова Г.К., Мухортов А.А. Российская Империя в конце XIX века: общественно-политические взгляды и проблема борьбы с политической преступностью 25

Мирзоев С.Б. О практике Конституционного Совета Республики Казахстан по обеспечению верховенства и стабильности Конституции (опыт зарубежных стран) 30

Черняев А.Е., Черняев С.Е. Британские отношения с Сирией и Ливией в контексте событий 11 сентября 2001 года 36

Политика. Правовая политика. Политическая жизнь. Политическая и государственная власть. Модернизация политической системы

Жданов В.Л. Проблема генезиса космической политики 40

Горбашев В.В., Реуф В.М., Удычак Ф.Н. Национальная политико-правовая система: факторы, определяющие ее состояние 47

Демократия. Гражданское общество. Правовые аспекты политических процессов

Безрядин В.И., Сальников П.П. О некоторых проблемах координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью 55

Медведев С.М. Числов А.И. Права, свободы и законные интересы человека (гражданина) и право: структурно-функциональный анализ 72

Экономические потрясения и социальная экономика. Модернизация экономики. Примирительные процедуры разрешения споров

Роженцев С.В., Числов А.И. Субъекты малого и среднего бизнеса, их интересы и правовая охрана 81

Агаев И.А. Совершенствование правового обеспечения деятельности финансово-экономических структур Российской Федерации и Азербайджанской Республики: некоторые вопросы 95

Социология. Социология и реализация демографических программ. Политика в области материнства и детства

Егоршин В.М. Гражданское оружие и население (социально-нравственный аспект) 107

Трифонов В.А. Обеспечение права граждан на равный доступ к государственной службе: социологические исследования на примере органов внутренних дел 115

Национальная, государственная, экономическая, финансовая информационная и военная безопасность. Внешняя политика, международная безопасность и экономическая интеграция

Фирсов И.В. О соотношении и содержании понятий “безопасность” и “экономическая безопасность” в современных условиях 120

Ибрагимов С.М. Идеологические и уголовно-правовые меры борьбы с содействием террористической деятельности на Северном Кавказе 135

Безопасность человека, общества и государства. Экологическая безопасность и правовые аспекты охраны окружающей среды

Джобава Н.А. Экологическое правосознание 140

Зоиров С.Д. Противодействие незаконному обороту наркотических средств в Таджикистане: международно-криминалистический анализ 148

Парубец Ю.Г. К вопросу о реорганизации органов государственной власти в Украине, обеспечивающих экологические права 165

Философия права. Правосознание. Правовая культура. Социология права. Юридическая психология

Сальников М.В. Традиционализм как политико-правовой феномен: методология познания и исследования 169

Захарцев С.И. Философия права и диалектика 180

Байжуминов С.Н. Основы правовой идеологии в России: проблемы формирования в современных условиях 190

Информация для авторов 197

CONTENTS

History of political and legal doctrines, institutions and processes

Khabibulin A.G. Political-and-legal problems of the state in the area of economic development of Russia 7

Ikonnikova I.S. M.M. Speransky in the interior of private library and legal life of the Russian society 18

History, theory, practice of political-and-legal institutions of Russia and foreign countries

Artamonova G.K., Mukhortov A.A. The Russian Empire in the late XIX century: social-and-political views and problems of fighting against political crime 25

Mirzoev S.B. On the practice of the Constitutional Council of the Republic of Kazakhstan for ensuring the supremacy and stability of the Constitution (experience of foreign countries) 30

Chernyaev A.E., Chernyaev S.E. The British relations with Syria and Libya in the context of the events of September 11, 2001 36

Politics. Legal policy. Political life. Political and state power. Modernization of the political system

Zhdanov V.L. The problem of space policy genesis 40

Gorbashev V.V., Reuf V.M., Udychak F.N. National political-and-legal system: the factors that determine its condition 47

Democracy. Civil society. Legal aspects of political processes

Bezryadin V.I., Sal'nikov P.P. On some problems of coordinating the law-enforcement agencies activity for fighting against crime 55

Medvedev S.M., Chislov A.I. Rights, freedoms and legitimate interests of the man (citizen) and law: structural and functional analysis 72

Economic perturbations and social economy. Modernization of the economy. Preliminary procedures for dispute resolution

Rozhentzev S.V., Chislov A.I. Small and medium-sized business entities, their interests and legal protection 81

Agaev I.A. *Improvement of legal groundwork for the activities of financial* and economic structures of the Russian Federation and the Azerbaijani Republic: some issues 95

Sociology. Sociology and implementation of demographic program. Policy in the area of motherhood and childhood

Egorshin V.M. Civilian weapons and the population (social-and-moral aspect) 107

Trifonov V.A. Enforcement of citizens' rights to equal access to government service: sociological surveys through the example of internal affairs bodies 115

National, state, economic, financial, informational and military security. Foreign policy, international security and economic integration

Firsov I.V. On the correlation and content of concepts “security” and “economic security” in the modern conditions 120

Ibragimov S.M. Ideological and criminal action against the promotion of terrorism in the North Caucasus 135

Human, society and state security. Environmental security and legal aspects of environmental protection

Dzhobava N.A. Environmental legal consciousness 140

Zoirov S.D. Anti-drug trafficking enforcement in Tajikistan: international criminalistic analysis 148

Parubets Yu.G. On the issue of environmental rights ensuring governmental authorities reorganization in Ukraine 165

Philosophy of law. Legal consciousness. Legal culture. Sociology of law. Legal psychology

Sal’nikov M.V. Traditionalism as a political-and-legal phenomenon: methodology of research 169

Zakhartzev S.I. Philosophy of law and dialectics 180

Bayzhuminov S.N. Foundations of legal ideology in Russia: problems of formation under modern conditions 190

Information for the authors 197

ИСТОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ И ПРАВОВЫХ УЧЕНИЙ, УЧРЕЖДЕНИЙ И ПРОЦЕССОВ

ХАБИБУЛИН Алик Галимзянович,
профессор кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова,
доктор юридических наук, профессор
E-mail: khabibulin-ag@mail.ru

Специальность 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВА В ОБЛАСТИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

Аннотация. *В работе обобщены основные проблемы государственной политики в области социально-экономического развития, ключевая роль среди которых в современных условиях отводится экономической и финансовой безопасности страны. Приведены наиболее значимые угрозы развитию национальной экономики. Сделан вывод, что в настоящее время существует ряд негативных тенденций в области развития национальной экономики, которые определяют необходимость корректировки государственной политики в сфере инноваций и смещения акцентов в сторону концентрации усилий государства на решении критических для инновационного развития проблем.*

Ключевые слова: *инновационное развитие; государственная политика; социально-экономическая реформа; экономическая безопасность; угрозы.*

KHABIBULIN A.G.

POLITICAL-AND-LEGAL PROBLEMS OF THE STATE IN THE AREA OF ECONOMIC DEVELOPMENT OF RUSSIA

The summary. *This paper summarizes the main issues of public policy in the field of socio-economic development, the key role of which is given in the present conditions of economic and financial security. Are the most significant threats to the development of the national economy. It is concluded that there are currently a number of negative trends in the development of the national economy, which determine the need to adjust state policy in the field of innovation and the shift towards focusing on solving the critical state for innovative development problems.*

Key words: *innovation development; public policy; social and economic reform; economic security, threat.*

Одной из самых актуальных проблем для динамичного развития российского общества является обеспечение экономической и финансовой безопасности экономики государства, как залога успеха осуществления социально-экономических реформ, достижения эффективного экономического роста Российской Федерации, трансформации национальной экономики из инерционно развивающейся в инновационную [14; 16; 17; 18; 20; 22; 23; 27; 29; 30; 32; 34; 35;

37; 38; 39; 41; 42; 43; 48; 49; 51; 52; 53; 54; 55; 56; 57; 60]. «В мире XXI века на фоне новой расстановки экономических, цивилизационных, военных сил Россия должна быть суверенной и влиятельной страной. Мы должны не просто уверенно развиваться, но и сохранить свою национальную и духовную идентичность, не растерять себя как нация. Быть и оставаться Россией» [1]. В этом и заключается цель, сущность и смысл модернизации российской экономики как материальной основы развития и укрепления России. Важной составляющей выявление и понимание особенностей, сущности, содержания осуществляемых в стране реформ является рассмотрение и учет особенностей государственной политики в сфере экономики и существующих политических подходов к социально-экономическому реформированию и развитию России [15; 19; 21; 25; 28; 31; 33; 36; 40; 44; 58; 59; 61].

В настоящее время Россия ставит перед собой амбициозные, но достижимые цели долгосрочного социально-экономического развития – закрепление геополитической роли страны как одного из основных лидеров, оказывающих влияние на всю мировую политику, обеспечение высокого уровня благосостояния населения. «Для настоящего и для будущего России за первые 12 лет нового века сделано немало. Огромный по важности этап восстановления и укрепления страны пройден. Сейчас наша задача – создать богатую и благополучную Россию» [1]. Одним из основных средств достижения этих целей является осуществление реформ, направленных на обеспечение перехода национальной экономики на инновационный социально-ориентированный путь развития. Количественные показатели инновационной экономики к 2020 году были определены в «Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года», основными из которых являются: занятие существенной доли (в 5-10%) на рынках высокотехнологичных и интеллектуальных услуг по 5-7 позициям, повышение в два раза доли высокотехнологичного сектора в ВВП (с 10,9 до 17-20%), увеличение в пять-шесть раз доли инновационной продукции в выпуске промышленности, в 4-5 раз – доли инновационно активных предприятий (с 9,4 до 40-50%) [12].

Мировой финансовый кризис 2008-2009 годов осложнил реализацию поставленных целей, привел к сокращению расходов частного бизнеса на инновации и обострил структурные слабости российской инновационной системы. Тем не менее, сложившаяся сложная экономическая ситуация в краткосрочной перспективе не оказала существенного влияния на принятую стратегию долгосрочного социально-экономического развития России и не привела к необходимости пересмотра целей реформ долгосрочного развития на период до 2020 года. На решение задач реализации реформ социально-экономического развития страны, посткризисного восстановления и ускорения перехода на инновационный путь развития российской экономики оказывает влияние ряд внешних и внутренних вызовов и угроз, которые осложняют достижение поставленных целей и обуславливают необходимость интенсификации и концентрации усилий на решении накопленных в российской экономике проблем.

К числу основных внешних вызовов и угроз, имеющих экономическую природу и представляющих серьезную опасность для осуществления реформ социально-экономического развития страны на основе инновационного развития российской экономики можно отнести следующие.

Переход экономик мировых лидеров на технологический уклад резко повышает неопределенность в ускоренном развитии России, основу специализации которой на мировых рынках в настоящее время составляет экспорт традиционных энергоносителей. Развитие альтернативной энергетики, появление экономически эффективных технологий добычи углеводородов из нетрадиционных источников (сланцы, нефтеносные пески и т.д.) может привести к снижению спроса и цен на ключевые товары российского сырьевого экспорта, сокращение поступления в экономику финансовых ресурсов, необходимых для модернизации, снижение значимости России в глобальной политике.

Кризис 2008-2009 годов усилил значимость этого вызова для России, поскольку инвестиции в технологическое развитие, в «инновационный рывок» рассматриваются развитыми странами (США, Япония, ведущие страны - члены Европейского Союза), а также растущими экономиками Китая, Индии, Бразилии в качестве

ключевой антикризисной меры. Ускорение технологического развития мировой экономики обуславливает то, что реальными конкурентами России становятся не только страны-лидеры в сфере инноваций, но и многие развивающиеся страны, в том числе, страны – участники Союза Независимых Государств (СНГ).

В целях реализации антикризисного управления развитые страны выделяли десятки миллиардов долларов дополнительных инвестиций в развитие медицины, биотехнологий, альтернативной и возобновляемой энергетики, атомной отрасли, информационных технологий, что привело к резкому ускорению процессов предоставления и реализации инвестиций, которые до кризиса предполагалось осуществлять в течение нескольких лет. Столь масштабные инвестиции в национальные экономики могут на 3-5 лет приблизить смену общего мирового технологического уклада развитых стран и всего мирового производства в целом.

Дополнительные сложности в процессе реформирования российской экономики возникают в связи с тем, что перспективные, в плане инновационного развития и повышения в ВВП доли высокотехнологичного производства, сектора национальной экономики оказались в числе наиболее пострадавших от кризиса: в настоящее время авиастроение, судостроение, космическая отрасль, электронная промышленность находятся под значительным долговым бременем, вызванным высокими процентными ставками по кредитам, которые стали естественной реакцией банковской системы на мировой финансовый кризис. При этом перспективы улучшения ситуации в этих секторах до кризиса связывались в значительной степени с их целенаправленной модернизацией при поддержке государства. В 2009-2012 годах Правительству Российской Федерации в целом удалось сохранить бюджетную поддержку указанных секторов на приемлемом уровне, но этой поддержки хватает только для обеспечения выживания ключевых предприятий. Однако одной такой поддержки еще недостаточно для резкого повышения глобальной конкурентоспособности российской экономики и экспансии на внешние рынки.

Одним из ключевых вызовов современности является усиление борьбы на мировой арене за факторы, определяющие конкурентоспособность экономических систем, в первую очередь, за высококвалифицированную рабочую силу и инвестиции, обеспечивающие привлечение в экономические проекты новых знаний, технологий, резкое повышение мобильности указанных ресурсных составляющих. В условиях низкой эффективности национальной инновационной системы в России последнее означает ускоренное «вымывание» из страны сохраняющегося конкурентоспособного научно-технического потенциала – кадров, технологий, идей, капитала.

Изложенные проблемы, обусловленные внешними вызовами и угрозами для развития российской экономики, диктуют необходимость опережающего развития отдельных специфических направлений научных исследований и технологических разработок (нанотехнологии, микроэлементная база, «чистая» энергетика, геномная медицина, новые технологии в сельском хозяйстве и т.д.), по многим из которых в России нет даже теоретических наработок. Для обеспечения перехода к интенсивному инновационному типу развития экономики, России необходимо радикально и глубоко интегрироваться в мировую инновационную систему, преодолеть сохраняющуюся изоляцию. В противном случае может произойти окончательная утрата имеющегося научного потенциала, ослабление геополитических позиций и переход Российской Федерации в категорию стран с инновационной системой имитационного типа, не способных к производству нового знания и достижению глобального лидерства по ключевым технологическим направлениям, долговременное закрепление сырьевого характера российской экономики, низкие темпы экономического развития. Это означает невозможность достижения целей и задач долгосрочного социально-экономического развития страны.

Оценивая результаты проведенных мероприятий по подготовке к переходу российской экономики на интенсивный инновационный путь развития можно отметить следующие положительные моменты:

- за последние годы значительно увеличено финансирование науки за счет средств государства. Согласно Распоряжению Правительства Российской Федерации от 27.12.2012 N 2538-р «Об утверждении Программы фундаментальных научных исследований в Российской Федерации на

долгосрочный период (2013 - 2020 годы)», на программу фундаментальных исследований будет выделено в 2013 годах-2020 годах 1,6 триллиона рублей, из них на 2013 год - 145,12 миллиарда, на 2014 год - 156,86, 2015 год - 170,16 миллиардов. Это соответствует показателям федерального бюджета на 2013 год и плановый период 2014 и 2015 годов [11]

- создана современная система институтов развития в сфере инноваций, включающая институты предпосевного и посевного финансирования, венчурные фонды с государственным участием (через ОАО «Российская венчурная компания» [8]), Банк развития и внешнеэкономической деятельности (Внешэкономбанк), Государственную корпорацию «Роснанотех» [9], поддерживающую проекты в сфере нанотехнологий;
- значительные усилия предприняты в стимулировании исследовательской деятельности и инновационного развития в высшем образовании. Реализована финансовая поддержка инновационных программ более 50 ведущих российских вузов (начиная с 2005 г. на эти цели ежегодно выделялось по 7-8 млрд руб., хотя мировой финансовый кризис 2008-2009 гг. внес свои коррективы. В последующие посткризисные 2010-2012 годы указанное финансирование было восстановлено). Нескольким десяткам университетов на конкурсной основе был присвоен статус национальных исследовательских университетов, получателям которого выделены средства на реализацию программ развития, включая создание инновационной инфраструктуры, развитие исследовательской деятельности [7]. Реализуются меры по привлечению к исследовательской работе в российских вузах ученых с мировым именем, по поддержке кооперации вузов с предприятиями, дальнейшему развитию вузовской инновационной инфраструктуры (на эти цели из федерального бюджета в течение трех лет с 2010 по 2012 годы было выделено порядка 90 млрд. рублей);
- развернута работа по формированию национальных исследовательских центров (на базе Курчатовского института создан первый такой центр [4]). Сформирована инфраструктура поддержки инновационной деятельности – технико-внедренческие особые экономические зоны, предусматривающие значительные льготы инновационным компаниям, технопарки, бизнес-инкубаторы при вузах, центры трансфера технологий, центры коллективного пользования уникальным оборудованием и др. Начата поддержка создания и развития инновационных кластеров;
- положено начало созданию новой российской «территории инноваций» в подмосковном Сколково [5], где создается беспрецедентный правовой режим, минимизирующий административные барьеры и налоговое бремя для компаний-резидентов;
- создается система софинансирования государством инновационных проектов частных компаний – через управляющую организацию проекта Сколково, а также, в перспективе, через Российский фонд технологического развития после его реорганизации. В отношении компаний с государственным участием формируется система поддержки разработки и реализации ими программ инновационного развития;
- проводится работа по совершенствованию правового режима инновационной деятельности – уже введены и продолжают вводиться необходимые налоговые льготы[2]. Сформирована нормативная правовая основа, разрешающая бюджетным учреждениям образования и науки создавать малые инновационные предприятия [6], только за первый год её применения было создано около 600 малых инновационных предприятий при вузах и научных организациях. Совершенствуется таможенное регулирование экспорта инновационной продукции и т.д.

Важно отметить и то, что в последние четыре года вопросы стимулирования инноваций вынесены на самый высокий политический уровень. Создана Комиссия при Президенте Российской Федерации по модернизации и технологическому развитию, в рамках которой определены государственные научно-технологические приоритеты, начато

финансирование конкретных проектов в рамках этих приоритетов. Повышен статус Правительственной комиссии по высоким технологиям и инновациям. Тема модернизации и инноваций находится под постоянным вниманием политического руководства страны.

В то же время, из предусмотренных в «Стратегии развития науки и инноваций в Российской Федерации до 2015 года» [13] результатов на I этапе (2006 – 2007 гг.) достигнуто лишь менее трети от запланированных показателей. При этом большинство показателей оказались даже ниже прогнозируемых при инерционном сценарии развития экономики страны (сценарии, не учитывающем мероприятия, проводимые в рамках Стратегии), или имели негативную динамику. Мировой финансовый кризис 2008-2009 годов серьезно усложнил выход России на путь инновационного развития. В этот период ухудшилось финансовое состояние предприятий, что создало определенные препятствия для наращивания доли негосударственного финансирования сектора исследований и разработок. В условиях сокращения доходов государственного бюджета более жесткой стала и сама бюджетная политика, что также явилось ограничением возможностей использования государством финансовых стимулов для наращивания инновационной активности. Необходимость поддержания достигнутого уровня социальной защиты населения, пенсионного обеспечения в условиях снизившихся доходов бюджета, негативных демографических трендов, связанных со значительным сокращением численности экономически активного населения, обусловила определенный рост нагрузки на бизнес в части социальных платежей. Это дополнительно ограничивает для бизнеса возможность инвестирования в инновационное развитие.

На втором этапе (2008-2010 гг.) выполнения «Стратегии развития науки и инноваций в Российской Федерации до 2015 года» средний уровень достижения запланированных показателей составил около 40%, при этом по-прежнему ряд показателей не достиг требуемого уровня, а по отдельным ключевым показателям продолжает сохраняться негативная (отрицательная или неположительная) динамика. В начале третьего этапа (2011-2012 гг.) ситуация начала несколько улучшаться, средний уровень достижения запланированных показателей начал повышаться и превысил 50% [10].

В целом за прошедший период реализации Стратегии развития науки и инноваций в Российской Федерации до 2015 года не удалость переломить ряд значимых для инновационного развития негативных тенденций:

- не удалость кардинально повысить инновационную активность и эффективность работы компаний, в том числе государственных, создать конкурентную среду, стимулирующую использование инноваций;
- не удалось решить проблему старения научных кадров, хотя для улучшения ситуация государство предприняло значительные усилия;
- государственные средства, выделяемые на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы, в большинстве секторов экономики расходуются недостаточно эффективно;
- недостаточно много сделано для налаживания взаимодействия науки и бизнеса, повышения уровня коммерциализации научных разработок в России до уровня развитых стран ОЭСР. Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) в 2010-2011 гг. исполнилось 50 лет. Учредительная Конвенция была подписана в декабре 1960 г. и вступила в силу в сентябре 1961 г. В течение более чем 50 лет ОЭСР занимается фактическим анализом и предоставляет рекомендации по выработке политики с тем, чтобы помогать правительствам в повышении качества жизни их граждан [62].

Ключевой проблемой в условиях высокой объективной потребности на инновации в российской экономике является в целом низкий реализуемый внутренний спрос на новые разработки, а также неэффективная структура такого спроса – избыточный перекос в сторону закупки готового оборудования за рубежом в ущерб внедрению собственных новых разработок. Одной из причин такого перекоса является ускоренная оборачиваемость торгово-закупочных средств и их высокая коррупциогенность (или коррупциоемкость, что в конечном итоге одно и то же). Поэтому до сих пор ни частный, ни государственный сектора еще не проявляют

достаточной заинтересованности во внедрении инноваций.

Уровень инновационной активности российских предприятий значительно уступает показателям стран-лидеров в этой сфере. Так, например, согласно данным исследовательского института Battelle Memorial Institute [24], в 2011 году мировые расходы на НИОКР составили порядка $ 1,2 трлн. При этом, первое место по объёму НИОКР занимают США (382,6 млрд.; 2,7% от объема собственного ВВП), второе место займет Китай (153,7 млрд.; 1,4% ВВП), третье место принадлежит Японии (144,1 млрд.; 3,3% ВВП). Россия замыкает десятку мировых лидеров (23,1 млрд.; 1% ВВП) (см. Рис. 1).

Примечание: в СССР объем внутренних расходов на НИОКР составлял 5% ВВП. В стране была мощная система фундаментальных и прикладных исследований, включавшая более трех тысяч НИИ, где работали почти 1,5 млн. научных исследователей - примерно одна четверть всех научных работников в мире [50].

Баланс платежей за технологии с положительного в 2000 г. (профицит составлял +$ 20 млн) поступательно снижался и в 2009 году дефицит составил -$ 1000,8 млн. При этом примерно за это же время, страны-лидеры в области инноваций достигли существенного увеличения профицита технологического баланса (США в 1,5 раз, Великобритания в 1,9 раз, Япония в 2,5 раза) [46]. При этом все еще продолжает оставаться низкой восприимчивость российского бизнеса к инновациям технологического характера: в 2009 году разработку и внедрение технологических инноваций осуществляли 9,4 % от общего числа предприятий отечественной промышленности, что значительно ниже значений, характерных для Германии (69,7%), Ирландии (56.7%), Бельгии (59,6%), Эстонии (55,1%), Чехии (36,6%) (Рис. 2) [47].

Доля предприятий, инвестирующих в приобретение новых промышленных технологий, составляет у нас всего 11,8%. Доля затрат на технологические инновации – 1,9% в общем объеме затрат на производство товаров, выполнение работ и услуг. Аналогичный показатель в Швеции составляет 5,4%, в Финляндии – 3,9%, в Германии – 3,4% [45]. Доля высокотехнологичной инновационной продукции в общем объеме выпуска (1,4% в добывающих, обрабатывающих производствах и распределении электроэнергии, газа и воды) значительно ниже даже показателей «догоняющих» стран Восточной Европы.

Российские компании тратят на инновации значительно меньше своих зарубежных конкурентов в соответствующих секторах. В рейтинге 1000 крупнейших компаний, осуществляющих исследования и разработки, представлены только 3 российские компании: ОАО «Газпром» (108-е место по абсолютному объему затрат на исследования и разработки, доля затрат на них в выручке – 0,6%), ОАО «Автоваз» (758-е место, 0,8%), ОАО «Ситроникс» (868-е

Рис. 1. Относительные расходы на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (в % от ВВП)

место, 2,6%) [26].

Для сравнения: доля расходов на исследования и разработки в бюджетах компаний-лидеров мировой автомобильной индустрии более чем в 6 раз выше, чем у российского автопроизводителя: у General Motors (2-е место в рейтинге по объему затрат на исследования и разработки) она составляет 4,4% от выручки, у Toyota (4-е место в рейтинге) - 3,9%. Для ведущих мировых телекоммуникационных компаний соотвествующий показатель в десять раз выше, чем у российского лидера: так, у компании у Qualcomm (США, 43-е место в рейтинге) он составляет 20,6% от выручки [46].

Несмотря на то, что в условиях кризиса доля инновационно активных предприятий в России даже несколько выросла (с 8,0% в 2008 г. до 9,4% в 2009 г.), в целом ситуация остается неблагоприятной. Большинство предприятий, столкнувшись с необходимостью жесткой оптимизации издержек, в первую очередь экономят на развитии, откладывая на неопределенное будущее инновационные проекты, расходы на НИОКР и перевооружение. За последние годы был реализован ряд важных мер в рамках инновационной политики - по улучшению бизнес-среды, стимулированию компаний к инновациям, развитию различных инструментов поддержки технологической модернизации, однако, при наличии отдельных улучшений, сохраняется фрагментарность и неустойчивость общего прогресса в данной сфере. К числу ключевых проблем в формировании и реализации государственной инновационной политики можно отнести следующие.

1. Недостаточное качество бизнес-среды, сохранение неразвитости условий для справедливой конкуренции на рынках, а также за получение государственной поддержки.

2. Сохранение значительных барьеров для распространения в экономике новых технологий, обусловленных отраслевым регулированием, процедурами сертификации, таможенным и налоговым администрированием и иными, в том числе коррупциогенными факторами.

3. Недостаточность усилий региональных и муниципальных властей по улучшению условий для инновационной деятельности. Некоторые российские регионы демонстрируют существенный прогресс в формировании благоприятных условий для инновационного бизнеса, в развитии различных инструментов поддержки инноваций, однако весьма медленно идет процесс межрегионального распространения лучших практик.

4. Взаимодействие бизнеса и государства в формировании и реализации инновационной политики пока не носит достаточно регулярного

Рис. 2. Доля предприятий, осуществляющих разработку и внедрение технологических инноваций от общего числа предприятий национальной промышленности (в %)

характера, не обеспечивает сбалансированного представления интересов различных инновационно-активных предприятий, особенно в слабо концентрированных и в новых формирующихся секторах.

5. Недостаточная эффективность инструментов государственной поддержки инноваций: ограниченная гибкость, неразвитость механизмов распределения рисков между государством и бизнесом, слабая ориентированность на стимулирование связей между различными участниками инновационных процессов, на формирование и развитие научно-производственных партнерств. Различные непроизводительные издержки небольших компаний на получение прямой государственной поддержки при реализации инновационных проектов весьма высоки, а возможности федеральных органов исполнительной власти администрировать предоставление поддержки по множеству некрупных проектов крайне ограничены. До настоящего времени такого рода проблемы в некоторой мере решались, в том числе предоставлением поддержки по соответствующим региональным программам. Пока отсутствует значимый прогресс в реализации различных механизмов поддержки инновационной деятельности предприятий через отраслевые бизнес-ассоциации.

6. Отсутствие работоспособных механизмов регулярного выявления неэффективных или морально устаревших инициатив и последующего «свертывания» таких инициатив. Развитие благоприятной для инноваций среды является одной из ключевых задач государственной экономической политики. Бизнес должен функционировать в таких условиях, когда постоянные инновации становятся неотъемлемым элементом цивилизованной конкуренции между компаниями, когда именно инновационно-активные компании получают долгосрочные преимущества на рынке и в этой связи их собственники заинтересованы в результативных инновациях, когда инновационное предпринимательство пользуется уважением со стороны общества.

В то же время формирование гармоничной инновационной среды – процесс сложный и длительный, требующий обновления (иногда принципиального) ряда существующих институтов. Фундаментом перехода экономики на инновационный путь развития должно являться, прежде всего, кардинальное повышение инновационной активности бизнеса. В этой связи меры по развитию инновационной среды должны, особенно на начальных этапах, сочетаться с мерами защиты и поддержки инновационной деятельности компаний, старта новых инновационных бизнесов, по стимулированию связей между различными участниками инновационных процессов (например, между крупными компаниями и малым и средним бизнесом, между научно-образовательными организациями и бизнесом).

В процессе реализации такой государственной инновационной политики необходимо предпринимать дополнительные меры по повышению качества взаимодействия различных сторон (бизнеса, науки, государства, общества), по развитию инструментов частно-государственного партнерства.

На протяжении нулевых годов XXI века внутренние затраты на исследования и разработки в Российской Федерации в абсолютных цифрах неуклонно возрастали, и увеличились с 48 млрд. рублей в 1999 году до 660 млрд. рублей в 2011 году (1% ВВП). В итоге Россия входит в первую десятку ведущих стран мира по общему объему таких затрат, хотя и существенно отстает от лидеров по такому показателю, как доля затрат исследования и разработки в ВВП (1% в России по сравнению с 3,3% - в Японии, 2,7% - в США, 2,3% - в Германии и 3% - в Южной Корее) [63]. Росло финансирование всех видов исследований: например, объем затрат на исследования и разработки в вузах, с 2002 по 2009 год вырос с 5,4 млрд. руб. до 30,8 млрд. руб. В итоге, если по такому показателю, как объем расходов на исследования и разработки в расчете на душу населения Россия в начале 2000-х годов отставала от всех высокоразвитых государств и многих стран Восточной Европы, то концу десятилетия этот разрыв удалось если не преодолеть, то существенно сократить. (В случае с Чехией, например, разрыв сократился с троекратного до двукратного) [47].

По абсолютным масштабам своего исследовательского сектора Россия по-прежнему занимает одно из ведущих мест в мире, уступая лишь Китаю, США и Японии. Однако по числу исследователей на 1000 занятых в экономике Россия уступает более чем двадцати

государствам, в том числе Финляндии, Франции, Германии, США Японии и др. Рост общих объемов финансирования, с одной стороны, и сокращение численности исследователей, с другой, способствовали заметному повышению уровня внутренних затрат на исследования и разработки в расчете на одного исследователя в России, достигших уже к 2009 г. 60,1 тыс. долл. США (по ППС). По этому показателю наметилось сокращение отставания России от ведущих стран мира, хотя оно остается значительным: от Китая – в 1,3 раза, от Франции – в 3,3 раза, от США – в 4,4 раза [46].

До сих пор сложной остается кадровая проблема - ситуация в части преодоления разрыва поколений, сформировавшегося в российской науке в 1990-х годах. Хотя в 2000-2010-е годы доля ученых в возрасте до 29 лет в общей численности исследователей росла, но параллельно вплоть до 2006 г. не происходило роста следующей возрастной категории (30-39 лет), что означает неспособность многих исследовательских организаций удержать молодых специалистов. Одновременно доля исследователей в возрасте 60 лет и старше выросла за 8 лет с 20,8% до 25,2%.

Таким образом, в настоящее время существует ряд негативных тенденций в области инновационного развития национальной экономики, который определяет необходимость корректировки проводившейся до настоящего времени политики в сфере инноваций, смещения акцентов с наращивания общих объемов поддержки по всем составляющим национальной инновационной системы на радикальное повышение их эффективности, концентрацию усилий государства на решении критических для инновационного развития проблем. Несмотря на имеющиеся недостатки и негативные тенденции, инфраструктура инновационной деятельности в стране является динамичной и в целом достаточно развитой: за последние 10 лет по всей стране при поддержке государства созданы сотни объектов инновационной инфраструктуры – технопарков, бизнес-инкубаторов, центров трансфера технологий, центров коллективного пользования и т.д.

Список литературы

1. Путин В.В. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации. 12 декабря 2012 г., Москва, Кремль [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://news.kremlin.ru/news/17118
2. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ (в ред. от 03.12.2012) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1998. – № 31. – Ст. 3824.
3. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05 августа 2000 г. № 117-ФЗ (в ред. от 30.12.2012) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2000. – № 32. – Ст. 3340.
4. Федеральный закон Российской Федерации от 27 июля 2010 г. № 220-ФЗ «О национальном исследовательском центре «Курчатовский институт» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2010. – № 31. – Ст. 4189.
5. Федеральный закон Российской Федерации от 28 сентября 2010 г. № 244-ФЗ «Об инновационном центре «Сколково» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2010. – № 40. – Ст. 4970.
6. Постановление Правительства Российской Федерации от 09 апреля 2010 г. № 219 «О государственной поддержке развития инновационной инфраструктуры в федеральных образовательных учреждениях высшего профессионального образования» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2010. – № 16. – Ст. 1906.
7. Постановление Правительства Российской Федерации от 13 июля 2009 г. № 550 (ред. от 12.08.2011) «О конкурсном отборе программ развития университетов, в отношении которых устанавливается категория «национальный исследовательский университет» (вместе с «Положением о конкурсном отборе программ развития университетов, в отношении которых устанавливается категория «национальный исследовательский университет») // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2009. – № 29. – Ст. 3683.
8. Постановление Правительства Российской Федерации от 24 августа 2006 г. № 516 «Об открытом акционерном обществе «Российская венчурная компания» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 35. – Ст. 376.
9. Постановление Правительства Российской Федерации от 28 февраля 2008 г. № 127 «О направлениях, порядке и условиях инвестирования, предельном размере инвестируемых временно свободных средств государственной

корпорации «Российская корпорация нанотехнологий» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2008. – № 9. – Ст. 860.
10. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 02 декабря 2011 г. № 2161-р «О внесении изменений в Распоряжение Правительства Российской Федерации от 20.10.2010 №1815-р» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 51. – Ст. 7543.
11. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 27 декабря 2012 г. № 2538-р «Об утверждении Программы фундаментальных научных исследований в Российской Федерации на долгосрочный период (2013 - 2020 годы)» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2012. – № 53 (ч. 2). – Ст. 8042.
12. Распоряжение Правительства РФ от 17 ноября 2008 г. № 1662-р «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» (ред. от 08.08.2009) (вместе с «Концепцией долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года») // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2008. – № 47. – Ст. 5489.
13. Стратегия развития науки и инноваций в Российской Федерации на период до 2015 года (утв. Межведомственной комиссией по научно-инновационной политике (протокол от 15.02.2006 № 1) / Документ опубликован не был.
14. Абалкин Л. Роль государства в становлении и регулировании рыночной экономики. // Вопросы экономики. – 1997. – № 6.
15. Абалкин Л.И. Экономическая безопасность России // Социально- политический журнал. – 1997. – № 5. – С. 2-14.
16. Александров Н.Н. Государственное регулирование рыночной экономики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http:// GOS-REGULIROVANIE_1/pdf
17. Александров Р.А., Горбашев В.В., Ильичев В.В., Кондрат И.Н. Терроризм и наркобизнес: финансово-экономическая обусловленность // Правовое поле современной экономики. – 2011. – № 3. – С. 28-30.
18. Артамонова Г.К., Горбашев В.В., Оль Е.М., Реуф В.М., Яковлев О.Н. Эффективность государственной политики и правовое регулирование // Правовое поле современной экономики. – 2012. – №7. – С. 50-55.
19. Бабашкина А.М. Государственное регулирование национальной экономики: Учебное пособие. – М.: Финансы и статистика, 2003.
20. Галкин Д.В. Роль органов внутренних дел в обеспечении финансовой безопасности государства // Актуальные проблемы предупреждения правонарушений в сфере общественного порядка и общественной безопасности: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, 14-15 мая 2009 г. – Хабаровск: Дальневост. юрид. ин-т МВД России, 2009.
21. Гер О.Е. Экономические и политические реформы в Российской Федерации: практика проведения и итоги // Правовое поле современной экономики. – 2012. – №10. – С. 12-21.
22. Глазьев С.Ю. О стратегии развития российской экономики. – М., 2010.
23. Городецкий А.Е., Хоминич И.П. Финансовая безопасность: новые угрозы и вызовы в условиях глобализации // Вестник АНП РФ. Вып. 3. – М., 2003.
24. Государственный интернет-канал «Россия» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.vesti.ru/doc.html?id=414734
25. Гохберг Л.М., Кузнецова И.А. Новая инновационная политика в контексте модернизации экономики // Форсайт. – 2010. – № 3.
26. Данные исследований фонда «ИНДЕМ» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.indem.ru
27. Егоршин В.М. Проблемы обеспечения экономической безопасности в современной России (теоретико-правовые вопросы). – СПб., 1998.
28. Егоршин В.М. Экономика и государство (настоящее и будущее) // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 10. – С. 77-99.
29. Егоршин В.М. Экономическая безопасность и экономическая преступность в современной России. – СПб.: Петровский фонд, 1999.
30. Егоршин В.М., Колесников В.В. Преступность в сфере экономической деятельности. – СПб.: Фонд «Университет», 2000.
31. Захарцев С.И. Право и истина // Мир политики и социологии. – 2012. – №9. – С. 146-152.
32. Зоиров Д.М., Колокольцев В.А. Организационно-правовой механизм обеспечения национальной и коллективной безопасности стран-участников СНГ // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2003. – № 1(17). – С. 111-117.
33. Золотухин А.П., Соболь И.А. Социально-правовая система противодействия экономической преступности как фактор обеспечения экономической безопасности общества // Мир политики и социологии. – 2012. - №10. – С. 111-116.
34. Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П., Степашин С.В. Экономическая безопасность России: концепция – правовые основы – политика. – СПб.: Фонд «Университет», 2002.

35. Клещенко Ю.Г., Савченко М.М. Финансовый контроль как один из факторов обеспечения финансовой безопасности // Финансовое право. – М.: Юрист, 2009. – № 5.
36. Козлихин И.Ю. Право и политика. – СПб., 1996.
37. Колесников В.В., Борисов О.А., Быков В.Н. Коррупция как экономический институт и угроза безопасности России / Науч. ред. В.В. Колесников. – СПб., 2010.
38. Кондрат Е.Н. Финансовая безопасность России в современном мире: теоретико-методологические аспекты: Монография. – М.: Локус Станди, 2010. – 216 с.
39. Кондрат Е.Н. Финансовая безопасность России в условиях кризиса: Монография. – М., 2011.
40. Малько А.В. Теория правовой политики. – М.: Юрлитинформ, 2012. – 328 с.
41. Михайлик А.Г., Сальников М.В. Геополитические и ресурсно-экономические детерминанты функционирования современного государства: политико-правовой анализ // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2002. – № 3(15). – С. 9-14.
42. Морозова Н.И. Государственное регулирование экономики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.uecs.ru/uecs-23-232010/item/180-2011-03-23-09-08-55.
43. Морозова Т.Г., Дурдыев Ю.М., Тихонов В.М. Государственное регулирование экономики: Уч. пособ. для вузов / Под ред. Т.Г. Морозовой. – М.: ЮНИТА-ДАНА, 2002.
44. Правовая политика. Словарь и проект концепции / Под ред. А.В. Малько. – Саратов, 2010.
45. Россия вступает в гонку за мировыми лидерами [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://nb-media.ru/main.php?id=1&nid=6049
46. Росстат, Группа восьми в цифрах, 2010-2012 гг. – М., 2012.
47. Росстат, Россия и страны – члены Европейского Союза, 2010 – 2012 гг. – М., 2012.
48. Селиванов А.И. Научное обеспечение создания и функционирования системы финансовой безопасности Союзного государства России и Белоруссии // Основные направления обеспечения финансовой безопасности государств – участников Договора о создании Союзного государства: Материалы межгосударственной научно-практической конференции. 18 декабря 2008 г. – М., 2009.
49. Сенчагов В.К. Экономическая безопасность России: Общий курс. – М.: Дело, 2005.
50. Тормышева Т.А. Возможно ли в России построить национальную инновационную систему? // Сайт Российской ассоциации инновационного развития [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.rair-info.ru/publication/publication16/
51. Фирсов И.В. Методология государственного регулирования экономики России в условиях перехода на инновационный путь развития и экономическая безопасность государства // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 8. – С. 88-102.
52. Хабибулин А.Г. Финансовая безопасность России на современном этапе: проблемы обеспечения // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 8. – С. 103-109.
53. Хабибулина А.А. Актуальность административно-правового регулирования взаимодействия ФСБ России с иными федеральными органами исполнительной власти в сфере обеспечения финансовой безопасности // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – №9. – С. 44-48.
54. Хабибулина А.А. Правовое регулирование взаимодействия федеральных органов исполнительной власти при обеспечении финансовой безопасности страны // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 9. – С. 79-84.
55. Хабибуллин А.Г., Селиванов А.И. Стратегическая безопасность российского государства: политико-правовое исследование. – М., 2008.
56. Чеченов А.А., Калов З.А., Казанчева Х.К. Проблемы государственного регулирования экономической системы // Современные наукоемкие технологии. – 2006. – № 1.
57. Экономическая безопасность Российской Федерации: Учебник для вузов. Ч. 1 / Под общ. ред. С.В. Степашина. – М.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2001.
58. Экономическое развитие современной России: Монография / Под ред. Н.В. Яремчука. – М.: Премьера, 2006.
59. Яремчук Н.В. Экономический рост: Монография. – М.: МПА-Пресс, 2004.
60. Ясин Е. Перспективы Российской экономики: проблемы и факторы роста // Вопросы экономики. –2002. – № 5.
61. Ясин Е.Г. Российская экономика. Истоки и панорама рыночных реформ. – М.: ГУ ВШЭ, 2002.
62. http://oecdru.org/oecd_i.html
63. Internationk monetary fund, battelle, r&d magazine // http://www.moluch.ru/archive/40/4815/

ИКОННИКОВА Ида Семеновна,
технический редактор отделения полиграфической и оперативной печати Редакционно-издательского отдела Санкт-Петербургского университета МВД России,
Заслуженный работник культуры Российской Федерации
E-mail: ikonnikova-is@yandex.ru

Специальность 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

М.М. СПЕРАНСКИЙ В ИНТЕРЬЕРЕ ЛИЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ И ПРАВОВАЯ ЖИЗНЬ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Аннотация. *Статья посвящена анализу личной библиотеки выдающегося государственного деятеля России, родоначальнику русской научной правовой мысли, яркому представителю высшей бюрократической элиты страны, реформатору, талантливому кодификатору, педагогу, философу, юристу, поэту, незаурядному человеку – М.М. Сперанскому. Современник великого реформатора, академик А.В. Никитенко, в воспоминаниях «О Сперанском» поставил его в один ряд с Ломоносовым и Карамзиным.*

Автор предлагает посмотреть на исторический путь М.М. Сперанского и увидеть, какую роль в жизни этого человека, его государственном и научном творчестве сыграла личная библиотека, как книги из этой библиотеки помогали ученому и государственному деятелю составлять «Свод законов Российской Империи» и «Уложений Кодексов», действовавших до 1917 года, как исследователь пользовался конкретными книгами из личной библиотеки при подготовке трудов: «Введение к Уложению государственных законов»; «Руководство к познанию законов»; «Обозрение исторических сведений о Свободе законов»; «Записка об устройстве судебных и правительственных учреждений в России»; «О несовместимости юстинианской системы с российским законодательством» и многих других.

Интересно в статье представлено отношение М.М. Сперанского к творчеству Ш. Монтескье (О духе законов), Николо Макиавелли, А. Смита, И. Бентома, Д. Гома, Г. Филанджери, Дж. Стюарда и других ученых. Опираясь на труды Аристотеля, Г. Гроция, Пуффендорфа и других исторических авторитетов, он утверждал в своих исследованиях передовые для своего времени (да и для сегодняшнего дня) идеи разделения властей, торжества закона, подчинения ему всех государственных структур.

Вызывает несомненное желание познакомиться с прикосновением М.М. Сперанского к творчеству известных немецких, да и не только немецких, философов: Э. Канта, Гегеля, Ф.В. Шеллинга, Б. Спинозы, Д. Юма, Р. Декарта и других; увидеть его интерес к литературе по филологии и педагогике, православным источникам, к творчеству А.С. Пушкина. Интересны и отношения двух талантливых людей М.М. Сперанского и А.С. Пушкина, влияние М.М. Сперанского на судьбу Лицея в Царском селе. Все это мы находим в предлагаемой статье. Она, несомненно, заинтересует философов, социологов, юристов, ученых и практиков, государственников и всех тех, кто любит книгу.

Ключевые слова: *государственник; мыслитель; реформатор; незаурядный человек; гений бюрократии; родоначальник русской правовой науки; кодификатор; личная библиотека.*

IKONNIKOVA I.S.

M.M. SPERANSKY IN THE INTERIOR OF PRIVATE LIBRARY AND LEGAL LIFE OF THE RUSSIAN SOCIETY

The summary. *The article is concerned with an analysis of the private library of the conspicuous statesman of Russia, the founder of Russian scientific legal thought, brilliant representative of the top bureaucratic elite of the country, reformer, talented codificator, educationist, philosopher, poet, an outstanding person – M.M. Speransky. A contemporary of the great reformer, the academician A.V. Nikitenko, in his memoirs "On Speransky" placed him on a par with Lomonosov and Karamzin.*

The author suggests to look at the historical way of M.M. Speransky and see which role in the life of this person, his state and scientific work was played by the private library, how the books from this library helped the scientists and statesman to codify the "Complied statutes of the Russian Empire" and "Codes" which were applicable until 1917, how the researcher used specific books from his private library in preparing his works: "Introduction to the Code of state laws"; "Guide to the knowledge of laws"; "Review of historical information on Freedom of laws"; "Note on the establishment judicial agencies and governmental institutions in Russia"; "On the incompatibility of Justinian system with the Russian legislation" and many others.

It is of interest how the article presents the attitude of M.M. Speransky to the works of Ch. Montesquieu (On the spirit of the laws), Niccolò Machiavelli, A. Smith, J. Bentham, D. Gomme, G. Filangieri, J. Steward and other scientists. Based on the works of Aristotle, H. Grotius, Pufendorf and other historical authorities he asserted in his researches advanced for his time (and even for today) ideas of division of powers, rule of law, subordination of all state structures to it.

Undoubted desire is caused by the wish to get acquainted with the touch of M.M. Speransky to the creative work of famous German, and not only German, philosophers: I. Kant, Hegel, F.W. Schelling, B. Spinoza, D. Hume, R. Descartes and others; to see his interest in literature on philology and pedagogics, orthodox sources, A.S. Pushkin's creative works. The relations of two talented people, M.M. Speransky and A.S. Pushkin are also interesting, as well as M.M. Speransky's influence on the fate of the Lyceum in Tsarskoye Selo. We find all of this in the proposed article. It will undoubtedly be of interest to philosophers, sociologists, lawyers, scientists and practitioners, state officers and all those who love the book.

Key words: *state officer; thinker; reformer; person; bureaucracy genius; founder of Russian legal science; codificator; private library.*

«Сперанский был совершенно исключительным явлением в нашей высшей администрации»…
С.М. Середонин, 1909 г.

Домашняя библиотека зачастую способна рассказать о своем владельце больше, чем люди близкие, друзья и сослуживцы.

Незаурядная библиотека может принадлежать только незаурядному человеку. Таковым был Михаил Михайлович Сперанский – великий государственник – реформатор, родоначальник русской правовой науки, кодификатор, создавший новые формы права. Кроме того – педагог, философ, поэт, на долю которого выпала звездная и трагическая судьба [2; 3; 4; 5; 10; 13; 14; 15; 16].

Чем дальше уходит от нас период его жизни (1772 – 1839 гг.), тем удивительнее и значительнее видится фигура гения бюрократии – в правильном понимании этого слова: как системы управления.

«Формирование бюрократической элиты, – пишет В.П. Сальников, – означает приход к власти и управлению в обществе экспертов-профессионалов, принимающих оптимальные решения, действия которых предсказуемы и контролируются властью, основанной на бесстрастных формальных правилах и процедурах. Эти действия подкреплены жесткой дисциплиной. В бюрократической элите власть деперсонализируется, обезличивается, то есть перестает быть привилегией данного конкретного лица, а становится функциональными обязанностями, соответствующими должности.

В такой системе чиновники лично свободны и подчиняются только служебному долгу, а также:

- имеют устойчивую служебную иерархию и твердо определенную служебную компетенцию;
- работают на основе контракта, то есть свободного выбора в соответствии со специальной классификацией;
- вознаграждаются постоянными денежными окладами;
- рассматривают свою службу как главную профессию;
- делают свою карьеру в соответствии со старшинством по службе или в соответствии со способностями;
- не могут присвоить себе чужие служебные места;
- подчиняются строгой служебной дисциплине» [9].

И вот к представителям такой бюрократической элиты и относился М.М. Сперанский, представляя ее на самом высшем и прекрасном позитивном уровне.

Рожденному в бедной семье сельского священника дорога была обозначена: духовная семинария и сельский приход.

С семи лет принимают его во Владимирскую епархиальную семинарию под фамилией Сперанский (от латинского «подающий надежды»). Программа обучения семинаристов включала, кроме богословских дисциплин, риторику, математику, физику, философию и языки: русский, латинский, древнегреческий.

Среди самых способных семинаристов Михаил Сперанский проявил необычайную одаренность. Вскоре он был переведен в Санкт-Петербургскую Александро-Невскую семинарию, ставшую затем Духовной Академией.

В семинарии была богатейшая библиотека. Юный Сперанский окунулся в мир серьезной литературы и не просто читал, а впитывал и глубоко обдумывал прочитанное. С юных лет попал он под власть умных книг. А они привели его к созданию законов и книг о власти.

Стремительной была служебная карьера молодого поповича. Но этот взлет не был случаен. Стартовой площадкой стали энциклопедические познания Сперанского в различных областях наук, особенно правовых и государствоустроения, и его необыкновенное трудолюбие. Он работал по 18 часов в сутки, к тому же свободно владел европейскими современными и древними языками.

Что по «Табели о рангах» [2] должно было в карьерном росте занять более двадцати лет, у Сперанского заняло чуть белее двух лет: от личного секретаря князя А.Б. Куракина до товарища министра юстиции, Директора комиссии по составлению законов, а позднее – Секретаря Государственного Совета, второго лица после императора.

В своей реформаторской, кодификационной, преподавательской деятельности Сперанский активно использовал свою личную научную богатейшую библиотеку.

Ученый сам комплектовал ее с юных лет трудами и документами на английском, немецком, французском, латинском, древнегреческом и других языках.

В двадцать с небольшим лет, будучи семинарским преподавателем математики и риторики, он читал на латыни Ньютона, а труды европейских философов – в подлинниках.

Что же представляет собой библиотека Сперанского и какую роль она играла, находясь под рукой владельца?

К счастью, сохранился рукописный каталог этого замечательного собрания книг в Императорской Публичной библиотеке. Он и дает ответы на поставленные вопросы. Каталог отражает всю глубину проникновения мысли великого реформатора в каждую из проблем, которыми он занимался. Его дарования и редкое трудолюбие волею судеб были отмечены тремя Императорами, которым он как государственник служил, тем самым служа Отечеству. «Он был не простой исторической личностью, но явлением…, - писал В.А. Томсинов, исследователь жизни

и деятельности М.М. Сперанского, - самым выдающимся умом в истории России» [14].

Из каких источников черпал свои идеи этот государственный ум, перекладывая опыт иных народов на родную русскую почву – дает ответ рукописный каталог его библиотеки. Из этих неиссякаемых источников получал ученый сведения о возникновении и падении государств, о человеческом опыте, мудрости и человеческих ошибках. Он осмысливал, сопоставлял судьбы, нравы и законы разных стран и разных народов. А потом из-под его пера выходили «Руководство к познанию законов» [18], «Введение к Уложению государственных законов» [12], «Записка об устройстве судебных и правительственных учреждений в России» [19] и многое другое.

Самый большой раздел библиотеки родоначальника русской правовой науки – «Rechtwissenschatt» - «Правовые знания» включал 358 наименований изданий.

Древнейшие из них – салические законы или Салическая правда начала шестого века нашей эры. Они созданы салическими (приморскими) франками: древнегерманскими племенами. Это одна из ранних варварских «правд». Она делится на титулы (главы), содержит перечень преступлений и соответствующих им наказаний (в основном штрафы).

По этим текстам прослеживаются родовые отношения франков: наследования сородичей, наказания за кражу хлеба, сена, скота, рабов. Титул «О переселенцах», например, дает представление о деревне как общине.

Внимательно изучал Сперанский Дигесты Юстиниана (533 год) [20]. Слово «Дигесты» означает «привожу в порядок». Это главнейшая часть свода римского гражданского права, составлена при императоре Юстиниане II, который проводил кодификацию римского права. Дигесты включают в себя отрывки из сочинений юристов по римскому праву и сочинения практического характера. Они делятся на пятьдесят книг, состоящих из 432 титулов, а титулы состоят из 8000 фрагментов.

В работе Сперанского «О несовместимости юстинианской системы с российским законодательством» он предстает как теоретик российского права и как патриот Отечества, высоко оценивающий законы российские.

Активно пользовался реформатор трудами известных европейских юристов первой четверти и тридцатых годов 19 века. Среди них представители исторической школы права: профессора Берлинского университета, например, известного германского университета Ф.К. Савиньи, автора шеститомника «Системы современного римского права» [8]; его последователя Г.Ф. Пухты, автора «Обычного права» [7]. Профессор Пухта признавал в праве национальные и общие начала. Их английского современника И. Бентама [1], исходившего в учении о государстве из принципа пользы, специалиста по судоустройству. У него по этой проблеме консультировался император Александр I.

Библиотека Сперанского включала все французские кодексы, в том числе два парижских издания разных лет кодекса Наполеона 1804 года [21], юридически закрепившего капиталистические отношения.

Главным подвигом жизни Сперанского биографы назовут составление «Свода законов Российской империи» и Уложений (кодексов), действовавших до 1917 года [23]. Но ценны все научные труды реформатора: «Введение к Уложению государственных законов», «Руководство к познанию законов», «Обозрение исторический сведений о Своде законов» и многие другие.

В 19 лет Сперанский читал популярную в Европе книгу Ш. Монтескье «О духе законов» [22]. Он поддерживал позицию Монтескье о разделении властей. Не случайно в разделе личной библиотеки «Staatwissenschrt» - «Наука о государстве» было собрано 210 наименований научных работ европейских ученых: два собрания сочинений Ш. Монтескье, на которых реформатор неоднократно ссылался в своих работах. Не случайны были там и сочинения итальянского политического мыслителя, историка, военного теоретика Николо Макиавелли.

Интересовали Сперанского вопросы в государственном смысле – финансов и экономики. В его библиотеке занимали свое место труды Адама Смита, крупнейшего представителя английской школы политической экономики, в том числе его «исследование о природе и причинах богатства народов». Сперанский разделял идеи А. Смита и не без их влияния разработал «План финансов» [11] по ликвидации бюджетного дифицита.

В 1802 году Сперанский, работая над статьей о конституции, проделал огромную

исследовательскую работу по европейским источникам, имевшимся в его библиотеке: произведениям И. Бентама, Ш. Монтескье, Д. Гома, Г. Филанджери, Дж. Стюарта и других ученых. Во «Введении в Уложению государственных законов» есть указание реформатора на изучение им всех существующих в мире конституций.

Опираясь на исторические авторитеты – на труды Аристотеля, Гроция, Пуффендорфа и других, Сперанский утверждал в своих трудах передовые для своего времени идеи разделения властей, торжества закона, подчинение ему всех государственных структур.

Несмотря на колоссальную занятость работой над проектами реформ, он с юности и всю жизнь увлечен просветительской философией. Раздел его книжного фонда «Philosophie» - «философия» включал 109 наименований книг. Понятие добра и зла, истины и правды, предназначения человека в земной жизни, его духовная природа – на эти вопросы ученый искал ответы в трудах древних и современных философов.

Ему принадлежало два собрания сочинений Э. Канта, родоначальника немецкого идеализма, конца 18 – начала 19 века – на немецком и французском языках; собрание сочинений Г.-В.-Ф. Гегеля, крупнейшего немецкого ученого-идеалиста, сторонника «феноменологии духа» - название одного из его произведений. Труды Ф.В. Шеллинга, представителя классического немецкого идеализма: его натурфилософия имела большой успех. Под рукой был «Богословско-политический трактат» Б. Спинозы, собрание сочинений английского ученого Д. Юма, написавшего книгу о природе человека, труды Р. Декарта с его «Правилами для руководства ума» [17] и другие источники.

В своих философских работах Сперанский писал: «Три рода сил действуют во вселенной: силы физические, силы умственные и силы нравственные. Общее начало – в Боге!»

М.М. Сперанский был человеком глубоко верующим и жизнь свою прожил как православный христианин. Это нашло отражение в его реформаторской и творческой деятельности, а также в личной жизни.

Женившись очень молодым по сильной любви, он был необыкновенно счастлив. Но через 11 месяцев после венчания, родив дочку, жена его безвременно погибла. Тяжело переживая потерю, Сперанский остался верен своей первой любви и посвятил свою личную жизнь воспитанию дочери.

Когда завистники реформатора начали плести вокруг него паутину интриг и Сперанский был отправлен в ссылку, он в письмах занимался формированием ума, интересов и характера любимой дочери, ее жизненных принципов и понятий.

Из Тобольска он ей писал: «Молись! Мне нужна твоя молитва более в радости, чем в печали». В другом письме: «Добрая книга, умный разговор, вкус к музыке – словом – науки суть ангелы-хранители добрых нравов». Находясь в ссылке в Пензе, Сперанский очень много времени проводил в чтении святоотеческой литературы. В трудный период жизни искал он в Саровской пустыни силы внутреннего христианства.

В разделе его библиотеки «Religion» - «Религия» насчитывается 199 наименований. Среди них Библия на древнеевропейском, латинском и чешском языках. Специально для лучшего понимания Библии овладел европейским языком.

Сперанский и сам писал по религиозным вопросам и делал переводы. Так с латинского перевел труды Фомы Кемпийского, автора известной книги «О подражании Христу». Будучи членом комитета для изыскания способов усовершенствования духовных училищ и к улучшению содержания духовенства, Сперанский составил «Устав духовных училищ», решал положительно многие вопросы самообеспечения церквей и содержания духовенства. За активную работу в этом направлении он был пожалован орденом святого равноапостольного Владимира II степени.

Свой интерес к истории православия Сперанский проявлял в своих научных исследованиях. Например, в работе «Сербское житие Феодосия Печерского», оригинального древнерусского произведения киевской литературы. Только неутолимая жажда учения и необыкновенные способности подвигли его из духовного звания перейти на государственную службу. Слова Сперанского: «Человек есть то, что он есть перед Богом; ни более, ни менее» раскрывают его понятие о взаимоотношении человека с Богом.

С юных лет став педагогом, а позднее преподавателем в созданной им высшей юридической школе и обучая праву императорского наследника Александра II, Сперанский довольно много места отвел разделу библиотеки «Philolo-

gie und pedagogic» - «филологии и педагогики»: 285 названий: Издания на древнегреческом, латинском и других языках. И все это читалось, обдумывалось, рождало новые идеи: древнегреческий поэт Гомер с его «Иллиадой» и «Одиссеей», древнегреческие драматурги Эсхил и Сафокл, древнегреческий автор первого исторического труда Геродот. А также Платон – «Государство и законы», его ученик Аристотель, классик античной фолософии, учитель Александра Македонского; древнеримские поэты Вергилий и Гораций; трактаты и речи Цицерона и много других имен. У этих учителей было что перенять человеку, про которого его биограф барон М. Корф сказал: «Сперанский соединил в себе два противоположных качества: ученого и поэта».

Не удивительно, что очень доверительные отношения сложились у М.М. Сперанского с А.С. Пушкиным, которого он глубоко уважал. В письмах дочери Елизавете Михаил Михайлович рассказывал о своих общениях с поэтом. В письме (1821г.) рассказал ей о сенсации года – выходе в печати поэмы «Руслан и Людмила» и дал оценку личности Пушкина: «… имеет замашку и крылья гения».

1834 год Пушкин встречал у Сперанского. Они вели откровенный разговор о Пугачеве, о Собрании законов, затрагивали другие темы, интересные двум гениям. Ранее Сперанский помог Пушкину издать «Историю Пугачевского бунта» в лучшей типографии С-Петербурга, что подтверждает их взаимопонимание. К тому же оба были патриотами родного им русского языка.

Работая над важнейшими государственными документами, Сперанский поражал всех точностью донесения в них своих идей и блестящего воплощения идей в проекты. Легко и изящно создавал он новый четкий стиль канцелярских документов взамен многословного, тяжеловесного и запутанного изложения. Для написания философских, исторических и иных авторских произведений Сперанский всю жизнь пользовался русским языком.

Еще юношей он написал и издал учебник «Риторика», по которому училось не одно поколение семинаристов.

Академик А.В. Никитенко, современник великого реформатора, в «Воспоминаниях о Сперанском» [6] поставил его в один ряд с Ломоносовым и Карамзиным: «Сперанский распоряжался средствами отечественного языка с полной властью, свойственной высшим дарованиям и высшим идеям».

Заботясь о благе Отечества, не понаслышке зная уровень жизни русского народа, степень его образованности, общей культуры, в декабре 1808 года Сперанский представил императору Александру I свою записку «Об усовершенствовании общего народного воспитания». Он понимал: «Законы без нравов не могут иметь полного действия».

Кроме того, находясь в среде чиновников-управленцев, он наблюдал их довольно низкий профессиональный уровень. Поэтому, решил начать образование и воспитание с верхних управленческих эшелонов, представил также императору «Предварительные правила для специального лицея» - учебного заведения подготовки чиновников для МВД и других центральных ведомств. Таковой и был открыт в 1811 году в Царском селе, где Р.Г. Державин слушал на экзамене юного Пушкина. Его окончила плеяда чиновников разных ведомств: А.М. Горчаков, И. Пущин, В. Кюхельбекер и множество других, ставших гордостью России и образцом высокого профессионализма на высоких государственных постах.

Раздел библиотеки «Geschichte, Geographie und Statistik» - «История, география, статистика» - включает 300 наименований изданий. Без этих наук реформатору было не обойтись. В числе авторов – Б. Нибур, видный датский историк античности; Ж. Сисмонди, французский историк и экономист; Э. Гиббон, английский историк, автор многотомной «Истории упадка и разрушения Римской империи». Кроме того, Ж. Мишле, французский историк, отказавшийся присягнуть Наполеону III, за что был лишен профессорской кафедры; литература по истории революции во Франции, биографии Наполеона, многое другое.

Иногда отнесение литературы к разделу носило условный характер из-за востребованности изданий в разных видах наук.

Последний раздел библиотеки Сперанского «Literatur und kunst» - «Литература и искусство» - включал 50 наименований. Среди них великие поэты 16 века – итальянец Л. Аристо, португалец Л. Камюэнс, писатель и философ М. Монтень, автор знаменитых «Опытов». Здесь же собрание сочинений великого француза Ж.- Ж. Руссо, русский писатель Ф. Булгаков, автор «Воспоминаний» и исторических романов.

Собирал Сперанский также книги по астрономии, математике, горному делу, природоведению, медицине, географические атласы.

Когда недоставало какого-либо издания в богатейшей личной библиотеке, ученому по его просьбе во временное пользование доставляли необходимое из Императорской Публичной библиотеки. Кстати, осенью 1810 года им был разработан важнейший документ «Положение об управлении Императорской Публичной библиотекой».

В собирательстве личной библиотеки М.М. Сперанский во-первых осуществлял утилитарные (от лат. – польза), рабочие цели. Только эти рабочие цели были высочайшего государственного уровня. Во-вторых, книги насыщали его беспредельную жажду познания. А в-третьих, он находил в книгах светлую радость для души. Сам ученый говорил: «Разум должен быть в согласии с духом». Эту гармонию разума и духа черпал он в своей библиотеке.

Коэффициент полезного действия личных книг М.М. Сперанского отражен в государственных документах, им созданных.

Достигнув вершин власти, он до конца жизни оставался во власти книг. Той власти, которой подчинялся с радостью. Ибо библиотека была для М.М. Сперанского не интерьером, а частью его самого.

Список литературы

1. Избранные сочинения Иеремии Бентама / Пер. по англ. изд. Боуринга и фр. Дюмона, А.Н. Пыпина и А.Н. Неведомского. Т. 1. – СПб.: Рус. книж. торговля, 1867.
2. Иконникова И.С. Табель о рангах Петра I и современное развитие идей Императора // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 11. – С. 20-24.
3. История государственно-правовых учений: Учебник / Отв. ред. В.В. Лазарев. – М.: Спарк, 2006. – 670 с.
4. Морозов В.И. Правовые и политические взгляды М.М. Сперанского: Монография. – СПб., 1999. – 178 с.
5. Морозов В.И. Труды и дни М.М. Сперанского: Монография. – СПб., 1999. – 215 с.
6. Никитенко А.В. Воспоминания о М.М. Сперанском. – СПб., 1872.
7. Пухта Г. Обычное право. – М., 1907
8. Савиньи Ф.К. Система современного римского права / Под ред. В. Зубарь, О. Кутателадзе; Пер. с нем. Г. Жигулина. Т. I. – М., 2011.
9. Сальников В.П. Институализация коррупционных отношений // Защита и безопасность. – 2012. – №1. – С. 13-15.
10. Сборник статей, посвященных Василию Осиповичу Ключевскому его учениками, друзьями и почитателями ко дню тридцатилетия его профессорской деятельности в Московском Университете. (5 декабря – 5 декабря 1909 года). – М., 1909.
11. Смит А. План финансов. – М., 2007
12. Сперанский М.М. План государственного преобразования (введение к Уложению государственных законов 1809 г.). – М.: Типо-литография товарищества И.Н. Кушнерев и К. Пимен., 1905.
13. Сперанский М.М. Руководство к познанию законов / Отв. ред. В.П. Сальников, Ю.А. Сандулов. Серия: Классики истории и философии права. – СПб.: Лань, 2002. – 680 с. (Мир культуры, истории и философии)
14. Томсинов В.А. Светило российской бюрократии: исторический портрет М.М. Сперанского. – М.: Молодая гвардия, 1991. – 336 с.
15. Чернышевский Н.Г. Русский реформатор // Н.Г. Чернышевский. Полное собрание сочинений. В 15 томах. Т. VII. Статьи и рецензии. – М., 1950.
16. Чибираев С.А. Великий русский реформатор. Жизнь, деятельность, политические взгляды М.М. Сперанского. – М.: Наука, 1989. – 215 с.
17. http://philosophy.ru/library/descartes/rukov.html
18. http://dugward.ru/library/speranskiy_m/speranskiy_rukovodstvo.html
19. http://www.pravo.vuzlib.org/book_z614_page_24.html
20. http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Pravo/digest/index.php
21. http://ru.wikisource.org/wiki/%D0%9A%D0%BE%D0%B4%D0%B5%D0%BA%D1%81_%D0%9D%D0%B0%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D0%B5%D0%BE%D0%BD%D0%B0
22. http://www.twirpx.com/file/76302/
23. http://civil.consultant.ru/code/

ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫХ ИНСТИТУТОВ РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

АРТАМОНОВА Галия Калимуловна,
профессор кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского университета Государственной противопожарной службы МЧС России,
доктор юридических наук, профессор
E-mail: artamonova@mail.ru

МУХОРТОВ Анатолий Александрович,
начальник кафедры управления органами внутренних дел Уфимского юридического института МВД России,
кандидат юридических наук, доцент
E-mail: mukhortov_aa@yandex.ru

Специальность 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ В КОНЦЕ XIX ВЕКА: ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ И ПРОБЛЕМА БОРЬБЫ С ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПРЕСТУПНОСТЬЮ

Аннотация. *В статье анализируется политическая ситуация в Российской Империи конца XIX века. Показывается углубление кризисного состояния общества и государства, неоднозначное отношение в стране к проведенной судебной реформе. Предлагается взгляд на полицию и государство глазами известных российских юристов П.И. Новгородцева, А.Ф. Кистяковского, И.А. Покровского, С.А. Муромцева, К.П. Победоносцева, Д.Г. Гремяченского и других.*

Авторы подчеркивают активизацию деятельности по борьбе с политическими идеями в обществе. Приводят и изучают конкретные исторические примеры и документы. Констатируют применение в ходе политической борьбы методов насилия с обоих сторон и усугубления сложившихся противоречий.

Ключевые слова: *Российская Империя; полиция; жандармы; политическая борьба; кризис; противоречия; политические идеи; политическая преступность; общественно-политические взгляды.*

ARTAMONOVA G.K.
MUKHORTOV A.A.

THE RUSSIAN EMPIRE IN THE LATE XIX CENTURY: SOCIAL-AND-POLITICAL VIEWS AND PROBLEMS OF FIGHTING AGAINST POLITICAL CRIME

The summary. *The article analyzes the political situation in the Russian Empire in the late XIX century. It shows the situation of deeping crisis in the society and state, the ambiguous attitude in the*

country to the judicial reform that had been carried out. A view on the police and state with the eyes of the well-known Russian lawyers P.I. Novgorodtsev, A. F. Kistyakovsky, I.A. Pokrovsky, S.A. Murovtsev, K.P. Pobedonostsev, D.G. Gremyachentsky and others.

The authors emphasize the activization of activities for fighting against political ideas in the society. They provide and study specific historical examples and documents. The application of violence methods on both sides in the course of political struggle and aggravation of aggravation of the contradictions existing at that time is stated.

Key words: *the Russian Empire; police; gendarmes; political struggle; crisis; contradictions; political ideas; political crime; social-and-political views.*

Нарастало социальное недовольство, кризисное состояние общества и государства, вызванное поиском более оптимального социального устройства, характеризующееся процессами аксиологического переосмысления, а также трансформации общественной жизни, сопровождающееся общей социальной анархизацией, социальной конфликтогенностью и неэффективностью публичной власти.

В России начинает складываться гражданское общество – политические, земские, городские, самоуправляющиеся структуры, общественные организации представлявшие интересы различных классов, слоев и групп.

Сословный строй, закрепляющий социальное неравенство с рождения препятствовал нормальному развитию общества. Причем: «…как бы ни были совершенны положительные законы при своем установлении, с течением времени они стареют и теряют свой прежний смысл. …возникают в жизни конфликты между старым положительным порядком и новыми прогрессивными стремлениями» [28, стр. 116-117].

Правящая элита, вынужденно допустив оппозицию к участию в политической жизни, постоянно стремилась восстановить свою монополию на принятие решений. Как отмечается в юридической литературе: «Судебная реформа и ее результаты встретили неоднозначное отношение в обществе» [24, стр. 50-51].

Л.А. Тихомиров подчеркивал: «Идеи могут, как созидать, так и разрушать. Революционное разрушение составляет веру, надежду, обязанность всякого доброго радикала» [34, стр. 43].

По мнению П.А.Кропоткина, сущность истории состоит в стремлении личности к свободе, которому противостоит враждебное государство, следует организовать общество на принципах коммунизма [12, стр. 589-590].

Когда отдельный индивид собственными усилиями не может реализовать законные права, необходима полицейская помощь. Полиция должна избирать из средств помощи самое удобное. Следовательно, в наименьшей степени причиняющее неудобство индивидам и в минимально нужной степени ограничивающее их права. Государство, правительство должно сообразовываться с условиями общественного строя, нравами и обычаями [1; 6; 7; 8; 17; 18; 19; 20; 21; 25; 33].

Как отмечалось - «Полиция защищает интересы всего народа, она должна служить ему, а не господствовать над ним…Главным достоинством хорошей полиции является ее беспристрастность. Все граждане имеют право на одинаковую защиту и помощь» [9, стр. 18]. Для полиции одинаково равны, должны быть богатые и бедные, знатные и незнатные граждане.

Полицейское государство предполагает, по мнению некоторых политологов [37, стр. 186], отеческое попечительство государства об общественной и личной пользе своих подданных. Патриархальная, попечительская власть, направленная на достижение общего блага обусловливает преобладание интересов государства, социального целого, по отношению к частным или групповым интересам.

Либерализм, являясь индивидуалистической доктриной, предполагающей доминирование прав личности над всем остальным, вступил в противоречие с доктриной полицейского государства.

Идейные положения либерализма составляют: признание абсолютной ценности человеческой личности, равенства всех людей перед законом, провозглашения неотчуждаемых прав человека, договорного характера отношений между

государством и индивидом, ограничения объема и сфер деятельности государства.

Общим идейным основанием российского либерализма служит мысль Н.А.Бердяева о его взаимосвязи: «с развитием личности, осуществлением естественного права, свободы и равенства» [3, стр. 118].

Российским либерализм нес в себе разрушительное начало: он содержал в себе протест против существующего строя, против самодержавия, нарушающего и не признающего естественные права. Доктрина естественного права того времени основывалась на безграничной вере «в способность человеческого разума устроить общественные отношения по началам абсолютной справедливости» [30, стр. 34].

Правоведы понимали опасность такого протеста, что: «насильственная революционная акция чаще всего разрушает как раз наиболее ценные элементы старого строя…» [15, стр. 21-22].

Свобода личности не должна пониматься как абсолютная ценность и благо. И.Кант выразил эту мысль следующим образом: «Свобода человека кончается там, где начинается свобода другого человека» [2; 13; 16; 26; 27]. «Страх законов спасителен, страх человека пагубен и чреват преступлениями» [14, стр. 47].

Общественная безопасность должна обеспечиваться, необходимо вводить паспортный режим, что выявить террористов, проводить осмотрыи обыски, чтобы найти взрывчатые вещества, обеспечение безопасности общества неизбежно требует в определенной степени ограничения индивидуальных свобод. Государство призвано гарантировать общественную безопасность и создать условия для развития личности и общества.

Видный либерал Б.Н.Чичерин, подчеркивал, что если имеется конфликт между интересами государства и личными правами, грозящий социальной катастрофой, то последние необходимо принести в жертву общим интересам, равно как и конституционные нормы [36, стр. 100].

Компромиссным вариантом между идеалами либерализма и существующей практической действительностью был проект о «правовой монархии» - определяемой верховной властью и национальными интересами форма государственного управления.

Народники предостерегали от «выжиганья дотла всего исторического поля», от искушения «идти напролом» [31, стр. 93]. Лучше конституция «сверху», чем революция «снизу», полагали либералы. «Россия во многих отношениях отстает от Запада, который необходимо догнать, но притом так, чтобы избежать кровавый опыт западноевропейских революций» [5].

Многие буржуазные деятели выступали против революции, против насильственных преобразований [22, стр. 258; 23; 38].

Но политическая деятельность оставалась под запретом, а полицейские преследования, репрессивная политика проводимая царем и правительством поставили оппозицию в подполье, откуда она ответила насилием. Полиция, осталась «между двух огней – между режимом, противившимся политическим переменам, и оппозицией, чьим единственным оружием была революция» [35, стр. 26].

Правящая элита, вынужденно допустив оппозицию к участию в политической жизни, постоянно стремилась восстановить свою монополию на принятие решений. Судебная система, основанная на принципах состязательности и гласности, плохо сочеталась с консервативной исполнительной властью. Как отмечается: «Судебная реформа и ее результаты встретили неоднозначное отношение в обществе» [24, стр. 50-51].

К.П.Победоносцев призывал «принять решительную меру к обузданию и ограничению адвокатского произвола, поставив поверенных в строгую дисциплину перед судом. Вольность этой профессии дошла до того, что адвокаты, эксплуатируя своих клиентов в видах личной наживы, в то же время терроризируют на суде и судей, и обвинителей, и свидетелей, возбуждая публику искусственными приемами, действующими на нервы» [29, стр. 67].

В частности борьбу с политическими идеями демонстрирует тот факт, что на заседании Комиссии о мероприятиях по отмене ссылки, предлагалось сохранить ссылку, для тех случаев, «когда преступная деятельность виновного заключается в распространении вредных религиозных или политических учений, чтобы пропаганда не получила распространения, и не производила соблазн в обществе» [32].

Применение в ходе политической борьбы методов насилии, как замечают исследователи, в том числе со стороны государства, усугубляет

сложившиеся противоречия, мешает выходу из состояния глубокого кризиса, приводит к острым конфликтам и многочисленным жертвам [4, стр. 85].

Полицейские полагали, что «весь революционный мир, зная технику политического розыска, был организован для борьбы с ним и для работы к достижению своих целей. Мало кто вдумывается в то, что розыскной государственный аппарат боролся с очень сильным, организованным и опытным противником, который при том имел то преимущество, что, не стесняясь никакими законоположениями, поставил своего врага вне закона, тогда как охранительный аппарат власти должен был действовать в строгих рамках, предусмотренных законами, хотя эти законы и не могли, конечно, предвидеть всех особенностей такой борьбы?» [11, стр. 8; 10].

Список литературы

1. Артамонова Г.К., Мухортов А.А. Российская империя: уголовно-правовая политика и борьба с преступностью // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 9. – С. 7-9.
2. Асмус В.Ф. Иммануил Кант. – М., 1973.
3. Бердяев Н.А. Этическая проблема в свете философского идеализма // Проблема идеализма. – М.,1903.
4. Бородин В.В., Дондоков Ц.С., Михайлова О.Г. Исторические и социальные аспекты политического экстремизма // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2006. – № 1 (29-1).
5. Вестник Европы. Внутреннее обозрение. – 1882. – №4.
6. Всеподданнейшая записка министра юстиции о порядке расследования дел по политическим преступлениям и неправильных действиях МВД по их раскрытию // РГИА. Ф.1405.Оп.539.Д.240.
7. Высоцкий И.П. С.-Петербургская столичная полиция и градоначальство. – СПб., 1903.
8. Горожанин А.В. Государство и полиция. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2001.
9. Гремяченский Д.Г. Наша полиция. – М.: Труд и Воля, 1906.
10. Доронин А.М., Доронин М.П., Мушкет И.И., Сальников В.П. Жандармы и граница / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2003. – 144 с.
11. Заварзин П.П.Жандармы и революция. Воспоминания. – Париж, 1930.
12. История политических и правовых учений / Под ред. О.Э. Лейста. – М.: Зерцало-М, 2002.
13. Кант И. Метафизика нравов // И. Кант. Сочинения: В 6-ти т. Т. 4. Ч. 2. – М., 1965.
14. Кистяковский А.Ф. Главные моменты развития науки уголовного права. – Киев, 1874.
15. Кистяковский А.Ф. Исследование о смертной казни. – Тула: Автограф, 2000.
16. Леонтович В.В. История либерализма в России. 1762-1914. – М., 1995.
17. Лукоянов К.И. Законность в метафизике права И. Канта // Правовой режим законности: вопросы теории и истории: Матер. Межвуз. науч.-практ. конф., г. Санкт-Петербург, 15 февраля 2001 года / Под общ. ред. Д.И. Луковской. – СПб.: СПбГУ, 2001. – С. 73-76.
18. Лурье Ф.М. Политическая полиция Российской империи // Английская набережная, 4: Ежегодник СПб научного общества историков и архивистов. – СПб., 2000.
19. Лысенко В.В., Сальников В.П., Сизиков М.И., Филиппова С.В. Нравственно-правовые проблемы деятельности полиции дореволюционной России / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Санкт-Петербургский юридический ин-т МВД России, 1996. – 135 с.
20. Марголис А.Д. Тюрьма и ссылка в императорской России. Исследования и архивные находки. – М.: Лантерна, 1995.
21. Министерство внутренних дел России: 1802 – 2002 гг.: Исторический очерк в 2-х тт. / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2001.
22. Министерство внутренних дел: страницы истории (1802 – 2002 гг.): Сборник статей / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2001.
23. Муромцев С.А. Гражданское право древнего Рима. 1-е изд. – М.: Тип. А. И. Мамонтова и Ко, 1883.
24. Муромцев С.А. Определение и основное разделение права. – М., 1879.
25. Муромцев С.А. Право и справедливость // Северный вестник. – 1892. – № 2. отд. 1.
26. Муромцев С.А. Сборник статей. – М., 1911.
27. Мухаметшин Ф.Б. Судебная реформа 1864 года в оценке ее современников // История государства и права. – 2005. – № 1. – С. 50-51.
28. Нижник Н.С., Ахмедов Ч.Н. Правоохранительная система Российской Империи: структурно-функциональный

анализ: Монография. – СПб.: Астерион, 2008. – 515 с.
29. Новгородцев П.И. Историческая школа юристов / Отв. ред. В.П. Сальников, Ю.А. Сандулов. Серия: Классики истории и философии права. – СПб.: Лань, 1999. – 192 с. (Мир культуры, истории и философии)
30. Новгородцев П.И. История философии права. – М., 1897.
31. Новгородцев П. Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве. Два типических построения в области философии права. – М., 1901.
32. Новгородцев П.И. Кризис современного правосознания. – М., 1909.
33. Новгородцев П.И. Об общественном идеале. – М.: Пресса, 1891.
34. Новгородцев П. Учение Канта о праве и государстве // Вопросы философии и психологии. – 1901. – Кн. 3(58).
35. Новгородцев П.И. Сочинения. – М., 1995.
36. Победоносцев К.П. и его корреспонденты. Воспоминания и мемуары. Т. 2. – Минск, 2003.
37. Победоносцев К.П. Курс гражданского права. В 3-х чч. 1-е изд. – СПб., 1868.
38. Победоносцев К.П. Письма о путешествии Государя Наследника Цесаревича по России. – М., 1864.
39. Покровский И.А. Естественно-правовое течение в истории гражданского права. – СПб., 1909.
40. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. – Петроград: Право, 1917. – 328 с.
41. Покровский И.А. Роль римского права в правовой истории человечества и в современной юриспруденции // Ученые записки Юрьевского университета. – 1894. – Т. 3. – С. 1-30.
42. Поликарпова Е.В. Российские фабианцы: политико-правовые идеи основателей народничества // Государство и право. – 2005. – № 10.
43. РГИА. Ф. 1405.Оп.88.Д.10215.Л.304-305.
44. Реент Ю.А. История правоохранительных органов: полицейские и тюремные структуры России: Монография. – Рязань, 2002.
45. Тихомиров Л.А. Критика демократии. – М.,1997.
46. Уортман Р.С. Властители и судии: развитие правового сознания в императорской России. – М., 2004.
47. Чичерин Б.Н. Философия права. – М., 1900.
48. Щербинин А.И. Через полицеизм к тоталитаризму // Полис. – 1994. – №1.
49. Ющенко Н.В. Социологическая теория права С.А. Муромцев и проблемы законности // Правовой режим законности: вопросы теории и истории: Матер. Межвуз. науч.-практ. конф., г. Санкт-Петербург, 15 февраля 2001 года / Под общ. ред. Д.И. Луковской. – СПб.: СПбГУ, 2001. – С. 89-92.

МИРЗОЕВ Саломатшо Бозорбоевич,
доцент кафедры судебного права и прокурорского надзора, заместитель декана юридического факультета Таджикского национального университета,
кандидат юридических наук
E-mail: mirzoeff@gmail.com

Специальность 12.00.02 – Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право

О ПРАКТИКЕ КОНСТИТУЦИОННОГО СОВЕТА РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ ВЕРХОВЕНСТВА И СТАБИЛЬНОСТИ КОНСТИТУЦИИ (ОПЫТ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН)

Аннотация. *В статье рассматривается создание и деятельность Конституционного Совета Республики Казахстан, органа осуществляющего конституционный контроль в государстве, обеспечивающего верховенство и стабильность Конституции.*

После провозглашения суверенитета Казахстана (1990г.) по Конституции 1993г. конституционный контроль осуществлялся Конституционным Судом. В соответствии с ныне действующей Конституцией, принятой народом в 1995 году, Казахстан перешел к новой форме конституционного контроля – Конституционному Совету.

Автор определяет роль Конституционного Совета в становлении правового государства и гражданского общества в Казахстане, в обеспечении верховенства Конституции на всей территории республики. Он использует метод сравнительного правоведения, изучает законодательство и практику функционирования Конституционного Совета.

Ключевые слова: *конституционный контроль; Конституционный Совет; верховенство Конституции; защита Конституции; стабильность; общество; государство; закон; право; правовое государство; законодательный процесс; парламент.*

MIRZOEV S.B.

ON THE PRACTICE OF THE CONSTITUTIONAL COUNCIL OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN FOR ENSURING THE SUPREMACY AND STABILITY OF THE CONSTITUTION (EXPERIENCE OF FOREIGN COUNTRIES)

The summary. *The article deals with the foundation and activity of the Constitutional Council of the Republic of Kazakhstan, he body exercising the constitutional control in the state, ensuring the supremacy and stability of the Constitution.*

After proclaiming sovereignty of Kazakhstan (1990) under the Constitution of 1993 the constitutional control is exercised by the Constitutional Court. In accordance with the current Constitution adopted by the people in 1995 Kazakhstan passed over to the new form of constitutional control – Constitutional Council.

The author defines the role of the Constitutional Council in forming of the law-governed state and civil society in Kazakhstan, in ensuring the supremacy of the Constitution over the whole territory of the republic. He employs the method of comparative legal studies and, researches the legislation and practice of functioning of the Constitutional Council.

Key words: *constitutional control; Constitutional Council; supremacy of the Constitution; protection of the Constitution; stability; society; the state; statute; law; law-governed state; legislative process; parliament.*

Исторически и социально значимым достижением независимого Казахстана является стабильность в обществе, состояние гражданской, правовой и культурной общности народа республики. Декларация о государственном суверенитете была принята Верховным Советом Казахской ССР в октябре 1990 года [2]. А 16 декабря 1991 года принят Конституционный закон о независимости Республики Казахстан [3].

В современном Казахстане проживают свыше ста этнических, языковых и культурных групп и более сорока религиозных конфессий. Национальная политика базируется на принципах деятельности республики, закрепленных в пункте 2 статьи 1 Конституции [1]: общественное согласие и политическая стабильность, экономическое развитие во благо всего народа, казахстанский патриотизм, решение наиболее важных вопросов государственной жизни демократическими методами, включая голосование на республиканском референдуме или в Парламенте. Главным фактором общественного равновесия и межнациональной консолидации в Казахстане вот уже почти десять лет служит Конституция республики, принятая народом в 1995 году на республиканском референдуме. В республике есть 16 политических партий и 25000 неправительственных организаций, обеспечивающих политическое многообразие и социальную стабильность.

Со дня провозглашения независимости в Казахстане сменилось 7 правительств, однако руководит государством лишь один президент – Нурсултан Назарбаев [32].

В обеспечении верховенства и стабильности Конституции особая роль отведена Конституционному Совету Республики Казахстан [4]. Практически каждое решение, принятое им, укрепляет основы конституционного строя, непосредственно реализует нормы Конституции и защищает права и свободы человека и гражданина.

В ходе становления Казахстана как нового независимого государства стране пришлось пережить немалые экономические и социальные трудности. Были они и в избрании модели государственного управления, определении его демократических институтов, в выработке механизмов осуществления народовластия. По Конституции 1993 года осуществление конституционного контроля возлагалось на Конституционный Суд Республики Казахстан. Однако права официально толковать Конституцию он не имел. После принятия действующей Конституции, Казахстан перешел к другой форме конституционного контроля, оптимально адаптированной к национальной конституционно-правовой системе. И до сих пор деполитизированный характер казахстанского конституционного контроля сохраняется. «Сегодня,– отмечает Президент Республики Казахстан Н.А. Назарбаев, - по имеющимся полномочиям Конституционный Совет превосходит бывший Конституционный Суд ... и более отвечает современным реалиями» [30, стр. 322].

Конституционный Совет Республики Казахстан по своей внешней форме и порядку образования сравним с французской моделью квазисудебной конституционной юстиции [8; 11], а по функциям напоминает специализированные конституционные суды [8; 9; 10; 12; 13; 14; 15; 16; 17; 18; 19; 20; 21; 22; 23; 24; 25; 26; 27; 28; 29; 31; 33; 34; 35; 36; 37; 38; 39; 40; 41]. Если основная задача Конституционного Совета Франции сводилась к контролю за деятельностью Парламента, то у Конституционного Совета Республики Казахстан она намного шире.

Главное назначение Совета – это обеспечение верховенства Конституции на всей территории республики. Этот самостоятельный орган государства не интегрирован в триаду ветвей власти, что позволяет ему разрешать противоречия между субъектами конституционных прав и обязанностей по поводу их осуществления в Парламенте и вне его на основе Конституции. Они возникают и в организационно-правовых отношениях по вопросам избрания, назначения и освобождения должностных лиц государства, и при решении вопросов ратификации или денонсации международных договоров Республики Казахстан, и в отношениях представительства и осуществления правомочий депутатов, и, наконец, это противоречия, часто возникающие на разных стадиях законодательного процесса. В массиве более чем ста постановлений Конституционного Совета по этим вопросам можно найти соответствующие правовые положения.

Одним из основных видов деятельности Конституционного Совета является направление в Парламент республики ежегодного послания о состоянии конституционной законности в стране по результатам обобщения практики

конституционного производства. В своем ежегодном послании Конституционный Совет, кроме обобщения практики конституционного производства за каждый год, анализирует реальное соблюдение и уровень защищенности конституционных прав и свобод граждан. Не обходит Совет в своем послании и вопросы состояния законодательства, а также исполнения своих итоговых постановлений.

Указанные в статье 72 Конституции вопросы, составляющие компетенцию Конституционного Совета Республики Казахстан [4], пожалуй, состоятельны и достаточны для обеспечения верховенства Конституции Республики. Конституционный Совет, рассматривая на соответствие Конституции законов, принятых Парламентом до подписания Президентом, а также международных договоров Республики до ратификации Парламентом, обеспечивает соответствие законодательства Конституции республики. Рассматривая конституционность действующих законов и иных нормативно-правовых актов, Совет очищает правовой организм государства от тех норм, которые ущемляют конституционные права граждан. Имея право рассматривать вопросы о правильности проведения республиканских выборов и референдумов, Совет имеет возможность гарантировать конституционный порядок и легитимность власти. Предполагаемые заключения Конституционного Совета при освобождении или отрешении Президента от должности в соответствии со статьей 47 Конституции рассматриваются как гарантия от возможных нарушений установленных конституционных процедур.

Согласно Конституции Республики Казахстан только Конституционный Совет вправе давать официальное толкование норм Конституции. Значение официального толкования норм Конституции в том, что оно выявляет и раскрывает потенциал, неявные и скрытые возможности Конституции, содержащиеся в ее принципах, нормах и положениях. В качестве примера можно привести рассмотренное Конституционным Советом обращение Председателя Мажилиса - Парламента республики об официальном толковании норм пункта 2 статьи 2 и пункта 3 статьи 6 Конституции республики. Разъясняя то, что допускает ли Конституция законодательное решение вопроса «о передаче в собственность иностранных государств земельных участков, предназначенных исключительно для размещения дипломатических представительств, аккредитованных в Республике Казахстана, Конституционный Совет в своем постановлении от 23 апреля 2003 года № 4 [7] указал на «недопустимость расчленения его территории, использования природных ресурсов без согласия государства и произвольного изменения статуса регионов Казахстана, нерушимость государственной границы и запрет на территориальные уступки в ущерб национальным интересам и суверенному равенству государства Казахстан. При этом Совет отметил, что земельные участки не могут «передаваться в собственность иностранным государствам а «предоставляются им для размещения дипломатических представительств, аккредитованных в Республике Казахстан, в пользование на условиях аренды.

Роль Конституционного Совета в период становления правового государства в Казахстане очень весома. Осуществляя свои полномочия, закрепленные в Конституции, Совет не реже чем другие правоприменители сталкивается с ситуациями, когда кажется, что невозможно рассмотреть и разрешить предмет конфликтам. На первый взгляд, ситуация порой выглядит так, будто бы эти вопросы неразрешимы без изменения текста Конституции. Но конституционное предназначение Конституционного Совета таково, что он обязан, не искажая текст Конституции, разрешить возникшие споры, разъяснить конституционные нормы, исходя из текста, содержания и духа Основного Закона.

Так, Конституционным Советом 1 декабря 2003 года постановлением №12 [6] дано толкование статей 10 и 12 Конституции в части норм, регулирующих правовое положение лиц, являющихся гражданами Республики Казахстан. Анализируя нормы указанных статей, а также принципы и другие положения Конституции о статусе личности, Совет установил, что конституционный принцип единства гражданства исходит из унитарности многонационального государства.

Далее Совет указал, что исходя из определяющего характера института гражданства для государственности Казахстана и единого правового положения граждан, пункт 3 статьи 10 Конституции республики устанавливает норму-

принцип, согласно которой «за гражданином Республики не признается гражданство другого государства».

Обеспечение верховенства и стабильности Конституции в деятельности Конституционного Совета вряд ли было бы возможно без конституционного установления высшего нормативно-правового характера его итоговых решений. В отличие от других законодательных актов республики, итоговые решения Конституционного Совета Казахстана имеют исключительный юридический характер. В соответствии с пунктом 1 статьи 4 Конституции нормативные постановления являются действующим правом. Они обладают свойствами, присущими нормам самой Конституции, не могут быть обжалованы, опротестованы и вступают в силу после подписания Председателем и членами Совета. Постановления Конституционного Совета после вступления в силу подлежат неразрывному с нормами Конституции применению. Их исполнение обязательно для всех.

Только гарант Конституции – Президент Казахстана – имеет право приносить возражения на решения Конституционного Совета. Однако возражения Президента могут быть преодолены двумя третями голосов от общего числа членов Конституционного Совета. В таком случае ранее принятое решение Совета сохраняет свою силу. При непреодолении возражений Президента решение Конституционного Совета считается непринятым. Возражение может быть внесено не позднее чем в десятидневный срок со дня получения Президентом текста решения.

За период деятельности Конституционного Совета им было принято около ста итоговых решений и всего три раза вносились возражения Президента Республики (по поводу решений Совета касательно ГПК, законов о Торгово-промышленной палате и о Парламенте). В первом случае из трех Совет частично удовлетворил внесенное возражение Президента Республики, а в остальных случаях Совет подтвердил квалифицированным большинством голосов свои ранее принятые решения.

Так, в возражении Президента, поступившем на постановление Конституционного Совета от 22 ноября 2001 года №15/2 «О Конституционном законе Республики Казахстан «О внесении изменений и дополнений в Конституционный закон Республики Казахстан «О Парламенте Республики Казахстан и статусе его депутатов» [5] было выражено сомнение в убедительности доводов Совета, приведенных в пользу признания Конституционного закона не соответствующим Конституции.

Рассмотрев внесенное Президентом возражение, Конституционный Совет в постановлении, принятом по этому поводу, подтвердил свои выводы, изложенные в постановлении от 22 ноября 2001 года №15/2, Конституционный Совет двумя третями голосов своих членов преодолел его. В связи с этим постановление, по которому было внесено возражение, сохранило свою юридическую силу.

Конституционный Совет укрепляет устойчивость Конституции, создает действующее право, являющееся органическим продолжением конституционных норм, воспроизводит новое прецедентное право для разных отраслей законодательства.

Обязательные прецеденты понимания и применения конституционных норм, которые содержатся в постановлениях Конституционного Совета в форме различных правовых положений, постепенно, как представляется, формируют необходимую подотрасль конституционного права - прецедентное конституционное право, которая свойственными ей методами регулирования, значительно облегчает прямое действие Конституции. В этом ее цель: конкретизировать нормы Конституции до такой степени, которая необходима для непосредственного их применения к подлежащим регулированию общественным отношениям. При этом сама Конституция остается незыблемой, а раскрывается ее потенциал. «Ревизия норм Конституции, продиктованная политической конъюнктурой, - указывает Глава государства Казахстан Н.А. Назарбаев, - это прямой путь к кризису власти и расшатыванию государственных устоев» [30, стр. 323]. Не случайно сказано: «чтобы Конституция была еще хуже, ее следует постоянно улучшать».

Итоговые решения органов конституционного контроля многих сопредельных стран не определены их конституциями в качестве формы и источника действующего права.

Феномен конституционализма в Казахстане выражается в гармоничной динамике отношений Главы государства, Конституционного Совета, Парламента, его депутатов, Правительства и судов республики, как во взаимодействии, так и

для обеспечения стабильности Основного Закона страны.

Как показывает практика Конституционный Совет успешно выполняет свою стратегическую задачу, которая заключается в том, чтобы не просто рассматривать поступившие обращения, а создавать систему конституционных позитивов, чтобы отношения в обществе не превращались в проблему.

Таким образом, в современных условиях Конституционный Совет, как и соответствующие органы в других странах, занимает не просто важное место в отношениях между органами ветвей власти и многонациональным обществом, но и является олицетворением постепенно зарождающихся конституционных традиций. Обеспечивая верховенство Конституции, Совет формирует и пропагандирует конституционную идеологию, утверждает правовую культуру населения. Он выполняет задачи конституционного научно-аналитического центра Казахстана, опыт которого становится объектом пристального изучения ученых - юристов и практиков других стран.

В обеспечении стабильности Конституции не важно наличие каких-либо сверх полномочий, не столь важна также внешняя форма, состав и структура этих органов. Главной, как мне кажется, является приверженность органа конституционного контроля духу конституционализма, сочетающего реальные возможности общества и государства с нормами, принципами и положениями действующей Конституции Республики Казахстан.

Список литературы

1. Конституция Республики Казахстан // Ведомости Парламента Республики Казахстан. – 1996. – № 4. – Ст. 217.
2. Декларация КССР о государственном суверенитете Казахской Советской Социалистической Республики от 25 октября 1990 года // Ведомости Верховного Совета Казахской ССР. – 1990. – № 44. – Ст. 408.
3. Конституционный закон Республики Казахстан от 16 декабря 1991 года №1007-XII «О государственной независимости Республики Казахстан» // Ведомости Верховного Совета Казахской ССР. – 1991. – № 51. – Ст. 622.
4. Конституционный закон Республики Казахстан от 29 декабря 1995 года № 2737 «О Конституционном Совете Республики Казахстан» // Ведомости Верховного Совета РК. – 1995. – № 24. – Ст. 173.
5. Постановление Конституционного Совета от 22 ноября 2001 года №15/2 «О Конституционном законе Республики Казахстан «О внесении изменений и дополнений в Конституционный закон Республики Казахстан «О Парламенте Республики Казахстан и статусе его депутатов» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://base2.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=15915
6. Постановление Конституционного Совета Республики Казахстан от 1 декабря 2003 года №4 «Об официальном толковании норм Конституции Республики Казахстан» // Казахстанская правда. – 2003. – № 347 (24287).
7. Постановление Конституционного Совета Республики Казахстан от 23 апреля 2003 года №4 «Об официальном толковании пункта 2 статьи 2 и пункта 3 статьи 6 Конституции Республики Казахстан» // Казахстанская правда. – 2003. – № 140 (24080).
8. Артамонова Г.К., Горбашев В.В., Клишас А.А. Система судебного и квазисудебного конституционного контроля в Европе (континентальная модель): некоторые вопросы становления и развития // Мир политики и социологии. – 2012. – № 2. – С. 35-39.
9. Арутюнян Г. Особенности функционирования конституционных судов в условиях общественной трансформации // Конституционное правосудие. Вестник Конференции органов конституционного контроля стран молодой демократии. Вып. 1 (51). – Ереван: Центр конституционного права Республики Армения, 2011.
10. Бирюкова Л.Г. Правовые позиции Конституционного суда Российской Федерации как источник права: вопросы теории и практики: Автореф. дис. … докт. юрид. наук. – Казань, 2004.
11. Боботов С.В. Конституционная юстиция (сравнительный анализ). – М., 1994.
12. Боботов С.В., Жигачев И.Ю. Введение в правовую систему США. – М., 1997.
13. Брежнев О.В. Судебный конституционный контроль в России: проблемы методологии, теории и практики: Автореф. дис. … докт. юрид. наук. – М., 2006.
14. Витрук Н.В. Конституционное правосудие в России (1991 – 2001 гг.): Очерки теории и практики. – М., 2001.
15. Витрук Н.В. Конституционное правосудие. Судебно-конституционное право и процесс: Учебное пособие. 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма, 2011.

16. Евдокимов В.Б. Конституционное судопроизводство в США. – Екатеринбург, 1996.
17. Защита основных прав Конституционным судом. Европейская комиссия «За демократию через право». Издание Совета Европы, 1995. – С. 52-54.
18. Зорькин В.Д. Россия и Конституция в XXI веке. Взгляд с Ильинки. – М.: Норма, 2007.
19. Зорькин В.Д. Современный мир, право и Конституция. – М.: Норма, 2010.
20. Интервью Председателя Конституционного Суда Республики Армения Г.Г. Арутюняна Евразийскому юридическому журналу // Евразийский юридический журнал. – 2010. – № 7 (26).
21. Клеандров М. Совершенствование конституционного правосудия в Российской Федерации; новый этап // Конституционное правосудие: Вестник Конференции органов конституционного контроля стран молодой демократии. Вып. 1 (51). – Ереван: Центр конституционного права Республики Армения, 2011.
22. Клишас А.А. Конституционная юстиция в зарубежных странах. – М., 2004.
23. Клишас А.А. Конституционный контроль и конституционное правосудие зарубежных стран. Сравнительно-правовое исследование / Под ред. В.В. Еремяна. – М.: Международные отношения, 2007.
24. Ломцева М.Л. Российская и американская системы конституционного судебного контроля: сравнительно-правовое исследование: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2004.
25. Медушевский А. Кельзеновская модель конституционного правосудия и изменение конституций в странах Восточной Европы // Конституционное правосудие в постсоветских странах: Сб. докл. – М.: Центр конституционных исследований МОНФ, 1999.
26. Мирзоев С.Б. Конституционный контроль: некоторые современные модели // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 7. – С. 22-29.
27. Мирзоев С.Б. Конституционный суд республики Таджикистан: создание и начало деятельности // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 9. – С. 29-43.
28. Мирзоев С.Б. О формах конституционного контроля: некоторые размышления // Правовое поле современной экономики. – 2012. – 39. – С. 30-36.
29. Мирзоев С.Б. Становление и развитие конституционного надзора и контроля в Таджикистане: историко-правовое и общетеоретическое исследование: Дис. … канд. юрид. наук. – Душанбе, 2011.
30. Назарбаев Н.А Один год Президента. 2002. Сб. документов и выступлений. Составитель Ж.К. Туймебаев. – Астана, 2003.
31. Несмеянов С.Э. Теоретико-правовое исследование конституционного судебного контроля в Российской Федерации: Автореф. дис. … док. юрид. наук. – Екатеринбург, 2004.
32. Нурсултан Назарбаев, Президент Республики Казахстан. Своя стезя // Мир Содружества: Специальный выпуск. 2011. Декабрь. – С. 46-47.
33. Овсепян Ж.И. Правовая защита конституций. Судебный конституционный контроль в зарубежных странах. – Ростов-на-Дону: Литера-Д, 1992.
34. Сафьян М. Роль конституционных судов в процессе создания конституционного права // Конституционное правосудие на рубеже веков: Материалы международной конференции, посвященной 10-летию Конституционного Суда Российской Федерации (1 – 2 ноября 2001 г., г. Москва). – М., 2002.
35. Холиков К.Н. Конституционный суд Республики Таджикистан: статус, организация и деятельность. – М., 2009.
36. Шахрай С.М. Конституционное правосудие в системе российского федерализма / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2002.
37. Шульженко Ю.Л. Институт конституционного надзора в Российской Федерации. – М., 1998.
38. Шульженко Ю.Л. Конституционный контроль в России. – М., 1995.
39. Шульженко Ю.Л. Правовая охрана Конституции. – М., 1991.
40. Эбзеев Б.С. Конституция. Правовое государство. Конституционный суд. – М., 1997.
41. Юдин Б.А., Шульженко Ю.Л. Конституционное правосудие в федеративном государстве (сравнительно-правовое исследование). – М., 2000.

ЧЕРНЯЕВ Алексей Евгеньевич,
аспирант кафедры международных отношений Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
E-mail: a001lex@mail.ru

ЧЕРНЯЕВ Станислав Евгеньевич,
аспирант кафедры теории политики Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
E-mail: stas-chern@mail.ru

Специальность 07.00.15 – История международных отношений

БРИТАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ С СИРИЕЙ И ЛИВИЕЙ В КОНТЕКСТЕ СОБЫТИЙ 11 СЕНТЯБРЯ 2001 ГОДА

Аннотация. *В статье исследуются изменения, произошедшие во внешней политики Великобритании, касающиеся взаимоотношений с Сирией и Ливией после террористической атаки 11 сентября 2001года.*

Ключевые слова: *Великобритания; Сирия; Ливия; теракт 11 сентября 2012.*

CHERNYAEV A.E.
CHERNYAEV S.E.

THE BRITISH RELATIONS WITH SYRIA AND LIBYA IN THE CONTEXT OF THE EVENTS OF SEPTEMBER 11, 2001

The summary. *The article studies the changes that took place in the foreign policy of Great Britain concerning the relationship with Syria and Libya after the terrorist attack of September 11, 2001.*

Key words: *Great Britain; Syria; Libya; terrorist attack on 11 September 2001.*

Последствия военного вмешательства в Ирак, последовавшие после событий 11 сентября, повлияли на отношения Великобритании со всем арабским миром. В данном контексте стоит отдельно выделить Сирию и Ливию, потому как они стояли в американском списке «экстремистских государств», наряду с Ираном и Ираком, но еще более приоритетными были эти направления для политики новых лейбористов после 11 сентября 2001 года (Судан также причислялся, однако, этот вопрос вне рамок данной статьи).

Во время первого срока Энтони Блэра, одной из задач, стоявших перед Министерством иностранных дел и Джеком Стро, был поиск ответа на вопрос, можно ли установить дипломатические отношения с так называемыми «экстремистскими государствами». С Ираком подобная идея оказалась несостоятельной, с Ираном начальный этап дипломатического диалога был довольно успешным, однако в итоге желание также показало себя как неосуществимое. Что касается Сирии, результаты были неопределенными, хотя в целом они не оправдывали надежд британского руководства, до тех пор, пока дипломатические отношения не оказались полностью подчинены последствиям военного вмешательства в Ирак. С того момента Британия полностью переключилась с попыток подтолкнуть Дамаск к внутренним реформам на попытки убедить сирийское руководство остановить поток волонтеров, направлявшихся в Ирак чтобы пополнить ряды

местных жителей, противостоящих оккупации. В отношениях с Ливией дипломатические усилия Великобритании на фоне войны в Ираке, тем не менее, достигли значительных успехов, особенно в вопросе о нераспространении ядерного оружия.

Сирия

Еще до событий 11 сентября, точка зрения новых лейбористов в отношении Сирии показала: руководство партии осведомлено о том, что эта страна обладает определенным потенциалом в региональной политике. В ноябре 1997 года секретарь министерства иностранных дел Дерек Фатчетт заявил: «Светская Сирия сотрудничает с исламистским Ираном в целях укрепления собственных позиций. Иран, как следствие, готовился к осуществлению вторжения в Ливан посредством Хизбаллы. Без оккупации Израилем южного Ливана, у Хизбаллы не было бы разумного основания делать это, а Иран потерял бы свои полномочия действовать в качестве представителя этой организации. Очевидно, что выводом отсюда является срочная необходимость работать в сирийском направлении [в рамках процесса мирного урегулирования на Ближнем и Среднем Востоке] по намеченному нам бывшим израильским правительством маршруту, который оно вполне успешно развивало. Замораживать сирийское направление во внешней политике – рискованное решение» [7].

Тем не менее, Вашингтон выступал в качестве главного посредника в процессе мирного строительства на Ближнем Востоке и фокусировал свои усилия в направлении израильско-палестинских отношений. Сирию обвинили в помощи Хизбалле, движению ХАМАС и другим группам, придерживавшимся политики «отрицания». Иран также обвинили в финансовой поддержке, обучении, поставке оружия Хизбалле, ХАМАС и организации «Исламский Джихад» [6]. Еще больше усугубило ощущение всеобщей небезопасности то, что в мае 1998 года Италия, Франция, Швейцария и Бельгия объявили о применении силового воздействия против исламистских группировок, которые, как считалось, распространяли насилие. Алжирское правительство вынесло предостережение о возрастающей степени «интернационализации» этого явления.

Последовавшее за тем возобновление израильско-палестинских переговоров было достигнуто на встрече в 2000 году, организованной президентом Клинтоном и его сирийским коллегой Хафезом аль-Асадом, но вскоре после этого президент Асад скончался, и должность была унаследована его сыном Башаром Асадом. В сравнении с его суровым отцом Башар выглядел скорее как потенциальный реформатор, а потому МИД Британии увидело за сменой руководства возможность добиться большей политической свободы в Сирии. Чтобы предварительно проанализировать ситуацию, в Дамаск были направлены несколько английских экспертов, с целью обговорить эту возможность с сирийскими коллегами и вовлечь их в дискуссию о возможных вариантах мирного урегулирования ситуации в регионе. МИД Великобритании также организовало несколько неофициальных, тайных встреч со сторонниками политических изменений в Сирии.

Тем не менее, надежды на «Дамасскую весну» оказались недолговечными. Вскоре большая часть сторонников реформ, многие из которых уже отсидели срок в тюрьмах за озвучивание критики в сторону режима Асада-старшего, были вновь взяты под арест. Параллельно с этим, несмотря на довольно непрочное поначалу положение, Асаду-младшему удалось укрепить свои позиции как руководителя страны, и он сосредоточил усилия на экономическом, а не политическом развитии Сирии, и, помимо прочего, он также продолжал использовать методы своего отца – активное вмешательство в ливанские внутренние дела [5].

После событий 11 сентября Блэр надеялся, что ему удастся привлечь Асада к «войне против террора», однако в этом направлении его также ожидала неудача. По прибытии в Дамаск в ноябре 2001 года, Асад публично унизил его, попрекнув положениями официальной позиции Британии по израильско-палестинскому конфликту [3]. Год спустя, во время официального визита в Лондон, сирийский президент отозвался о намерениях Британии провести конференцию по палестинской проблеме как о «не имеющих никакого отношения к делу», так как Асад предполагал, что подобное обсуждение никоим образом не было связано с ключевым вопросом военного вмешательства [4]. Президент Асад также предостерег США о том, что даже если им и удастся с легкостью выиграть войну в Ираке, то это только лишь увеличит пропасть, существующую между Арабскими странами и Западом, и случаи террористических актов участятся [1].

Сразу после событий 11 сентября сирийская служба разведки помогала ЦРУ в поисках и допросах людей, подозреваемых в членстве в Аль-Каиде, однако Дамаск требовал взамен определенных уступок, например улучшения отношений с Вашингтоном, на которое категорически отказались идти администрация Буша и неоконсерваторы, в особенности поле того, как Сирия активно противодействовала войне в Ираке.

После военного вмешательства Великобритания совместно с США преследовала политику принуждения Дамаска прекратить игнорировать свободное пересечение границы иранскими мятежникам и иностранным добровольцами. Британские дипломаты пытались объяснить сирийскому руководству: так как британское правительство разместило свои войска в Ираке, подобные действия с сирийской стороны так или иначе негативно скажутся на взаимоотношениях двух стран. Сирия в свою очередь замалчивала этот момент, все еще надеясь на хоть какие-то преимущества от сотрудничества с Британией. Правительство страны вскоре отказалось от мнения, что добиться мирных отношений с США не возможно из-за их агрессивной настроенности против исламских экстремистских групп и Аль-Каиды в частности. По этой причине, в период с 2001 по 2004 год, Великобритания искала возможности выступить в качестве посредника в переговорах между Дамаском и Вашингтоном и наладить отношения между государствами.

Убийство бывшего ливанского премьер-министра Рафика Харири в феврале 2005 года вызвало новый кризис в отношениях с Сирией. Несмотря на отрицание сирийским правительством своей причастности к этому событию, многие подозревали Сирию в обратном, а ливанцы провели демонстрацию в память своего лидера и против вмешательства этого государства во внутреннюю политику Ливана. Хизбалла и лидер маронитов генерал Аоун организовали ряд ответных демонстраций. Сторонники Харири – Франция и Саудовская Аравия – начали давить на Асада. Оценив всю ситуацию, Британия присоединилась к США и Франции, призывавшим Сирию в соответствии с резолюциями ООН вывести войска с территории Ливана, где те были размещены с момента окончания Ливанской гражданской войны в 1990 году [8].

Сирии пришлось уступить под нажимом мирового сообщества, и войска в конечном итоге были выведены, но Асад отказался сотрудничать со специально созданным при содействии ООН трибуналом, задачей которого было расследование обстоятельств смерти Харири. В то время, пока Вашингтон, все еще недовольный содействием Сирии Хизбалле в Ливане и движению ХАМАС в Палестине, обдумывал, какой курс следует избрать в этом направлении, Блэр направил в Дамаск своего советника в вопросах внешней политики сэра Найджела Шайнвальда, чтобы тот оценил условия дальнейшей дипломатической работы. Его исследование показало, что вопросом, в котором сирийское руководство продолжало оставаться непреклонным, было расследование смерти Харири. Ливан заподозрил, что британское правительство намерено отказаться от своих претензий к Сирии по этому поводу, поощряя тем самым ее сотрудничество по всем остальным направлениям, включая конфликт в Ираке.

Однако ничего подобного так и не было осуществлено до того, как Блэр ушел с должности премьер-министра, а Шайнвальд получил новое назначение британским послом в Вашингтоне. После этих событий роль посредника в вопросе возобновления израильско-сирийских мирных переговоров взяла на себя Турция. Когда в 2009 году к власти в Вашингтоне пришла администрация президента Обамы, Сирия стала объектом, на который была направлена новая американская дипломатическая инициатива: США занялись поиском возможности завоевать расположение Сирии и предотвратить ее сближение с Тегераном, Хизбаллой и ХАМАС.

Ливия

Британские дипломатические усилия в Ливии оказались более успешными. Когда лейбористы пришли к власти, Британия была вовсю вовлечена в проблемы, вызванные не только взрывом Боинга-747 над Локерби в 1988 году, но и убийством британской работницы полиции рядом с Бюро по работе с ливийским населением в Лондоне в 1984 году. Так как врыв произошел на борту американского авиалайнера копании «Пан Американ», то при решении этого вопроса необходимо было учитывать претензии США наравне с претензиями Лондона, но Британия придерживалась привлечения к ответственности ливанских подозреваемых и возобновления дипломатических отношений.

После этого печального события США и

Великобритания провели тайные переговоры, во время которых было приняты решения, в соответствии с которыми Ливия была вынуждена отказаться от программы по разработке оружия массового поражения в 2003 году. Тогда же было озвучено, что американская администрация, и в частности Джон Болтон, ответственный за политику нераспространения ядерного оружия в Госдепартаменте США, выступили бы против продолжения переговоров, если бы ЦРУ не держало другие госструктуры в неведении до тех пор, пока решение не было принято. Как только страны добились желаемого, Вашингтон выразил свое явное желание использовать пример Ливии в назидание другим государствам в регионе, в особенности это касалось Сирии и Ирана. Однако Дамаск и Тегеран приняли подобное сравнение как нечто, находящееся ниже их достоинства и не последовали ливийскому примеру.

Хотя поначалу Блэр не играл значимой роли в восстановлении мирных отношений с Ливией, ситуация изменилась в 2004 году, когда он совершил визит в Триполи, где был принят генералом Каддафи. В мае 2007 года, незадолго до своего ухода, премьер нанес еще один визит в Ливию с целью подписания договора о продаже оружия, также отметив контракт, согласно которому компания «Бритиш Петролеум» предоставила 450 миллионов фунтов стерлингов в распоряжение ливийского правительства на разведывание энергетических ресурсов. Этот контракт ознаменовал возвращение «Бритиш Петролеум» в Ливию после тридцатилетнего отсутствия, вызванного проведенной Каддафи в 1970-х годах национализации. Блэр охарактеризовал итоги встречи с Каддафи как «положительные и конструктивные» и опроверг предположения, что поездка, наряду с визитами в Сьерра-Леоне и ряд государств Северной Африки была попыткой сгладить последствия его собственной политики перед тем, как уступить руководство страной Гордону Брауну [9].

За несколько дней до ухода Блэра с должности, Шотландская комиссия по проверке уголовных дел вынесла решение о разрешении Абделю Басету аль-Меграхи – единственному обвиненному в причастности к взрыву над Локерби – подать апелляцию на основании того, что при рассмотрении его дела имела место судебная ошибка. Высокопоставленные сирийские лица, также как и многие члены семей погибших подозревали, что аль-Меграхи был «козлом отпущения», чье признание виновным дало возможность закрыть дело. Вопрос снова приобрел актуальность, когда серьезно больному аль-Меграхи из чувства сострадания было разрешено вернуться на родину. Администрация США была крайне возмущена этим решением , британское правительство было вынуждено отрицать слухи, подогреваемые Каддафи и его сыном Саифом аль-Исламом, что оно сыграло ключевую роль в освобождении аль-Меграхи в интересах гарантирования британских экономических сделок с Ливией.

Несмотря на это, британские разведывательные службы и правительство получили компенсацию от успешной дипломатической и разведывательной деятельности в Ливии по вопросу оружия массового поражения. Британия, бесспорно, могла праздновать успех прибыльной нефтяной сделки и подписание ряда контрактов, заключенных в обход основных конкурентов в регионе.

Список литературы

1. Beeston R. Syrian President accuses Blair of “ostrich” policy // The Times, 18 December 2002.
2. Bolger A., Dombey D. US hits at decision to free Lockerbie bomber // Financial Times, 21 August 2009.
3. Draws rebuke from Syria in Mideast Tour // International Herald Tribune, 1 November 2001.
4. MacAskill E. Assad calls Blair conference irrelevant // Guardian, 18 December 2002.
5. Parker A. Assad tells Blair that Arab anger is growing // Financial Times, 1 November 2001.
6. Patterns of Global Terrorism // US State Department, April 1998.
7. Speech to the Washington Institute for Near East Policy, 26 November 1997 / URL:http://thewashingt0ninstitute.c0m/templateC05.php?CID=1165.
8. Wintour P. Blair gets a public lecture on the harsh realities of the Middle East // Guardian, 1 November 2001.
9. Woodward W. First stop of Blair’s farewell Africa tour: Gadafy’s tent // Guardian, 30 May 2007.

ПОЛИТИКА. ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ. ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ. МОДЕРНИЗАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

ЖДАНОВ Владислав Леонидович,
старший научный сотрудник Института философии и права Уральского Отделения РАН,
докторант Института философии и права Уральского Отделения РАН,
кандидат политических наук
E-mail: vladislav.zhdanov@gmail.com

Специальность 23.00.01 – Теория политики, история и методология политической науки

ПРОБЛЕМА ГЕНЕЗИСА КОСМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

Аннотация. *В статье рассматривается этап возникновения принципиально нового вида государственной политики - космической политики – в СССР, США и Германии. Анализируются особенности развития североамериканской и германской научных школ, сыгравших, наряду с российско-советской, основную роль в данном процессе, – возникновение абсолютно нового направления военно-политической мысли. Вторая Мировая Война послужила катализатором милитаризации космоса, к её окончанию Германия активно использовала баллистические ракеты малой дальности и вплотную приблизилась к производству межконтинентальных ракет.*

Ключевые слова: *космическая политика; группа «Берлинский ракетодром»; баллистические ракеты; полигон Peenemunde; операция Paperclip.*

ZHDANOV V.L.

THE PROBLEM OF SPACE POLICY GENESIS

The summary. *The article examines beginning of a new direction of the public policy – the space policy – in USSR, USA and Germany. In this article, peculiarities of development of American and German scientific schools, which played the key role of process of appearance of new direction of military theories, are analyzed too. The II World War was as an accelerator of the space militarization. At the end of this war, German used short-range ballistic missiles very active and German intercontinental ballistic missiles were under development.*

Key words: *Space Policy; team «Raketenflugplatz Berlin»; ballistic missiles; research center Peenemunde; operation Paperclip.*

Генезис переводится с греческого не просто как «происхождение», но как «становление», «начала», «истоки». Не случайно в Септуагинте – греческом переводе Библии – имя «Генезис» носит самая первая из библейских книг, Книга Бытия. Проблему генезиса мы будем рассматривать на примере трех государств – СССР, США и Германии, которые первыми же приняли непосредственное участие в освоении космоса или в попытках решения посредством космической

деятельности неких иных государственных задач.

Любопытно, что самые первые ростки будущих российских космических разработок оказались одновременно и ранними ростками будущих политических перемен: Николай Кибальчич – член Исполнительного комитета «Народной воли», казненный за участие в «первомартовском» убийстве Александра II, – разработал в тюрьме уникальный проект ракетного летательного аппарата с качающейся камерой сгорания для управления вектором тяги, способного, как предполагалось, совершать космические перелеты. Данный проект был опубликован спустя долгие годы после его смерти [10]. «Впрочем, можно с уверенностью утверждать, что идея Кибальчича не получила бы тогда (при его жизни – В.Ж.) правильной оценки. Критическая оценка проекта Кибальчича возможна только на основе математической теории ракетного движения, теории, в то время еще не существовавшей… как бы то ни было, русский революционер-изобретатель должен быть признан первым работником области ракетного летания, истинным родоначальником мирового звездоплавания» [9]. Благодарные потомки не забыли об этом – его именем названы кратер на обратной стороне Луны.

Современник Н. Кибальчича, Николай Федорович Федоров, был одним из основоположников принципиально нового течения в политической и философской мысли – космизма. При жизни Н. Федоров не оказал прямого влияния на становление космических программ – как по объективным причинам (ввиду недостаточно развитых на тот момент технологий), так и в силу некоторых сугубо психологических факторов: русский философ предпочитал нести свои идеи в мир посредством личного общения, всяческой же публичности, в том числе и публикации собственных работ, откровенно избегал. Работа в московской библиотеке предоставляла ему широкие возможности для подобного общения; немало российских ученых и философов того времени испытали на себе бесспорное воздействие его экстравагантных концепций [6; 11]; Фет писал Федорову: «Я никогда не забуду слов о Вас Льва Николаевича. Я горжусь, что живу в одно время с подобным человеком…» [5, стр. 46]. Среди почитателей Федорова были писатели – Горький, Пришвин, Платонов, поэты – Брюсов, Клюев, Маяковский, Хлебников, Заболоцкий, художники – Филонов и Чекрыгин, не говоря уже об ученых-космистах [8, стр. 185]. В орбиту этого влияния попал и Константин Циолковский. Как вспоминал он позднее, «известный аскет Федоров – друг Толстого и изумительный философ и скромник, раздавал все свое крохотное жалованье бедным…, он и меня хотел сделать своим пенсионером, но это ему не удалось: я чересчур дичился» [14, стр. 57]. Тем не менее, Циолковский стал-таки, в некотором смысле, «пенсионером» «известного аскета»: в его работах очевидно присутствуют, развиваясь и трансформируясь, утопически-футурологические идеи одного из первых русских космистов – Н. Федорова.

Наиболее интересной является статья К. Циолковского «Исследование мировых пространств реактивными приборами» [13], опубликованная в самом начале XX века, а также еще более ранняя знаменитая «формула Циолковского». Эта формула до настоящего времени не потеряла, хотя и с учетом некоторых поправок, своей универсальности для расчетов космических аппаратов. К. Циолковский не удосужился опубликовать свою формулу в год ее вывода и тем подтвердить приоритет; более того, некоторые исследователи полагают, что и сам он вывел ее уже повторно, не зная о трудах британского математика Уильяма Мура, который первым, еще в 1813 г., представивший на суд широкой публики свои соображения о будущем ракетной механики [21, p. 7]. Тем не менее, сегодня эта формула ассоциируется именно с именем Циолковского. В целом вышеупомянутая статья подчеркивает и подробно рассматривает преимущества ракеты как единственно возможного средства выхода за пределы земной атмосферы; учитывая год ее написания – 1903, легко разделить эмоции множества поклонников К. Циолковского, почитающего его гениальным провидцем. К Циолковский, по сути, сформировав повестку «возможное освоение космоса», тем самым не только задал общее направление отечественной научной мысли – но и оказал сильнейшее влияние на исследования зарубежных ученых.

В 1887 г. в Риге родился Фридрих Цандер, который, прочитав в школе статью К. Циолковского, на всю жизнь увлекся идеей освоения космоса. В пролетарской революции Ф. Цандер увидел шанс приблизиться к воплощению мечты в жизнь. То было время великих надежд и великих дерзаний если не

для всей страны, то для множества молодых, опьяненных коммунистическими идеалами. Ф. Цандер, оказавшись в Москве, лично встречается с Владимиром Лениным. После этой встречи рабочие завода «Мотор» [7] выделяют ему из своей зарплаты деньги на длительный отпуск, который он использует «для разработки проекта аэроплана и двигателя к нему для вылета из земной атмосферы». По крайней мере, именно так значилось в отпускном свидетельстве.

В 1921 г. Ф. Цандером зачитан на конференции проект межпланетного корабля. А через три года, будучи дипломированным инженером, он публикует его в виде доработанной статьи в журнале «Техника и жизнь» (другое название - «Красный транспортник»; в этом же номере, 13 за 1924 г., появилось специальное уведомление об организации в СССР общества межпланетных сообщений), где высказывает ряд интересных идей по поводу конструкции ракет и жизнеобеспечения их экипажей. Базисной идеей всей концепции выступает сочетание «самолета с космическим летательным аппаратом, причем самолет взлетает с Земли горизонтально и движется в атмосфере, используя жидкостные реактивные двигатели и аэродинамический принцип, а в космосе – с помощью прямоточных двигателей, использующих в качестве горючего металлические части самолета для увеличения дальности полета летательного аппарата. Тех, кто знает, что в наши дни наметился переход от вертикального к горизонтальному старту космических ракет, не может не поразить научное предвидение Цандера…» [12, стр. 2].

Однако революционное десятилетие уже заканчивалось. Фридрих Цандер всерьез опасался, что после смерти Ленина никто во властной верхушке уже не поддержит его начинаний. Возможно, это стало одной из причин, побудивших его форсировать инициативу «снизу», от общественности: в 1931 г. Ф. Цандер и группа его единомышленников организуют в г. Москве Группу по Изучению Реактивного Движения (ГИРД). Эта организация, созданная при Осовиахиме СССР, действительно была скорее общественной, деятельность ее членов никто не оплачивал, как не оплачивались и ее материальные затраты. Кроме г. Москвы, аналогичные группы появились во многих городах Советского Союза того времени, например, своя группа была в Баку. Ф. Цандер становится председателем Московской ГИРД, а его коллега С.П. Королев – ее техническим председателем. Именно С. Королеву предстоит стать главным идеологом практического ракетостроения в Советском Союзе.

Одновременно с развитием космической политики в СССР шло развитие данного направления и в США. Отцом американской космической политики считается Роберт Годдард. Ученый, посвятивший себя теоретическому и практическому ракетостроению, при жизни был объектом насмешек не только журналистов, но и коллег, крайне скептично относившихся к его идеям. Хрестоматийный образчик критики в адрес одного из основателей космонавтики – выпуск уважаемой газеты «The New York Times» от 13.01.1920 г., напечатанная в котором статья появилась как реакция на работу Р. Годдарда «Метод достижения экстремальных высот» [16], опубликованая в 1919 г. Суть критических нападок сводилась к утверждению, что ракета не сможет двигаться в вакууме, как ей полагалось бы по расчетам Р. Годдарда. Была также высказана мысль, будто профессору Р. Годдарду, очевидно, недостает «знаний, получаемых в средней школе»*.

Когда в 1969 г. американская пилотируемая миссия Apollo 11 достигла Луны и Нил Армстронг стал первым человеком, ступившим на внеземную поверхность, «The New York Times» выпустила опровержение: «Последующие изобретения и эксперименты подтвердили выводы Ньютона, сделанные им в XVII веке, и теперь доподлинно известно, что ракета может функционировать в вакууме так же хорошо, как и в условиях атмосферы, и мы признаем свою ошибку»**. Заметим, что, видимо, журналисты в свое время не дочитали полностью 69-ти страничную статью профессора Р. Годдарда, на 64-й странице которой как раз содержалась ссылка на «того самого» Ньютона, о коем журналисты «вспомнили» спустя 49 лет.

Излишне говорить, что физик-практик всегда доминировал в работах Р. Годдарда, – однако стоит отметить, что целью его изысканий было именно освоение космоса как новой реальности, ракеты в этом контексте выступали лишь инструментами данной практики. Во время второй мировой войны он занимался разработкой авиационных двигателей для военно-морского флота США и вернулся к ракетам лишь по ее окончании.

Середина прошлого века стала для Соединенных Штатов эпохой, когда они приняли бесповоротный и бескомпромиссный курс на достижение главенствующей роли во всем мировом политическом пейзаже. Однако следует отметить, что руководство США в этот период вообще не уделяет должного внимания космической политике, сосредоточив основные научные и материальные ресурсы страны на Манхеттенском проекте. Неприятным сюрпризом оказалось для американцев появление у Германии первой в мире баллистической ракеты V-2. Между тем, по окончании войны пленные немецкие инженеры-ракетостроители искренне удивлялись тому, какие секретные сведения от них могут потребоваться стране, гражданином которой является великий Р. Годдард [19].

Первые деньги на финансирование своих исследований Р. Годдард получил уже в 1916 г., когда Смитсоновский Институт принял его исследовательскую программу. К сожалению, нет возможности установить точную дату этого трансферта, о котором сам профессор пишет в предисловии к своей работе «Метод достижения экстремальных высот». Именно эту дату можно считать началом возникновения в научных и политических кругах США интереса к космической тематике, ибо Смитсоновский Институт напрямую финансируется правительством этой страны. Таким образом, Р. Годдард начал свои исследования, благодаря которым в том числе стал возможным 2,5-секундный полет первой в мире ракеты на жидком топливе Nell, состоявшийся 16 марта 1926 г. на средства, косвенно полученные от правительства США.

Накануне второй мировой войны Р. Годдард, озабоченный явными успехами своих германских коллег и конкурентов, обратился к представителям US Army в Вашингтоне, однако, в отличие от немецкой, североамериканская армия отказалась финансировать разработки баллистической ракеты.

Стоит отметить, какие именно ракеты считать инструментарием космической политики. Ракеты как вид вооружения использовались еще с момента изобретения пороха. Европейцы впервые ознакомились с этим изобретением, когда армии Чингисхана применили их против венгров в 1241 г., т.е. в XIII веке некоторое представление об использовании ракет в военных целях уже имелось. Достаточно вспомнить тот факт, что англичане, переняв этот вид вооружения от индийцев, усовершенствовали его и активно применяли во время войн с Наполеоном. В частности, в 1807 г. массивному (14 000 штук) обстрелу британскими ракетами был подвергнут Копенгаген. Однако если эти ракеты и имеют какое-то отношение к космической политике, то лишь косвенное. Космическая политика стала возможна только с появлением нового поколения ракет, которые используют жидкое топливо. Создатели прежних моделей применяли порох в различных его модификациях, но данный вид топлива не обеспечивал ракетам выход из земной атмосферы. Дальнейшее развитие твердотопливных ракет – это и советская система залпового огня БМ-8 (она же прославленная «Катюша»), и американский динамо-реактивный противотанковый гранатомет M1A1, он же Bazooca, в числе разработчиков которого был, кстати, и Р. Годдард. Существует мнение [20], что армия США финансировала исследования профессора из Университета Кларка, направленные на создание данного гранатомета. Однако даже если бы этот факт имел место, он не мог бы служить подтверждением государственного финансирования космической программы – одного из важнейших критериев наличия национальной космической политики, ибо, как было сказано выше, твердотопливные ракеты не способны преодолеть гравитационное поле Земли и потому не могут рассматриваться в качестве инструментария космической политики. Что, однако, не умаляет заслуг Р. Годдарда, совершившего реальный прорыв в науке, поскольку созданная им ракета Nell была первой в мире ракетой на жидком топливе [4, стр. 84].

В работе, о которой шла речь в предыдущих абзацах, Р. Годдард помимо Ньютона и Архимеда ссылается [16] еще на трех ученых – А. Франка, А. Маллока и немецкого метеоролога Альфреда Вегенера, знаменитого своими практическими исследованиями стратосферы. И ни одного слова о К. Циолковском – это несмотря на то, что очень многие положения в работах Р. Годдарда и К. Циолковского «пересекаются». В частности, оба были убеждены в преимуществах жидкотопливных многоступенчатых ракет и в реальности практического освоения космического пространства, в том числе и Луны. Возможно, несмотря на более ранние сроки публикации работ российского ученого, Р. Годдард не был с

ними знаком. Основатели русской и американской школ космической политики шли каждый своим собственным путем, параллельно приходя к одним и тем же выводам.

Р. Годдард действительно предлагает в своей работе послать ракету на Луну, а в качестве доказательства достижения лунной поверхности – использовать взрыв. Интересно, что спустя 38 лет после публикации Р. Годдарда тем же путем (взрыв на Луне как свидетельство «прилунения») собирались пойти и разработчики советской лунной программы [1, стр. 59].

Помимо полета к Луне, Р. Годдард анализирует также возможности освоения верхних слоев атмосферы (орбит – В.Ж.), подчеркивая важность метеорологических наблюдений. Сегодня кажется обыденным и банальным фактом, что метеоспутники летают где-то над нами по своим траекториям, благодаря чему мы имеем возможность минимизировать последствия природных катаклизмов. Но именно американский ученый поставил метеомониторинг в ряд важнейших задач будущей космической политики.

Несмотря на то, что собственно космическая политика в США началась фактически без участия Р. Годдарда, своими исследовательскими и научными достижениями этот человек заслужил право считаться одним из тех, кто заложил фундамент грядущего освоения космоса. Его работа является ключевой для осознания истоков космической политики не только США, но и Германии, и Советского Союза. И об этом пойдет речь ниже.

Чтобы разобраться с корнями уникальной немецкой космической политики, необходимо обратиться к Трансильвании. Румынский город Сибиу – очень интересное место для каждого, кого интересует история космонавтики. Обойти его вниманием не представляется возможным и в рамках данной статьи.

Во-первых, именно в этом городе с 1529 г. до своей смерти в 1576 г. возглавлял оружейный арсенал уроженец Вены и подданный Императоров Священной Римской Империи германской нации Конрад Хаас (Conrad Haas, 1509-1576). Именно ему принадлежит совет, даже спустя пять веков не утративший своей актуальности, – особенно в условиях современной политики ядерного сдерживания, которое обеспечивается в том числе баллистическими ракетами шахтного базирования.

В 1961 г. в городском архиве этого румынского городка нашли рукописную книгу на немецком языке: «Hermannstädter Kunstbuch». Книгу начал писать в 1417 г. некий Ганс Хаасенвайн из города Landshut, продолжили ее написание неизвестные в 1460 г., и наконец завершающую точку поставил в 1569 г. упомянутый нами оружейник Конрад Хаас. Подчеркнем, что книгу нашли в год полета Юрия Гагарина, то есть ни К. Циолковский, ни Р. Годдард априори не имели возможности ее прочитать. Впервые научная общественность узнала о существовании данного манускрипта в Мадриде, где в 1966 г. проходил XVII Конгресс по астронавтике. В той части книги, что составил К. Хаас, содержится информация о проведенных им экспериментах с пороховыми ракетами, в том числе и описание их военного применения. Там же присутствует сделанный им рисунок трехступенчатой ракеты вместе с перечнем видов ракетного топлива, с которыми он экспериментировал. Особенностью, выделяющей труд К. Хааса среди других известных работ того периода (как и последующих), была система стабилизации ракеты в полете, аналогичная современным, а также предсказанная им возможность придания ракетам транспортных функций. В общем, горожане одной из «культурных столиц Европы» считают пионером космонавтики именно своего земляка К. Хааса.

В этом же городе родился и Герман Оберт, который входит, в отличие от К. Хааса, в общепризнанный триумвират отцов-основателей космонавтики. Стоит отметить, что в конце XIX в. Трансильвания, где находится город Сибиу, входила в состав Венгерского Королевства (Транслейтания), объединенного в свою очередь в унию с Австрийской Империей (Цислейтания). Другими словами, Г. Оберт родился подданным Франца Иосифа I – последнего Императора из династии Габсбургов.

Первая работа, изданная Г. Обертом на основе не защищенной им докторской диссертации, называлась «Ракета для межпланетного пространства». В дальнейшем эта книга переиздавалась пять раз, пополняясь новыми данными о развитии космонавтики, причем последний тираж вышел не так давно – в 1984 г.

Известно, что за год до первой публикации этой книги в 1922 г. Г. Оберт вступил в переписку с Р. Годдардом, который выслал ему свою нашумевшую статью «Метод достижения

экстремальных высот». Таким образом, определенно имел место факт непосредственного влияния американского ученого на основателя немецкой школы ракетостроения. Кроме того, в 1925 г. и К. Циолковский присылает Г. Оберту свои работы. Вот что пишет адресат в своем ответном письме Циолковскому: «Большое спасибо за присланный мне письменный материал. Я, разумеется, самый последний, который оспаривал бы Ваше первенство и Ваши заслуги по делу ракет, и я только сожалею, что не раньше 1925 г. услышал о Вас». Способность Г. Оберта находить общий язык и с американцами, и с русскими – по крайней мере, в части, касающейся обмена научными знаниями, связанными с освоением космоса, способствовала тому, что именно в Германии впервые в мире была сформирована согласованная система действий, направленная на решение политических задач на базе новейших технологий ракетостроения. Таким образом, немецкую школу отличало стремление к международному сотрудничеству и умение грамотно использовать российские и американские теоретические труды, имеющие отношение к практическому ракетостроению. Как показали последующие десятилетия, такой подход позволил Германии в кратчайшие сроки перейти от теоретических разработок к практическому использованию межконтинентальных баллистических ракет в собственных военно-политических целях [3, стр. 179].

Без сомнения, именно Г. Оберт является основателем немецкой школы ракетостроения. Более того, этот великий ученый и после окончания второй мировой войны продолжал оставаться «гуру» ракетостроения. Он даже присутствовал вместе с президентом США Ричардом Никсоном на командном пункте во время исторической высадки на Луну американского экипажа.

История немецкой космической политики завершается вместе с поражением Германии во второй мировой войне. Ракетный полигон Peenemunde был захвачен войсками 2-го Белорусского фронта. 104 инженера-ракетостроителя, вместе с Вернером фон Брауном, были вывезены в США в ходе спецоперации «Paperclip». Образцы ракет, техническая документация и непосредственное использование труда интернированных немецких ученых положили начало собственным космическим программам в США, Советском Союзе, Великобритании и Канаде.

В заключение хотелось бы отметить, что две научные школы и ученый-одиночка сформировали три научных направления, условно сгруппированные нами по национальному признаку. Именно они оказали наибольшее влияние на развитие научных исследований – как фундаментальных, так и прикладных, как технико-технологических, так и общественно-политических, – приведших впоследствии к началу практического освоения космического пространства. Таким образом, можно констатировать, что в этих трех государствах в указанные периоды времени происходит становление космической политики в том значении термина, который был нами предложен в данной статье и использовался ранее [2].

Примечания

* Professor Goddard, it was clear, lacked «the knowledge ladled out daily in high schools» [17].

** Further investigation and experimentation, said the paper in 1969, «have confirmed the findings of Isaac Newton in the 17th century, and it is now definitely established that a rocket can function in vacuum as well as in an atmosphere. The Times regrets the error» [18].

Список литературы

1. Голованов Я.К. Королев: факты и мифы. – М.: Наука. 1994.
2. Жданов В.Л. Космическая политика и власть // Мир политики и социологии. – 2012. – № 10. – С. 55-59.
3. Жданов В.Л. Начало и конец самостоятельной германской космической политики // Уроки истории. Великая Отечественная и Вторая мировая войны, история России и мира 20-21 веков: Сб. трудов / Под ред. А.П. Кудинова. – СПб.: СПбГПУ, 2009.
4. Жданов В.Л. Основоположники американской и германской космической политики // Армия и общество. –

2010. – № 1 (21).
5. Зеньковский В. История русской философии. – М.: Академический Проект, Раритет, 2001.
6. Ильин В., Федоров Н. и преп. Серафим Саровский // Н.Ф. Федоров: pro et contra. Книга 1. – М.: Русский гуманитарный ин-т, 2004.
7. История Российской космонавтики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http: // www.space.hobby.ru/first/tsander.html
8. Кожурин А.Я. Взаимодействие власти и науки в Федоровской «Философии общего дела» // Стратегии взаимодействия философии, культурологи и общественных коммуникаций. – СПб.: РХГИ, 2003.
9. Перельман Я. Из истории воздухоплавания. Летательная машина Кибальчича // Красная нива. – 1931. – № 8.
10. Проект воздухоплавательного аппарата Н.И. Кибальчича // Былое. – 1918. – № 4,5.
11. Скатов Н.. Спор двух утопистов (Лев Толстой и Николай Федоров) // Н. Скатов. Далекое и близкое. – М.: Современник, 1981. – 351 с.
12. Соколов В.С. Огнепоклонники. – СПб.: Политехника, 1996.
13. Циолковский К.Э. Исследование мировых пространств реактивными приборами // Научное обозрение. – М., 1903. – С. 18-21.
14. Циолковский К.Э. Черты из моей жизни. – Калуга: Золотая аллея, 2002.
15. Goddard R. A method of reaching extreme altitudes/ The Clark University, Archives and Special Collections. URL: http:// www.clarku.edu/research/archives/pdf/ext_altitudes.pdf.
16. Goddard R. Op. cit. P.1. Сайт Университета Кларка (США). URL: http:// www.clarku.edu/research/archives/pdf/ext_altitudes.pdf
17. http: // www.time.com/time/time 100/scientist/profile/goddard.html
18. http:// www.time.com
19. Smith P. Robert Goddard as a father of national Space Program. URL: http:// www.time.com.
20. The investigation of bazooka // Электронная энциклопедия Wikipedia. URL: http://en.wikipedia.org/wiki/ Bazooca
21. William Moore. A treatise on the motion of rockets and an essay on naval gunnery // Oxford: Trinity Press, 1987.

ГОРБАШЕВ Вадим Вадимович,
кандидат юридических наук
E-mail: VVG123@mail.ru

РЕУФ Владислав Маркович,
доцент кафедры теории и истории государства и права Самарского юридического института ФСИН России,
кандидат юридических наук
E-mail: reuf@yandex.ru

УДЫЧАК Фатима Нурбиевна,
доцент кафедры конституционного права Адыгейского государственного университета,
кандидат юридических наук
E-mail: ydichak@mail.ru

Специальность 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКО-ПРАВОВАЯ СИСТЕМА: ФАКТОРЫ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ ЕЕ СОСТОЯНИЕ

Аннотация. *Статья посвящена анализу условий функционирования и развития национальной политико-правовой системе с позиций обеспечения безопасности государства. Авторы опираются на сформулированную и получившую юридическое закрепление еще в Древней Греции и Древнем Риме позицию о том, что вне государства и права существование цивилизованного общества невозможно, следовательно, они исследуют проблему в рамках политической системы.*

Авторы анализируют различные точки зрения по вопросам понятия политической системы, формулируют собственный подход к определению, изучают структуру политической системы, определяют через функции, ей присущие, ее сущность.

Системообразующим элементом политической системы авторы определяют государство и подробно обосновывают свою мысль. В государстве институциализируется политическая власть, а само государство представляет собой, по сути, механизмы ее осуществления. Именно государство придает политической системе общества качества политико-правовой системы.

В статье даётся определение политико-правовой системы общества, исследуются ее качественные характеристики. Упор делается на безопасность, как фактор стабильного функционирования и развития политико-правовой системы общества.

Ключевые слова: *общество; государство; право; политическая власть; механизмы государства; закон; политическая система общества; политико-правовая система; функционирование; развитие; сущность; функции; структура; системообразующие элементы; безопасность.*

GORBASHEV V.V.
REUF V.M.
UDYCHAK F.N.

NATIONAL POLITICAL-AND-LEGAL SYSTEM: THE FACTORS THAT DETERMINE ITS CONDITION

The summary. *The article is concerned with the analysis of conditions for functioning and developing of the national political and legal system from the perspective of ensuring the state security. The authors rely on the standpoint formulated and legally confirmed in Ancient Greece and Ancient Rome that the existence of a civilized society is impossible beyond the state and law, consequently they study this problem within the framework of political system.*

The authors analyze various points of view on concerning the concept of political system, formulate their own approach to the definition of it, study the structure of political system, and define its essence through the functions inherent to it.

The authors determine the state as the system-forming element of political system and substantiate their idea in detail. The political power is institutionalized in the state and the state itself represents, in actual fact, mechanisms for implementing it. It is the state that gives the characteristics of political and legal system to the state.

A definition of political and legal system is given in the article; itsqualitative characteristics are under research. The emphasis is placed on security as a factor of stable functioning and development of the political and legal system of the society.

Key words: *society; the state; law; political power; mechanisms of the state; political system of the society; political and legal system; functioning; development; essence; functions; structure; system-forming elements; security.*

Исследование национальной безопасности в качестве объекта государственной правовой охраны следует начать с более общего вопроса об условиях функционирования и развития национальной политико-правовой системы, т.е. о факторах определяющих ее состояние. При этом фактор безопасности должен рассматривается как необходимое условие стабильного функционирования и целостности любого социального системного образования.

Следуя вышеизложенному подходу надо учитывать, что факторный анализ предполагает исследование содержания, определение степени влияния явлений на общественную жизнь, установление взаимосвязи между различными факторами, выявленными в процессе исследования.

В целом факторы представляющие угрозу обществу по своему проявлению, источнику зарождения и направленности действия могут быть подразделены на объективные и субъективные, внутренние и внешние.

Часть факторов существует объективно и независимо от социального начала. Прежде всего, это относится к природным условиям, а также зафиксированным на историческом этапе развития страны результатам предшествующей деятельности общества с различными качественными и количественными оценками. Эта группа факторов может быть названа объективными факторами создающими угрозу социальным интересам.

С другой стороны – влияние факторов на жизнь общества, формирование ценностей и осознание субъектами через их призму различных потребностей, а также количественная и качественная оценка воздействия факторов зависят от их вовлечения в общественные процессы и степени использования людьми. Только люди, так или иначе, используют природные и другие ресурсы, совершают активные действия по преобразованию окружающего мира, формируя тем самым систему внешних связей между субъектами, а также человека с природной средой. В связи с этим вполне возможно говорить о субъективных факторах создающих угрозу социальным интересам[5, с. 75-77].

События (поступки), негативно воздействующие на общество, представляющие реальную (или потенциальную) опасность для стабильного развития и системной целостности, выступают в качестве факторов детерминирующих специфику структурирования системы безопасности [5, с. 75-77]. Сама же система безопасности осуществляет свои функции путем создания безопасных условий для человека и общества. Эти условия, взятые в комплексе (как фактический состав) могут быть определены как система безопасности или

комплексное условие, от которого зависит сама возможность стабильного функционирования и развития социальной системы.

Закономерности воздействия среды на объект (конкретную социальную систему) верны также и в отношении политико-правовой формы социальной организации, где социальное нормативное регулирование является в значительной степени осознанным, целенаправленным, а не стихийным, не спонтанным как в догосударственном обществе. По замечанию С.А. Дробышевского, «уже в Древней Греции и Древнем Риме сформировалось и получило юридическое закрепление мнение о том, что вне государства и права существование общества невозможно» [15, с.8].

В этих условиях, субъекты социальных отношений, взаимодействующие в связи с потребностью влиять на публичную политическую власть, реализуют свои частные интересы в пределах установленной государством нормативной правовой формы. Такое системное образование в теории государства и права рассматривается как политическая система [1; 4; 8; 9; 10; 11; 13; 14; 16; 17; 18; 19; 20; 21; 22; 23; 25; 26; 28; 31; 33; 34; 35; 37; 38; 41; 43; 53; 54; 55].

Объективно существующее диалектическое противоречие государственных (публичных), корпоративных и частных интересов, обусловливает необходимость таких форм социального взаимодействия, при которых эти противоречия, определенным образом нивелируются, или, по крайней мере, «сглаживаются». Это осуществляется путем выработки общих правил через унификацию, стандартизацию поведения субъектов, подчинение их деятельности общесоциальной целевой установке. Основополагающие начала, правила взаимодействия, а также общность цели объединяет индивидуальных и коллективных субъектов (государство, институты гражданского общества и индивидов) в рамках политической системы. Последняя, в свою очередь, представляет собой внешнюю форму выражения политических связей между людьми и, в силу этого, рассматривается в качестве важнейшей характеристики политического бытия общества.

В юридической науке существуют различные подходы к понятию политической системы общества. Так, например, В.М. Сырых определяет данный феномен как «совокупность государственных органов, а так же ассоциаций, объединений, образуемых гражданским обществом для участия в делах государства, решения иных политических вопросов» [47]. Это определение представляется, не совсем точным, так как простая совокупность еще не есть система, т.е. в данном определении практически не указываются на системообразующие связи и на структуру.

Более точным следует признать определение, данное В.Д. Переваловым, по мнению которого политическая система общества – это «система взаимосвязанных, взаимодействующих объединений (организаций) людей, базирующихся на разнообразных формах собственности, отражающих интересы и волю социальных классов, слоев, групп и наций, реализующих политическую власть или борющихся за ее осуществление в рамках права через государство» [29]. Несмотря на большую содержательность, по сравнению с первой приведенной формулировкой, данное В.Д. Переваловым определение выглядит в значительной степени ограниченным. Политическая система общества, представляет собой не только некую систему объединений (организаций) людей, но так же и систему политических институтов, ролей, отношений, процессов, принципов политической организации общества, регулируемых различными социальными нормами (политическими, юридическими, идеологическими, нормами нравственности и т. д.), историческими традициями и установками политического режима данного общества [30, с.273].

По нашему мнению, выглядят в достаточной степени точными те определения политической системы, в рамках которых последняя рассматривается как некая совокупность взаимодействующих между собой норм, идей и основанных на них политических институтов, учреждений и действий, организующих политическую власть, взаимосвязь граждан и государства [6, с.112; с.12; с.59, с.61].

Любая система общества, в том числе и политическая, представляет собой целостное, упорядоченное множество элементов, взаимодействие которых порождает новое качество, не присущее ее частям. Категория «политическая система» позволяет оценить политические интересы классов, социальных групп, наций, разобраться во взаимосвязи и взаимозависимости отражающих эти интересы

политических явлений.

Политическая система, в конечном счете, регулирует производство и распределение благ между социальными общностями на основе использования государственной власти, участия в ней, борьбы за нее.

Структуру политической системы образуют:

1) политико-правовые институты: государство, нации, народы, политические партии и движения, общественные организа¬ции и объединения, трудовые коллективы и т.п.;

2) политическое сознание, характеризующее психологические и идеологические стороны политической власти и политической системы;

3) социально-политические и правовые нормы, регулирующие политическую жизнь общества и процесс осуществления политической власти;

4) политические отношения, складывающиеся между элементами системы по поводу формирования и функционирования политической власти;

5) политическую практику, состоящую из политической деятельности и совокупного политического опыта.

Политическая власть, рассматриваемая как реальная способность субъекта проводить свою волю в политике [52, с.85], является системообразующей категорией, интегрирующей данные элементы в единую политическую систему.

Сущность политической системы общества наиболее ярко проявляется в ее функциях. Поэтому характеристика политической системы будет неполной без их рассмотрения.

Можно выделить следующие функции политической системы:

1) обеспечение политической власти определенной социальной группы или большинства членов данного общества (политической системой устанавливаются и осуществляются конкретные формы и методы властвования – демократические и антидемократические, насильственные и ненасильственные и т.п.);

2) управление различными сферами жизнедеятельности людей в интересах отдельных социальных групп или большинства населения (действие политической системы как управляющей включает постановку целей, задач, путей развития общества, конкретных программ деятельности политических институтов);

3) мобилизация средств и ресурсов, необходимых для достижения этих целей и задач (без огромной организаторской работы, привлечения материальных и духовных, людских ресурсов многие поставленные цели не могут быть достигнуты);

4) выявление, представительство и удовлетворение интересов различных субъектов политических отношений;

5) интеграция общества, создание необходимых условий для взаимодействия различных элементов его структуры (объединение разных политических сил направлено на сглаживание неизбежно возникающих в обществе противоречий, преодоление конфликтов, устранение коллизии);

6) политическая социализация, т.е. «процесс включения индивида в политическую систему» [30, с.278]. Этот процесс подразумевает формирование политического сознания индивида, когда последний включается в работу конкретных политических механизмов, благодаря чему происходит воспроизводство политической системы путем приобщения все новых членов общества к политическому участию и деятельности. Таким образом, политическая социализация играет роль механизма сохранения политических ценностей и целей системы, дает возможность сохранить преемственность поколений в политике[30.с.278].

7) политико-правовое обоснование публичной власти, позволяющее, в конечном счете рассматривать эту власть как легитимную.

Анализ вышеприведенных определений и признаков, позволяет сделать обобщение и сформулировать следующее определение:

Политическая система - *особая нормативная форма социальной организации, отражающая отношения социальных институтов с институтами государственной власти, а также отношения между социальными институтами возникающие при реализации субъектами своих интересов осуществляемой в форме воздействия на процессы обоснования и легитимации государственной власти; формирования государственного аппарата; реализации полномочий органами государственной власти; передачи властных полномочий.*

В качестве основного, системообразующего элемента политической системы выступает государство, которое «является важнейшим институтом политической системы в силу своего

универсального характера, определяемого, в том числе, ресурсами, несопоставимыми с другими субъектами и определяю¬щим влиянием на все сферы общества» [46, с.109]. Именно в государстве институализируется политическая власть, а само государство представляет собой, по сути, механизм ее осуществления [2; 3; 7; 24; 32; 36; 42; 48; 49; 57].

Понятия «государство» и «политическая система общества» соотносятся как часть и целое. Государство с его аппаратом публичной политической власти – это основа, «ядро» политической системы, оно концентрирует в себе все многообразие политических интересов, регулируя явления политической жизни посредством общеобязательных установлений. Именно вокруг государственной власти, по точному замечанию В.Е. Чиркина «идет борьба, а с другой стороны, складывается сотрудничество многих звеньев политической системы» [56]. Именно в этом качестве государство играет особую роль в политической системе, придавая ей целостность и устойчивость. Оно выполняет основной объем деятельности по управлению обществом, пользуясь его ресурсами и упорядочивая его жизнедеятельность.

Центральное место государства в политической системе общества предопределяется тем, что государство:

1) выступает в качестве единственного официального представителя всего народа, объединяемого в пределах его территориальных границ по признаку гражданства (подданства);

2) является единственным носителем суверенитета;

3) обладает специальным аппаратом (публичной властью), предназначенным для управления обществом;

4) имеет силовые структуры (вооруженные силы, милицию, службу безопасности и т.п.);

5) осуществляет, как правило, монополию на правотворчество;

6) владеет специфическим набором материальных ценностей (государственная собственность, бюджет, валюта и т.д.);

7) определяет главные направления развития общества.

Являясь центральным институтом политической системы и выразителем публичных (общественных) интересов, государство выражает также, корпоративные (групповые) и индивидуальные интересы. Но эти социальные интересы выражаются и поддерживаются государством в той части, которая не противоречит публичным началам.

Устанавливаемые государством нормативные властные предписания оказывают воздействие на важнейшие сферы жизнедеятельности общества и прежде всего на политическую сферу. Основы политической организации закрепляются на высшем законодательном уровне и таким образом, политической системе общества придается качество политико-правовой системы [39; 40]. При этом стабильное развитие общества «в значительной мере обеспечивается сбалансированностью общественной воли, выраженной в содержании правовых предписаний, а также тем, насколько полно в них учитыва¬ются общественные, групповые и индивиду¬альные интересы» [27].

Политико-правовая система − это разновидность социальных систем и как любое системное образование является целостным, упорядоченным множеством элементов, взаимодействие которых порождает новое качество, не присущее ее частям. Эта система целенаправленно действует, функционирует, а «функциональность есть наиболее существенная сторона любой организации» [45, с.25]. Но политико-правовая система общества не просто функционирует, а развивается в соответствии с объективными законами развития общества. «Обычное определение развития в философии гласит: развитие есть такое изменение состояний, при котором происходит переход от низших состояний к высшим, от более простых к более сложным. Причем под более сложным, высшим состоянием понимается такое, в которое включено в снятом виде основное, положительное содержание низшего, более простого состояния, да, кроме того, имеется что-то еще сверх этого содержания. Поскольку любое состояние есть единство элементов и структуры, то развитие должно быть связано с какими-то изменениями в сфере элементов и структуры. Очевидно, это изменение должно касаться и того, и другого, причем таким образом, что развитие теоретически может происходить как за счет умножения и усложнения самих элементов и присущей им структуры, так и за счет только усложнения системы отношений старых элементов, так, наконец, за счет того и другого вместе. Естественно

считать высшим выражением развития, прогресса такой процесс, когда происходит увеличение количества самих элементов данного целого, их всестороннее развитие и установление такой системы отношений между элементами, т.е. такой структуры, которая бы способствовала развитию всех основных элементов данного целого, а вместе с тем и самого целого» [44, с.17-18].

При исследовании безопасности в качестве фактора стабильного функционирования и развития политико-правовой системы весьма важно исходить из закономерностей развития систем, так как эти закономерности обусловливают и саму природу феномена «безопасность». В частности необходимо учитывать, что политико-правовая система в определенной степени детерминирует функционирование входящих в нее элементов и вместе с тем выступает по отношению к окружению как единая функционирующая и развивающаяся целостность. При этом взаимозависимость системы и среды определяется тем, что политико-правовая система формирует и проявляет свои свойства именно в процессе взаимодействия с иными социальными системами, выступая в качестве ведущего активного компонента взаимодействия.

Развитие политико-правовых систем, как любое развитие подчиняется общим законам диалектики. Оно совершается спиралевидно, в единстве и борьбе противоположностей, как переход количества в качество и обратно. Всякий отдельный прогресс развития имеет стадии: подготовку предпосылок его образования, т.е. главным образом внешнее движение (эту стадию можно назвать началом данного процесса развития); возникновение, т.е. переход к внутреннему движению; формирование, т.е. преобразование новым процессом развития тех условий, из которых он возник; собственно развитие, или зрелость процесса развития, т. е. его существование на своей основе; умирание, разрушение процесса. «Развитие как конечный процесс с самого начала в скрытом виде содержит тенденции, ведущие от низшего к высшему и от высшего к низшему. Направленность не только необходима в отдельном процессе развития, но и развивается вместе с ним. Поэтому тенденции развития, существующие вначале в скрытом виде, формируются, развиваются, достигая высшей ступени своего существования и проявления на высшей стадии развития отдельного процесса. Только тогда вполне развиваются и сами намеки на высшее в низшем и их теоретическое отражение»[51, с.89].

Здесь мы наблюдаем проявление диалектического метода при познании (анализе) такого правового явления, как политико-правовая система.

Список литературы

1. Агафонов Ю.А. Социальный порядок в России (институциональный и нормативно-правовой аспекты). – Ростов-на-Дону: СКНЦ, 2000. – 362 с.
2. Алексеев Н.Н. Идея государства. 2-е изд. / Отв. ред. В.П. Сальников, Ю.А. Сандулов. Серия: Классики истории и философии права. – СПб.: Лань, 2001. (Мир культуры, истории, философии).
3. Байтин М.И. Государственная и политическая власть. – Саратов, 1972.
4. Васильев А.И., Сальников В.П., Степашин С.В. Национальная безопасность России: конституционное обеспечение: Научное издание. – СПб., 1999.
5. Возжеников А.В. Национальная безопасность: теория, политика, стратегия. - М., 2000. - С. 75 - 77.
6. Гаджиев К.С. Политическая наука. - М., 1994. - С. 112;
7. Гомеров И.Н. Государство и государственная власть. – М., 2002.
8. Государство, общество, личность: проблемы современности / Под общ. ред. Р.А. Ромашова, Н.С. Нижник. – М.: Юристъ, 2005.
9. Гражданское общество в эпоху тоталитарной глобализации / Науч. ред. И.И. Кальной, А.В. Горбань. – Симферополь: АРИАЛ, 2011. – 648 с.
10. Гражданское общество: история и современность / Науч. ред. И.И. Кальной, И.Н. Лопушанский. 3-е изд., перераб. и доп. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2006. – 492 с.
11. Григонис Э.П., Искаков И.Ж. Гражданское общество и его институты в современной России. – СПб., 2004.
12. Демидов А.С. Политическая система и государство // Теория государства и права / Под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. - М.: Юристъ, 2000. - С. 116.

13. Дробышевский С.А. Историческое место политической организации общества и права: спорные вопросы // Правоведение. – 1991. – №4. – С. 80-85.
14. Дробышевский С.А. Политическая организация общества и право: историческое место и начало эволюции. – Красноярск, 1991.
15. Дробышевский С.А. Политическая организация общества и право как явления социальной эволюции. - Красноярск, 1995. - С. 8.
16. Злотопольский Д.Л. Государство и личность: основы взаимоотношений // Вестник МГУ. Серия 11: Право. – 1993. – №1. – С. 3-12.
17. Кальной И.И., Лопушанский И.Н. Гражданское общество: история и современность. – СПб., 2006.
18. Каменская Г.В., Родионов А. Политические системы современности. – М., 1994.
19. Керимов А.Д. Сильное государство – ответ на вызов современной эпохи. – М.: NOTA BENE, 2009.
20. Керимов А.Д. Современное государство: вопросы теории. – М.: Норма, 2008.
21. Керимов А.Д. Стратегические просчеты российской политической элиты. – М.: Норма: ИНФРА-М., 2011.
22. Козлихин И.Ю. Право и политика. – СПб., 1996.
23. Козловский П. Общество и государство: неизбежный дуализм / Пер. нем. – М., 1998.
24. Колдаев В.М. Государственная власть. Механизм государственной власти. – М., 1993.
25. Колокольцев В.А. Государственные интересы России в контексте концепции национальной безопасности. – СПб., 2004.
26. Комаров С.А. Личность в политической системе российского общества (политико-правовое исследование). – Саранск, 1995.
27. Кулапов В.Л. Российская юридическая доктрина и проблемы правопонимания // Российская юридическая доктрина в XXI веке: проблемы и пути решения: Научно-практическая конференция (3 – 4 октября 2001 г.) / Под ред. А.И. Демидова. – Саратов: СГАП, 2001. - С. 8 – 9.
28. Монов Г.Н. Государство и политическая организация общества. – М., 1994.
29. Перевалов В.Д. Государство и право в политической системе общества. // Теория государства и права. / Под ред. В.М. Корельского, В.Д. Перевалова. - М.: НОРМА-ИНФРА*М, 1998. - С. 70.
30. Политология: Энциклопедический словарь. / Под ред. Ю.И. Аверьянова. - М.: Московский коммерческий университет. 1993. - С. 273.
31. Право и общество: от конфликта к консенсусу / Под ред. В.П. Сальникова, Р.А. Ромашова. – СПб., 2004.
32. Разуваев Н.В. Традиционное государство: правовая природа, сущность и типология. – СПб., 2008.
33. Рахматулин Р.А., Хабибулин А.Г. Политическая власть и право: проблемы семиотического анализа // Правоведение. – 2000. – №2. – С. 52-59.
34. Реуф В.М., Удычак Ф.Н. Политико-правовая система общества и национальная безопасность России: современные проблемы государственно-правовой идеологии // Мир политики и социологии. – 2012. - №2. – С. 89-92.
35. Ромашов Р.А. Государство и политическая система общества // Теория государства и права: Учебник / Под ред. Р.А. Ромашова, В.П. Сальникова. В 3-х томах. Том 1. Изд. 2-е, доп. и перераб. – СПб.: Фонд «Университет», 2010. – С. 164-176.
36. Ромашов Р.А. Государство: территория, население, власть. – СПб.; Пушкин, 1998.
37. Савин В.Н. Ответственность государственной власти перед обществом // Государство и право. – 2000. - № 12. – С. 64-72.
38. Сальников В.П., Ивашов Л.Г., Джегутанов Б.К. Философия глобализации (Методологические основы геополитической доктрины России). – СПб., 2006.
39. Сальников М.В. Политико-правовая традиция, правовая культура и правовая система: к вопросу о соотношении категорий // Мир политики и социологии. – 2012. - №9. – С. 153-156.
40. Сальников М.В. Политико-правовая традиция: социальный феномен и категория теоретического правоведения // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – №11. – С. 151-166
41. Сальников В.П., Степашин С.В., Хабибулина Н.И. Государственная идеология и язык закона: Монография. – СПб., 2002.
42. Сальников В.П., Степашин С.В., Хабибулин А.Г. Государство как феномен и объект типологии: теоретико-методологический анализ. – СПб., 2001.
43. Сальников В.П., Степашин С.В., Янгол Н.Г. Свобода личности и чрезвычайное законодательство: Монография. – СПб.: Фонд «Университет», 2005.
44. Свидерский В.И. Некоторые особенности развития в объективном мире. – Л.: ЛГУ, 1964.
45. Сетров М.И. Основы функциональной теории организации. Философский очерк. – Л., 1972. -
46. Социология публичного права: антрополого-правовая парадигма: Монография. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2009.

47. Сырых В.М. Политическая система современного общества. // Теория государства и права / Под ред. В.К. Бабаева. - М.: Юрист, 1999.
48. Тихомиров Ю.А. Государственность: крах или воскрешение // Государство и право. – 1992. - №9. – С. 11-19.
49. Тихомиров Ю.А. Государство на рубеже столетий // Государство и право. – 1997. - №2. – С. 24-32.
50. Тихомиров Ю.А. О модернизации государства // Журнал российского права. – 2004. – №4. – С. 3-16.
51. Философский словарь. / Под ред. И.Т. Фролова. 4-е изд. – М.: Политиздат, 1980.
52. Философский энциклопедический словарь. - М., 1983.
53. Хабибулин А.Г., Рахимов Р.А. Государственная идеология: к вопросу о правомерности категории // Государство и право. – 1999. – №3. – С. 11-20.
54. Черненко А.Г. Общероссийская национальная идеология и государственность / Вступит. ст. В.П. Сальникова. – СПб., 1999.
55. Честнов И.Л. Общество и юриспруденция на исходе второго тысячелетия. – СПб., 1999.
56. Чиркин В.Е. Современное государство. – М., 2001.
57. Чиркин В.Е. Общечеловеческие ценности и современное государство // Государство и право. – 2002. – №2. – С. 5-14.
58. 26 понятий политического анализа. // Полис. – 1993. – № 1.
59. Polin R. L`obligation politique. Paris, 1971.

ДЕМОКРАТИЯ. ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО. ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

БЕЗРЯДИН Виктор Иванович,
профессор кафедры уголовного процесса Санкт-Петербургского университета МВД России,
кандидат юридических наук, доцент
E-mail: B.V.I.@inbox.ru

САЛЬНИКОВ Павел Петрович,
профессор кафедры уголовного права и криминологии Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского,
доктор юридических наук, профессор
E-mail: naukarf@yandex.ru

Специальность 12.00.11– Судебная деятельность, прокурорская деятельность, правозащитная и правоохранительная деятельность

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ КООРДИНАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ ПО БОРЬБЕ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

Аннотация. *Статья посвящена вопросам координации деятельности различных органов и спецслужб, государственных структур, осуществляющих правоохрану и борьбу с преступностью в стране. Речь идет о прокуратуре, судебной системе, органах внутренних дел и наркоконтроля, федеральной службе безопасности и следственном комитете, федеральной службе исполнения наказания и других государственных органах, призванных обеспечивать права и законные интересы человека и гражданина, эффективно бороться с преступностью.*

Авторы, имеющие огромный опыт работы в центральном аппарате Генеральной прокуратуры и прокурором района в г. Санкт-Петербурге (В.И. Безрядин, старший советник юстиции), в системе Министерства внутренних дел России от рядового сотрудника на земле до руководителя Главного управления внутренних дел субъекта Российской Федерации (П.П. Сальников, генерал-лейтенант милиции) на протяжении десятилетий чувствовали и ощущали необходимость изучаемого взаимодействия и координации, сами занимались этой деятельностью.

Они очень осторожно подходят к этой сложной проблеме, подчеркивают необходимость сохранения процессуальной и оперативной самостоятельности координируемых структур, учета специфики принципов и условий в их организации и деятельности. В то же время обращают внимание на то, что в основе координации лежит единство целей и задач государственных структур, призванных укреплять законность и правопорядок, бороться с преступностью, обеспечивать права и свободы личности.

Предлагаемые в статье конструкции и рекомендации вызывают безусловный интерес у теоретиков и практиков юриспруденции.

Ключевые слова: *координация; сотрудничество; взаимодействие; суд, прокуратура, органы внутренних дел; госнаркоконтроль; федеральная служба безопасности, федеральная служба охраны; таможенный комитет; пенитенциарная система; преступность; государственная*

власть; право; закон; права и законные интересы человека и гражданина.

BEZRYADIN V.I.
SAL'NIKOV P.P.

ON SOME PROBLEMS OF COORDINATING THE LAW-ENFORCEMENT AGENCIES ACTIVITY FOR FIGHTING AGAINST CRIME

The summary. *The article deals with the issues of coordination of activities carried out by various bodies and intelligence services, government agencies engaged in law enforcement and struggle against crime in the country. It is referred to the prosecutor's office, judicial system, internal affairs and drug enforcement agencies, the Federal Security Service and Investigation Committee, the Federal Penitentiary Service and other governmental agencies called upon to ensure the rights and legitimate interests of the man and the citizen, combat crime efficiently.*

The authors who have a wealth of experience of working at the headquarters of the General Prosecutor's Office and as a district prosecutor in Saint Petersburg (V.I. Bezryadin, Senior Counsellor of Justice), in the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia from an ordinary police-station officer to the head of the Chief Directorate of Internal Affairs of an constituent entity of the Russian Federation (P.P. Sal'nikov, Lieutenant General of militia) had been feeling and perceived the need for the interaction and coordination for decades, had been engaged in this activity themselves.

They approach treat this complex problem with an abundance of caution, emphasize the need for keeping the procedural and operative independence of the coordinated structures, taking into consideration the specificity of principles and conditions in their organization and activities. At the same time they focus attention on the fact that the basis of coordination is the unity of purposes and objectives of the governmental structures called upon to strengthen legality and law order, struggle against crime, ensure the rights and freedoms of the individual.

The constructions and recommendations proposed in the article arouse a definitive interest among jurisprudence theoreticians and practitioners.

Key words: *coordination; collaboration; interaction; court, prosecutor's office, internal affairs agencies; state drug enforcement agencies; Federal Security Service, Federal Protective Service; Customs Committee; penitentiary system; crime; state authority; law; statute; rights and legitimate interests of the man and the citizen.*

В условиях становления и развития гражданского общества, демократического и правового государства [34; 69; 70; 72; 75; 76; 81; 82; 88; 94; 95; 96; 97; 99; 125; 126; 131; 132; 138; 143; 151; 152; 166; 168; 170; 171; 172; 174; 181; 182; 187; 188; 194; 203], рыночной экономики, судебно-правовой реформы [39; 41; 42; 43; 44; 58; 59; 60; 61; 73; 77; 79; 80; 92; 93; 115; 116; 128; 129; 133; 137; 157; 169; 173; 175; 176; 177; 189; 190], обостренной криминогенной ситуации, принятия мер по защите прав, свобод и законных интересов человека и гражданина перед правоохранительными органами стоят весьма сложные и ответственные задачи по борьбе с преступностью и устранению причин, их порождающих [30; 31; 32; 33; 35; 36; 37; 38; 40; 45; 46; 56; 57; 63; 64; 65; 66; 75; 77; 83; 84; 85; 84; 101; 102; 105; 106; 107; 108; 111; 112; 113; 114; 119; 121; 134; 135; 136; 139; 140; 141; 142; 144; 145; 147; 149; 150; 154; 155; 158; 159; 160; 161; 162; 163; 164; 167; 179; 180; 183; 193; 195; 196; 201; 202; 204]. Для того чтобы обеспечить в соответствии с требованиями закона быстрое и полное раскрытие преступления, произвести по каждому уголовному делу всестороннее, полное и объективное расследование нужна согласованная, скоординированная работа всех правоохранительных органов. Осуществление именно такого рода деятельности является общегосударственной задачей.

Координация деятельности правоохранительных органов позволяет устранить разнобой

и параллелизм в их работе, создать единый фронт борьбы с любыми правонарушениями, найти правильное сочетание методов воспитания и убеждения со средствами принуждения и наказания.

Следует отметить, что уголовная преступность в любых её проявлениях представляет сложное явление, определяемое многими факторами экономического, культурного, нравственного и воспитательного характера. В борьбе с преступностью одинаково важно как предупредить преступление, так и своевременно привлечь к уголовной ответственности и изолировать от общества опасных преступников. Постановить законный, обоснованный, мотивированный и справедливый обвинительный приговор также важно, как и оправдать невиновного, реабилитировать его в глазах общественности. Успешное выполнение всех этих разноплановых функций по силам лишь государственным органам и общественным организациям, объединенным едиными целями и задачами.

Координация деятельности правоохранительных органов вовсе не означает, что эти органы утрачивают свою процессуальную самостоятельность и специфику принципов и условий в организации и деятельности. Каждый из них в пределах своих прерогатив, присущими им полномочиями выполняет стоящие перед ним задачи. Однако все эти органы призваны добиться того, чтобы любое лицо, совершившее преступление, было привлечено к уголовной ответственности и подвергнуто справедливому наказанию и в то же время, чтобы ни один невиновный не был привлечен к ответственности и осужден (ст.6 УПК РФ [7]).

Таким образом, в основе координации деятельности правоохранительных органов лежит единство целей и задач по укреплению законности и правопорядка, усилению борьбы с преступностью и устранению обстоятельств, способствовавших совершенному преступлению.

Процессуальные полномочия правоохранительных структур, специфика применения ими различного рода средств борьбы с преступностью, процессуальная и организационная независимость этих государственных органов друг от друга, не должны быть препятствием к укреплению и углублению координации, стремлению руководителей данных органов создать полноценный и эффективный единый фронт борьбы с преступностью в новых исторических и социально-экономических условиях российского общества. Как говорится, на работниках этих органов мундиры разные, а цели и задачи их – едины.

Цель координационной деятельности МВД РФ, Генеральной прокуратуры РФ, ФСБ РФ, Следственного Комитета РФ, Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков, Федеральной миграционной службы, Федеральной службы исполнения наказаний, Федеральной таможенной службы, Федеральной службы охраны, других государственных органов состоит в повышении эффективности борьбы с преступностью на территории Российской Федерации [10; 11; 16; 25; 28; 29; 62; 68; 87; 91; 98; 100; 103; 120; 123; 127; 146; 153; 156; 183; 184; 185; 197; 199; 200;]. Эта цель предполагает решение следующих задач:

1. Объединение усилий правоохранительных структур по своевременному выявлению и пресечению, раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений;
2. Устранение дублирования и параллелизма в работе правоохранительных органов; местнического и ведомственного подхода к решению возникающих вопросов;
3. Выработка единообразного подхода к применению законов и других нормативных правовых актов, регулирующих сферу борьбы с преступностью;
4. Формирование стабильной правоприменительной практики.

Вместе с тем, правоохранительные структуры руководствуются следующими основополагающими принципами, выработанными в их координационной деятельности:

1) Законность в координационной деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью;
2) Независимость и равенство субъектов координационной деятельности;
3) Процессуальная самостоятельность правоохранительных органов при выявлении согласованных решений и мероприятий;
4) Обеспечение качества и оперативности правоохранительными органами по борьбе с преступностью;
5) Обеспечение планомерности, целеустремленности и эффективности в осуществлении кардинальных мер по борьбе с преступ-

ностью;

6) Осуществление гласности в координационной деятельности;
7) Ответственность руководителя правоохранительного органа за выполнение согласованных решений координационного совещания.

К иным принципам координации следует также отнести:

- непрерывность и постоянность координационной деятельности;
- осуществление координационной деятельности по наиболее значимым направлениям борьбы с преступностью;
- обеспечение конспирации при проведении совместных специальных операций;
- подчинение частных (ведомственных) интересов общим.

Координационная деятельность правоохранительных структур прочно вошла в повседневную практику борьбы с преступностью. Она стала неотъемлемым условием борьбы с преступностью, а также при раскрытии и расследовании особо опасных преступлений.

Данная важная и ответственная государственная деятельность по координации правоохранительных органов в борьбе с преступностью в новых исторических и социально–экономических условиях развития нашего общества возложена на органы прокуратуры. Генеральный прокурор РФ в приказе №31 от 29 июня 1994 года «О повышении роли органов прокуратуры по борьбе с преступностью» отмечает, что «координация деятельности правоохранительных органов является важнейшим направлением в работе прокуратуры» [24]. Эта функция прокуратуры тесно связана с другими видами деятельности прокуратуры, но вместе с тем является по своей природе самостоятельной и носит ярко выраженный организационный характер [19; 20; 21; 22; 23; 26; 27; 89; 124; 198].

ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации» [9] возлагает на Генерального прокурора РФ и подчиненных ему прокуроров роль координатора деятельности правоохранительных по борьбе с преступностью.

Для осуществления взаимодействия участников такой деятельности и реализации координационных функций прокуроры наделяются соответствующими организационно – управленческими правомочиями, определяемыми Положением о координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью, утвержденным Указом Президента РФ от 18 апреля 1996 года №567 с последующими изменениями [15]. Необходимость согласованных усилий правоохранительных органов в сфере борьбы с преступностью диктуется происходящими изменениями в структуре и состоянии преступности, обусловленными социально – экономическими и общественно – политическими переменами в жизни российского общества. В условиях роста и совершенствования преступности, в особенности ее организованных форм, традиционные способы и меры воздействия на нее в последние годы явно недостаточны.

Многовековой мировой опыт говорит о том, что над проблемой преодоления преступности, поиска наиболее эффективных путей и средств ее сдерживания человечество задумывалось едва ли не с момента своего зарождения. Таким образом, согласование усилий различных структур общества, в первую очередь специально созданных для защиты правопорядка, имеет давнюю отечественную и мировую историю [1; 2; 3; 4; 5; 6; 12; 13; 14; 17; 18; 47; 48; 49; 50; 51; 52; 53; 54; 55].

Здесь важно подчеркнуть, в каких исторических условиях российский законодатель создает легитимную базу в деле борьбы с преступностью и почему именно на прокуратуру выпал жребий вновь возглавить координацию борьбы с преступностью, которую призваны вести правоохранительные структуры государства. Ведь еще совсем недавно раздавались академические и властные голоса, ставящие под сомнение необходимость сохранения и существования самой прокурорской системы в условиях рыночных преобразований и формирования правового государства.

Так, в Концепции судебной реформы РФ прямо утверждалось, что «постепенное отмирание общенадзорной функции прокуратуры не сможет повлиять на состояние законности в стране, если переход к рынку обеспечат внутренние естественные стимулы соблюдения законов» [130, стр. 59].

На потенциальные стимулы саморегуляции рынка, как известно, возлагались немалые надежды и в сфере стабилизации законности и правопорядка, воздействия на преступность. Однако, двадцатилетняя практика проведения

радикальных реформ вызвала обратный эффект. Страну захлестнула волна преступности. Усиливается организованность, криминальный профессионализм, вооруженность и техническая оснащенность преступности, представляющий прямую угрозу безопасности государства. Словом, нынешняя криминальная ситуация в России – качественно новый феномен как по масштабам преступных проявлений, так и по степени их разрушительного влияния на жизнедеятельность общества, права и свободы граждан. Это свидетельствует, на наш взгляд, о серьезных стратегических просчетах реформ, недооценке социально – правового и контрольного компонентов преобразований в условиях объективно трудного переходного периода. Понадобились годы, чтобы осознать последствия этих просчетов, в частности, приостановись дистанцирование государства от управления социально – экономическими процессами и вернуться на путь укрепления механизмов обеспечения законности, в том числе, органов прокурорского надзора.

Вскоре, прокуратура под объективным влиянием требованиям жизни общества и государства стала обрастать существенными законодательными дополнениями, раскрывающими надзорный и правозащитный потенциал прокурорской системы. Была принята новая редакция закона о прокуратуре, в которой значительно усилился целый ряд позиций прокуратуры как важнейшего государственного института правоохраны и законности. Прежде всего, появилась новая самостоятельная функция прокуратуры – надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, чему посвящена целая глава закона о прокуратуре. Значимой новеллой явилось законодательное закрепление координационной функции органов прокуратуры по борьбе с преступностью.

Однако, в юридической литературе имеются расхождения во взглядах относительно целесообразности возложения на прокуратуру координационной функции по борьбе с преступностью. Так, в соответствии со ст. 32 ФКЗ от 17 декабря 1997 г. «О Правительстве Российской Федерации» [8] Президент России руководит деятельностью федеральных органов исполнительной власти, ведающих вопросами обороны, безопасности, внутренних дел, предотвращения чрезвычайных ситуаций и ликвидации последствий стихийных бедствий, а Правительство координирует деятельность указанных органов исполнительной власти [78, стр. 213].

Как видно, наряду с Генеральной прокуратурой деятельность федеральных органов, осуществляющих уголовное преследование, координирует также Правительство Российской Федерации. Различия заключаются в том, что Генеральная прокуратура координирует их деятельность по борьбе с преступностью, а Правительство РФ в полном объеме, поскольку прокуратура не относится к системе органов исполнительной власти, функцию координации, по мнению некоторых ученых, на нее возлагать не следует. В частности отмечается, что прокуратура, как и суд, не является органом борьбы с преступностью. Но значение прокуратуры – укреплять и охранять законность, что не тождественно задаче борьбы с преступностью. Кроме того, на практике предмет координации зачастую толкуется расширительно и включает в себя и подготовку к выборам, и взаимодействие с контролирующими органами [90, стр. 32]. При этом предлагается создать внутри системы органов исполнительной власти специальный координационный орган по вопросам борьбы с преступностью и координацией. За прокуратурой же предлагается оставить перечисленные в законе о прокуратуре функции надзора [71, стр. 278].

Однако представляется, что наделение прокуроров координационными полномочиями обусловлено именно особым статусом прокуратуры, занимающим по своему функциональному назначению особое место в системе правоохранительных структур. Прокуроры располагают обширной и объективной информацией о состоянии законности и правопорядка в стране, включая данные о совершенных преступлениях, их раскрываемости и качественности расследований, причинах и условиях, способствующих их совершению, а также о результатах рассмотрения уголовных дел в судах. Прокуратура, осуществляя надзор за исполнением законов, имеет возможность выявлять недостатки в деятельности органов, проводящих оперативно – розыскную деятельность, дознание и предварительное следствие, принимать меры, направленные на их устранение. Именно поэтому прокуратура, играя роль связующего звена между органами

государственной власти, объективно оказалась наиболее подходящей государственно – правовой структурой для организации координационной деятельности по борьбе с преступностью.

Роль прокуратуры как координатора в деятельности правоохранительных органов предполагает координацию, сложение сил и средств, позволяющих получить качественно новые по своему содержанию и значимости результаты в сфере борьбы с преступностью. Координация деятельности правоохранительных структур является одним из средств урегулирования криминогенной обстановки и борьбы с преступными проявлениями.

Органы прокуратуры осуществляют координацию деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью на международном, федеральном, окружном, региональном и местном (муниципальном) уровне.

Генеральный прокурор Российской Федерации возглавляет Координационный Совет прокуроров СНГ, в рамках которого осуществляется сотрудничество органов, входящих в его состав, в области обеспечения законности, борьбы с преступностью и иными правонарушениями, координации деятельности правоохранительных органов.

На Саммите глав государств-участников Содружества Независимых Государств, которое было посвящено 20-летию образования СНГ и состоялось в начале сентября 2011 года в г. Душанбе было принято Заявление от 3 сентября 2011г. В этом Заявлении были подведены итоги сотрудничества и определены задачи взаимодействия на дальнейшую перспективу. В частности там отмечено: «В целях надежного обеспечения безопасности граждан мы будем и впредь укреплять сотрудничество в борьбе с терроризмом и иными насильственными проявлениями экстремизма, транснациональной преступностью, незаконной миграцией и торговлей людьми, незаконным оборотом наркотиков, последствиями техногенных катастроф и стихийных бедствий» [186, стр. 37].

Новелла Заявления не составляет никаких сомнений в том, что и правоохранительная деятельность государств СНГ будет примером взаимодействия.

Специфическим аспектом координации, который реализуется непосредственно Генеральной прокуратурой России, обобщение практики исполнения международных договоров и соглашений с зарубежными странами и международными организациями по вопросам сотрудничества в борьбе с преступностью и выработка соответствующих предложений [178].

На федеральном уровне участниками координации являются Генеральная прокуратура, Министерство внутренних дел, Следственный Комитет РФ, Федеральная служба безопасности, другие правоохранительные структуры Российской Федерации. На этом уровне под непосредственным руководством Генерального прокурора Российской Федерации функционирует Координационное совещание руководителей федеральных правоохранительных органов, которое принимает различные совместные решения по вопросам борьбы с преступностью, являющиеся обязательными для исполнения всеми подчиненными работниками этих органов.

В связи с созданием в 2000 году управлений Генеральной прокуратуры Российской Федерации в федеральных округах на этом уровне также осуществляется координация деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью. При этом для деятельности управлений Генеральной прокуратуры в федеральных округах координационная функция является приоритетной [117; 118].

На уровне субъектов Федерации координационную функцию выполняют прокуроры субъектов Федерации. Участниками координационной деятельности в субъектах Федерации являются военные и иные специализированные прокуроры, руководители правоохранительных структур, находящихся на территории субъектов Российской Федерации.

При необходимости органами прокуратуры может осуществляться межрегиональная координация. В этом случае, как правило, по указанию Генеральной прокуратуры координационными полномочиями наделяется один из прокуроров субъектов Российской Федерации.

Деятельность по координированию на местном (муниципальном) уровне выполняют прокуроры городов (районов и приравненные к ним прокуроры). Ее участниками являются руководители соответствующих правоохранительных органов, осуществляющие деятельность по борьбе с преступностью на данной территории.

Успех координации в существенной степени зависит от активности и инициативности, как руководителей координации, так и от дальнейшего совершенствования деятельности правоохранительных структур по расследованию преступлений и судебному рассмотрению уголовных дел.

В настоящее время на местах накоплен значительный положительный опыт по осуществлению прокурорами руководящей роли в координации. Генеральная прокуратура России, прокуроры субъектов РФ постоянно изучают и распространяют накопленный опыт в этой работе. С другой стороны, анализ ошибок, упущений и просчетов в координации также поучителен, он позволяет предупреждать их в деятельности подчиненных прокуроров.

На данное обстоятельство особое внимание обращал патриарх советской и российской прокуратура, да и всех правоохранительных органов Александр Яковлевич Сухарев [191; 192]. Его подчеркивают и другие исследователи, в том числе в исторической ретроспективе [67; 122; 165].

При осуществлении координации прокурорам подлежит избирать главные направления в деятельности правоохраны. В их числе узловые, связанные с укреплением законности и правопорядка, а именно: совершенствование работы следственного аппарата по раскрытию и расследованию преступлений; предупреждение преступлений и устранение причин и условий, их порождающих; борьба с преступностью несовершеннолетних; наркомании; противодействие терроризму, бандитизму и особо опасным преступлениям и т.д.

Определяя кардинальные направления в этом деле, прокуроры должны проявлять инициативу и творческий подход в работе с тем, чтобы она постоянно обогащалась, развивалась и совершенствовалась.

Вместе с тем, нельзя не отметить и того бесспорного факта, что координация правоохранительных структур нередко носит формальный характер. На обсуждение межведомственных совещаний выносятся подчас второстепенные, а не актуальные вопросы, как того требует состояние законности и правопорядка; совместные совещания порой проводятся редко и в ряде случаев казенно; межведомственные совещания заранее не планируются, материалы загодя не готовятся, в результате чего принимаются решения, никого и ни к чему не обязывающие.

Исполнение принятых решений не всегда контролируется руководителями правоохранительных органов, реализация разработанных предложений не подкрепляется организационными мерами. В результате чего деловое по содержанию решение не дает ожидаемого эффекта.

В современных условиях отдельные прокуроры, в особенности начинающие, вновь назначенные на руководящие должности, не всегда проявляют инициативу в координации деятельности правоохранительных органов внутренних дел. Эти молодые (начинающие) прокуроры не могут установить правильные взаимоотношения с руководителями других правоохранительных структур. Личная амбиция нередко ставится выше служебного долга.

Определенную помощь правоохранительным органам в совершенствовании координации оказывают местные органы государственной власти и управления, которые обязаны уделять внимание проблемам борьбы с преступностью и иными правонарушениями, совершенствованию деятельности правоохранительных структур.

Координация по своему назначению носит корректирующий характер в работе правоохранительных органов и способствует определению приоритетных направлений борьбы с преступностью. Конституционные основы предупреждения преступности предполагают обязательные выделения наиболее важных приоритетов борьбы с ней.

По мнению А.И. Долговой, преступность имеет свое ядро, каковой она считает преступность несовершеннолетних, организованную преступность и профессиональную преступность [104, стр. 38]. Поэтому представляется, что приоритетные направления координационной деятельности должны строиться с учетом этих трех глобальных проявлений преступной деятельности.

Кроме того, в современной России особого внимания заслуживают следующие проблемы, представляющие угрозу общественной безопасности: предупреждение преступности, терроризм, бандитизм и особо тяжкие преступления против личности, коррупция, преступления в сфере экономики, наркомания.

С учетом данных направлений работы координационная деятельность может быть классифицирована по видам и организованным признакам на следующие группы: деятельность по предупреждению преступлений; противодействие терроризму, бандитизму и особо опасным преступлениям, организованным преступным группировкам; преступлениям в сфере экономики; противодействие наркомании и преступности несовершеннолетних; противодействие организованной и профессиональной преступности [109, стр. 113].

Создав мощный государственный кордон, опирающийся на предупредительно профилактическое основание, общество может установить действенный контроль над преступностью и повернуть ее опасные тенденции вспять. Это, кстати, давно поняли многие страны. И не случайно наш богатый отечественный опыт профилактики был взят на вооружение и успешно модернизирован в целом ряде иностранных государств.

Поэтому возрождение координации и воспитательно-предупредительной системы на базе новых социальных реалий и с учетом тревожных криминогенных тенденций должно составлять стержневую основу в борьбе прокуратуры по координации совместной деятельности правоохранительных структур.

К сожалению, как показывает практика в деятельности многих координационных структур, начиная от всероссийской и кончая городскими и районными, это ведущее направление по борьбе с преступностью не получает развития. В этой связи оправдано было бы вынести этот вопрос на рассмотрение координационного совещания при Генеральной прокуратуре Российской Федерации с участием всех заинтересованных федеральных служб и общественных организаций и дать импульс развертыванию профилактической работы в стране.

Возложение на прокуратуру координационной функции найдено в целом удачное и результативное. Достаточно проанализировать перспективные и текущие планы работы координационных совещаний, принятие ими решения, чтобы убедиться в актуальности проблем, которые требуют проведения совместных мероприятий, совершенствование организационных основ координационной деятельности прокуратур регионов.

Однако координационная база все еще находится в стадии становления, она нуждается в солидном научно методическом оснащении, системном характере самого взаимодействия и синхронности организационных мер. К сожалению, пока не созданы устойчивые механизмы оперативного взаимодействия на «горячих» участках криминальной и террористической активности, не просматривается сосредоточение внимания по профилактической направленности мероприятий по борьбе с преступностью.

Эти выводы и соображения диктуют необходимость дальнейшего совершенствования координационной функции прокуратуры, использование для её подпитки аналитических наработок всех направлений надзора, опыта правовых государств с отлаженными рыночными механизмами. Но эти же соображения логически наводят на мысль нарастить потенциал деятельности прокуратуры, обновить сам ее статус с учетом нынешней криминогенной обстановке в стране.

Теперь, когда найдена оптимальная форма объединения усилий правоохранительных органов в борьбе с преступностью, определены цели, задачи, принципы, основные приоритетные направления и субъекты интеграционной работы, важно заботиться о технологическом и тактическом оснащении координаций, научить коллективной сложенной работе непосредственных проводников воли и замыслов силового блока – следователей, уполномоченных уголовного розыска, специалистов оперативно технических служб, надзорных органов.

Это связано главным образом с изменившейся природой, эволюцией и тенденцией самой преступности, насквозь пронизанной корыстно-спекулятивными метастазами, тонко завуалированной под легальный бизнес, первоклассно оснащенный контр агентурной, оправдательной информационно-документированной и юридической сноровкой. Если учесть материальные возможности «состоятельного» криминалитета, его изощренность по развалу дел, в состязательном процессе, то становится очевидным участившийся проигрыш криминальному противнику.

Упреждающая оперативность, отточенная технология взаимодействия всех правоохранительных структур в целом, где каждое

профессиональное звено действует как единый отлаженный механизм, выходит в настоящее время на передний план.

Технология и тактика должны проходить красной нитью на всех уровнях координации не только на районном, но и на субъективном уровне и в национальном масштабе в связи с нормотворчеством, экстрадицией, выдачей преступников.

Не надо доказывать актуальность слаженной работы в пресечении международного терроризма и экстремизма, нарастающей наркоагрессией, незаконной торговлей оружием и людьми.

В связи с этим, перед правоохранительными службами и их прокурорским координатором встали непростые задачи: узреть в корне истоки застаревшей преступности с её непривычными характеристиками и закономерностями регуляции.

Естественно, по новому встает проблема координации как функциональной государственной обязанности и правомочия прокуратуры. Представляется, что простое «физическое» наращивание координационного потенциала не достигнет цели в современных условиях, если не понять содержательной, сущностной логики функционирования рыночной экономики, не знать причин криминализации. Эти проблемы, к сожалению, пока как следует не изучены. Россия только начинает осваивать рыночные издержки.

В тоже время координационную функцию прокурату в силу ее ограниченного характера абсолютизировать нельзя. Прокурор, организуя и осуществляя координацию деятельности правоохраны, в общем, не является в точном смысле организатором борьбы с преступностью. В широком смысле действия государственных органов, хозяйствующих субъектов, органов правоохраны и общественности по борьбе с преступностью должны координироваться не на ведомственной, а на государственной основе, в рамках установленных законом [148, стр. 20].

В общегосударственном масштабе задачи по организации борьбы с преступностью решают органы исполнительной власти с использованием социальных, экономических, политических, организационных, воспитательных и иных мер. Соответственно на органы исполнительной власти ложится обязанность общего руководства борьбой с преступностью, в том числе выполнение координационных функций в выработке идеологий и основ государственной политики по противодействию преступности, определению механизма взаимодействия всех государственных органов и негосударственных структур, соединению усилий институтов государства и гражданского общества в укреплении законности и правопорядка [110, стр. 63].

Проблема координации в борьбе с преступностью, ставшая органическим компонентом Российских рыночных отношений, безотлагательно требует неординарных взаимодействующих усилий не только служб правоохранительных органов, но и на уровне Федерального правительства.

Речь идет о том, что уже назревает координация более высокого правительственного уровня, стержневым цементирующим основанием который станет профилактическая направленность предупреждения преступности.

На ее широкий воспитательно-предупредительный и нормативно- договорной диапазон смогут опереться, как межведомственная координационная структура, так и международные организации, имеющие коммерческие и иные интересы в России.

Известно, что преступность по природе своей сложное социальное явление. Однако ее нынешняя российская неординарность требует мобилизации возможностей правоохранительных органов и заинтересованных государственных структур всех уровней, всех здоровых сил общества.

В настоящее время выстроить стратегическую линию, объединить усилия в предупреждении преступности в масштабе страны под силу лишь федеральной власти.

Поэтому предусмотренная ФЗ «О прокуратуре РФ» координационная функция должна обрести принципиальное отличие по своему содержанию, преступной нацеленности, объединенных усилий на подавление, минимизацию опасной криминальной активности, на увеличение оперативности действий.

Выбор тактических приемов и мобилизация материально кадрового обеспечения - ключевые атрибуты прокурорской координации, которые в отличие от ныне действующей факультативной и рекомендательной, могут обрести императивные и властные основания.

Список литературы

1. Выступление В.В. Путина на представлении ежегодного Послания Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации 8 июля 2000 года // Российская газета. – 2000. 11 июля.
2. Медведев Д.А. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации 22 декабря 2011 г. // Российская газета. 2011. – № 290 (5666). 23 декабря.
3. Путин В. Быть сильными: гарантии национальной безопасности России // Российская газета. – 2012. – № 5709. 20 февраля.
4. Путин В. Демократия и качество государства // Коммерсантъ. – 2012. – №2/П(4805). 6 февраля.
5. Путин В. Россия: национальный вопрос // Независимая газета. – 2012. – №7(5493). 23 января.
6. Путин В. Судебная система будет постоянно находиться в поле зрения руководства страны (Выступление Президента России на 6 Всероссийском съезде судей) // Судья. – 2005. – № 1.
7. Уголовный процессуальный кодекс Российской Федерации. – М., 2012.
8. Федеральный конституционный закон Российской Федерации от 17 декабря 1997 г. № 2-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1997. – № 51. – Ст. 5712.
9. Федеральный закон Российской Федерации от 17 января 1992 г. №2202-I «О прокуратуре Российской Федерации» // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. – 1992. – № 8. – Ст. 366.
10. Федеральный закон Российской Федерации от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ (в ред. от 27.07.2006) «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации». Ст. 20 ч. 5 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1999. – № 42. – Ст. 5005; Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 31. – Ст. 3452.
11. Федеральный закон Российской Федерации от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации». Ст. 17 ч. 1 п. 3, 6 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2004. – № 31. – Ст. 3215.
12. Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. №3-ФЗ «О полиции» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 7. – Ст. 900.
13. Федеральный закон от 30 ноября 2011 г. №342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел РФ и внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/law/hotdocs/15745.html
14. Указ Президента Российской Федерации от 6 сентября 1993 г. №35 «О профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, защите их прав» // Собрание актов Президента и Правительства Российской Федерации. – 1993. – № 37.
15. Указ Президента Российской Федерации от 18 апреля 1996 года №567 «Положение о координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью» // Российская газета. – 1996. – № 83.
16. Указ Президента Российской Федерации от 13 октября 2004 года № 1314 «Вопросы Федеральной службы исполнения наказаний» // Собрание законодательства Российской Федерации. – № 42. – Ст. 4109.
17. Приказ МВД России от 26 февраля 1992 г. №59 «О средствах массовой информации и улучшении взаимодействия органов внутренних дел с печатью, радио, телевидением». – М., 1992.
18. Приказ МВД России от 28 декабря 1992 г. № 479 «Об организации работы пресс-служб органов внутренних дел». – М., 1992.
19. Приказ МВД России и ФАС России от 30 декабря 2004 г. №878/215 «Об утверждении Положения о порядке взаимодействия Министерства внутренних дел Российской Федерации и Федеральной антимонопольной службы», г. Москва. – М., 2004.
20. Приказ Генпрокуратуры России, ФНС России, Росфинмониторинга, ФСБ России, МВД России, Центрального банка Российской Федерации от 1 ноября 2006 г. № 99/САЭ-3-23/754/178/516/868/ОД-554 «О создании Межведомственной рабочей группе по противодействию преступлениям в сфере экономики», г. Москва. – М., 2006.
21. Приказ Генеральной прокуратуры, МВД, ФСБ, ФНС, Росфинмониторинга, Банка России от 28 февраля 2007 г. №40/210/82/САЭ-3-09/16/46/ОД-194 «Об утверждении Регламента межведомственного взаимодействия и информационного обмена правоохранительных и контрольно-надзорных органов при осуществлении деятельности по противодействию преступлениям и иным правонарушениям в сфере экономики», г. Москва. – М., 2007.
22. Приказ МВД России, Минобороны России, ФСБ России, СВР России, Росфинмониторинга от 14 мая 2007 г. № 426/183/117/43/106 «Об утверждении Инструкции по организации взаимодействия МВД России, Минобороны России, ФСБ России, СВР России, ФМС России и Росфинмониторинга по пресечению финансирования из зарубежных источников незаконных вооруженных формирований, действующих в Северо-Кавказском регионе

Российской Федерации», г. Москва. – М., 2007.
23. Приказ Генпрокуратуры России, МВД России, ФСБ России, ФСКН России, ФТС России, Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации, Росфинмониторинга от 05.08.2010 № 309/566/378/318/1460/43/207 «Об утверждении Инструкции по организации информационного взаимодействия в сфере противодействия легализации (отмыванию) денежных средств и иного имущества, полученных преступным путем», г. Москва. – М., 2010.
24. Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 29 июня 1994 года №31 «О повышении роли органов прокуратуры по борьбе с преступностью» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=EXP;n=300808
25. Постановление Правительства Российской Федерации от 5 декабря 2005 г. № 725 «Положение о взаимодействии и координации деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и территориальных органов федеральных органов исполнительной власти» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2005. – № 50. – Ст. 5311.
26. План совместных мероприятий по противодействию правонарушениям в экономической и социальной сферах в связи с принимаемыми Правительством Российской Федерации мерами по укреплению финансового и других секторов экономики, утвержденного решением Межведомственной рабочей группы по противодействию преступлениям в сфере экономики от 11.11.2008 (исх. № 73/1-1341-2008 от 18.11.2008 из Генпрокуратуры) (вх. № 35771 от 24.11.2008). – 2008. – М., 2008.
27. Комплексный план совместных мероприятий МВД России, ФСБ России, ФСКН России, Минобороны России, Минюста России, ФТС России, Росфинмониторинга и Генеральной прокуратуры Российской Федерации по борьбе с преступлениями в экономической сфере на 2008-2010 годы, № 1/3305 от 22 января 2008 г. – М., 2008.
28. Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 г.: Утверждена Президентом Российской Федерации 13 июня 2012 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.garant.ru/hotlaw/federal/402320/
29. Абдрахманов А.И., Хабибулин А.Г. Министерство внутренних дел на рубеже эпох: традиции и перспективы // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 10. – С. 22-30.
30. Абдулаев М.И. Права и человека и закон: Дис. … докт. юрид. наук. – СПб., 1998.
31. Абдулаев М.И. Права человека: историко-сравнительный анализ. – СПб., 1998.
32. Аврутин Ю.Е., Гилинский Я.И. Криминологический анализ преступности в регионе. – Л., 1991.
33. Аврутин Ю.Е., Гуляев А.П., Егоршин В.М., Сальников В.П., Шапиев С.М. Преступность, общество, государство: проблемы социогенезиса. Опыт междисциплинарного теоретико-прикладного исследования / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2002.
34. Агапов Д.А. Правовая культура как элемент гражданского общества // Правовая культура. Научный журнал. – 2007. – № 1.
35. Александров А.И. Уголовная политика и уголовный процесс в Российской государственности: история, современность, перспективы, проблемы / Под ред. В.З. Лукашевича. – СПб.: СПбГУ, 2003.
36. Александров А.И. Уголовно-процессуальная политика России в условиях реформирования государства: теория и современность. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 1998.
37. Александров Р.А. Проблемы противодействия наркобизнесу в Российской Федерации / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2005.
38. Александров Р.А. Противодействие наркобизнесу в системе обеспечения национальной безопасности России / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2007.
39. Александров Р.А., Антонов И.А., Горленко В.А., Кондрат И.Н. Независимость суда в России: идеи и реальность // Мир политики и социологии. – 2012. – № 7. – С. 29-34.
40. Александров Р.А., Горбашев В.В., Ильичев В.В., Кондрат И.Н. Терроризм и наркобизнес: финансово-экономическая обусловленность // Правовое поле современной экономики. – 2011. – № 3. – С. 28-30.
41. Александров Р.А., Горленко В.А., Кондрат И.Н., Третьяков И.Л. Россия на рубеже XX – XXI веков: реформа судебной системы // Мир политики и социологии. – 2012. – № 1. – С. 97-101.
42. Александров Р.А., Кондрат И.М., Ретунская Т.П. Понятие доказательства в уголовном процессе: спорные вопросы теории // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 8. – С. 66-77.
43. Александров Р.А., Кондрат И.Н., Леонов А.И. Уголовное судопроизводство и судебный контроль // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 2. – С. 75-79.
44. Александров Р.А., Кондрат И.Н., Ретунская Т.П. Правовая регламентация доказывания обновляется, но проблемы остаются // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 7. – С. 134-140.
45. Алексеев А.И., Овчинский В.С., Побегайло Э.Ф. Российская уголовная политика: преодоление кризиса. – М.: НОРМА, 2006.
46. Алиев Я.Л., Сальников П.П. Международная правовая деятельность и полицейские традиции России //

Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 8. – С. 130-150.
47. Алиев Я.Л., Сальников П.П. Государственность и ее система: место полицейского традиционализма // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 2. – С. 25-33.
48. Алиев Я.Л., Сальников П.П. Государственность, законность и традиции полиции как социальная ценность // Мир политики и социологии. – 2012. – № 8. – С. 7-20.
49. Алиев Я.Л., Сальников П.П. Демократизация и укрепление связи с народом – ведущая традиция в прогрессе полиции // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 9. – С. 37-52.
50. Алиев Я.Л., Сальников П.П. Правовая реальность и формирование традиций полиции // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 7. – С. 61-75.
51. Алиев Я.Л., Сальников П.П. Традиции и традиционализм полиции: общая характеристика понятий // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 2. – С. 7-19.
52. Алиев Я.Л., Сальников П.П. Традиции полиции как связь и преемственность истории российской государственности // Мир политики и социологии. – 2012. – № 7. – С. 7-18.
53. Алиев Я.Л., Сальников П.П. Традиции полиции: государственно-правовая сущность // Мир политики и социологии. – 2012. – № 2. – С. 7-19.
54. Алиев Я.Л., Сальников П.П. Традиции полиции: некоторые особенности // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 7. – С. 7-15.
55. Алиев Я.Л., Сальников П.П., Реуф В.М. Правовая идеология в контексте кумулятивной и прогностической функций традиций полиции // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 8. – С. 21-33.
56. Алиев Я.Л., Аруев К.Б., Сальников С.П., Третьяков И.Л. Автотранспортные преступления в России: общее состояние проблемы // Правовое поле современной экономики. – 2012. – №1. – С. 128-134.
57. Андреева Л.А. Коррупция и рейдерство (уголовно-правовой аспекты) // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. – 2011. – № 2(39). – С. 149-160.
58. Антонов И.А., Антонова Л.Г. Децентрализация как условие модернизации судебной системы Российской Федерации // Юридическая наука: история и современность. – 2011. – № 2. – С. 67-71.
59. Антонов И.А., Горленко В.А., Гурбанов А.Г., Кондрат И.Н. Безопасность личности и уголовный процесс / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2009.
60. Антонов И.А., Горленко В.А., Михайлов Н.Н. Третьяков И.Л. Судебно-правовая реформа в Российской Федерации: итоги, состояние, перспективы / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2006.
61. Антонова Л.Г., Виноградов М.Ю., Кондрат И.Н., Рытькова В.Ю. Элементы процессуального статуса следователя в уголовном судопроизводстве России // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 1. – С. 148-152.
62. Ардашкин В.Д. К теории правоохранительного механизма // Правоведение. – 1988. – № 1. – С. 11-16.
63. Бабаджанов И.Х., Реуф В.М., Хасанова С.Г. Материальный и духовный мир человека и общества как объект охранительных правоотношений: ценностный подход // Мир политики и социологии. – 2012. – № 2. – С. 57-63.
64. Бабаджанов И.Х., Реуф В.М., Хасанова С.Г. Правоохранительная деятельность как социальная ценность: некоторые вопросы правовой защиты человека, общества и государства // Мир политики и социологии. – 2012. – № 7. – С. 57-64.
65. Бабаджанов И.Х., Реуф В.М., Хасанова С.Г. Человек, общество, государство: аксиологическая оценка и идеологическая основа охранительных правоотношений // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 2. – С. 130-138.
66. Бабкин А.А. Способы и обстановка получения взяток сотрудниками органов наркоконтроля: механизм совершения преступления // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 10. – С. 106-111.
67. Багдасарян А.В. Прокуратура как координатор деятельности правоохранительных органов. Ереван, 1995.
68. Байков А.Ф. Правовая идеология: теоретический аспект // Вест. Уфимского юридического ин-та МВД России. – 2006. – № 1.
69. Байков А.Ф. Правовая идеология: сущность и реализация в условиях правового государства: Автореф. дис… канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2006.
70. Байтин М.И. Законность и правопорядок в условиях формирования правового государства: реальность и перспектива (социально-правовые проблемы) / Под ред. В.И. Новоселова. – Саратов, 1995.
71. Басхолов С.С. Основы уголовной политики: Конституционный, криминологический, уголовно – правовой и информационный аспекты. – М., 1999.
72. Батурин Ю.М., Лившиц Р.З. Социалистическое правовое государство: от идеи к осуществлению. Политико-правовой взгляд. – М.: Наука, 1989.
73. Бедняков Д.И. Некоторые аспекты судебно-правовой реформы в РСФСР // Государство и право. – 1994. – № 5.
74. Безрядин В.И., Сальников П.П., Шхагапсоев З.Л. Юридическое образование как социальная ценность

гражданского общества и правового государства // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 1. – С. 35-42.
75. Беляева Л.И., Кулакова Н.Г. Торговля несовершеннолетними и меры борьбы с ней. – М., 2003.
76. Боер В.М., Городенец Ф.М., Григонис Э.П., Сальников М.В., Янгол Н.Г. Правовое государство: реальность, мечты, будущее: Научное издание / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Алитейя, 1999.
77. Бойков А.Д. Государственная политика борьбы с преступностью и ее отражение в праве и правосудии // Россия на рубеже тысячелетий. – М., 2000.
78. Бойков А.Д. Третья власть в России. Очерки о правосудии, законности и судебной реформе 1990 – 1996 г.г. – М., 1997.
79. Бурлацкий Ф.М. Политическая культура России и общечеловеческие ценности // Рабочие материалы IX Международных Лихачевских научных чтений. – СПб.: ГУП, 2009.
80. Бородин С.В., Кудрявцев В.Н. О судебной власти в России // Государство и право. – 2001. – № 10. – С. 21-27.
81. Буряк В.В. Глобальное гражданское общество и сетевые революции. – Симферополь: ДИАЙПИ, 2011. – 152 с.
82. Буряк В.В. Гражданское общество в эпоху глобальных трансформаций // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия: Философия. Культурология. Политология. Социология. Т. 25(64). №3. – Симферополь, 2012. – С. 25-32.
83. Васильев А.Н. Проблемы методики расследования преступлений. – М., 1978.
84. Верещагин В.А. Наркотизация населения на территории Российской Федерации / Под ред. Л.М. Исаевой. – М., 2005.
85. Волженкин Б.В., Колесников В.В. Экономическая преступность и политическая коррупция // Политический режим и преступность / Под ред. В.Н. Бурлакова, В.П. Сальникова. – СПб.: Юридический цент-Пресс, 2001. – С. 260-308.
86. Волженкин Б.В., Колесников В.В., Егоршин В.М. Преступность в сфере экономической деятельности // Криминология: Учебник для юрдич. вузов / Под ред. В.Н. Бурлакова, В.П. Сальникова, С.В. Степашина. – СПб.: Лань, 1998.
87. Волчков Д.И. Современная уголовная политика и деятельность учреждений, исполняющих наказания (организационно-правовой аспект) // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 7. – С. 56-60.
88. Гавриленко Д.А. Правовое государство и дисциплина. – Минск: Наука и техника, 1991.
89. Галкин Д.В. Роль органов внутренних дел в обеспечении финансовой безопасности государства // Актуальные проблемы предупреждения правонарушений в сфере общественного порядка и общественной безопасности: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, 14-15 мая 2009 г. – Хабаровск: Дальневост. юрид. ин-т МВД России, 2009.
90. Говорков Н. Координация: форма и суть // Законность. – 2005. – №7.
91. Голубев А.Г., Реуф В.М. Соглашение и договор как элементы механизма взаимодействия территориальных органов ФСИН с органами государственной власти субъектов Российской Федерации // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 9. – С. 58-64.
92. Горленко В.А. Реформа уголовного суда и судопроизводства на современном этапе развития российского государства / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2009.
93. Горленко В.А., Гурбанов А.Г., Кондрат И.Н., Тарайко В.И. Прокуратура сегодня: цели, задачи и функции // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 1. – С. 127-130.
94. Гражданское общество в эпоху тотальной глобализации / Науч. ред. И.И. Кальной, А.В. Горбань. – Симферополь: АРИАЛ, 2011. – 648 с.
95. Гражданское общество и правовое государство: предпосылки формирования / Отв. ред. Г.Н. Манов. – М., 1991.
96. Гражданское общество: истоки и современность / Науч. ред. И.И. Кальной, И.Н. Лопушинский. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2006.
97. Григонис Э.П. Понятие и основные черты механизма правового государства // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2000. – № 2 (6). – С. 51-57.
98. Григонис Э.П. Правоохранительные органы. – СПб., 2002.
99. Григонис Э.П., Искаков И.Ж. Гражданское общество и его институты в современной России. – СПб., 2004.
100. Григонис Э.П., Харченко О.В. Полицейская деятельность как форма реализации правоохранительной функции государства в России (на примере деятельности органов внутренних дел, органов государственной безопасности и пенитенциарных учреждений). – СПб., 2009.
101. Григонис Э.П., Харченко О.В. Правоохранительная функция государства и формы ее реализации. – СПб.: Книжный дом, 2007.
102. Гуров А.И. Профессиональная преступность: прошлое и современность. – М.: Юрид. лит., 1990.
103. Гуцериев Х.С., Сальников В.П., Степашин С.В., Федоров В.П., Худяк А.И. Человек и правоохранительная

деятельность: Научное издание / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб: Фонд «Университет», 2000.
104. Долгова А.И. Формирование государственной политики борьбы с преступностью. – М., 1997.
105. Ерохина Л.Д., Буряк М.Ю. Торговля женщинами в целях сексуальной эксплуатации: теория и практика борьбы. – Владивосток: ДВГУ, 2001.
106. Ерохина Л.Д., Буряк М.Ю. Торговля женщинами и детьми в целях сексуальной эксплуатации в социальной и криминологической перспективе. – М.: Профобразование, 2003.
107. Журавлев С.Ю., Пигаев А.М. Торговля людьми: механизм преступной деятельности, методика расследования: Научно-практическое пособие. – М.: Юрлитинформ, 2006.
108. Завьялов И.А. Криминологическая характеристика преступлений, совершаемых в сфере потребительского рынка // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 10. – С. 112-117.
109. Зинуров Р. Приоритетные направления в координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью // Уголовное право. – 2001. – № 3.
110. Зинченко Н.И. Прокурорский надзор: Учебное пособие. – М., 2001.
111. Зоиров Д.М., Рахимов Р.Х. Противодействие незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ в Республике Таджикистан: Монография. – Душанбе: Ирфон, 2005.
112. Зоиров С.Д. Организация предупреждения незаконного оборота наркотических средств подразделениями МВД Республики Таджикистан // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 2. – С. 134-140.
113. Зоиров С.Д. Типичные следственные ситуации по уголовным делам о незаконном обороте наркотических средств // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 8. – С. 88-93.
114. Зоиров С.Д. Уголовная ответственность за незаконный оборот наркотических средств в Таджикистане и России: сравнительно-правовой анализ // Мир политики и социологии. – 2012. – № 7. – С. 35-38.
115. Зорькин В.Д. Россия и Конституция в XXI веке. Взгляд с Ильинки. – М.: Норма, 2007.
116. Зорькин В.Д. Современный мир, право и Конституция. – М.: Норма, 2010.
117. Зубрин В.В. Законность в федеральном округе (нормативно-правовое обеспечение) / Под общ. ред. В.П. Сальникова. СПб.: Фонд «Университет», 2004.
118. Зубрин В.В. Конституционная законность и механизм ее обеспечения в федеральном округе: Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. СПб.: Фонд «Университет», 2004.
119. Иванов В.П. О наркоситуации в Российской Федерации // Наркоконтроль. – 2008. – № 3.
120. Ивахнюк И.В. Нелегальная миграция в контексте национальной безопасности России // Миграция и внутренняя безопасность. Аспекты взаимодействия: Сборник материалов IX Международного семинара по актуальным проблемам миграции (23-24 июня 2003 г.). – М., 2003.
121. Исмагилов Р.Ф., Карагадов А.В., Сальников В.П. Межнациональный конфликт: понятие, динамика, механизм разрешения / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2003.
122. Казанцев С.М. Функция надзора в государственном аппарате Российской Империи // Правовой режим законности: вопросы теории и истории: Материал Межвузовой научно-теоретической конференции, г. Санкт-Петербург, 15 февраля 2001 года / Под общ. ред. Д.И. Луковской. – СПб.: СПбГУ, 2001. – С. 136-138.
123. Калинин Ю.И. ГУЛАГа не будет // Наказание: справедливость, законность, гуманизм: Материалы междунар. науч.-практ. конф. – Рязань: РВШ МВД РФ, 1994.
124. Клещенко Ю.Г., Савченко М.М. Финансовый контроль как один из факторов обеспечения финансовой безопасности // Финансовое право. – М.: Юрист, 2009. – № 5.
125. Коваленко А.И. Проблемы теории и практики правового государства: Теорет. курс. авториз. изложения. – М.: Изд-во МЭГУ, 1994.
126. Козлихин И.Ю. Идея правового государства. История и современность. – СПб.: СПбГУ, 1993.
127. Комплексный план совместных мероприятий МВД России, ФСБ России, ФСКН России, Минобороны России, Минюста России, ФТС России, Росфинмониторинга и Генеральной прокуратуры Российской Федерации по борьбе с преступлениями в экономической сфере на 2008-2010 годы, № 1/3305 от 22 января 2008 г. – М., 2008.
128. Кондрат И.Н. Обеспечение прав личности в досудебном производстве по уголовным делам: законодательное регулирование и правоприменительная практика: Монография. – М.: Форум, 2011 – 176 с.
129. Кондрат И.Н. Права человека и уголовно-процессуальный закон (досудебное производство): Монография. М.: Юстицинформ, 2012. – 320 с.
130. Концепция судебной реформы в российской Федерации. – М., 1992.
131. Коэн Дл., Арато Э. Гражданское общество и политическая теория. – М.: Весь мир, 2003.
132. Красин Ю. Гражданское общество, плюрализм и толерантность // Стратегии формирования гражданского общества в России. – СПб., 2002.
133. Краснов М. От Концепции 1991 года до сегодняшнего дня. Попытка инвентаризации // Российская юстиция. – 2001. – № 11.

134. Криминология – XX век / Под ред. В.Н. Бурлакова, В.П. Сальникова. – СПб.: Юридический цент-Пресс, 2000.
135. Кудрявцев В.Н. Преступность и право переходного общества. – М., 2002.
136. Кудрявцев В.Н. Транснациональная преступность и противоречия глобализации // Российской государство и углубление реформ в контексте глобализации мировых процессов, внешних и внутренних угроз безопасности России, борьбы с организованной преступностью и коррупцией: Матер. конференции. Вып. 1. – Калуга, 2001.
137. Лебедев В.М. Судебная власть в современной России. Проблемы становления и развития. – СПб.: Лань, 2001.
138. Лопушанский И.Н. Гражданское общество: проект или прожект // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия: Философия. Культурология. Политология. Социология. Т. 25(64). № 3. – Симферополь, 2012. – С. 32-40.
139. Лунеев В.В. Преступность XX века: Мировой криминологический анализ. – М., 1997.
140. Лунеев В.В. Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции. Изд. 2-е. – М., 2005.
141. Малков С.П., Никонов Д.А. Правовое регулирование противодействия коррупции в Российской Федерации и Санкт-Петербурге: Научно-практическое пособие / Под ред. Л.П. Богданова, Д.А. Никонова. – СПб., 2012. – 388 с.
142. Малуева Е.С. Некоторые особенности преступлений, связанных с хищением средств государственных внебюджетных фондов // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 9. – С. 92-93.
143. Мамут Л.С. Демократическое правовое государство в России: проблемы становления // Журнал российского права. – 2006. – № 12. – С. 108-116.
144. Международный терроризм: политический анализ рисков и стратегий обеспечения безопасности: В 3-х томах / Гл. ред. А.А. Оводенко. – СПб.: Наука, 2008.
145. Мизулина Е.Б. Торговля и рабство в России: международно-правовой аспект. – М.: Юристъ, 2006.
146. Морин А.В. Проблема латентности миграционной преступности // Материалы конференции в Уфимском юридическом институте МВД России, 2003 г. – Уфа, 2003.
147. Мусаев М.А., Третьяков И.Л. Государственная власть и преступность в России // Мир политики и социологии. – 2012. – № 1. – С. 77-87.
148. Мыщиков А. Координационная деятельность прокуратуры: какой она должна быть? // Законность. – 2005. – № 5.
149. Наркотики в России: преступления и расследование / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 1999.
150. Наумец А.Б., Плешаков А.А. О наркопреступности в вооруженных силах // Защита и безопасность. – 2012. – № 4. – С. 19-21.
151. Нерсесянц В.С. История идей правовой государственности. – М., 1993.
152. Нерсесянц В.С. Правовое государство, личность, законность. – М., 1997.
153. Никитенко Е.Г., Синицын И.М. Приоритетные направления государственной политики в сфере управления кризисно-конфликтными ситуациями, обусловленными миграционными процессами // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 10. – С. 36-44.
154. Овчинский В.С. XXI век против мафии. Криминальная глобализация и Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности. – М.: Инфра-М, 2001.
155. Организованная преступность, миграция, политика. – М., 2002.
156. Официальный сайт МВД России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: mvd.ru
157. Петрухин А.М. Что будет с судебной реформой? // Государство и право. – 1994. – №10.
158. Пиров М.Т. Борьба с рабством: международно-правовые аспекты // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 2. – С. 146-151.
159. Пиров М.Т. Глобализация в современном мире и борьба с торговлей людьми в Республике Таджикистан // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 7. – С. 130-133.
160. Пиров М.Т. Организация борьбы с торговлей людьми в Республике Таджикистан // Мир политики и социологии. – 2012. – № 7. – С. 101-104.
161. Пиров М.Т. Правовые и организационные основы сотрудничества государств в борьбе с торговлей людьми и использованием рабского труда // Мир политики и социологии. – 2012. – № 2. – С. 105-115.
162. Пиров М.Т. Работорговля в современном глобальном мире: социальный и криминалистический аспекты // Мир политики и социологии. – 2012. – № 9. – С. 120-134.
163. Пиров М.Т. Торговля людьми и использование рабского труда в контексте рыночной экономики: значимость и актуальность расследования преступлений // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 8. – С. 77-87.

164. Пиров М.Т. Торговля людьми и использование рабского труда: специфические особенности расследования преступлений // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 7. – С. 98-105.
165. Плевако Л.В. Надзорно-контрольная деятельность как юридическая гарантия законности // Правовой режим законности: вопросы теории и истории: Материалы Межвузовской научно-теоретической конференции, г. Санкт-Петербург, 15 февраля 2001 года / Под общ. ред. Д.И. Луковской. – СПб.: СПбГУ, 2001. – С. 136-138.
166. Поколения в истории: ритмы духовности / Науч. ред. И.И. Кальной, А.В. Горбань. – Симферополь: АРИАЛ, 2012. – 440 с.
167. Политический режим и преступность / Под ред. В.Н. Бурлакова, В.П. Сальникова. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2001.
168. Право и общество: от конфликта к консенсусу / Под ред. В.П. Сальникова, Р.А. Ромашова. – СПб., 2004.
169. Право и правосудие в современном мире: Сб. статей. – СПб., 2012.
170. Правовое государство в России: замыслы и реальность. – М., 1995.
171. Правовое государство и органы внутренних дел: Сб. науч. ст. Вып. 2 / Под ред. С.Ф. Зыбина. – СПб.: Санкт-Петербургский юридический ин-т МВД России, 1995. – 299 с.
172. Правовое государство, личность, законность. – М., 1997.
173. Правосудие по гражданским делам: проблемы и перспектива развития: Сб. статей. – СПб., 2012.
174. Превезенцев Н.И. Законность и правопорядок в условиях формирования гражданского общества и правового государства / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб., 1997.
175. Преступность и реформа в России: Сб. статей / Под ред. А.И. Долговой. – М., 1998.
176. Проблемы и перспектива развития современного цивилистического процесса: Сборник статей. – СПб., 2012.
177. Проблемы развития судебной системы: российский и мировой опыт решения: Сб. ст. по матер. всерос. науч.-практ. кон. 13 октября 2011 г. / Под ред. В.П. Очередько. – СПб., 2011.
178. Прокурорский надзор. Учебник / Под ред. А.Я. Сухарева. 3-е изд., перераб., доп. – М.: Норма, 2009.
179. Прохорова М.Л. Наркотизм: уголовно-правовое и криминологическое исследование. – СПб.: Юридический Центр Пресс, 2002.
180. Роганов С.А. Проблемы первоначального этапа расследования преступлений в сфере незаконного оборота синтетических наркотических средств: Монография. – СПб., 2002.
181. Роль интеллигенции в формировании идеологии среднего класса / Науч. ред. И.И. Кальной, А.В. Горбань. – Симферополь: Синтагма, 2010. – 438 с.
182. Ромашов Р.А. Правовая культура современности: от конфликта цивилизаций к цивилизованному содружеству // Журнал российского права. – 2008. – № 8.
183. Ромашов Р.А. Проблемы правоохранительной деятельности современной России. – СПб., 2008.
184. Ромодановский К. Выступление в Госдуме Российской Федерации на «правительственном часе» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: mvd.ru
185. Россия – страна мигрантов // Аналитика и Экономика [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.kapital-rus.ru/index.php/articles/article/210670
186. Саммит «Душанбе-2011». Заявление глав государств-участников Содружества Независимых Государств в связи с 20-летием образования СНГ // Мир Содружества: Специальный выпуск. – 2011. Сентябрь. – С. 36-37.
187. Смоленский М.Б. Право и правовая культура как базовая ценность гражданского общества // Журнал российского права. – 2004. – № 11.
188. Смоленский М.Б. Правовая культура, личность и гражданское общество в России: формула взаимообусловленности // Правоведение. – 2003. – № 1.
189. Судебная власть / Под ред. Л.И. Петрухина. – М.: ТК Велби, 2003.
190. Судебная реформа в прошлом и настоящем / Авт. вступ. ст. В.М. Жуйков. – М.: Статут; РАП, 2007.
191. Суханов А.Я. Историческая судьба прокуратуры. – М., 2000
192. Сухарев А.Я. Актуальные проблемы законности в условиях реформ и роль прокуратуры в ее обеспечении // Законность в Российской Федерации. – М., 1988.
193. Тарайко В.И. Экологические преступления и их предупреждение // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 9. – С. 114-119.
194. Тиунова Л.Б. Право. Конституция. Правовое государство: Автореф. дис. … докт. юрид. наук. – СПб., 1992.
195. Транснациональные преступные организации. Сферы деятельности. Характеристика и основные тенденции (по материалам Всемирной конференции по организованной преступности. Неаполь, 21-23 ноября 1994 г.) // Обзорная информация. Зарубежный опыт. Вып. 3. – М., 1995.
196. Федоров А.В., Федулов А.В. Первая международная конференция о контроле над наркотиками // Наркоконтроль. – 2007. – № 4. – С. 37-44.
197. Хабибулина А.А. Актуальность административно-правового регулирования взаимодействия ФСБ России с иными федеральными органами исполнительной власти в сфере обеспечения финансовой безопасности //

Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 9. – С. 44-48.
198. Хабибулина А.А. Правовое регулирование взаимодействия федеральных органов исполнительной власти при обеспечении финансовой безопасности страны // Правовое поле современной экономики. – 2012. – №9. – С. 79-84.
199. Хабриева Т.Я. О совершенствовании правовых основ противодействия незаконной миграции в России // Тезисы доклады на заседании секции научного совета при Совете Безопасности Российской Федерации. – М., 2006.
200. Чекалин А.А. Доклад в Государственной Думе // Миграционное право. – М., 2006. – № 1.
201. Числов А.И. Правоохранительная деятельность: Сущность и реализация. – СПб., 1999.
202. Числов А.И., Орлов Б.М. Правоохранительные органы и правоохранительная деятельность. – М., 2004.
203. Шмыков В.А. Гражданское общество и власть: институты и формы взаимодействия (из опыта республики Карелия) // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. – 2010. – № 2 (36). – С. 95-118.
204. Эпштейн А., Васильев О. Полиция мысли: власть, эксперты и борьба с экстремизмом в современной России. – М., 2011.

МЕДВЕДЕВ Сергей Михайлович,
депутат Думы Тюменской области,
кандидат юридических наук
E-mail: medvedev-sm@yandex.ru

ЧИСЛОВ Александр Иванович,
профессор Тюменского института повышения квалификации сотрудников органов внутренних дел МВД России,
доктор юридических наук, профессор
E-mail: chislov111@mail.ru

Специальность 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

ПРАВА, СВОБОДЫ И ЗАКОННЫЕ ИНТЕРЕСЫ ЧЕЛОВЕКА (ГРАЖДАНИНА) И ПРАВО: СТРУКТУРНО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Аннотация. *В статье проанализированы возможности структурно-функционального метода исследования в области теоретического правоведения, в частности при изучении прав, свобод и законных интересов человека и гражданина. Автор ведет речь о регулятивной, охранной и стимулирующей функциях права. Они признают главенство регулятивной, то же время подробно останавливаются на важности двух других функций права.*

В статье обосновывается вывод о том, что право не только охраняет общепризнанные, фундаментальные общественные отношения, но также нацелено на вытеснение чуждых конкретной социальной системе явлений. Охранительная функция права реализуется через запреты и взыскания. Реализация стимулирующей функции права обеспечивает развитие тех общественных отношений, в которых в наибольшей степени заинтересованы гражданин, общество и государство. В основе стимулирующей функции лежат поощрения.

Авторы предлагают свой подход к анализу возможно традиционных проблем. И он отличается определенной новизной, что вызывает безусловный интерес.

Ключевые слова: *человек; граждан; общество; государство; права; свободы и законные интересы; функции права; структурно-функциональный подход; регулятивная, охранительная, стимулирующая функции права; запреты; дозволения; поощрения; взыскания.*

MEDVEDEV S.M.
CHISLOV A.I.

RIGHTS, FREEDOMS AND LEGITIMATE INTERESTS OF THE MAN (CITIZEN) AND LAW: STRUCTURAL AND FUNCTIONAL ANALYSIS

The summary. *The article provides an analysis of possibilities for structural and functional method of research in the area of theoretical legal studies, in particular in studying the rights, freedoms and legitimate interests of the man and the citizen. The authors concern the regulatory, protective and incentive functions of law. They recognize the supremacy of the regulatory function but at the same time elaborate upon the importance of two other functions of law.*

The article substantiates the conclusion that the law not only protects generally recognized, fundamental social relations but is also aimed at the exclusion of phenomena alien to the specific social system. The protective function of law is implemented through prohibitions and penalties. The implementation of

the incentive function of law ensures the development of the social relations in which the citizens, society and state are interested to the maximum extent. The incentive function is based on encouragements.

The authors offer their own approach to the analysis of possible traditional problems. And it differs in its novelty which arouses a definitive interest.

Key words: *man; citizen; society; state; rights; freedoms and legitimate interests; functions of law; structural and functional approach; regulatory, protective and incentive functions of law; prohibitions; permissions; encouragements; penalties.*

Рассмотрение проблем охраны прав, свобод и законных интересов граждан, а также роли и места юридической ответственности в этом процесс представляется целесообразным начать с ряда вопросов методологического характера, а именно с обоснования использования структурно-функционального анализа [43; 54; 64; 65; 66; 69; 81]. До последнего времени данный метод, широко применяемый в других гуманитарных науках, практически почти не был востребован юриспруденцией, пожалуй, за небольшим исключением [14; 23; 24; 25; 33; 34; 36; 42; 44; 45; 47; 48; 52; 63; 64; 68; 72; 74; 80; 91]. Вместе с тем, его, недооцененные юридической наукой, познавательные возможности настолько широки, что позволяют подойти к рассмотрению многих проблем правового регулирования с новых позиций и предложить эффективные средства их разрешения. Действительно, любые явления общественной жизни (в т.ч. правовые) могут подвергаться (а многие из них были подвергнуты) структурно-функциональному анализу. Основное требование к объекту такого исследования состоит в том, чтобы он представлял стандартизованное (т.е. типизированное, повторяющееся) явление, такое как социальные роли, институциональные типы, социальные процессы, культурные стандарты, эмоциональные реакции, выраженные в соответствии с нормами данной культуры, социальные нормы, в том числе правовые, групповые организации, социальные структуры, средства социального контроля и т.д. [62, стр. 127]. Таким образом, объектом структурно-функционального анализа могут и должны являться как право в целом, так и отдельные элементы его системы, так как они представляют собой стандартизированные общественные явления.

Применения структурно-функционального анализа в юридических исследованиях обосновывается тем, что он позволяет подойти к раскрытию сущности, понятия, назначения и содержания права со стороны, которая ранее не являлась предметом комплексного научного исследования, определить функции права, через которые и выражаются его сущность и назначение. Структурно-функциональный анализ является одним из основных методов системного исследования явлений и процессов общественной жизни (в том числе правовых) как структурно расчлененной целостности, в рамках которой каждый элемент структуры имеет определенное функциональное назначение [41, стр. 26].

Впервые структурно-функциональный анализ был применен американскими и западно-европейскими социологами в середине прошлого века. Зарождение данного метода связано с именами таких исследователей, как Р.К. Мертон [61; 62; 96; 97; 98; 99; 100] и Т. Парсонс [66]. Во второй половине прошлого века структурно-функциональный анализ широко стал использоваться и в советской социологии [43; 54; 69].

В основе рассматриваемого научного метода лежит такая категория, как функция, которая представляет собой назначение (служебную роль) одного из элементов социальной системы по отношению к другому или системе в целом; зависимость в рамках одной системы, при которой изменения в одной части оказываются производными (функцией) от изменений в другой ее части. При этом функциональные зависимости могут рассматриваться как проявления детерминизма [84, стр. 631].

Рассматривать функции следует с двух сторон: с точки зрения последствий, вызываемых изменениями одного объекта в других объектах, такие последствия могут быть благоприятными или неблагоприятными – дисфункциональными, либо нейтральными – афункциональными; с точки зрения взаимосвязи отдельных частей в рамках некоторого целого (функционирование).

В философии и социологии применяется и более общее определение функции, в рамках которого данная категория рассматривается как внешнее проявление свойств какого-либо объекта в определенной системе отношений [83, стр. 386].

Понятие «функции» ввел в научный оборот Г.Ф. Лейбницем в семнадцатом веке, описав математическую составляющую этого понятия.

Функции права стали предметом научного исследования в середине девятнадцатого столетия. Данная категория была заимствована юридической наукой из математики, в рамках которой она, собственно, и зародилась, а также из биологии, в которой она получила широкое применение на рубеже девятнадцатого и двадцатого веков.

Первоначально выделялось две группы функций права: практические и познавательные [29]. В первую группу объединялись те функции права, которые выражали суть регулирующего воздействия на общественную жизнь, давление на человеческую волю [29, стр. 43-44]. Познавательные функции права состоят в искании истины, интересе научного исследования, проведении в жизнь научных тезисов или нравственных идеалов [29, стр. 45].

В советский период функции права исследовались С.С. Алексеевым, М.И. Байтиным, Д.А. Керимовым, М.Н. Марченко, Т.Н. Радько, Л.С. Явичем и др. [3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 19; 20; 49; 50; 58; 59; 71; 77; 78; 92; 93; 94; 95].

Вместе с тем, более чем вековой опыт активного исследования такого понятия, как функция права, на сегодняшний день не позволяет констатировать наличие единого понимания данной категории, не смотря на то, что данный термин широко используется в теории права и в отдельных отраслевых юридических науках.

Изучение многочисленных позиций исследователей по рассматриваемому вопросу, позволяет сделать вывод о том, что под функцией права понимают либо социальное назначение права, либо направления правового воздействия на общественные отношения, либо и то и другое вместе взятое, как проявление его свойств в рамках регулируемых правовыми нормами общественных отношений. Такой подход, широко распространенный в современной юридической науке [82, стр. 131] и основывающийся на переложении понятия функции, принятого в философии и социологии, применительно к праву, является малосодержательным, поскольку не раскрывает сущность функции права как категории юриспруденции. На указанное обстоятельство неоднократно обращалось внимание специалистами в области теории права, которые отмечают, что при исследовании функций права необходимо акцентировать внимание только на те их свойства, которые выражают качественную определенность права, отличающих его от других социальных явлений [70, стр. 170-171]. В общем виде такое свойство права надо обозначить, как его способность выступать регулятором общественных отношений, т.е. как способность определять, упорядочивать и охранять их [4, стр. 313]. Проявления сущностных свойств права должны рассматриваться в совокупности с социальным назначением права и с теми изменениями, которые происходят в регулируемых им общественных отношениях в результате правового воздействия на них. Свойства права и его социальное назначение составляют сущностную сторону каждой из его функций, именно им должен соответствовать результат действия права. Как отмечается некоторыми исследователями, во взаимодействии друг с другом указанные элементы функции права приобретают новые качественные характеристики, отражающие всю сложность действия права, правового воздействия на общественные отношения. По мнению авторов трехтомного учебника «Теория государства и права», изданного в Санкт-Петербурге, по существу «Функции права – это основные направления правового воздействия на общественные отношения, в рамках которых выражается социально-юридическая природа права. Функции права непосредственно связаны с его действием, с реализацией свойств официально-властного регулятора общественных отношений» [46, стр. 15]. «Осуществление права, – писал Л.С. Явич, – это способ его бытия, существования, действия, выполнения им своей главной социальной функции. Нельзя понять право, если отвлечься от механизма его реализации в жизни общества» [93, стр. 201]. Аналогичная мысль высказывалась и М.И. Байтиным [20, стр. 137]. Таким образом, при рассмотрении понятия функции права ключевое значение приобретает исследование отношения права через его сущностные свойства к регулируемым им общественным отношениям

[41, стр. 26]. Указанные обстоятельства в равной степени относится и к функциям отдельных отраслей права, в том числе муниципального. При их рассмотрении необходимо выделить и проанализировать только те их свойства, которые присущи данным отраслям права и отличают их от других, а также уяснить социальное назначение данной отрасли права и определить характер воздействия данной отрасли права на регулируемые общественные отношения и результат такого воздействия.

Социальное назначение позитивного права в обществе заключается в регулировании, т.е. в определении, упорядочении и охране сложившиеся общественные отношения. Еще в 1917 году известный русский правовед И.А. Покровский отмечал, что право имеет своей общей целью регулирование межчеловеческих отношений [67, стр. 38]. Схожей точки зрения придерживались К.П. Победоносцев, Д.И. Мейер, Г.Ф. Шершеневич [87; 88; 89; 90] и другие видные представители российской дореволюционной правовой науки. Еще во второй половине XIX века, Ю.С. Гамбаров указывал, что «… мы повинуемся нормам, имеющим целью регулировать наше поведение …» [29, стр. 41].

Исследую правовое воздействие на общественные отношения, необходимо избежать излишнего возвеличивания права, отношения к нему как к «всесильному инструменту, универсальному средству решения всех жизненных проблем» [4, стр. 319]. Право не является «всесильным регулятором». Его роль в значительной степени ограничена определенными направлениями воздействия, только в этих рамках право в целом, отдельные его отрасли, институты и нормы могут реализовывать свое социальное назначение. Оставаясь в рамках таких направлений, право не должно подменять собой другие социальные институты, такие как мораль, нравственность, религию, семью и т.п. [30, стр. 343; 31, стр. 229-230].

Направление правового воздействия представляет собой наиболее существенный компонент в понятии «функция права». Оно является своего рода ответом права на потребности общественного развития, результатом законодательной политики, которая концентрирует эти потребности и трансформирует их в позитивное право. Таким образом, необходимо выделить следующие направления правового воздействия: 1) быть общеобязательным критерием правомерного поведения людей; 2) устанавливать и сохранять пределы, в рамках которых каждый из участников общественных отношений является свободным в выражении своей воли; 3) стимулировать активность и инициативу граждан в целях развития общества.

Из вышесказанного следует, что функция права представляет собой проявление таких его свойств, которые выражаются в основных направлениях правового воздействия на общественные отношения с целью обеспечения их сущности, упорядочивания и охраны.

Рассмотрение функций права как единой, целостной системы позволяет не просто сгруппировать, упорядочить знания, получаемые при изучении отдельных функций. Такой подход способствует приращению знаний, позволяет глубже, полнее понять содержание каждой функции права. Возможности познания остаются малоэффективными, если познание ограничивается уровнем единичности, если за отдельными элементами теряется их система. В реальной жизни функции права не существуют изолированно друг от друга, они тесно взаимосвязаны между собой. Поэтому ни одна из рассматриваемых функций не может быть исследована достаточно глубоко и полно без выяснения ее взаимодействия с другими функциями, то есть без изучения их в системе. Принимая во внимание то, что право является регулятором общественных отношений, целесообразно выделить три его функции: регулятивную, охранительную и стимулирующую. Это имманентно присущие праву функции. Своеобразие их реализации в современном обществе характеризуют право как специфическое качественно самостоятельное правовое образование. Более того, можно сказать, что необходимость существования права состоит в необходимости реализации им этих функций.

В системе функций права главенствующее, определяющее место занимает регулятивная функция. Выражается ли правовое воздействие в форме нормативных актов или единичных действий, реализуется в абсолютных или относительных правоотношениях, стремится ли к определению правового положения участников общественных отношений – во всех этих формах проявляется его основное социальное назначение

– упорядочивать общественные отношения. Характерные черты этой функции заключаются, прежде всего, в установлении позитивных правил поведения, организации общественных отношений, координации социальных взаимосвязей. Осуществляется реализация регулятивной функции права посредством дозволений и позитивных обязываний [1; 2; 4; 55; 57].

В рамках регулятивной функции права принято выделять две подфункции: регулятивную статическую и регулятивную динамическую. Регулятивная статическая функция выражается в воздействии права на общественные отношения путем их закрепления в тех или иных правовых институтах. В этом заключается одна из задач правового регулирования. Процесс реализации регулятивной статической функции принято называть правовой регламентацией.

Регулятивная динамическая функция права проявляется в воздействии права общественные отношения путем оформления их движения (динамики). Она реализуется в первую очередь в правоотношениях.

Характеристика регулятивной функции права предполагает выяснение важнейших путей ее реализации, поскольку любой из них играет существенную роль во всем процессе, осуществляемом правовой системой. Наиболее характерными путями реализации регулятивной функции права являются:

- определение посредством правовых норм правового положения участников общественных отношений;
- определение составов обстоятельств, которые служат основаниями возникновения, изменения и прекращения правоотношений;
- установление требований к юридическим фактам;
- установление правовых режимов различных объектов прав;
- установление конкретной правовой связи между участниками общественных отношений;
- определение оптимального типа правового регулирования применительно к конкретным общественным отношениям.

Таким образом, регулятивную функцию права следует определить как функцию, обусловленную социальным назначением права и направлением его воздействия на общественные отношения, проявление ее свойств определять и упорядочивать такие отношения, которые выражаются в установлении для их участников позитивных обязывний и дозволений, а также в реализации, возникших в результате этого субъективных прав и обязанностей.

Признавая главенство регулятивной функции права, необходимо подчеркнуть важность двух других его функции: охранительной и стимулирующей.

Необходимость в охране общественных отношений, прав, свобод и законных интересов их участников существовала и всегда будет существовать. Право, как известно, наличествовало не всегда, но с момента своего появления оно становится одним из важнейших средств охраны общественных отношений, прав, свобод и законных интересов их участников. Данное проявление правового воздействия представляет собой охранительную функцию [10; 11; 12; 13; 15; 16; 17; 18; 26; 27; 28; 32; 35; 37; 38; 39; 40; 51; 73; 75; 76; 85; 86].

Охранительная функция права представляет собой обусловленное его социальным назначением и направлением правового воздействия на общественные отношения проявление свойства права охранять наиболее важные интересы общества в целом и отдельных его членов, а также вытеснять явления, чуждые соответствующей общественной системе.

Следовательно, право не только охраняет общепризнанные, фундаментальные социальные отношения, но также нацелено на вытеснение чуждых конкретной общественной системе явлений. Искоренение нежелательных проявлений из общественной системы - это вторичный результат действия права, которое первоначально выступает как средство охраны социальных отношений, прав, свобод и законных интересов их участников нуждающихся в такой охране. Охраняя эти отношения, право пресекает нежелательные для общественной жизни явления и процессы, нарушающие условия ее нормального развития и противоречащие интересам общества, государства и граждан, устраняет и вытесняет их негативные последствия.

Охранительная функция права реализуется через запреты и взыскания. Первые находят свое отражение в диспозиции правовой нормы, а вторые – в ее санкции.

В основе охранительной функции права лежат специфические способы защиты субъективных прав. Между тем не следует думать, что охранительная функция права реализуется только тогда, когда нарушаются субъективные права. Основное назначение данной функции заключается, прежде всего, в превентивной охране общественных отношений, предотвращении причинения вреда их участникам.

Эффективность охранительной функции тем выше, чем больше участников общественных отношений подчинились предписанию правовых норм, не нарушили субъективных прав других лиц и исполнили свои обязанности. Сам факт установления санкции правовой нормы оказывает серьезное влияние на некоторых лиц, побуждает их воздерживаться от совершения правонарушений. А это означает, что достигается одна из целей воздействия права - охраняется определенное общественное отношение.

Охранительную функцию права не следует противопоставлять регулятивной в том смысле, что одна из них - негативная (поскольку включает в себя взыскания, санкции, ответственность, принуждение), а вторая – позитивная, так как направлена на координацию положительной деятельности участников общественных отношений. Обе рассматриваемые функции, каждая по-своему, выполняют важную задачу по обеспечению эффективности и устойчивости общественной жизни, содействуют ее развитию.

Специфика охранительной функции права состоит в следующем:

Во-первых, охранительная функция характеризует право как особый способ воздействия на общественные отношения, выражающийся во влиянии на волю самих участников таких отношений, в форме угрозы применения правовых санкций и иных мер правового принуждения.

Во-вторых, охранительная функция информирует участников общественных отношений о том, какие социальные ценности взяты под охрану посредством правовых предписаний.

В-третьих, рассматриваемая функция является показателем уровня развития общества.

Способ правовой охраны общественных отношений во многом зависит от уровня их развития. Появление охранительной функции права связано с высоким уровнем развития общественных отношений, когда возникала потребность в охране прав, свобод и законных интересов граждан.

Реализация стимулирующей функции права обеспечивает развитие тех общественных отношений, в которых в наибольшей степени заинтересованы граждане, общество и государство. В основе реализации стимулирующей функции лежат поощрения [21; 22; 56, стр. 37]. Правовое поощрение – это форма и мера юридического одобрения добровольного общественно полезного поведения, в результате чего субъект вознаграждается, для него наступают благоприятные последствия. Таким образом, следует выделить следующие признаки правового поощрения: 1) общественно полезное поведение; 2) добровольное поведение; 3) юридически одобряемое поведение; 4) взаимовыгодное для общества и субъекта, осуществляющего его; 5) имеет стимулирующий характер [21; 22; 56, стр. 37]. Правовые поощрения, как правило, имеют форму льгот, привилегий и т.п.

На современном этапе в Российской Федерации и за рубежом все чаще прибегают к мерам поощрения с целью стимулирования общеполезных отношений. Мировой опыт показывает, что государственная политика, основанная на сочетании взысканий и поощрений, может быть в значительной степени более эффективной, чем политика, в основе которой лежат исключительно взыскания [79, стр. 216].

Раскрыв в общем виде систему функций права, необходимо более детально остановиться на роли и месте обеспечения и охраны прав, свобод и законных интересов граждан (реализации охранительной функции права) в механизме правового регулирования. Насколько бы совершенными ни были средства реализации регулятивной функции права, они оказываются неэффективными, если государство не обеспечит охрану прав, свобод и законных интересов граждан. Правовое регулирование предполагает не только признание за гражданами определенных прав, свобод и законных интересов, но и обеспечение их надежной правовой охраной.

Традиционно в правовой науке под обеспечением прав, свобод и законных интересов граждан понимается весь комплекс форм и средств, обеспечивающих их реализацию. В него включаются меры не только собственно юридические, но и экономические, политические, организационные и т.п., направленные

на создание необходимых условий для осуществления субъективных прав, свобод и законных интересов. Что касается собственно юридических мер охраны, то к ним относятся все меры, с помощью которых обеспечивается как реализация прав, свобод и законных интересов граждан в их ненарушенном состоянии, так и восстановление нарушенных или оспоренных прав и законных интересов, т.е. именно эта совокупность собственно юридических мер и образует механизм реализации охранительной функции права.

Список литературы

1. Алексеев С.С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. – М., 1966.
2. Алексеев С.С. Общие дозволения и общие запреты в советском праве. – М., 1989.
3. Алексеев С.С. Право: азбука – теория – философия: Опыт комплексного исследования. – М., 1999.
4. Алексеев С.С. Право: опыт комплексного исследования. – М., 1999.
5. Алексеев С.С. Социальная ценность в советском праве. – М., 1971.
6. Алексеев С.С., Дюрягин И.Я. Функции применения права // Правоведение. – 1972. – № 2. – С. 25-37.
7. Алексеев С.С. Круг замкнулся: Повесть о праве. Философское эссе. Максимы. – Екатеринбург, 2001.
8. Алексеев С.С. Тайна права: Его понимание, назначение, социальная ценность. – М,, 2001.
9. Алексеев С.С.Восхождение к праву. Поиски и решения. – М., 2001.
10. Алиев Я.Л., Сальников В.П., Сальников П.П. Традиции полиции: некоторые итоги аксиологического исследования // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – №10. – С. 165-183.
11. Алиев Я.Л., Сальников П.П. Международная правоохранительная деятельность и полицейские традиции России // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 8. – С. 130-150.
12. Алиев Я.Л., Сальников П.П., Реуф В.М. Правовая идеология в контексте кумулятивной и прогностической функций традиций полиции // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 8. – С. 21-33.
13. Андреев А.Г. Охранительная функция государства в современных условиях: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. – М., 2002.
14. Артамонова Г.К., Горбашев В.В., Ретунская Т.П., Реуф В.М. Познание права: социологический подход // Мир политики и социологии. – 2012. – № 7. – С. 114-121.
15. Бабаджанов И.Х., Реуф В.М., Хасанова С.Г. Материальный и духовный мир человека и общества как объект охранительных правоотношений: ценностный подход // Мир политики и социологии. – 2012. – № 2. – С. 57-63.
16. Бабаджанов И.Х., Реуф В.М., Хасанова С.Г. Правовая охрана, идеологическая сущность и ценностное восприятие человека, общества и государства // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 1. – С. 135-147.
17. Бабаджанов И.Х., Реуф В.М., Хасанова С.Г. Правоохранительная деятельность как социальная ценность: некоторые вопросы правовой защиты человека, общества и государства // Мир политики и социологии. – 2012. – № 7. – С. 57-64.
18. Бабаджанов И.Х., Реуф В.М., Хасанова С.Г. Человек, общество, государство: аксиологическая оценка и идеологическая основа охранительных правоотношений // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 2. – С. 130-138.
19. Байжуминов С.Н. Правовые санкции: роль и значение в современном мире // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 11. – С. 188-195.
20. Байтин М.И. Сущность права (Современное нормативное понимание на грани двух веков). – Саратов, 2001.
21. Баранов В.М. Поощрительные нормы советского социалистического права. – Саратов: СГУ, 1975.
22. Баранов В.М., Головкин Р.Б. Государственно-правовое воздействие на частную жизнь граждан в современной России: философско-правовой анализ // Философия права. – 2000. – № 2. – С. 33-37.
23. Бачинин В.А. Философия права. Краткий словарь. – СПб., 2000.
24. Бачинин В.А., Сальников В.П. Правовая реальность в контексте цивилизации и культуры: методология причинного анализа: Монография / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2005.
25. Бачинин В.А., Сальников В.П. Причинность как философско-правовая проблема: Монография / Под ред. В.П. Сальникова.. – СПб.: Фонд «Университет», 2002.
26. Болотина Е.В. Правоохранительная функция государственной власти (теоретико-правовой аспект): Автореф. дис. … канд. юрид. наук. – СПб., 2000.
27. Братко А.Г. Правоохранительная система (вопросы теории). – М., 1991.

28. Вихров А.А., Сальников В.П., Белозеров Б.П. Правоохранительная служба органов внутренних дел в механизме обеспечения охраны труда // проблемы обеспечения реализации и защиты прав, свобод и законных интересов субъектов семейных правоотношений: Матер. междунар. науч.-практ. конф., г. Санкт-Петербург, 22-23 апреля 2008 года / Под общ. ред. П.П. Глущенко, Б.П. Белозерова. – СПб.: Санкт-Петербургская академия управления и экономики, 2008. – С. 98-104.
29. Гамбаров Ю.С. Право в его основных моментах // Правоведение. – 1995. – № 4-5.
30. Гегель Г.В.Ф. Философия духа. – М., 1977.
31. Гегель Г.В.Ф. Философия права. – М., 1990.
32. Глущенко П.П. Социально-правовая защита конституционных прав и свобод граждан (теория и практика): Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 1998.
33. Гревцов Ю.И. Социология права: Курс лекций. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. – 310 с.
34. Гревцов Ю.И. Очерки теории и социологии права: Учебное пособие. – СПб., 1996. – 264 с.
35. Григонис Э.П., Харченко О.В. Правоохранительная функция государства и формы ее реализации. – СПб.: Книжный дом, 2007.
36. Гутман М.Ю. Теория права и социология права как теоретическая и эмпирическая основа законотворческой и правоохранительной деятельности // Мир политики и социологии. – 2011. – № 1. – С. 10-18.
37. Гуцериев Х.С., Сальников В.П., Степашин С.В., Федоров В.П., Худяк А.И. Человек и правоохранительная деятельность: Научное издание / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб., 2000.
38. Гуцериев Х.С., Сальников В.П., Федоров В.П., Худяк А.И. Правовая и духовная культура сотрудников правоохранительных органов. – СПб., 1996.
39. Егоршин В.М. Милиция. Полиция. Шерифат: Или «тайны» правоохранительных органов. – СПб.: Экополис и культура, 1994. – 207 с.
40. Егоршин В.М. Полиция – Милиция – Полиция (общее состояние и оперативно-розыскной аспект) // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – №11. – С. 167-187.
41. Емельянов А.С. Реализация охранительной функции финансового права. Дис. ... докт. юрид. наук. – М., 2005.
42. Жиданов А.И. Социология права и проблемы формирования правового сознания // Мир политики и социологии. – 2011. – № 4. – С. 5-14.
43. Здравомыслов А.Г. Методология и процедура социологических исследований. – М., 1969.
44. Зорькин В.Д. Социологическая юриспруденция // История политических и правовых учений / Под ред. В.С. Нерсесянца. – М., 1983.
45. Игнатьева О.А. Реконструкция концепции власти М. Вебера и ее методологическое значение // Мир политики и социологии. – 2012. – № 2. – С. 67-73.
46. Исмагилов Р.Ф., Оль П.А., Реуф В.М., Ромашов Р.А. Право как социальный регулятор: Глава 11 // Теория государства и права: Учебник / Под ред. Р.А. Ромашова, В.П. Сальникова. Изд. 2-е, доп. и перераб. В 3-х томах. Т. 2. – СПб.: Фонд «Университет», 2010.
47. Казимирчук В.П., Кудрявцев В.Н. Современная социология права. – М., 1995.
48. Карбонье Ж. Юридическая социология. – М., 1986.
49. Керимов Д.А. Проблемы общей теории права и государства. В 3-х тт. Т. 1 Социология права. – М.: Современный гуманитарный ин-т, 2001.
50. Керимов Д.А. Философские проблемы права. – М., 1972.
51. Колокольцев В. Если мы требуем соблюдения законности от граждан, то сами должны быть безупречны // Защита и безопасность. – 2012. – № 3. – С. 2-4.
52. Лопаева В.В. Социология права: в поисках новой парадигмы // Государство и право. – 1992. – № 7.
53. Лопаева В.В. Социология права. – М.: ИНФА-М, 2000.
54. Лубенченко К.Д., Матюхин А.А. О функциональном подходе к исследованию социалистического права // Методологические проблемы юридической науки: Сб. науч. трудов / Под ред. М.Н. Марченко. – М., 1985. – С. 6-9.
55. Малько А.В. Механизм правового регулирования // Правоведение. – 1996. – № 3. – С. 48-54.
56. Малько А.В. Поощрение как правовое средство // Правоведение. – 1996. – № 3.
57. Малько А.В. Стимулы и ограничения в праве. Теоретико-информационный аспект. Третье изд., доп. и перераб. – М.: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. – 306 с.
58. Марченко М.Н. Источники права: Учебное пособие. – М., 2005.
59. Марченко М.Н. Проблемы теории государства и права: Учебник. – М., 2001.
60. Мейер Д.И. Русское гражданское право. В 2-х частях. Ч. 1. – М., 1997.
61. Мертон (Merton) Роберт Кинг. Социальная структура и аномия // Социология преступности. – М., 1966.
62. Мертон Р.К. Явные и латентные функции: Пер. с англ. // Структурно-функциональный анализ в социологии. Вып. 1. – М., 1968.

63. Молчанова М.В. Криминология, девиантология и социология права // Мир политики и социологии. – 2011. – № 3. – С. 14-21.
64. Никулин А.Г. Актуальность социологии права // Мир политики и социологии. – 2011. – № 2. – С. 10-19.
65. Очерки методологии познания социальных явлений. – М., 1970.
66. Парсонс Т. Общетеоретические проблемы социологии // Социология сегодня: Пер. с англ. – М., 1965.
67. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. – М., 1998.
68. Припечкин В.В. История формирования социологического подхода к праву // Мир политики и социологии. – 2012. – №1. – С. 121-131.
69. Проблемы методологии системного исследования. – М., 1970.
70. Проблемы теории государства и права / Под ред. М.Н. Марченко. – М., 2003.
71. Радько Т.Н. Основные функции социалистического прва. – М., 1970.
72. Ратинов А.Р. Структура и функции правового сознания // Проблемы социологии права / Отв. ред. В.Н. Кудрявцев, А.Б. Чапас. Вып. 1. – Вильнюс, 1970.
73. Ромашов Р.А. Проблемы правоохранительной деятельности в современной России: Учебное пособие. – СПб., 2008.
74. Сальников В.П. Формирование правовой культуры в условиях становления гражданского общества: структура и функции // Ученые записки юридического факультета. Вып. 2. – СПб., 1997. – С. 10-15.
75. Сальников М.В. Политико-правовая традиция, правовая культура и правовая система: к вопросу о соотношении категорий // Мир политики и социологии. – 2012. – №9. – С. 153-156.
76. Сальников М.В. Политико-правовая традиция: социальный феномен и категория теоретического правоведения // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – №11. – С. 151-166.
77. Сальников М.В., Оль П.А., Ромашов Р.А. Основы теории государства и права: Учебник / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2002.
78. Смирнов В.Г. Функции советского уголовного права. – Л., 10965.
79. Сорос Дж. Сорос о Соросе: опережая перспективы. – М., 1996.
80. Стремоухова И.В. Социология права в России // Мир политики и социологии. – 2010. – № 1. – С. 9-16.
81. Структурно-функциональный анализ в современной социологии. Вып. 1. Часть 1-2 // Информационный бюллетень Научного Совета АН СССР по вопросам конкретных социологических исследований. – 1968. – № 6.
82. Теория права и государства / Под ред. В.В. Лазарева. –М., 2001.
83. Философский словарь / Под ред. М.М. Розенталя и П.Ф. Юдина. – М., 1968.
84. Философский энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия. – 1989.
85. Числов А.И. Правоохранительная деятельность: Сущность и реализация. – СПб., 1999.
86. Числов А.И., Орлов Б.М. Правоохранительные органы и правоохранительная деятельность. – М., 2004.
87. Шершеневич Г.Ф. История философии права / Отв. ред. В.П. Сальников, Ю.А. Сандулов. Серия: Классики истории и философии права. – СПб.: Лань, 2001 (Мир культуры, истории, философии).
88. Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. Вып. 1. – М., 1911.
89. Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. Вып. 2. – М., 1911.
90. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. – М., 1995.
91. Щегорцов В.А. Социология правосознания. – М.: Мысль, 1981.
92. Явич Л.С. Господство права (К концепции правового государства в СССР) // правоведение. – 1990. – №5.
93. Явич Л.С. Общая теория права. – Л.: ЛГУ, 1976.
94. Явич Л.С. Сущность права. – Л., 1985.
95. Явич Л.С. Право и социализм. – М., 1982.
96. Merton R.K. Social conformity, deviation and opportunity-structur // Amer. Sociological Rev., 1959, v. 24, Merton R.K. Sociology Today. Problems and Prospects. N.Y., 1960.
97. Merton R.K. Social Theory and Social Structur. 1949.
98. Merton R.K. The Focused Interview. Glencoe, 1956.
99. Merton R.K. The Sociology of Science. Chicago, 1973.
100. Merton R.K. Theoretical Sociology. L., 1967.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОТРЯСЕНИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА. МОДЕРНИЗАЦИЯ ЭКОНОМИКИ. ПРИМИРИТЕЛЬНЫЕ ПРОЦЕДУРЫ РАЗРЕШЕНИЯ СПОРОВ

РОЖЕНЦЕВ Сергей Валерьевич,
заместитель Главы администрации г. Тюмени,
кандидат юридических наук
E-mail: rozhentzev111@yandex.ru

ЧИСЛОВ Александр Иванович,
профессор Тюменского института повышения квалификации сотрудников органов внутренних дел МВД России,
доктор юридических наук, профессор
E-mail: chislov111@mail.ru

Специальность 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

СУБЪЕКТЫ МАЛОГО И СРЕДНЕГО БИЗНЕСА, ИХ ИНТЕРЕСЫ И ПРАВОВАЯ ОХРАНА

Аннотация. *В статье с позиций общей теории государства и права рассматриваются вопросы, связанные с особенностями правового статуса субъектов малого и среднего предпринимательства. Особое внимание уделяется определению их интересов, как объекту правовой охраны.*

Анализируется действующее российское законодательство, обращается внимание на достаточно широкое распространение малого и среднего бизнеса в нашей стране, подчеркивается его поддержка со стороны государства. Обосновывается мысль о том, что субъекты малого и среднего предпринимательства представляют собой самую многочисленную категорию хозяйствующих субъектов. Они по своему уровню жизни и социальному положению наиболее близки к большинству населения. Являются одновременно и производителями, и потребителями различного рода товаров, работ и услуг. Именно здесь в рассматриваемом сегменте рынка создается и обращается основная масса ресурсов, которые предопределяют развитие крупного бизнеса. Отсюда и актуальность научного анализа рассматриваемых проблем.

Ключевые слова: *малый и средний бизнес; субъекты; интересы; правовая охрана; законодательное обеспечение; государственная поддержка; сегмент рынка; хозяйствующий субъект; производитель; потребитель; товары; работы; услуги.*

ROZHENTZEV S.V.
CHISLOV A.I.

SMALL AND MEDIUM-SIZED BUSINESS ENTITIES, THEIR INTERESTS AND LEGAL PROTECTION

The summary. *The article from the perspective of general theory of state and law considers issues associated with the peculiarities of legal status of small and medium business entities. Particular*

attention is paid to the definition of their interests as an object of legal protection.

The analysis covers the current Russian legislation, the attention is given to a rather wide-spread occurrence of small and medium-sized business in our country, and the state support for it is emphasized. The idea that small and medium business entities represent the most numerous category of economic agents is substantiated. They according to their living standards and social status are closest to the majority of the population. They are simultaneously both manufacturers and consumers of various goods, works and services. It is right here, in this market segment under consideration, where the bulk of resources predetermining large business development are created and circulated. Hence comes the relevance of scientific analysis dealing with the issues under consideration.

Key words: *small and medium-sized business; entities; interests; legal rotection; legislative ensuring; state support; market segment; economic agent; manufacrurer; consumer; goods; works; services.*

С началом становления рыночной системы хозяйствования в России большое значение начало приобретать малое и среднее предпринимательство (бизнес). Его пик пришелся на первые годы реформ. Однако со временем значение малого и среднего предпринимательства в отечественной экономике стало снижаться. В связи с чем встал вопрос о необходимости государственной поддержки данного сегмента рынка. Именно для этого 2005 г. был объявлен Годом малого бизнеса в России, а в 2007 г. был принят Федеральный закон «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» [9]. В развитие данного Закона в субъектах Российской Федерации были приняты региональные законодательные акты, посвященные этому вопросу. Например, 5 мая 2008 года Тюменская областная Дума принимает Закон «О развитии малого и среднего предпринимательства в Тюменской области»[35]. Указанные выше обстоятельства свидетельствуют об актуальности малого и среднего предпринимательства в России, о возрастающей роли государства в регулировании и поддержке деятельности субъектов указанных форм предпринимательства, а также охране их интересов.

В настоящей статье мы рассматриваем вопросы, связанные с особенностями правового статуса субъектов малого и среднего предпринимательства, а также стремимся дать характеристику их интересам, как объекту правовой охраны.

Заручившись государственной поддержкой, малый и средний бизнес в настоящее время получил достаточно широкое распространение в нашей стране. Во многом это обусловлено теми льготами и преференциями, которые были установлены для субъектов малого и среднего предпринимательства указанным федеральным законом, а именно: специальные налоговые режимы, упрощенные правила ведения налогового учета, упрощенные формы налоговых деклараций по отдельным налогам и сборам для малых предприятий; упрощенную систему ведения бухгалтерской отчетности для малых предпринимателей, осуществляющих отдельные виды деятельности; упрощенный порядок составления субъектами малого и среднего предпринимательства статистической отчетности и т.д. Непосредственно сами лица, ведущие малое или среднее предпринимательство, отмечают, что при выборе рода деятельности, а также создании своего предприятия их привлекли специальные налоговые режимы, предусмотренные для них. В частности, наиболее актуальными являются такие специальные налоговые режимы, как упрощенная система налогообложения и система налогообложения в виде единого налога на вмененный доход.

Субъекты малого и среднего предпринимательства представляют собой самую многочисленную категорию хозяйствующих субъектов. Они по своему уровню жизни и социальному положению наиболее близки к большинству населения. Являются одновременно и производителями, и потребителями различного рода товаров, работ и услуг. Именно здесь, в данном сегменте рынка создается и обращается основная масса ресурсов, которые предопределяют развитие крупного бизнеса [97]. В отличие от крупного бизнеса, преимущественно ориентированного

на зарубежные рынки, представители малого и среднего предпринимательства имеют большую зависимость в своей деятельности от внутринациональной экономической среды и вынуждены конкурировать не только внутри своей группы, но и с крупными отечественными и иностранными производителями. Этот факт обусловливает заинтересованность таких предпринимателей в обеспечении своих интересов на внутреннем рынке [59].

Несмотря на широкую распространенность термина «малое и среднее предпринимательство (бизнес)» как в научной литературе, так и в законодательстве, следует признать, что в настоящее время данная категория не получила достаточной правовой и экономической формализации [17; 32; 34; 38; 39; 57; 60; 70; 91;102; 107; 114]. Об этом в частности свидетельствует правовая неопределенность части определения субъектов малого и среднего бизнеса. Несомненным достоинством указанного Федерального закона является то, что в нем впервые в п. 3 ч. 1 ст. 4 вводится качественный показатель, свойственный рассматриваемым лицам: предельные значения выручки от реализации товаров (работ, услуг) или балансовой стоимости активов.

В юридической и экономической литературе справедливо отмечается, что нередки случаи, когда крупной компании нет необходимости держать большой штат работников, хотя она достигает значительного годового оборота, исчисляемого миллиардами рублей [52]. Такую компанию конечно же нельзя признать малой или средней, поскольку она, как правило, является устоявшейся на рынке и платежеспособной. В то же время подобная организация может при определенных обстоятельствах, связанных в первую очередь с организационной структурой, подпадать под критерии, предусмотренные Законом, в связи с чем имеет право на определенные льготы и преференции, предоставляемые малым и средним предпринимателям.

Анализ рассматриваемого закона не позволяет безоговорочно определить случаи, когда будет учитываться выручка от реализации товаров (работ, услуг), а когда балансовая стоимость активов. Кроме того, закон не указывает, кто будет выбирать такие критерии: сам субъект малого или среднего бизнеса или какой-либо государственный или муниципальный орган. На практике достаточно часто встречаются ситуации, когда определенные по указанным критериям категории субъектов предпринимательства будут различаться. Рассматриваемый закон в ч. 3 ст. 4 говорит, что в такой ситуации необходимо исходить из наибольшего по значению показателя. Так, если по средней численности работников организация или индивидуальный предприниматель относятся к субъектам малого бизнеса, а по выручке к средним, то эту коммерческую организацию или индивидуального предпринимателя следует считать субъектом среднего предпринимательства. Что касается налоговых льгот и преференций, предусмотренных ст. 7 Федерального закона «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» малым и средним предпринимателям, в виде специальных налоговых режимов, то необходимо отметить, что НК РФ [1] не содержит норм, напрямую касающихся субъектов малого или среднего предпринимательства. Как отмечается некоторыми исследователями, законодательство о налогах и сборах регулирует налогообложение субъектов, которые напрямую могут и не относиться к субъектам малого или среднего предпринимательства, но экономически имеют некоторые схожие показатели (например, на упрощенную систему налогообложения может перейти не только малое или среднее предприятие (если в организации численность сотрудников превышает максимальное значение для субъектов малого и/или среднего предпринимательства, но показатели выручки и балансовой стоимости имущества удовлетворяют требованиям Кодекса) [117, с.2-3].

Признавая неполноту действующего законодательства в части признания индивидуальных предпринимателей и коммерческих организаций субъектами малого и среднего предпринимательства, для целей настоящего исследования к данной категории будут отнесены хозяйствующие субъекты, указанные в Федеральном законе «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации», а также лица, которые находятся или могут находиться на упрощенной системе налогообложения или специальном налоговом режиме, предполагающем уплату единого налога на вмененный доход.

Прежде чем непосредственно перейти к рассмотрению конкретных интересов субъектов

малого и среднего предпринимательства, требующих правовой охраны необходимо определиться с тем, что в теории права понимается под интересом [64; 65, с.205-214; 66; 75; 108; 116].

В Конституции Российской Федерации упоминаются как права, так и законные интересы различных субъектов права. При этом данные правовые категории практически всегда идут в неразрывной связи. Возникает вполне обоснованный вопрос: каким образом права и законные интересы соотносятся между собой. Что касается понятия субъективного права, то, его понимание, как на легальном, так и доктринальном уровнях, будучи давно разработанным, не вызывает принципиальных затруднений. В тоже время определение «интереса» явно лишено в праве подобной конкретизации. Более того, до настоящего времени правовое понятие интереса не отражено в специальных энциклопедиях и словарях. Так, в Российской юридической энциклопедии [90] и Юридической энциклопедии [118] отсутствует какая-либо статья, посвященная интересу. Между тем речь идет не об абстрактной юридической конструкции, а о понятии, закрепленном и в международно-правовых документах, и в отечественном законодательстве, в частности в ч. 2 ст. 36, ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации.

Не смотря на многообразие подходов к пониманию интереса в праве, следует выделить две основных модели: материально-правовую и процессуально-правовую [56]. Представителями материально-правовой концепции интереса в праве являются преимущественно представители цивилистической науки: В.П. Грибанов, Г.А. Свердлык, Д.М. Чечот [42, с.239-240; 94; 112]. Интерес в праве в соответствии с материально-правовой моделью возникает в связи с действием нормы материального права, получая от нее прямую или косвенную охрану. Поэтому обращение субъекта в суд приобретает для него именно материально-правовое значение. Концепция процессуально-правовой модели интереса в праве развивается представителями гражданско-процессуальной науки: М.А. Гурвич, Р.Е. Гукасян, В.В. Бутнев [33; 44, с.8; 45, с.83,86]. Она предполагает отрицание закрепление интересов субъектов права в материально-правовых нормах. Таким образом, указанные исследователи приходят к выводу, что «…интересы охраняются не нормой материального права, а лишь нормой процессуальной…» [56]. В этой связи Н.В. Кляус отмечает, что «…интересы как разнообразные объективно существующие либо не противоречащие нормам права и (или) общеправовым принципам социальные потребности, гарантируемые их обладателю с помощью правовых средств реализации, а также путем предоставления ему (или иным уполномоченным лицам) права обратиться за защитой в соответствующие компетентные органы в целях их принудительного удовлетворения…» [56].

Схожая позиция была высказана и представителями общей теории права (А.В. Малько) в рамках разработки концепции механизма правового регулирования [18; 21; 22; 23; 28; 29; 30; 37; 40; 41; 47; 48; 49; 50; 53; 54; 61; 67; 72; 73; 74; 77; 78; 80; 83; 86; 93; 99; 103; 104; 109;], которые понимают интерес в праве как отраженное в объективном праве либо вытекающее из его общего смысла и в определенной степени гарантированное государством простое юридическое дозволение, выражающееся в стремлениях субъекта пользоваться конкретным социальным благом, а также в некоторых случаях обращаться за защитой к компетентным органам - в целях удовлетворения своих потребностей, не противоречащих общественным [62]. Вместе с тем А.В. Малько также отмечает, что интерес в праве рассматривается в качестве простой правовой дозволенности, имеющей характер стремления, в которой отсутствует указание действовать строго зафиксированным в законе образом и требовать соответствующего поведения от других лиц, и которая не обеспечена конкретной юридической обязанностью [62]. На данной особенности интереса в праве, отмеченной А.В. Малько, следует сделать особый акцент, поскольку она является сущностной и позволяет провести в полнее определенную границу между интересами и субъективными правами.

В юридической литературе субъективное право признается в качестве меры возможного поведения [19]. При этом отмечается, что субъективное право – это создаваемая и гарантируемая государством через правовые нормы особая юридическая возможность действовать, позволяющая субъекту (как носителю этой возможности) вести себя определенным образом, требовать соответствующего поведения от других лиц,

пользоваться определенным социальным благом, обращаться в случае необходимости к компетентным органам государства за их охраной – в целях удовлетворения личных интересов и потребностей, не противоречащих общественным интересам и потребностям других лиц [69].

Развивая концепцию механизма правового регулирования, А.В. Малько отмечает, что, если сущность субъективного права заключается в юридически гарантированной и обеспеченной обязанностями других лиц возможности, то сущность интереса – в простой дозволенности определенного поведения. Это своеобразное «усеченное право» [62]. Представляется, что процесс придания интересу законной силы осуществляется путем его полной или частичной правовой формализации в форме закрепления в соответствующей правовой норме.

В научной среде разгорелась дискуссия относительно того, чем выступает субъективное право по отношению к интересу. Были выдвинуты идеи о том, что целью субъективного права является реализация интереса, соответственно право есть ни что иное как юридическое средство реализации интереса. Однако нужно учитывать, что даже в таком понимании часть интересов существует автономно от субъективных прав. При этом некоторые интересы в процессе их реализации преобразуются в субъективные права. Также такое преобразование может происходить в процессе совершенствования действующего законодательства.

Принимая во внимание изложенные позиции ученых-юристов, а также на основе системного анализа действующего законодательства возможно выделить характерные черты (признаки) интереса в праве и на их основе дать следующее доктринальное определение. Под интересом в праве следует понимать юридическое дозволение реализовать стремление субъекта права к удовлетворению потребности в определенном благе путем своего или чужого поведения, гарантированное государственным принуждением в случае обращения за его охраной. При этом интерес в праве, как правило, не обеспечен определенной юридической обязанностью других лиц, а благо может носить имущественный, организационный или духовный характер.

Интерес в праве может быть:

- **предполагаемым.** Такой интерес формируется в сознании субъекта права, и его невозможно нарушить, так как никто о нем не знает. Он может быть нарушен только при попытке его реализовать;
- **действительным (охраняемым законом)**. Он обеспечивается государственным принуждением на случай его нарушения. Даже если субъект не выразит намерения воспользоваться таким интересом, государство обеспечивает его правовую охрану. Главным образом здесь идет речь о публичных интересах, обладателями которых является неопределенный круг лиц. Такой интерес может составлять содержание охранительно правоотношения и обеспечиваться субъективной обязанностью определенного лица [20; 24; 25; 26; 31; 36; 43; 46; 63; 76; 84; 95; 100; 101; 105; 110; 111].

Интерес может иметь как материально-правовую, так и процессуально-правовую природу.

Интересы в праве могут носить частный, публичный или частно-публичный характер. Частный интерес предполагает правовую дозволенность определенному лицу реализовать свое стремление в удовлетворении соответствующей потребности. Публичный интерес направлен на защиту (связан с реализацией) юридических стремлений неопределенного круга лиц (народа, нации, населения, общества и т.п.). Частно-публичный интерес предполагает охрану или реализацию публичного интереса через охрану или реализацию интереса конкретного лица, при условии их совпадения. Когда интересы неопределенного круга лиц реализуются конкретным лицом и при этом возникают затруднения, связанные с противодействием других лиц, не обладающих данными интересами,– это свидетельствует о нарушении частно-публичного интереса. Примером частно-публичного интереса может служить интерес субъекта малого или среднего предпринимательсвта в совершенствовании законодательства или муниципальных правовых актов: если лицо, уполномоченной предпринимательским сообществом, обратится в соответствующий орган государственной власти или местного самоуправления с проектом правового акта, то в случае его принятия будут реализованы как публичные интересы неопределенного круга лиц, так и частные интересы конкретного лица, связанные

с нормотворческой деятельностью. Частные и публичные интересы в данной ситуации совпадают.

Представляет интерес позиция Конституционного суда Российской Федерации о сочетании частных и публичных интересов, нашедшая свое закрепление в Постановлении от 29 ноября 2004 г. № 17-П: «… В силу взаимосвязанных положений статей 1 (часть 1), 3 (часть 3) и 32 (части 1 и 2) Конституции Российской Федерации избирательные права как права субъективные выступают в качестве элемента конституционного статуса избирателя, вместе с тем они являются элементом публично-правового института выборов, в них воплощаются как личный интерес каждого конкретного избирателя, так и публичный интерес, реализующийся в объективных итогах выборов и формировании на этой основе органов публичной власти …»[98].

В сфере малого и среднего предпринимательства интересы как правило носят частный или частно-публичный характер.

В рамках настоящей статьи возможно рассмотреть только действительные интересы субъектов малого и среднего предпринимательства, большая часть которых формализована в Федеральном законе «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации», принятых в соответствии с ним законах субъектов Российской Федерации, а также в федеральных законах о защите конкуренции [8] и государственных и муниципальных закупках [7].

Основным частно-публичным интересом в рассматриваемой сфере является развитие малого и среднего предпринимательства. Обусловлено это тем, что малое и среднее предпринимательство является неотъемлемым элементом любой развитой экономической системы, без которого национальная экономика в частности и общество в целом не могут нормально существовать и развиваться. Хотя уровень научно-технического и производственного потенциала любого развитого государства определяет крупный бизнес, однако основой экономики является малое и среднее предпринимательство как наиболее массовая, динамичная и гибкая форма деловой жизни. Это обусловлено большой социально-экономической значимостью указанного сектора экономики, который объединяет жизненные интересы основной массы населения, вовлеченной в повседневную экономическую деятельность.

Социальная значимость малого и среднего предпринимательства также определяется массовостью группы мелких собственников - владельцев малых и средних коммерческих организаций и их наемных работников, общая численность которых является одной из наиболее существенных количественных характеристик любой развитой экономики. Именно эта группа деятельного населения обслуживает основную массу потребителей, производя комплекс товаров, работ и услуг в соответствии с быстро изменяющимися требованиями рынка. Высокая приспособляемость малого и среднего предпринимательства и массовый охват практически всех сфер рынка страны обеспечивают устойчивость развития экономики и способствуют стабильности политического климата. Одна из причин успешного развития малого и среднего предпринимательства состоит в том, что крупное производство не противопоставляется ему. В развитых странах культивируется принцип кооперирования крупных, средних и малых предприятий, причем они взаимодополняют друг друга, особенно в сфере специализации отдельных производств и в инновационных разработках.

Крупные формы предпринимательства способствуют повышению общехозяйственной эффективности за счет экономии на масштабах деятельности, а малый и средний бизнес придает экономике гибкость, мобильность, способность к быстрым структурным и техническим сдвигам.

Основными достоинствами малого и среднего предпринимательства являются:

- функционирование на локальном рынке;
- быстрое реагирование на изменение рыночной конъюнктуры;
- непосредственная взаимосвязь с потребителем;
- узкая специализация на определенном рынке товаров и услуг;
- возможность начать бизнес с малым первоначальным капиталом или даже без него;
- высокая восприимчивость к новшествам;
- вовлечение широких масс населения в активную предпринимательскую деятельность, приобщение их к высоким нормам качества труда и к требованиям цивилизованных рыночных отношений.

Функционирование малого и среднего

бизнеса на локальных рынках обуславливает необходимость активного участия органов и должностных местного самоуправления в развитии именно этого сектора экономики.

Относительно небольшой капитал в малом и среднем бизнесе сужает рамки производства, ограничивает возможность привлечения дополнительных ресурсов (научно-технических, финансовых, производственных, трудовых и т.д.). Однако такой бизнес отличается высоким уровнем эффективности капитоловложений, например, в США она примерно в 9 раз выше, чем в сфере крупного бизнеса [122]. Сходное положение существует и в других развитых экономиках. Россия в этом отношении стоит особняком. Исторически сложилось, что в нашей стране наиболее эффективными считаются капиталовложения в крупный бизнес. Ограниченность ресурсов малого и среднего бизнеса, особенно в России, во многом определяет и относительно короткий жизненный цикл многих субъектов малого и среднего предпринимательства. По данным Всемирного банка, из вновь организуемых малых предприятий через год их существования в ряду действующих остается примерно 50%, через 3 года - 7-8%, и, наконец, через 5 лет остается не более 3%. Вместе с тем, общее количество малых предпринимателей, как правило, растет или остается неизменным, на месте ликвидированных предприятий постоянно рождаются новые. Сопоставление данных о выживаемости малых предпринимателей с относительной стабильностью их общей численности и объемами производства, указывают на высокую интенсивность внутренних реорганизационных процессов внутри этого сектора экономике, способствующую оптимизации использования их потенциала в условиях рыночной экономики.

По данным ООН, в мировой хозяйственной системе малого и среднего предпринимательства являются работодателями почти для 50 процентов трудового населения всего мира; объем производства в этой сфере в различных странах составляет от 33 до 67% ВНП [68].

В условиях периодических финансовых и обще экономических кризисов, а так же при реструктуризации экономики и в процессе перехода к постиндустриальному развитию происходит спад производства в традиционных отраслях промышленности при постоянном сокращении занятости. В этих случаях ярко проявляется одна из важнейших особенностей малого и среднего бизнеса – возможность быстрой генерации новых рабочих мест, что в значительной мере ослабляет социальную напряженность в депрессивных зонах. Например, в США за период 1976-1993 годов крупные предприятия потеряли 500 тыс. рабочих мест, а сектор малого и среднего бизнеса за это время создал 3,2 млн. новых рабочих мест [121]. Простое сравнение уровня развития малого и среднего предпринимательства в различных странах показывает, что России предстоит еще пройти значительный путь по реструктуризации своей экономики для перехода от системы крупного и во многом еще монополизированного производства (в настоящее время преобладают элементы государственно-монополистической экономики) к гармоничному сочетанию крупных, средних и малых форм предпринимательства.

Российская экономика в плоть до конца 80-х годов продолжала делать ставку на развитие крупного, основанного на плановой модели хозяйствования, производства. Первые шаги к формированию малого и среднего бизнеса были сделаны в середине 80-х годов прошлого века с принятием Закона СССР от 19 ноября 1986 г. «Об индивидуальной трудовой деятельности» [2], допустившего индивидуальную трудовую деятельность в сфере кустарно-ремесленных промыслов, бытового обслуживания населения, а также другие виды деятельности, основанные исключительно на личном труде граждан и членов их семей, и Закона СССР от 26 мая 1988 г. № 8998-XI «О кооперации в СССР» [3], направленного на всемерное использование кооперативных форм для удовлетворения растущих потребностей народного хозяйства и населения в продовольствии, товарах народного потребления, жилище, разнообразной продукции производственно-технического назначения, работах и услугах. Закон СССР от 4 июня 1990 г. № 1529-1 «О предприятиях в СССР» [4] (п. 3 ст. 2) прямо предусматривал, что в соответствии с объемами хозяйственного оборота предприятия и численностью его работников независимо от форм собственности оно может быть отнесено к малым предприятиям, особенности создания и деятельности которых, а также порядок отнесения к этому виду предприятий устанавливаются законодательством СССР (позднее был

принят и Закон РСФСР от 25 декабря 1990 г. № 445-1 «О предприятиях и предпринимательской деятельности» [5]). Таким образом, общие тенденции развития отечественной экономии, не смотря на особенности существовавшей в СССР экономической модели, принципиально не отличаются от аналогичных процессов зарубежном.

Начиная с 80-х годов многие страны стали постепенно переходить от индустриального к постиндустриальному пути развития экономики. Это привело к закрытию, переспециализации, деконцентрации многих крупных предприятий, особенно в промышленных центрах, больших городах и индустриальных регионах. В таких регионах произошло массовое сокращение занятости, резко возросла безработица и ухудшилась социально-экономическая обстановка. В этих условиях и проявились важнейшие качества малого и среднего предпринимательства – гибкость, способность к быстрой генерации новых рабочих мест и восприимчивость к новшествам. Государственные и региональные программы оздоровления депрессивных районов акцентировали свое внимание на всемерной поддержке развития малых и средних форм предпринимательства и в течение относительно короткого периода ситуация там резко улучшилась.

Во Западной Европе после II Мировой войны было приоритетным восстановление производственных мощностей, затем последовало направление на концентрацию промышленности и создание многопрофильных мощных предприятий. В середине 70-х наступил экономический кризис, выявивший недостатки крупных предприятий и доказавший жизнеспособность малого и среднего бизнеса. В 80-е началась активная поддержка МСП, проводимая одновременно с децентрализацией государственного управления и развитием местного самоуправления. Местные органы власти получили юридические и ресурсные возможности проводить собственную политику социально-экономического оздоровления, акцентирующую внимание на развитии малых и средних форм ведения бизнеса. Поскольку именно они лежат в основе финансовой устойчивости самих муниципалитетов. В связи с этим именно местные власти играют важнейшую роль в структурных преобразованиях, они разрабатывают стратегию развития поселений и привлекают заинтересованных партнеров, солидаризируют финансовые ресурсы и создают основу местной инфраструктуры (дороги, связь, образовательные учреждения, организации поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства и др.).

В результате предпринятых мер уже в начале 1995 г. 53,2% занятых в промышленности Евросоюза было сосредоточено в рассматриваемом секторе экономики и их доля в добавленной стоимости продукции крупных предприятий составила 41,7% процента [120]. Субъекты малого и среднего предпринимательства обеспечивали до 63 процентов экспорта промышленной продукции, которая в общем объеме экспорта Евросоюза составляла почти 30 % [85].

В условиях России с огромными еще недостаточно обжитыми и обустроенными территориями целесообразно воспользоваться европейским опытом, применительно к экономическому развитию районов, прилежащих к крупнейшим промышленным и административным центрам нашей страны. Это позволит ускорить экономическое оздоровление регионов и нашей страны в целом, одновременно вовлекая в сферу производственной деятельности широкие слои населения.

Отношения, связанные с развитием малого и среднего бизнеса, складывающиеся в Евросоюзе, США и Японии, характеризуются вовлечением в этот процесс всех уровней власти, в том числе и органов местного самоуправления. Активное вовлечение местных органов власти в деятельность по развитию малого и среднего бизнеса обусловлено тем, что сфера деятельности субъектов малого и среднего предпринимательства неразрывно связана с решением большинства вопросов местного значения.

Федеральный закон «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» продолжает политику, основы которой были заложены Законом СССР от 19 ноября 1986 г. «Об индивидуальной трудовой деятельности» [2], Законом СССР от 26 мая 1988 г. № 8998-XI «О кооперации в СССР» [3], Законом СССР от 4 июня 1990 г. № 1529-1 «О предприятиях в СССР» [4], а также Законом РСФСР от 25 декабря 1990 г. № 445-1 «О предприятиях и предпринимательской деятельности» [5]. Параллельно с указанными законами принимался ряд программных документов, в которых также закреплялись частно-публичные интересы в сфере малого и среднего предпринимательства и частные

интересы малых и средних предпринимателей. Так, Постановлением Совета Министров СССР от 8 августа 1990 г. № 790 «О мерах по созданию и развитию малых предприятий» [14] было признано считать одной из важнейших мер по радикализации экономической реформы формирование экономической среды, обеспечивающей поступательное развитие малого и среднего предпринимательства. В целях обеспечения необходимых организационных, экономических и правовых условий развития рассматриваемых форм предпринимательства были изданы Постановление Совета Министров РСФСР от 18 июля 1991 г. № 406 «О мерах по поддержке и развитию малых предприятий в РСФСР» [13] и Постановление Совета Министров - Правительства РФ от 11 мая 1993 г. № 446 «О первоочередных мерах по развитию и государственной поддержке малого предпринимательства в Российской Федерации» [12] (оба Постановления признаны утратившими силу в соответствии с Постановлением Правительства РФ от 27 ноября 2000 г. № 897 «О признании утратившими силу некоторых решений Правительства Российской Федерации по вопросам малого предпринимательства» [16]). При этом Постановление Совета Министров - Правительства РФ от 11 мая 1993 г. № 446, которым утвержден Комплекс первоочередных мер по развитию малого предпринимательства в Российской Федерации, было издано во исполнение прямого предписания, содержащегося в Указе Президента РФ от 30 ноября 1992 г. № 1485 «Об организационных мерах по развитию малого и среднего бизнеса в Российской Федерации»[10].

В целях дальнейшего развития малого и среднего предпринимательства в России, а также в соответствии с требованиями Постановления Совета Министров - Правительства Российской Федерации от 11 мая 1993 г. № 446 [15] и Постановлением Правительства РФ от 29 апреля 1994 г. № 409 «О мерах по государственной поддержке малого предпринимательства в Российской Федерации на 1994 - 1995 годы» была одобрена Федеральная программа государственной поддержки малого предпринимательства в Российской Федерации на 1994 - 1995 годы [11]. В рамках реализации названной Федеральной программы и был разработан проект закона, который предшествовал ныне действующему Закону о развитии малого и среднего предпринимательства, т.е. Федерального закона от 14 июня 1995 г. № 88-ФЗ «О государственной поддержке малого предпринимательства в Российской Федерации» [6], определявший государственную политику в области развития малого и среднего предпринимательства в России более десяти лет.

Завершая настоящую статью, необходимо акцентировать внимание на следующих выводах, сделанных авторами на основе анализа законодательства Российской Федерации, национального опыта развития малого и среднего предпринимательства, а также зарубежного опыта в этой сфере, характеризующих интересы субъектов малого и среднего предпринимательства, как объекта правовой охраны.

1. Под интересом в праве следует понимать юридическое дозволение реализовать стремление субъекта права к удовлетворению потребности в определенном благе путем своего или чужого поведения, гарантированное государственным принуждением в случае обращения за его охраной. При этом интерес в праве, как правило, не обеспечен определенной юридической обязанностью других лиц, а благо может носить имущественный, организационный или духовный характер.

2. Интерес в праве может быть:

- предполагаемым. Такой интерес формируется в сознании субъекта права, и его невозможно нарушить, так как никто о нем не знает. Он может быть нарушен только при попытке его реализовать;
- действительным (охраняемым законом). Он обеспечивается государственным принуждением на случай его нарушения. Даже если субъект не выразит намерения воспользоваться таким интересом, государство обеспечивает его правовую охрану. Главным образом здесь идет речь о публичных интересах, обладателями которых является неопределенный круг лиц. Такой интерес может составлять содержание охранительно правоотношения и обеспечиваться субъективной обязанностью определенного лица.

3. Интерес может иметь как материально-правовую, так и процессуально-правовую природу.

4. Признавая неполноту действующего законодательства в части признания индивидуальных предпринимателей и коммерческих

организаций субъектами малого и среднего предпринимательства, для целей настоящего исследования к данной категории следует отнести хозяйствующих субъектов, указанные в Федеральном законе «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации», а также лиц, которые находятся или могут находиться на упрощенной системе налогообложения или специальном налоговом режиме, предполагающем уплату единого налога на вмененный доход.

Следует также исключить из состава критериев отнесения хозяйствующих субъектов к числу малых и средних предпринимателей критерии, связанные с численностью работников, как непосредственно не отражающие суть данного правового статуса.

5. В сфере малого и среднего предпринимательства интересы как правило носят частный или частно-публичный характер.

6. Основным частно-публичным интересом в сфере малого и среднего предпринимательства, подлежащим правовой охране, является развитие малого и среднего предпринимательства.

Данный интерес, конкретизируется в частных и частно-публичных действительных (охраняемых законом) интересах субъектов малого и среднего предпринимательства, большая часть которых формализована в Федеральном законе «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации», принятых в соответствии с ним законах субъектов Российской Федерации, а также в федеральных законах о защите конкуренции и государственных и муниципальных закупках.

7. Активное вовлечение органов местного самоуправления в деятельность по развитию малого и среднего предпринимательства обусловлено тем, что сфера деятельности субъектов малого и среднего предпринимательства неразрывно связана с решением большинства вопросов местного значения.

Кроме того, именно деятельность малых и средних предпринимателей лежит в основе финансовой устойчивости самих муниципальных образований.

Список литературы

1. Налоговый кодекс Российской Федерации. – М., 2012.
2. Закон СССР от 19 ноября 1986 г. «Об индивидуальной трудовой деятельности» // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1986. – № 47. – Ст. 964.
3. Закон СССР от 26 мая 1988 г. № 8998-XI «О кооперации в СССР» // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1988. – № 22. – Ст. 355.
4. Закон СССР от 4 июня 1990 г. № 1529-1 «О предприятиях в СССР» // Ведомости Совета народных депутатов и Верховного Совета СССР. – 1990. – № 25. – Ст. 460.
5. Закон РСФСР от 25 декабря 1990 г. № 445-1 «О предприятиях и предпринимательской деятельности» // Ведомости Совета народных депутатов и Верховного Совета РСФСР. – 1990. – № 30. – Ст. 418.
6. Федеральный закон Российской Федерации от 14 июня 1995 г. № 88-ФЗ «О государственной поддержке малого предпринимательства в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. – № 25. – Ст. 2343.
7. Федеральный закон Российской Федерации от 21 июня 2005 г. № 94-ФЗ «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд» // Собрание законодательства Российской Федерации. – № 30 (часть 1). – Ст. 3105.
8. Федеральный закон Российской Федерации от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 31. – Ст. 3434.
9. Федеральный закон от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2007. – № 31. – Ст. 4006.
10. Указ Президента Российской Федерации от 30 ноября 1992 г. № 1485 «Об организационных мерах по развитию малого и среднего бизнеса в Российской Федерации» // Ведомости Совета народных депутатов и Верховного Совета Российской Федерации. – 1992. – № 49. – Ст. 2934.
11. Федеральная программа государственной поддержки малого предпринимательства в Российской Федерации на 1994 – 1995 годы // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 3. – Ст. 213.
12. Постановление Правительства РФ от 11 мая 1993 г. № 446 «О первоочередных мерах по развитию и государственной поддержке малого предпринимательства в Российской Федерации» // Собрание актов

президента и правительства Российской Федерации. – 1993. – № 20. – Ст. 1762.
13. Постановление Совета Министров РСФСР от 18 июля 1991 г. № 406 «О мерах по поддержке и развитию малых предприятий в РСФСР» // Консультант
14. Постановление Совета Министров СССР от 8 августа 1990 г. № 790 «О мерах по созданию и развитию малых предприятий» // Собрание постановлений СССР. – 1990. – № 19. – Ст. 101.
15. Постановление Правительства РФ от 11 мая 1993 г. № 446 «О первоочередных мерах по развитию и государственной поддержке малого предпринимательства в Российской Федерации» // Собрание актов Президента и Правительства Российской Федерации. – 1993. – № 20.
16. Постановление Правительства РФ от 27 ноября 2000 г. № 897 «О признании утратившими силу некоторых решений Правительства Российской Федерации по вопросам малого предпринимательства» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2000. – № 49. – Ст. 4823.
17. Агеев С.В. Приоритетная поддержка малого и среднего бизнеса как важнейший фактор экономической безопасности страны // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2010. – № 8. – С. 62-66.
18. Алексеев С.С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. – М.: Юрид. лит., 1966.
19. Алексеев С.С. Право: азбука – теория – философия: Опыт комплексного исследования. – М.: Статут, 1999.
20. Алиев Я.Л., Сальников П.П. Международная правоохранительная деятельность и полицейские традиции России // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 8. – С. 130-150.
21. Антонова Л.И. Локальное правовое регулирование. – Л.: ЛГУ, 1985.
22. Арановский К.В. Мифология и мировоззрение в соотношении с государственно-правовым регулированием // Журнал российского права. – 2002. – № 9. – С. 84-92.
23. Бабаджанов И.Х., Горожанин А.В., Зоиров Д.М., Ромашов Р.А., Сальников М.В. Механизм правового регулирования // Теория государства и права: Учебник / Под ред. Р.А. Ромашова, В.П. Сальникова. Изд. 2-е, доп., перераб. В 3-х томах. Т. 2. – СПб.: Фонд «Университет», 2010. – С. 251-269.
24. Бабаджанов И.Х., Реуф В.М., Хасанова С.Г. Материальный и духовный мир человека и общества как объект охранительных правоотношений: ценностный подход // Мир политики и социологии. – 2012. – № 2. – С. 57-63.
25. Бабаджанов И.Х., Реуф В.М., Хасанова С.Г. Правоохранительная деятельность как социальная ценность: некоторые вопросы правовой защиты человека, общества и государства // Мир политики и социологии. – 2012. – №7. – С. 57-64.
26. Бабаджанов И.Х., Реуф В.М., Хасанова С.Г. Человек, общество, государство: аксиологическая оценка и идеологическая основа охранительных правоотношений // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 2. – С. 130-138.
27. Бабосов Е.М. Идеология Белорусского государства: теоретические и практические аспекты. – Минск, 2008.
28. Байтин М.И., Петров Д.Е. Метод регулирования в системе права: виды и структура // Журнал российского права. – 2006. – № 2. – С. 84-95.
29. Барков А.В. Гражданско-правовые средства в механизме правового регулирования: вопросы методологии // Государство и право. – 2008. – № 5. – С. 56-59.
30. Бляхман Б.Я. Правовой режим в системе регулирования социальных отношений. – Кемерово, 1999.
31. Братко А.Г. Правоохранительная система (вопросы теории). – М., 1991.
32. Буев В., Шамрай А. Малый бизнес: текущее состояние и проблемы финансирования. Национальный институт системных исследований проблем предпринимательства. – М., 2010.
33. Бутнев В.В. Охраняемый законом интерес: понятие и механизм защиты // Вопросы теории охраняемых законом интересов. – Ярославль, 1990.
34. Васильченко А.С. Комплексное обеспечение экономической безопасности малого бизнеса в современных условиях: Автореф. дис. … канд. экон. наук. – М., 2009.
35. Вестник Тюменской областной Думы. – 2008. – № 5.
36. Вихров А.А., Сальников В.П., Белозеров Б.П. Правоохранительная служба органов внутренних дел в механизме обеспечения охраны труда // Проблемы обеспечения реализации и защиты прав, свобод и законных интересов субъектов семейных правоотношений: Матер. междунар. науч.-практ. конф., г. Санкт-Петербург, 22-23 апреля 2008 г. / Под общ. ред. П.П. Глущенко, Б.П. Белозерова. – СПб.: Санкт-Петербургская академия управления и экономики, 2008. – С. 98-104.
37. Волкова М.В. Правовые средства обеспечения субъективных прав и свобод личности в системе правового регулирования // Юрист – Правовед. – 2008. – № 4. – С. 28-31.
38. Гаджиев Г.А. Конституционные основы предпринимательства // Хозяйство и право. – 1994. – № 11.
39. Гаджиев Г.А. Экономическая Конституция. Конституционные гарантии свободы предпринимательской (экономической) деятельности // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2009. – № 1. – С. 4-15.
40. Гойман В.И. Действие права (методологический анализ). – М., 1992.

41. Голубцов В.Г. Публичные элементы в частно-правовом регулировании // Труды МГЮА: Сб. статей. – 2006. – № 3. – С. 496-503.
42. Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав. – М., 2001.
43. Григонис Э.П., Харченко О.В. Правоохранительная функция государства и формы ее реализации. – СПб.: Книжный дом, 2007.
44. Гукасян Р.Е. Проблема интереса в советском гражданском процессуальном праве: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. – М., 1971.
45. Гурвич М.А. Гражданские правоотношения и процессуальные действия // Труды ВЮЗИ. – М., 1965. Т. 3.
46. Гуцериев Х.С., Сальников В.П., Степашин С.В., Федоров В.П., Худяк А.И. Человек и правоохранительная деятельность: Научное издание / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб: Фонд «Университет», 2000.
47. Дивеева Н.И. Общеправовые средства в механизме правового регулирования трудовых отношений // Правоведение. – 2002. – № 3. – С. 56-62.
48. Жариков Ю.С. Механизм правового регулирования: понятие и система // Вестник Моск. ун-та МВД России. – 2008. – № 5. – С. 37-38.
49. Землянов О.Е. Понятие и структура механизма правового регулирования // Право и государство: теория и практика. – 2010. – № 1.
50. Землянов О.Е. Понятие правового регулирования // Право и государство: теория и практика. – 2010. – № 5. – С. 137-141.
51. Зиновьев А.А. На пути к сверхобществу. – СПб., 2004.
52. Ибадова Л.Т. Новеллы Федерального закона «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» // Цивилист. – 2008. – № 1.
53. Исаков В.Б. Фактический состав в механизме правового регулирования. – Саратов, 1981.
54. Каймакова Е.В. Понятие и сущность принципов правового регулирования семейных отношений // Российское правосудие. – 2009. – № 5. – С. 42-50.
55. Кара-Мурза С.Г. Идеология и мать ее наука. – М., 2002.
56. Кляус Н.В. Теоретические направления понимания законного интереса // Вестник Омского университета. – 2003. – № 3.
57. Литвиненко А.Н., Очередько В.П. Безопасность хозяйствующего субъекта: опыт экономико-правового анализа: Монография. – СПб.: СоветникЪ, 2011. – 132 с.
58. Лученкова Е.С. Основы идеологии белорусского государства. Практикум: Учеб. пособие. – Минск, 2010.
59. Ляшевич И.А. Правовые проблемы регулирования малого и среднего бизнеса в России на современном этапе // Журнал российского права. – 2006. – № 5.
60. Мазаев В. Метод конституционного права и конституционная экономика // Сравнительное конституционное обозрение. – 2010. – № 2.
61. Малько А.В. Механизм правового регулирования // Теория государства и права: Курс лекций / Под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. – М., 2000.
62. Малько А.В. Основы теории законных интересов // Журнал российского права. – 1999. – № 5/6.
63. Малько А. В. Правозащитная политика в современной России: необходимость формирования // Социология и право. – 2010. – № 4.
64. Малько А.В. Политическая и правовая жизнь России: актуальные проблемы. – М., 2000.
65. Малько А.В. Стимулы и ограничения в праве. Теоретико-информационный аспект. 3-е изд., дополн. и перераб. – М.: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. – С. 205-214.
66. Малько А.В., Субочев В.В. Законные интересы как правовая категория. – СПб., 2004.
67. Малько А.В. Эффективность правового регулирования // Правоведение. – 1990. – № 6. – С. 61-67.
68. Материалы III международного конгресса «Малое и среднее предпринимательство России». Москва, 23-25 ноября 1994 г. Международный фонд поддержки экономических реформ России. – М., 1994.
69. Матузов Н.И. Личность. Правда. Демократия. Теоретические проблемы субъективного права. – Саратов, 1972.
70. Матузов Н.И., Малько А.В. Правовое стимулирование в условиях перехода к рыночной экономике // Государство и право. – 1995. – № 4.
71. Мельник В.А. Основы идеологии белорусского государства. – Минск, 2011.
72. Мешков Д.Н. Правовое воздействие и правовое регулирование (проблема соотношения) // «Черные дыры» в российском законодательстве. Юридический журнал. – 2007. – № 5. – С. 75-76.
73. Морозова Л.А. Конституционное регулирование в СССР. – М., 1985.
74. Новик Ю.И. Психологические проблемы правового регулирования. – Минск, 1989.
75. Ойгензихт В.А. Воля и волеизъявление. – Душанбе, 1983.
76. Омитов В.И. Правоохранительная деятельность. – Пермь, 2002.
77. Осипов М.Ю. Методы и способы правового регулирования и правотворчества: понятие и соотношение //

Современное право. – 2010. – №9. – С. 18-21.
78. Осипов М.Ю. Механизм правового регулирования и его типы // Право и государство: теория и практика. – 2006. – № 3. – С. 134-141.
79. Осипов М.Ю. Понятие и особенности целей и способов правового регулирования // Современное право. – 2008. – № 11. – С. 14-17.
80. Осипов М.Ю. Эффективность правового регулирования: понятие, виды, методика оценивания // Современное право. – 2010. – № 5. – С. 7-10.
81. Панченко А.В. Идеология социальной справедливости: Пособие по основам идеологии белорусского государства и политологии. – Минск, 2011.
82. Петражицкий Л.И. Введение в изучение права и нравственности. Основы эмоциональной психологии. – СПб., 1908.
83. Петров О.Ю., Евдеева Н.В. Типы правопонимания и правовое воздействие // Современное право. – 2010. – №4. – С. 3-9.
84. Правоохранительная деятельность и правоохранительные органы / Под общ. ред. В.А. Галкова. – Белгород, 2001.
85. Проект TACIS № 9303. Том 1. – Зутермиер (Нидерланды), 1995.
86. Рассыльников И.А. Юридическое воздействие на экономические отношения в современных российских условиях (теоретико-правовые основы): Автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Ростов-на-Дону, 2000.
87. Рейснер М.А. Государство. Введение. Культурно-исторические основы: Пособие к лекциям по общему учению о государстве. Ч. 1. – М., 1911. (Данные издания приводятся в соответствии с современными стандартами русского языка)
88. Рейснер М.А. Государство: Пособие к лекциям по общему учению о государстве. Ч. 1: Культурно-исторические основы. – М., 1911.
89. Рейснер М.А. Теория Л.И. Петражицкого. Марксизм и социальная идеология. – СПб., 1908.
90. Российская юридическая энциклопедия / Гл. ред. А.Я. Сухарев. – М.: Инфра-М, 1999.
91. Ручкина Г.Ф. Конституционные основы предпринимательства в России // Конституционное и муниципальное право. – 2002. – № 4.
92. Сальников В.П., Степашин С.В., Хабибулин А.Г. Государственность как феномен и объект типологии: теоретико-методологический анализ. – СПб., 2001.
93. Сапун В.А. Теория правовых средств и механизм реализации права. – СПб., 2002.
94. Свердлык Г.А. Гражданско-правовые способы сочетания общественных, коллективных и личных интересов. – Свердловск, 1980.
95. Свон Р.Д. Эффективность правоохранительной деятельности и ее кадровое обеспечение в США и России: Науч. изд. / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Алетейя, 2000.
96. Славин Б.Ф. Идеология возвращается. – М., 2009.
97. Смагина И.А. Налогообложение субъектов малого предпринимательства // Право и экономика. – 2007. – № 11.
98. Собрание законодательства Российской Федерации. – 2004. – № 49. – Ст. 4948.
99. Сорокин В.Д. Правовое регулирование: предмет, метод, процесс // Правоведение. – 2000. – № 4. – С. 34-45.
100. Стремоухов А.В. Правовая защита человека. – СПб., 2007.
101. Стремоухов А.В. Человек и его правовая защита. Теоретические проблемы. – СПб., 1996.
102. Тихомиров Ю.А. Закон. Стимулы. Экономика. – М., 1989.
103. Тихомиров Ю.А. Нормативное регулирование: взлет или кризис? // Журнал российского права. – 2006. – № 4. – С. 96-102.
104. Тихомиров Ю.А. Публично-правовое регулирование: динамика сфер и методов // Журнал российского права. – 2001. – № 5. – С. 3-12.
105. Федоров В.П. Убеждение и правоохранительная деятельность: Монография. – СПб.: Санкт-Петербургский юридический ин-т МВД России, 1994.
106. Хабермас Ю. Техника и наука как «идеология». – М., 2007.
107. Хабриева Т.Ю. Стратегия социально-экономического развития России и модернизация законодательства // Концепция развития российского законодательства / Под ред. Т.Я. Хабриевой, Ю.А. Тихомирова. – М., 2010.
108. Ханипов А. Интересы как форма общественных отношений. – Новосибирск, 1987.
109. Хохлова И.С. Способ правового регулирования: понятие, основные признаки и структура // Вестник Саратовской академии права. – 2009. – № 1. – С. 58-62.
110. Числов А.И., Орлов Б.М. Правоохранительные органы и правоохранительная деятельность. – М., 2004.
111. Числов А.И. Правоохранительная деятельность: Сущность и реализация. – СПб., 1999.
112. Чечот Д.М. Субъективное право и формы его защиты. – Л., 1968.

113. Шварцмантель Д. Идеология и политика. – Харьков, 2009.
114. Шеленко В.Н., Еремкина Г.А. Конкуренция в современном российском предпринимательстве: конфликтологический анализ // Конфликтология. – 2011. – № 3. – С. 71-85.
115. Экимов А.И. Интересы и право в социалистическом обществе. – Л.: ЛГУ, 1984.
116. Экимов А.И. Политические интересы и юридическая наука // Государство и право. – 1996. – № 12.
117. Экономико-правовой комментарий к Федеральному закону от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» / Под ред. Ю.А. Подгорной, И.А. Смагиной. – М., 2007.
118. Юридическая энциклопедия / Под общ. ред. Б.Н. Топорнина. – М.: Юристъ, 2001.
119. Яковлев А.И. Государственная идеология. – Калуга, 2001.
120. “L’industrie francaise” INSEE 1996-1997. TEF 1996/97. p. 134.
121. The State of Small Business: a report of the President Transmitted to the Congress. 1994. – Washington, D.C.; 1994.
122. US SBA. The Third Millennium: Small Business and Entrepreneurship in the 21st Cenctury. – Washington, D.C.; 1995.

АГАЕВ Ильгар Алекпер оглы,
начальник Финансово-планового управления МВД Республики Азербайджан,
докторант кафедры административного права Санкт-Петербургского университета МВД России,
кандидат юридических наук
E-mail: agaev-ia@list.ru

Специальность 12.00.04 – Финансовое право; налоговое право; бюджетное право

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ СТРУКТУР РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ: НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ

Аннотация. *В статье рассматриваются отдельные вопросы, касающиеся состояния и особенностей правового обеспечения деятельности финансово-экономических структур Российской Федерации и Азербайджанской Республики. При этом даётся анализ не только положений некоторых действующих нормативно-правовых актов этих государств в данной области, но и предлагается определённый комментарий, имеющий значение для обеспечения единообразной реализации правовых стандартов в интересах укрепления их экономической самостоятельности и безопасности.*

Ключевые слова: *возможности интеграции постсоветских стран в некоторые правовые институты Европы; финансовая политика России и Азербайджана; Законы Российской Федерации, Азербайджанской Республики; правовые предписания Центрального банка России (ЦБР); вопросы налогообложения в практике ЦБР; другие нормы национального финансового законодательства, государственная тайна в области финансов; банковская тайна; общеотраслевые руководящие методические материалы (ОРММ) и др.*

AGAEV I.A.

IMPROVEMENT OF LEGAL GROUNDWORK FOR THE ACTIVITIES OF FINANCIAL AND ECONOMIC STRUCTURES OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THE AZERBAIJANI REPUBLIC: SOME ISSUES

The summary. *The article deals with individual issues related to the condition and peculiarities of legal framework for the activities of financial and economic structures of the Russian Federation and Azerbaijani Republic. In this respect the given analysis covers not only the provisions of some applicable regulatory legal acts of these states in this area but also certain interpretations are proposed which a significant for ensuring uniform implementation of legal standards for the interests of their economic self-reliance and security.*

Key words: *possibilities of post-Soviet countries integration into some legal institutions of Europe; financial policy of Russia and Azerbaijan; Laws of the Russian Federation, Azerbaijani Republic; legal instructions of Central Bank of Russia (CBR); taxation issues in CBR practice; other norms of national financial legislation, state secret in area of finance; bank secrecy; general sectoral guiding methodological materials (GSGMM), etc.*

Современное развитие постсоветских стран, включая Россию и Азербайджан, характеризуется различными факторами и особенностями, одно из которых связанно с желанием интегрировать не только в ряд европейских правовых институтов, но и правовое пространство Европы, в целом. В этих целях, в подавляющем большинстве бывших союзных республик были определены первостепенные задачи поведения и углубления в них демократических преобразований, реформирования правовой системы, в том числе законодательной, укрепления защиты прав человека и основных свобод, обеспечения приоритета закона в обществе, реализации программы сотрудничества между Советом Европы и вновь образованными странами и другие задачи, затрагивающие и развивающие, конкретно, правовые основы их финансовой политики.

Для воплощения в жизнь данных целей, например, в Азербайджане были приняты соответствующие нормативно-правовые акты, среди которых следует отметить распоряжение Президента «О создании комиссии по правовой реформе при Президенте Азербайджанской Республики» от 21 февраля 1996 года, а также вытекающее из этого распоряжения решение «О первоочередных проектах законов, обеспечивающих проведение правовых реформ в Азербайджанской Республике» от 4 марта 1996 года, утверждённое 8 июля 1996 г. Указом Президента Азербайджанской Республики.

В соответствии с Указом (февраля 1996 г.) предполагалось создание комиссии по правовой реформе в течение двух месяцев с участием специалистов Совета Европы, которые должны были обеспечить проведение экспертизы действующих законов и других актов законодательства Азербайджанской Республики в области прав человека. Оценки этих специалистов затрагивали, в частности, положения главы III и статей, посвященных местным органам власти Конституции Азербайджанской Республики [1], на предмет их соответствия Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Данная Комиссия обеспечила проведение экспертиз ряда нормативно-правовых актов и законов на предмет их соответствия общепризнанным стандартам и нормам, принятым в европейских странах:

- о конституционном суде;
- о судах и судьях;
- о полиции;
- о прокуратуре;
- о местном самоуправлении;
- о выборах и местные органы самоуправления;
- о финансовой политике и некоторым другим.

В этой связи, в ходе проведение национальной правовой реформы, обращалось особое внимание на кредитно-денежную сферу и необходимость создания более эффективной системы казначейства.

Основной целью в создании системы казначейства является обеспечение основы оптимального управления финансовыми ресурсами, принадлежащими государству. Имелось в виду, что казначейство, снижая финансовые затраты и регулируя деятельность организаций, финансируемых государством, предоставит возможности этим организациям своевременно получить денежные ресурсы и будет способствовать уменьшению денежной массы в государстве. С другой стороны, осуществление финансирования посредством казначейства, как известно, это не только действие бюджетного средства, но и усиление государственного контроля в использовании денежной массы, с другой.

В мировой практике в ряде стран Министерство финансов выполняет роль казначейства, а в других - казначейство отделено от Министерства финансов. Во многих государствах казначейство выполняет функции:

- разработка бюджетной и налоговой политики;
- составление бюджета;
- выполнение бюджета;
- проведение финансовых операций в связи с выполнением бюджета;
- учет операций в связи с выполнением бюджета;
- аудиторские услуги.

Для реализации поставленных задач и выполнения определённых функций соответствующим указом Президента Азербайджана в составе республиканского Министерства финансов была создана система казначейства, формирование которой прошло в два этапа.

Для мировой практики также было и остается характерной необходимость укрепление правовых

основ функционирования Казначейства, в том числе по вопросам об исключении дублирования в работе участников бюджетного процесса и применении уголовной ответственности за нарушение финансовой дисциплины субъектов.

В этой связи определённый интерес представляет сравнительный анализ взаимодействия Банка России с правоохранительными органами [5; 53].

В соответствии с действующим законодательством, взаимодействие Центрального банка России (ЦБР) с Госналогслужбой России осуществляется с учетом предписаний банковских, налоговых и гражданско-правовых нормативных актов. Формами такого взаимодействия являются, обмен информацией, обеспечение налоговыми органами и ЦБР соблюдения принципа банковской тайны при предоставлении и получении соответствующей информации, проведение при необходимости совместных проверок кредитных организаций, подготовка и издание нормативных актов, другие правомерные действия.

Кроме того, между налоговыми органами и ЦБР могут возникнуть правоотношения, связанные с особым его положением как некоммерческой организации, получающей от своей деятельности определённые доходы. Эти правоотношения имеют ряд существенных особенностей, обусловленных юридическим статусом, функциями и полномочиями ЦБР как государственного органа РФ. Необходимо также учитывать, что согласно Федеральному закону «О Счетной палате Российской Федерации» от 11 января 1995 г. [6], контроль за законностью и своевременностью движения средств государственного бюджета и федеральных внебюджетных фондов в Центральном банке РФ осуществляется Счетной палатой (ст. 2), а в соответствии со ст. 5 Федерального закона ЦБР в своей деятельности подотчетен Государственной Думе [6; 9; 12; 19; 24; 25; 26; 27; 28; 29; 32; 34; 35; 44; 48; 49; 50; 51; 54; 55; 58; 59; 60; 61; 62; 63; 68; 72; 75; 78; 79; 80; 81; 82; 83; 84; 85; 87; 88; 93; 94; 97; 98; 99; 111; 112; 115; 116; 117; 118; 119; 120; 121; 122; 124; 125; 134; 135].

Учитывая сложившуюся в действующем законодательстве противоречивую ситуацию, представляется целесообразным внести в налоговое законодательство соответствующие изменения и дополнения, имея в виду, что в основе существующих противоречий лежит вопрос о порядке и конкретных размерах распределения прибыли ЦБР. Например, по мнению Госналогслужбы, ЦБР как основное звено, регулирующее денежное обращение в РФ, в принципе должно быть освобождено от уплаты налогов. Но, как считают Госналогслужбе России, это целесообразно лишь в случае, если состав расходов ЦБР будет утверждаться Госдумой, а не самостоятельно ЦБР, как это предусмотрено действующим федеральным законом.

Действительно, согласно ч. 1 ст. 26 Федерального закона порядок направления прибыли ЦБР в резервы и фонды, а также рассмотрение и утверждение сметы расходов ЦБР на очередной год и расходов, не предусмотренных в смете, рассматриваются и утверждаются Советом директоров ЦБР.

Однако все эти вопросы контролируются Государственной Думой РФ при представлении ЦБР годового отчета, по итогам рассмотрения которого Госдума принимает решение в соответствии со ст. 25 Федерального закона. Поэтому позиция Госналогслужбы России о том, что расчеты, расходы и доходы ЦБР осуществляются им самостоятельно и подлежат обязательному утверждению Госдумой, не вполне корректны. Госдума не только утверждает, но и контролирует годовой баланс, счет прибылей и убытков, распределение прибыли ЦБР при представлении ей на утверждение годового отчета.

Не менее важным является вопрос о правовом регулировании взаимоотношений, связанных с порядком предоставления ЦБР сведений, необходимых налоговым и правоохранительным органам для осуществления возложенных на них обязанностей. Потребность вышеупомянутых органов в получении от ЦБР специфической банковской информации возникает в ходе осуществления ими совместной деятельности с ЦБР по регулированию, надзору и контролю в денежно-кредитной и банковской сферах, а также при выполнении правоохранительными органами специфических, присущих только им оперативно-розыскных и процессуальных функций.

Правоохранительные органы, в пределах предоставленных им полномочий, вправе запрашивать у ЦБР и получать любые сведения о состоянии и деятельности кредитных организаций и иных клиентов ЦБР, включая сведения, составляющие государственную, банковскую, коммерческую или служебную тайну, об обслуживаемых ими клиентах (кредитных

организаций, иных юридических и физических лиц) [22; 23; 31; 33; 37; 38; 39; 40; 41; 42; 45; 48; 65; 66; 67; 68; 70; 71; 72; 74; 75; 87; 91; 96; 101; 102; 104; 105; 106; 107; 108; 111; 114; 115; 124; 132; 133]

Как видно из содержания отдельных правовых норм, в них ЦБР прямо не упоминается, поскольку соответствующие обязанности возлагаются на кредитные организации, к которым ЦБР не относится. Более того, Минфин России не вправе давать ЦБР какие-либо обязательные рекомендации. Однако, несмотря на имеющиеся пробелы и противоречия в действующем законодательстве, Банк России обязан в процессе своей деятельности обеспечивать соблюдение государственных и общественных интересов. Поэтому при получении соответствующих запросов налоговых органов ЦБР, как представляется, обязан действовать по аналогии с деятельностью кредитных организаций.

Очевидно и то, что ЦБР при предоставлении налоговым органам информации о финансово-хозяйственных операциях налогоплательщиков-клиентов, относящихся к органам государственной власти, а также являющихся организациями, обеспечивающими безопасность РФ, обязан соблюдать федеральное законодательство о государственной тайне. Под ней, как известно, понимаются защищаемые государством сведения в области его военной, внешнеполитической. экономической, разведывательной, контр-разведывательной и оперативно-розыскной деятельности, распространение которых может нанести ущерб безопасности РФ (ст. 2 Закона РФ от 21 июля 1991 г. «О государственной тайне» [4]).

Не меньший научный и практический интерес представляют вопросы правового регулирования полномочий ЦБР по предоставлению налоговым и правоохранительным органам сведений, не являющихся государственной или служебной тайной, но составляющих банковскую тайну.

Сведениями, составляющими банковскую тайну, является информация об операциях, счетах и вкладах, сведения о клиентах, в том числе кредитных организаций, открывших корреспондентские счета в ЦБР. Вместе с тем необходимо оговориться, что перечисленные сведения, касающиеся юридических лиц, финансируемых из государственного бюджета всех уровней, государственных внебюджетных фондов, не могут иметь статуса банковской тайны для вышестоящих по отношению к конкретной организации государственных органов управления, органов финансового контроля и правоохранительных органов.

Круг лиц, которым могут быть выданы справки по счетам и вкладам физических лиц, помимо самих этих лиц, ограничен судами, а также следственными органами по делам, находящимся в их производстве, при обязательном наличии согласия прокурора. В таком же порядке органам предварительного следствия выдаются справки по счетам и вкладам юридических лиц и граждан, занимающихся предпринимательской деятельностью без образования юридического лица.

Поэтому на стадии возбуждения уголовного дела, при проведении проверки в порядке, предусмотренном соответствующими статьями УПК РФ [3], справки, содержащие сведения, являющиеся банковской тайной, передаваться не могут. Они также не представляются и при проведении проверки в протокольной форме досудебной подготовки материалов и при проведении дознания по делам, по которым предварительное следствие обязательно, или оперативно-розыскной деятельности справки, содержащие сведения, являющиеся банковской тайной, органам дознания, следователям, прокурорам, а также органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность.

Юридическими основаниями, позволяющими ЦБР и его учреждениям нарушить принцип банковской тайны, являются письма, надлежащим образом оформленные, мотивированные, имеющие ссылку на соответствующий нормативный акт и подписанные руководителем государственного органа, как это указано в ст. 26 Федерального закона «О банках и банковской деятельности». Необходимы также такие документы, как постановления судей (определения судов) по конкретным делам, копии постановлений следователей о возбуждении уголовного дела и принятии их к производству предварительного следствия, заверенные надлежащим образом, и письма, содержащие ясно выраженное согласие соответствующего прокурора, осуществляющего надзор за следствием по делу.

Вместе с тем, если применительно к органам, осуществляющие дознание и предварительное следствие, установлены определенные правовые гарантии неразглашения банковской тайны, т.е.

недопустимость их разглашения и ответственность за такие действия, как это предусмотрено нормами УПК РФ [3], поскольку переданные следственным органам сведения приобретают статус не только банковской тайны, но и тайны следственной, то в отношении других органов государственной власти достаточных правовых гарантии не имеется. В результате допускаются случаи, когда один государственный орган, получив от кредитной организации или ЦБР сведения, составляющие банковскую тайну, передает эту информацию другим органам.

Как известно, ст. 26 Федерального закона «О банках и банковской деятельности» [8], устанавливает, что сведения, составляющие банковскую тайну, могут быть получены строго уполномоченными государственными органами (среди которых нет ни органов дознания, ни иных органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность) в специально оговоренных законом случаях и только через кредитные организации или ЦБР. Следовательно, передача полученной информации, содержащей банковскую тайну, упомянутыми государственными органами третьим лицам, даже являющимся правоохранительными органами, как это следует из Федерального закона, недопустима и должна расцениваться как нарушение установленного Федеральным законом порядка распространения сведений, составляющих банковскую тайну.

При реализации своих полномочий по проведению таможенного контроля таможенные органы также вправе получать от кредитных организаций сведения и справки об операциях и состоянии счетов лиц, перемещающих товары и транспортные средства через государственную границу, таможенных брокеров и иных лиц, осуществляющих деятельность, контроль за которой возложен на таможенные органы (ст. 182 Таможенный Кодекс РФ [2]).

Таможенные органы вправе требовать безвозмездной передачи необходимой им информации (включая банковскую) при проведении проверки финансово-хозяйственной деятельности (ст. 186 ТК РФ). Требование об обеспечении специального режима распоряжения информацией, составляющей государственную, коммерческую, банковскую или иную охраняемую законом тайну, или иной конфиденциальной информацией, установлены ст. 16 ТК РФ. Согласно указанной статье должностные лица таможенных органов РФ не вправе разглашать соответствующую информацию, использовать в личных цепях, передавать третьим лицам, а также государственным органам, за исключением случаев, предусмотренных законодательными актами РФ.

Особый порядок предоставления правоохранительным органам сведений, составляющих банковскую тайну, действует и при необходимости изъятия из учреждений ЦБР документов - носителей такой информации. Следовательно, производя в ЦБР или подчиненных ему учреждениях выемку документов, содержащих сведения, составляющие банковскую тайну, следователь, помимо постановления о производстве выемки и протокола выемки, обязан представить в ЦБР или его учреждения соответствующие документы.

Потребность во взаимодействии с ЦБР у органов дознания и предварительного следствия может возникнуть при проведении предварительного расследования, как правило, по преступлениям экономического характера, связанным с денежно-кредитной и банковской системами. Органы дознания в рамках предоставленных им полномочий при выполнении следственных действий по делам, по которым предварительное следствие обязательно, вправе производить: выемку у, осмотр любых документов (кроме содержащих банковскую тайну), имеющих отношение к деятельности кредитных учреждений и ЦБР: осмотр любых помещений, в том числе и банковских. По делам, по которым предварительное следствие необязательно, органы дознания вправе производить любые следственные действия и получать информацию, содержащую сведения о банковской тайне, в том же порядке, что и органы предварительного следствия.

Взаимодействие ЦБР как единственной организации, на которую возложены функции банковского надзора и контроля, с правоохранительными органами осуществляется также при проведении надзорных проверок в кредитных организациях. Кроме того, как это предусмотрено уголовно-процессуальным законодательством РФ, по требованию прокурора, следователя, органа дознания, расследующего уголовное дело, руководители ЦБР и его учреждений обязаны проводить ревизии в подконтрольных и подведомственных им

организациях, а также в иных организациях, указанных этими органами. Правом требовать проведения ревизий прокуроры наделены и в процессе осуществления ими функций прокурорского надзора (п. 1 ст. 22 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» от 17 ноября 1995 г. [7]). Аналогичные права предоставлены судебным органам.

Так или иначе, порядок работы с документами, составляющими коммерческую тайну, регламентируется специальной инструкцией по закрытому делопроизводству, которая регулирует порядок документирования и организации работы с конфиденциальными документами, включающей следующие разделы: «Общие положения» - на основе действующего законодательства и нормативно-методических документов определяется понятие коммерческой тайны, устанавливаются цели данной инструкции, определяются люди или подразделения, ответственные за работу с документами, составляющими коммерческую тайну; «Документирование деятельности фирмы, составляющей коммерческую тайну» - определяются виды конфиденциальных документов, порядок их подготовки и оформления, присваиваемые грифы ограничения доступа к документам; «Организация работы с документами» – устанавливается порядок присвоения грифов и правила работы с документами, содержащими коммерческую тайну.

Важной является проблема организации взаимодействия ЦБР с органами Прокуратуры РФ, действующими в соответствии с Федеральным законом «О прокуратуре РФ». Согласно этому Закону на прокуратуру возложен надзор за исполнением законов федеральными министерствами и ведомствами, представительными (законодательными) и исполнительными органами субъектов РФ, органами местного самоуправления, органами военного управления, органами контроля, их должностными лицами, а также соответствие законам издаваемых ими правовых актов (ст. 21). Закон не содержит прямого указания на то, что прокуратурой осуществляется надзор за исполнением законов ЦБР, который в соответствии с действующим законодательством не является ни министерством, ни ведомством. Но ЦБР и его учреждения, а также издаваемые им правовые акты не могут оставаться вне пределов надзора прокуратуры. Подтверждением является тот факт, что на ЦБР Федеральным законом «О Центральном банке РФ» [5] возложены функции валютного контроля, а следовательно, его деятельность как контролирующего органа также охватывается прокурорским надзором (ст. 21 Федерального закона «О Прокуратуре РФ»).

Существенным моментом в процессе совершенствования организационно-правовых основ деятельности, в частности, финансово-экономических подразделений МВД может стать внедрение так называемых интегрированных автоматизированных банковских систем (ИАБС).

Следует указать, что процесс управления финансовыми средствами основан на анализе данных, получаемых от структурных подразделений как вышестоящих органов внутренних дел, так и взаимодействующих с финансово-экономическими подразделениями. При этом эффективность работы структурного подразделения зависит от своевременности поступления информации [10; 11] и от ее качества. Весь комплекс данных, отражающий течение финансовых процессов и необходимый для эффективного управления технологическим операциями, определяется как информационное обеспечение. Оно включает также системы классификации кодирования информации, унифицированные системы документов и т.п. ИАБС является сложной развивающейся системой [108, стр. 103-113].

Быстрое совершенствование ЭВМ резко расширило области и сферы их применения, существенно повлияло на характер работы многих финансовых служб органов внутренних дел, изменило технологический процесс управления финансовыми процессами в организационно-технологических и экономических системах. Появление широко доступных вычислительных средств определило место ЭВМ в сфере управления.

Правовое обеспечение является основополагающим фактором при регламентации отношений между заказчиком системы и головным разработчиком, между разработчиком и организациями-соисполнителями. Состав, содержание и порядок оформления работ по созданию ИАБС в полной мере определены и объединены в общеотраслевых руководящих методических материалов (ОРММ).

Практика показывает, что при эксплуатации

автоматизированных систем [96; 109] функции структурных подразделений и средства для их исполнения изменяются постепенно, в процессе «вживания» новой техники и методов управления, либо сразу, путем замены ранее существовавших форм документов на распечатки, получаемые с ЭВМ, технологического процесса обработки данных и выработки на их основе управленческих решений.

Особое место в процессе выработки управленческих решений, связанных с финансовым обеспечением органов внутренних дел, занимают вопросы придания юридической силы техническим носителям информации и документам, полученным с помощью ЭВМ. Принятые в последнее время нормативные документы решили лишь основные правовые проблемы на уровне современных требований. Однако в этом направлении предстоит сделать еще немало [36; 92, стр. 110], поскольку это непосредственно касается вопросов совершенствования правового обеспечения деятельности финансово-экономических структур.

Процесс формирования рыночных отношений на постсоветском пространстве свидетельствует о том, что финансовая деятельность государства стала достаточно разнообразной и многогранной. С другой стороны можно отметить, что в некоторых случаях финансовые методы управления государством могут быть более эффективными и результативными. Каждое государство должно стремиться найти оптимальную точку между командными и финансовыми методами управления, исходя из исторических обстоятельств, связанных с такими факторами, как финансовые и организационные возможности, состояние демократических институтов, наличие необходимой законодательной базы, уровень образованности и правосознания граждан, обеспечение финансовой безопасности [13; 14; 15; 16; 17; 18; 20; 21; 30; 43; 46; 52; 56; 57; 76; 77; 89; 91; 102; 126; 127; 128; 129; 130] и т.д.

В современных условиях финансовая деятельность государства во многих странах используется как высокоэффективный способ регулирования тех или иных процессов, в том числе как способ влияния на поведение людей. Поскольку экономика - наука об экономически мотивированном поведении человека, то и финансовая деятельность государства, и правовое обеспечение ее организации требуют экономического обоснования. Ведь результативная правоприменительная деятельность финансовых органов государственной власти имеет непосредственное отношение к поведению субъектов правоотношений, в значительной мере мотивированному экономическими интересами. Использование финансовых инструментов в сфере управления государством предпочтительно, прежде всего, потому, что финансовые ресурсы могут выступать эквивалентом всех остальных благ и более точно отражать их ценность.

Список литературы

1. Конституция Азербайджанской Республики. – Баку, 2012.
2. Таможенный кодекс Российской Федерации от 18 июня 1993 г. № 5221-I (ТК РФ) (с изменениями и дополнениями) // Ведомости съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. – 1993. – № 31. – Ст. 1224.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 52 (часть I). – Ст. 4921.
4. Закон Российской Федерации от 21 июля 1993 г. №5485-I «О государственной тайне» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1997. – № 41. – Ст. 4673.
5. Федеральный закон Российской Федерации «О Центральном банке РФ» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://credit.ru/publication/show/id/156/
6. Федеральный закон Российской Федерации от 11 января 1995 г. №4-ФЗ «О Счетной палате Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. – № 3. – Ст. 167.
7. Федеральный закон Российской Федерации от 17 ноября 1995 г. №168-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации «О прокуратуре Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. – № 47. – Ст. 4472.

8. Федеральный закон Российской Федерации от 2 декабря 1990 г. №395-I «О банках и банковской деятельности» // Ведомости съезда народных депутатов РСФСР. – 1990. – № 27. – Ст. 357.
9. Федеральный закон Российской Федерации от 7 февраля 2011 г. № 6-ФЗ «Об общих принципах организации и деятельности контрольно-счетных органов субъектов Российской Федерации и муниципальных образований» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 7. – Ст. 903.
10. Указ Президента Российской Федерации от 28 июня 1993г. № 963 «О мерах по реализации правовой информатизации России» // Собрание актов Президента и Правительства Российской Федерации. – 1993. – № 27. – Ст. 2533.
11. Указ Президента Российской Федерации от 28 июня 1993 г. № 966 «Концепция правовой информатизации России» // Собрание актов Президента и Правительства Российской Федерации. – 1993. – № 27. Ст. 2521.
12. Указ Президента Российской Федерации от 25 июля 1996 г. №1095 «О мерах по обеспечению государственного финансового контроля в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 31. – Ст. 3696.
13. Указ Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. № 537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2009. – № 20. – Ст. 2444.
14. Приказ Генпрокуратуры России, ФНС России, Росфинмониторинга, ФСБ России, МВД России, Центрального банка Российской Федерации от 1 ноября 2006 г. № 99/САЭ-3-23/754/178/516/868/ОД-554 «О создании Межведомственной рабочей группе по противодействию преступлениям в сфере экономики», г. Москва. – М., 2006.
15. Приказ Генеральной прокуратуры, МВД, ФСБ, ФНС, Росфинмониторинга, Банка России от 28 февраля 2007 г. №40/210/82/САЭ-3-09/16/46/ОД-194 «Об утверждении Регламента межведомственного взаимодействия и информационного обмена правоохранительных и контрольно-надзорных органов при осуществлении деятельности по противодействию преступлениям и иным правонарушениям в сфере экономики», г. Москва. – М., 2007.
16. Приказ МВД России, Минобороны России, ФСБ России, СВР России, Росфинмониторинга от 14 мая 2007 г. № 426/183/117/43/106 «Об утверждении Инструкции по организации взаимодействия МВД России, Минобороны России, ФСБ России, СВР России, ФМС России и Росфинмониторинга по пресечению финансирования из зарубежных источников незаконных вооруженных формирований, действующих в Северо-Кавказском регионе Российской Федерации», г. Москва. – М., 2007.
17. Приказ Генпрокуратуры России, МВД России, ФСБ России, ФСКН России, ФТС России, Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации, Росфинмониторинга от 05.08.2010 № 309/566/378/318/1460/43/207 «Об утверждении Инструкции по организации информационного взаимодействия в сфере противодействия легализации (отмыванию) денежных средств и иного имущества, полученных преступным путем», г. Москва. – М., 2010.
18. Приказ МВД России и ФАС России от 30 декабря 2004 г. №878/215 «Об утверждении Положения о порядке взаимодействия Министерства внутренних дел Российской Федерации и Федеральной антимонопольной службы», г. Москва. – М., 2004.
19. Декларация принципов деятельности контрольно-счетных органов Российской Федерации, принята IV конференцией Ассоциации контрольно-счетных органов Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ach.gov.ru/userfiles/tree/declar-princip-deyatelnosti-tree_files-fl-323.pdf
20. Комплексный план совместных мероприятий МВД России, ФСБ России, ФСКН России, Минобороны России, Минюста России, ФТС России, Росфинмониторинга и Генеральной прокуратуры Российской Федерации по борьбе с преступлениями в экономической сфере на 2008-2010 годы, № 1/3305 от 22 января 2008 г. – М., 2008.
21. План совместных мероприятий по противодействию правонарушениям в экономической и социальной сферах в связи с принимаемыми Правительством Российской Федерации мерами по укреплению финансового и других секторов экономики, утвержденного решением Межведомственной рабочей группы по противодействию преступлениям в сфере экономики от 11.11.2008 (исх. № 73/1-1341-2008 от 18.11.2008 из Генпрокуратуры) (вх. № 35771 от 24.11.2008). – 2008. – М., 2008.
22. Абдрахманов А.И., Хабибулин А.Г. Министерство внутренних дел на рубеже эпох: традиции и перспективы // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 10. – С. 22-30.
23. Аврутин Ю.Е., Гуляев А.П., Егоршин В.М., Сальников В.П., Шапиев С.М. Преступность, общество, государство: проблемы социогенезиса. Опыт междисциплинарного теоретико-прикладного исследования / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб., 2002.
24. Агапцов С. Мы приходим в министерство не обличать, а помогать // Финансовый контроль. – 2012. – № 6 (127). – С. 68-74.
25. Агапцов С.А. Государственный финансовый контроль и бюджетная политика Российского государства. – М.:

Финансовый контроль, 2004.
26. Агапцов С.А., Романов Е.Ю. Актуальные вопросы законодательного обеспечения доходов государственных внебюджетных фондов. – М.: Финансовый контроль, 2006.
27. Агапцов С.А., Романов Е.Ю. Доходы социальных фондов. Правовое регулирование доходов государственных внебюджетных фондов: проблемы и решения. – М.: Финансовый контроль, 2007.
28. Александрова Д. Не наступать на те же грабли: Выступление председателя Счетной палаты Сергея Степашина в государственной Думе позволило депутатам наиболее объективно оценить плюсы и минусы бюджетного процесса в России // Финансовый контроль. – 2012. – №7 (128). – С. 50-54.
29. Александрова Д. Сергей Степашин: «Пора менять философию межбюджетных отношений» // Финансовый контроль. – 2012. – № 5(126). – С. 60-65.
30. Алиев А.Т. Финансы, денежное обращение и кредит: Учебно-методический комплекс по дисциплине. – М.: АСОУ, 2011.
31. Алиев Я.Л., Сальников П.П. Международная правоохранительная деятельность и полицейские традиции России // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 8. – С. 130-150.
32. Андрюшин С.А., Дадашев А.З. Научные основы организации системы общегосударственного финансового контроля // Финансы. – 2002. – № 4.
33. Артамонова Г.К., Горбашев В.В., Оль Е.М., Реуф В.М., Яковлев О.Н. Эффективность государственной политики и правовое регулирование // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 7. – С. 50-55.
34. Ассоциация контрольно-счетных органов России. Дела и люди / Сост. Р.С. Столяров, А.В. Коровников, И.П. Никулин, Е.Н. Синева, Д.И. Саморуков. – М.: Финансовый контроль, 2004.
35. Ассоциация контрольно-счетных органов Российской Федерации (информационный сборник, посвященный 10-летию АКСОР) / Ред. коллегия: С.В. Степашин (председатель), С.М. Шахрай, Н.С. Столяров, Н.И. Панченко, В.В. Астафьев, И.П. Никулин, В.И. Перов, А.В. Якубовский. – М.: Проспект, 2010.
36. АСУ на промышленном предприятии: Методы создания: Справочник / Сост. С.Б. Михалев, Р.С. Седегов, А.С. Гринберг и др. – М.: Энергоатомиздат, 1989.
37. Бабаджанов И.Х., Реуф В.М., Хасанова С.Г. Духовные и материальные блага как ценность для человека, общества и государства: системный анализ // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 7. – С. 142-147.
38. Бабаджанов И.Х., Реуф В.М., Хасанова С.Г. Материальный и духовный мир человека и общества как объект охранительных правоотношений: ценностный подход // Мир политики и социологии. – 2012. – № 2. – С. 57-63.
39. Бабаджанов И.Х., Реуф В.М., Хасанова С.Г. Правоохранительная деятельность как социальная ценность: некоторые вопросы правовой защиты человека, общества и государства // Мир политики и социологии. – 2012. – № 7. – С. 57-64.
40. Бабаджанов И.Х., Реуф В.М., Хасанова С.Г. Человек, общество, государство: аксиологическая оценка и идеологическая основа охранительных правоотношений // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 2. – С. 130-138.
41. Бакуменко А.А. Деятельность правоохранительных органов по борьбе с незаконной охотой в регионе // Юридическая наука: история и современность. – 2011. – № 4. – С. 94-97.
42. Балуев Е.Н. Правоохранительная система государства как предмет историографического анализа (по материалам исследований отечественных авторов 1920-х годов) // Юридическая наука: история и современность. – 2011. – № 3. – С. 19-21.
43. Блинов Н.М., Городецкий А.Е. Экономическая безопасность и политика реформ. – М., 1996.
44. Боролков С. Счетная палата проверит использование федеральных денег на петербургских объектах // Финансовый контроль. – 2012. – № 4(125). – С. 72-74.
45. Братко А.Г. Правоохранительная система (вопросы теории). – М., 1991.
46. Вепрев С.Б. Теоретические основы экономической безопасности, институты и механизмы ее обеспечения. – М.: Академия экономической безопасности МВД России, 2006.
47. Вихров А.А., Сальников В.П., Белозеров Б.П. Правоохранительная служба органов внутренних дел в механизме обеспечения охраны труда // Проблемы обеспечения реализации и защиты прав, свобод и законных интересов субъектов семейных правоотношений: Матер. междунар. науч.-практ. конф.; г. Санкт-Петербург, 22-23 апреля 2008 г. / Под общ. ред. П.П. Глущенко, Б.П. Белозерова. – СПб.: Санкт-Петербургская академия управления и экономики, 2008. – С. 98-104.
48. Владимирова Т. Открытость бюджета и прозрачность контроля // Финансовый контроль. – 2012. – №5(126). – С. 66-69.
49. Владимирова Т. Парламентарии и аудиторы сверили часы // Финансовый контроль. – 2012. – №4(125). – С. 68-71.
50. Волков М. Как подчинить закону финансовые потоки? // Финансовый контроль. – 2012. – № 6(127). – С. 82-85.

51. Воронин Ю.М. Государственный финансовый контроль. Вопросы теории и практики. – М.: Финансовый контроль, 2005.
52. Галкин Д.В. Роль органов внутренних дел в обеспечении финансовой безопасности государства // Актуальные проблемы предупреждения правонарушений в сфере общественного порядка и общественной безопасности: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, 14-15 мая 2009 г. – Хабаровск: Дальневост. юрид. ин-т МВД России, 2009.
53. Гейвандов А.Я. Банковская деятельность в России: проблемы государственного регулирования: Монография. – СПб.: Санкт-Петербургская академия МВД России, 1997.
54. Горегляд В.П. Бюджет как финансовый регулятор экономического развития. – М.: Экономика, 2002.
55. Горегляд В.П. Бюджетный рубль должен работать // Финансовый контроль. – 2010. – № 10(107). – С. 19-26.
56. Городецкий А.Е. Финансовая безопасность населения // Региональная экономика. – 2003. – № 1.
57. Городецкий А.Е., Хоминич И.И. Экономическая безопасность: новые вызовы и угрозы в условиях глобализации // Вестник Академии налоговой полиции: Вып. 3. – М.: АНП ФСНП России, 2003.
58. Городецкий А.Е., Хоминич И.П. Финансовая безопасность: новые угрозы и вызовы в условиях глобализации // Вестник АНП РФ. Вып. 3. – М., 2003.
59. Государственный финансовый контроль: социальная сфера и наука / Под ред. Ю.М. Воронина и со вступит. стат. С.В. Степашина. – М.: Финансовый контроль, 2003.
60. Грачева Е.Ю. Проблемы правового регулирования государственного финансового контроля. – М.: Юриспруденция, 2000.
61. Грачева Е.Ю. Финансовая деятельность и финансовый контроль в системе социального управления // Финансовое право. – 2003. – № 2.
62. Грачева Е.Ю., Толстопятенко Г.П., Рыжкова Е.А. Финансовый контроль: Учебное пособие. – М., 2004.
63. Грачева Е.Ю., Хорина Л.Я. Правовое регулирование бюджетного контроля в Российской Федерации: Курс лекций. – М., 2004.
64. Григонис Э.П. Правоохранительные органы. – СПб., 2002.
65. Григонис Э.П., Харченко О.В. Правоохранительная функция государства и формы ее реализации. – СПб.: Книжный дом, 2007.
66. Гуценко К.Ф., Ковалев М.А. Правоохранительные органы. – М, 1996.
67. Гуцериев Х.С., Сальников В.П., Степашин С.В., Федоров В.П., Худяк А.И. Человек и правоохранительная деятельность: Научное издание / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб: Фонд «Университет», 2000.
68. Данилевский Ю.А., Овсянников Л.Н. Государство и финансовый контроль: Монография. – М., 2003.
69. Дозерцев В.А. Проблемы совершенствования гражданского права Российской Федерации при переходе к рыночной экономике // Государство и право. 1994, N 1.
70. Егоршин В.М. Милиция. Полиция. Шерифат. – СПб.: Экополис и культура, 1994.
71. Жимиров В.Н., Оль Е.М., Реуф В.М. Современное государство: к вопросу об основных функциях // Мир политики и социологии. – 2012. – № 9. – С. 42-47.
72. Залог социальной стабильности (интервью с Председателем Счетной палаты РФ С.В. Степашиным) // Банковский ряд. – 2006. Весна. Спецвыпуск.
73. Зарубежный опыт и отечественные традиции в российском праве: Материалы всероссийского научного методологического семинара. 28-30 июня 2004 г. / Под общ. ред. В.П. Сальникова, Р.А. Ромашова. – СПб., 2004.
74. Зоиров Д.М., Колокольцев В.А. Организационно-правовой механизм обеспечения национальной и коллективной безопасности стран-участников СНГ // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2003. – № 1(17). – С. 111-117.
75. Ильина Ю. Принципы финансового контроля // Аудит и налогообложение. – 2005. – № 10.
76. Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П., Степашин С.В. Экономическая безопасность России: концепция – правовые основы – политика. – СПб.: Фонд «Университет», 2002.
77. Клещенко Ю.Г., Савченко М.М. Финансовый контроль как один из факторов обеспечения финансовой безопасности // Финансовое право. – 2009. – № 5.
78. Комментарий к федеральному закону «О Счетной палате Российской Федерации» / К.В. Сурков, А.В. Коровников, Ю.Ф. Кваша, С.О. Шохин; Под общ. ред. С.В. Степашина. – М.: Финансовый контроль, 2002.
79. Кондрат Е.Н. Виды и формы финансового контроля: некоторые вопросы классификации // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 2. – С. 89-96.
80. Кондрат Е.Н. Внешний государственный и муниципальный финансовый контроль: законодательные основы и общая характеристика // Мир политики и социологии. – 2012. – № 7. – С. 77-88.
81. Кондрат Е.Н. Государственный финансовый контроль: основополагающие начала (принципы) // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 1. – С. 103-109.
82. Кондрат Е.Н. Государственный финансовый контроль: понятие и сущность // Мир политики и социологии. –

2012. – № 1. – С. 65-72.
83. Кондрат Е.Н. Контроль в финансовой сфере: место государства и рынка // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 1. – С. 80-89.
84. Коровников А.В. 10 лет в интересах государственного финансового контроля // Финансовый эксперт. – 2000 – 2010.
85. Коровников А.В., Столяров Н.С., Сурков К.В., Шлейников В.И. Контрольно-счетные органы в Российской Федерации (в вопросах и ответах) / Под общ. ред. С.В. Степашина. – М.: Финансовый контроль, 2001.
86. Лавринюк К. В. О правоохранительной системе государства // Юридическая наука: история и современность. – 2011. – № 1. – С. 71-75.
87. Леонидов А. Надзорные ведомства не должны дублировать друг друга // Финансовый контроль. – 2012. – № 7 (128). – С. 40-43.
88. Методология контроля общественных финансовых средств: Мат. междунар. науч.-практ. конф., 20-21 мая 2004 г. – М.: Финансовый контроль, 2004.
89. Мещеряков С. «Грязные» деньги преступных сообществ // Финансовый контроль. – 2005. – № 11 (48).
90. Михайлик А.Г., Сальников М.В. Геополитические и ресурсно-экономические детерминанты функционирования современного государства: политико-правовой анализ // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2002. – № 3(15). – С. 9-14.
91. Молчанов А.В. Коммерческий банк современной России: теория и практика. – М.: Финансы и статистика, 2002.
92. Морозов В.К., Иваненко А.И. Концепция автоматизированных систем и сетей правовой информации. – М.: Энергоатомиздат, 1989.
93. Научно-практический комментарий «Система органов государственного финансового контроля: полномочия, основные направления деятельности и вопросы их координации» / Под ред. А.А. Ялбулганова. – М.: Новая правовая культура, 2007.
94. Начало государственного аудита. – М.: Финансовый контроль, 2006.
95. Нургалеев Р.Г. МВД России: вчера, сегодня, завтра. – М., 2010.
96. Общеотраслевые руководящие методические материалы по созданию автоматизированных систем управления предприятиями и производственными объединениями (АСУП). – М.: Статистика, 1977.
97. Пансков В.Г. О некоторых вопросах государственного финансового контроля в стране // Финансы. – 2002. – № 5.
98. Погосян Н.Д. Счетная палата Российской Федерации. – М., 1998.
99. Подберезкин А.И., Коровников А.В. Россия и мир в период глобализации: в поисках концепции долгосрочного развития. – М.: Финансовый контроль, 2003.
100. Полиция США (сравнительно-правовой анализ) / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2002.
101. Право и общество: от конфликта к консенсусу / Под ред. В.П. Сальникова, Р.А. Ромашова. – СПб., 2004.
102. Правовое регулирование деятельности федеральной службы безопасности по обеспечению национальной безопасности РФ: Научное пособие / Под ред. В.Н. Ушакова, И.Л. Трунова. – М.: Эксмо, 2006.
103. Правоохранительная деятельность и правоохранительные органы / Под общ. ред. В.А. Галкова. – Белгород, 2001.
104. Правоохранительные органы Российской Федерации / Под общ. ред. В.П. Божьего. – М., 2005.
105. Правоохранительные органы: Курс лекций / Под ред. В.И. Качалова, О.В. Качаловой. – М., 2006.
106. Правоохранительные органы: Учебник для вузов / Под ред. О.А. Галустьяна. – М., 2005.
107. Превезенцев Н.И. Законность и правопорядок в условиях формирования гражданского общества и правового государства / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб., 1997.
108. Прозоров В.Ф. Качество и эффективность хозяйственного законодательства // Тезисы докладов и сообщений на Всесоюзной научной конференции «Совершенствование законодательства о народном хозяйстве в условиях интенсификации общественного производства» (Москва, 26-28 мая 1987 г.). – М., 1987.
109. Рассолов М.М. Управление, информация и право. – М.: Мысль, 1983/
110. Ромашов Р.А. Проблемы правоохранительной деятельности современной России. – СПб., 2008.
111. Саунин А.Н. Аудит эффективности в государственном финансовом контроле. – М.: Финансовый контроль, 2004.
112. Саунин А.Н., Коршунов А.Е Некоторые проблемы законодательного обеспечения деятельности контрольно-счетных органов Российской Федерации по контролю эффективности использования государственных средств и предложения по их решению // Компьюлог. – № 5(65) сентябрь-октябрь’04.
113. Свон Р.Д. Эффективность правоохранительной деятельности и ее кадровое обеспечение в США и России / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Алетейя, 2000.

114. Селифонов А.А. Общественный порядок: опыт исследования: Монография. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2011. – 112 с.
115. Соколова Э.Д. Правовое регулирование финансовой деятельности государства и муниципальных образований. – М.: Юриспруденция, 2009.
116. Степашин С.В. Гласность – важнейшее условие повышения эффективности финансового контроля: Вступит. статья // Государственный финансовый контроль: социальная сфера и наука / Под ред. Ю.М. Воронина и со вступит. стат. С.В. Степашина. – М.: Финансовый контроль, 2003.
117. Степашин С.В. Государственная антимонопольная политика в современной России. – М.: Финансовый контроль, 2005.
118. Степашин С.В. Государственный аудит и экономика будущего. – М.: Наука, 2008.
119. Степашин С.В. Качество контроля намного важнее его количества (Выступление на совещании в Кремле по вопросу совершенствования государственного контроля в Российской Федерации) // Вестник АКСОР. – 2008. – № 4.
120. Степашин С.В. По государственному счету. Заметки председателя счетной палаты России. – М.: Финансовый контроль, 2005.
121. Степашин С.В., Двуреченских В.А., Чегринец Е.А., Чернавин Ю.А. Власть – демократия – контроль. – М.: Финансовый контроль, 2005.
122. Степашин С.В., Сурков К.В. Государственный аудит: 15-летию Счетной палаты РФ и 10-летию Ассоциации контрольно счетных органов РФ посвящается. – М.: УП Принт, 2010. – 623 с.
123. Суханов Е. А. Гражданский кодекс о коммерческих организациях // Экономика и жизнь. 1994, № 45. – С. 10.
124. Тезисы доклада С.В. Степашина на XVII конференции Ассоциации контрольно-счетных органов Российской Федерации, 17 марта 2011 года // http://www.ach.gov.ru/userfiles/tree/-17.03.2011.AKSOR_SVS-tree_files-fl-386.pdf
125. Феодосьева Г. Всемирный барометр Финансовых угроз // Финансовый контроль. – 2012. – № 6 (127). – С. 86-91.
126. Хабибулин А.Г. Коррупция как угроза национальной безопасности: методология, проблемы и пути их решения // Журнал российского права. – 2007. – № 2.
127. Хабибулин А.Г. Финансовая безопасность России на современном этапе: проблемы обеспечения // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 8. – С. 103-109.
128. Хабибулин А.Г., Селиванов А.И. Стратегическая безопасность российского государства: политико-правовое исследование. – М., 2008.
129. Хабибулина А.А. Актуальность административно-правового регулирования взаимодействия ФСБ России с иными федеральными органами исполнительной власти в сфере обеспечения финансовой безопасности // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 9. – С. 44-48.
130. Хабибулина А.А. Правовое регулирование взаимодействия федеральных органов исполнительной власти при обеспечении финансовой безопасности страны // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 9. – С. 79-84.
131. Числов А.И. Правоохранительная деятельность: Сущность и реализация. – СПб., 1999.
132. Числов А.И., Орлов Б.М. Правоохранительные органы и правоохранительная деятельность. – М., 2004.
133. Шатина Н.В. Как работать с документами, составляющими коммерческую тайну // Предпринимательское право. – 1997. – № 9. – Ст. 19.
134. Шохин С.О., Воронина Л.И. Бюджетно-финансовый контроль и аудит. Теория и практика применения в России: Научно-методическое пособие. – М., 1997.
135. Эффективность управления государственным долгом: Матер. науч.-практ. конф. – Москва, 26 ноября 2003 г. Ассоциация контрольно-счетных органов России. Дела и люди / Сост. Р.С. Столяров, А.В. Коровников, И.П. Никулин, Е.Н. Синева, Д.И. Саморуков. – М.: Финансовый контроль, 2004

СОЦИОЛОГИЯ. СОЦИОЛОГИЯ И РЕАЛИЗАЦИЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОГРАММ. ПОЛИТИКА В ОБЛАСТИ МАТЕРИНСТВА И ДЕТСТВА

ЕГОРШИН Виктор Михайлович,
профессор кафедры оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел Санкт-Петербургского университета МВД России,
доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный юрист Российской Федерации
E-mail: egorshin-vm@list.ru

Специальность 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

ГРАЖДАНСКОЕ ОРУЖИЕ И НАСЕЛЕНИЕ (СОЦИАЛЬНО-НРАВСТВЕННЫЙ АСПЕКТ)

Аннотация. *Автор с социально-нравственных позиций размышляет о проблемах легализации гражданского оружия в России. Он активно выступает в дискуссии о возможности приобретения, хранения, ношения и использования огнестрельного (короткоствольного) оружия населением нашей страны. Формулирует свою позицию по этому вопросу и высказывает предложения, к чему это может привести: к повсеместной стрельбе из этого оружия или сокращению тяжких преступлений (убийство, грабежи, разбои, изнасилования). Приводит практику других стран (США, Канада, Болгария), в том числе постсоветского периода (Молдова, Эстония).*

Исследователь формулирует свои предложения, исходя из анализа общественно политической ситуации в стране, учитывая оперативную обстановку и состояние правопорядка, используя многолетний опыт собственной службы в органах внутренних дел.

Нестандартность подачи материала, порой, резкие и излишне прямолинейные высказывания вряд ли могут служить основанием игнорирования аргументов автора. Его мысли и предложения заслуживают внимания и изучения.

Ключевые слова: *гражданское оружие; огнестрельное короткоствольное оружие; легализация оружия; тяжкие преступления; правопорядок; права и законные интересы граждан.*

EGORSHIN V.M.

CIVILIAN WEAPONS AND THE POPULATION (SOCIAL-AND-MORAL ASPECT)

The summary. *The author from social-and-moral perspective reflects on the problems of civilian weapons legalization in Russia. He participates actively in the debate on the possibility of acquisition, possession, bearing and usage of fire (short-barrel) arms by the population of our country. He formulates his standpoint on this issue and gives his opinion on what it can lead to: to all-round shooting of these weapons or reduction of grave crimes (murder, robbery, rape). The practice of other countries (USA, Canada, Bulgaria) is exemplified including of post-Soviet period (Moldova, Estonia).*

The researcher formulates his proposals proceeding from the analysis of the social and political situation in the country, taking into consideration the operative situation and the state of law and order,

using his own many years' experience of service in internal affairs agencies.

The non-standard characteristic of material presentation, at times sharp and excessively straight statements can hardly serve as a ground for ignoring the author's arguments. His ideas deserve attention and study.

Key words: *civilian weapons; fire short-barrel arms; legalization of weapons; grave crimes; law and order; rights and legitimate interests of citizens.*

Калининградская Дума, заботясь о безопасности своих избирателей внесла в Государственную Думу законопроект, в котором предлагает разрешить гражданам покупать, носить и хранить короткоствольное оружие, т. е. пистолеты и револьверы. Шум вокруг этого законопроекта поднялся великий, не обошлось, как всегда, без СМИ.

Можно согласиться с А. Никоновым, который противников вооружения разделил на несколько категорий [13].

Для них характерны эмоциональные выкрики, основанные на неправомерных обобщениях. Вот, например, суждение подполковника милиции А. Зыкова от 12 мая 2003 г.: «У нас нет такой традиции ношения оружия для решения конфликтов, как, например, в США. Люди там хорошо понимают, что оружие убивает, и применяют его только в случае необходимости. У нас же отношение к оружию совсем другое. Эта ситуация похожа на ситуацию с наркотиками: да, в той же Голландии легкие наркотики разрешены. Но разреши такое у нас – и тут же начнется настоящая вакханалия. И в случае легализации свободного ношения оружия будет то же самое. Уверен, что все начнут палить во всех, нисколько не думая о последствиях» [24]. Интересно, держал ли когда-нибудь в руках ствол, хотя бы табельный, этот подполковник.

Следующее мнение по этому поводу Э. Айрапетова, генерального директора международной ассоциации «Щит и меч», который говорит, что категорически против такого решения. Сначала, мол, раздадим всем оружие, потом гаубицы и начнем стрелять по домам друг друга. Сейчас, когда такая ситуация с преступностью, если всем разрешить носить оружие, то неизбежно начнутся злоупотребления. В результате оружие на законных основаниях получат те, кому оно нужно отнюдь не для самообороны. Если раньше привлекали преступников за незаконное ношение оружия, то после легализации все преступники будут иметь оружие законно. В известном фильме «Щит и меч» один из героев спрашивает у другого, что является отличительной особенностью осла? На что тот отвечает: «Ослиные уши?» «Нет, – ослиное мышление». Так и в данном случае, следуя логике Айрапетова, приобретем «Грады», «Смерчи», а затем и «Тополя». Прежде чем говорить подобное, неплохо было бы узнать, сколько стволов в год изымается у граждан, сколько по ним возбуждается уголовных дел и сколько дел доходит до суда. А сколько преступников будет наказано??? Братве же, постоянно использующей оружие, разрешения на его ношение как не требовалось, так и не будет требоваться.

Такие рассуждения присущи женщинам или мужчинам с женским типом мышления. Подобные люди аргументов не слушают и не слышат, так как их субъективная позиция построена на страхе, страхе забеременеть, оказаться без денег в чужом городе, детских страхов, т. е. это типичная фобия. Их суждения однозначны: если разрешить всем иметь оружие, то все его накупят, и по улице будет невозможно пройти. Убьют потому, что обретение оружия создает ложное чувство защищенности, из-за которого можно попасть в беду7. В конце концов, из вашего же оружия Вас самих могут и убить, и т. д. и т. п. У кого именно оружие создает ложное чувство защищенности, кого именно провоцирует на агрессию, и кого пристрелят из его же собственного пистолета, не уточняется, но подразумевается, что всех. А поскольку предположения, в которых фигурирует понятие «все», изначально неверны, то настоящим аргументом их назвать нельзя, так как по природе своей все люди разные. Основной логический провал подобной концепции в том, что якобы «все сразу пойдут покупать оружие», происходит от ошибочной экстраполяции ситуации. Люди по простоте душевной воспринимают разрешение чего-либо как директивное распространение на весь социум. И, если завтра всем разрешить

выпивать без ограничения, то не все этим воспользуются, как не все воспользуются разрешением кричать с крыши. Несколько больных найдется, но не более. Когда разрешили покупать газовое оружие, все не побежали его покупать. Приобрели лишь некоторые. Когда разрешили покупать оружие без охотничьих билетов, его опять-таки приобрели не все, а лишь несколько миллионов, то есть, примерно, каждый пятидесятый.

Кто полагает, что после вступления в силу закона о легализации оружия буквально на следующий день все население вооружится, ошибается. Отечественная и зарубежная практика свидетельствует, что оружие покупают редко. Поэтому на улицах ничего не изменится. Как ничего не изменилось с приобретением газового оружия. Поэтому из пистолетов палить друг в друга не будут. Представьте ситуацию, что у каждого пятидесятого жителя есть ствол. Сколько людей их будет носить с собой? Пусть даже каждый третий. Кто это заметит? Даже в вооруженной Америке, в штатах, где разрешено скрытое или открытое ношение, с оружием ходит один из сотни. И этой гомеопатической дозы достаточно для того, чтобы снизить тяжкую преступность (убийства, грабежи, разбои) на треть. Это в вооруженной Америке на треть, а в Эстонии этой дозы хватило, чтобы снизить уличную преступность на 80%. В Молдавии она снизилась вдвое.

Небольшая доза оружия у населения сильно оздоровляет государственный организм, пораженный преступностью. Оздоровление (сокращение преступности) по отдельным видам преступлений (изнасилований) может достигать девятикратного размера. Практика свидетельствует, что количество трупов возрастет. Подобное произошло в Молдавии, где после легализации оружия количество убитых из огнестрельного (короткоствольного) оружия увеличилось, но при этом преступность сократилась: часть криминалитета перестреляли сами граждане. По данным А. Никонова, в вооруженных штатах Америки граждане убивают вдвое больше преступников, чем полицейские [13]. Может быть, хоть таким образом поможем родной полиции? Но один из генералов милиции в свое время сказал: «Пока я генерал МВД, я обязан придерживаться корпоративной точки зрения, а она такова: нашему народу давать оружие нельзя. Я не хочу из-за несовпадения точек зрения потерять свое место, потому что пока я генерал, я – социально значимая фигура, а как только я перестану быть генералом...» [4].

Для него, да и не только для него, не аргумент, что, например, в США, Болгарии, Эстонии, Молдавии, Канаде и других странах вооружение населения (нормального с психологической точки зрения, законопослушного и пр.) способствует снижению уровня преступности. При этом следует объективно признать и тот факт, что не каждый человек в критической ситуации (при проникновении в жилое помещение, автомашину, поздним вечером) сможет воспользоваться своим пистолетом для защиты самого себя или своих близких. Но если подобный мужественный поступок совершит хотя бы каждый десятый, он спасет одну из нескольких тысяч жизней. В России по разным данным происходит 30-35 тысяч убийств, 60-65% из которых бытовые (бутылкой, ножом, удушением, острым предметом и пр.). Приняв закон, мы сохраним жизнь 10-12 тысячам наших сограждан, а может, и более.

Кто против этого? Вроде бы логика и практика говорят, что надо дать оружие и народ будет чувствовать себя спокойнее. Однако статистика свидетельствует, что против вооружения народа выступали и выступают слабые государства, такие, как СССР, Германия времен Гитлера, Северная Корея, Куба и подобные им поборники «твердой руки». Приводится аргумент, что разве нищие бабушка или дедушка смогут позволить себе купить пистолет? Предположим, что помогут дети или внуки, и они приобретут его. Сможет ли он или она применить его? Вряд ли. А раз так, зачем легализировать? Богатые и так защищены, а бедные пусть спасаются сами. Но есть еще и косвенные аргументы, например, что «защитой граждан от преступных посягательств должна заниматься полиция, так как они профессионалы, наделенные правом пользоваться оружием». Как полиция может использовать оружие, можно увидеть, если хоть раз побывать на стрельбище. Зрелище не для слабонервных. Показатели тоже. Что происходит? Вместо нормального конструктивного диалога о праве граждан на обеспечение оружием мы слышим демагогическое декларирование – должна работать полиция. Пусть работает. Кто против? Но вместо одного постулата нам подсовывают другой. Ведь как бы ни работала полиция, это ничуть не касается

легализации пистолетов.

Плохо работает полиция – вооруженное население за нее снизит уровень преступности. Если же она работает хорошо, вооруженное население тоже снизит рост преступлений. Разница только в абсолютных величинах этой проблемы. Это второй надуманный аргумент, уводящий от решения проблемы.

Третий набор аргументов – это многочисленные, на скорую руку придуманные примеры нарушения закона, который еще не принят. В действующем Уголовном кодексе говорится, что для защиты своей жизни любой гражданин вправе воспользоваться любыми средствами. А как быть с оружием? Почему родное МВД больше заботится о преступнике, чем о законопослушном гражданине? Видимо, потому, что в основном придумывает, как легальное оружие может попасть в руки криминалитету или психически больному? Почему именно к ним?

Или еще довод: если легализуем приобретение оружия, то, в случае его утери опять-таки его получит криминалитет. Почему именно он? Почему рассматриваем только две стороны вопроса? Теряли и теряют оружие представители госорганов (МВД, МО, ФСБ, ФСО), охранных структур коммерческих фирм, но это не значит, что потерянное оружие стало орудием совершения преступления, за очень редким исключением.

Будут ли нарушения Закона об оружии? Конечно да! Для чего существует УК, КАдП и прочие законы. Неужели присутствие на дорогах инспекторов ДПС снижает количество ДТП? Нужно приходить к правовому регулированию наших отношений. Есть УК, КАдП, Таможенный кодекс, но это не значит, что если их нарушают, то они не нужны. Зачем же говорить, что принятие Закона об оружии создаст какой-то прецедент в обществе.

Существует закономерность – если есть закон, то появляются и его нарушители, а если быть объективным, то любой закон как бы аккумулирует в себе все издержки общества. Наказывается плохое.

Будут терять оружие? Конечно! Не чаще, чем документы. А потеря ствола автоматически не приведет его в собственность преступника. Законопослушный гражданин, нашедший ствол и вернувший его, может быть, еще получит какое-то вознаграждение от владельца. А захочет ли он хранить найденное, еще вопрос.

И последний аргумент противников легализации состоит в том, что влияние оружия на снижение преступности в других странах никак не может быть распространено на Россию. Почему? Россия такая же страна, как и другие.

Рано или поздно закон, разрешающий гражданам приобретать пистолеты и револьверы, будет принят. На мой взгляд, больше всех в нем должно быть заинтересовано МВД, так как с его принятием сократится преступность, что подтверждает статистика США, Канады, Молдавии, Эстонии, Болгарии.

Подобный вывод был сделан в 2003 году и сейчас, по прошествии десяти лет, необходимо проанализировать, что за это время изменилось в отношении легализации ими запрета короткоствольного огнестрельного оружия?

Практически нечего. За эти годы периодически в СМИ появлялась информация о случаях применения оружия, в том числе и травматического. Особого интереса к этой теме не было, так как ее закрывали то одни, то другие выборы, то пожары, то наводнения, то реформа МВД, то какие-то локальные проблемы, а вот проблема оружия, наркотиков, детской безнадзорности, нравственной отсталости и кризиса в образовании и науке как-то отошли на второй план. Происходило подобное отношение только по той причине, что власть, поставившая на министерства образования, науки, здравоохранения, обороны и сельского хозяйства «Эффективных менеджеров» фактически отдала им эти отрасли на разграбление и собственное обогащение. Что они творили эти годы, высших чиновников не беспокоило, возникавшие кризисные ситуации их не касались, так как они были неприкасаемыми небожителями, а страдания народа это не их страдания.

Поэтому иногда возникали проблемы незапланированного характера, не предусмотренные в планах, когда случались пожары и наводнения, рушились гидроэлектростанции, разворовывались бюджетные средства и многое другое, чему не придавалось значения. А непредвиденные случаи решались личным выездом первых лиц, после чего проблема как бы сама по себе исчезала. Пожары и наводнения ликвидировались, жилье для пострадавших строилось, власти рапортовали о ликвидации проблем, а на самом деле они оставались в еще больших масштабах.

Пожаров становилось больше, технических катастроф не меньше, деньги в валюте продолжали утекать за рубеж, наркомания, как и преступность не снижались, а коррупция росла. Но все было нормально. Нормально до тех пор, пока петух не клевал в известное место. Оказалось, что бандиты крышуют не только станицы, а гораздо большие территории, что не брезгуют подобным промыслом и прокурорские, что медики наживаются на здоровье людей. Но народ продолжает безмолвствовать, так как за него думают и решают другие.

Но произошло ужасное, некто Виноградов доморощенный российский действительно подготовившись и минуя службу безопасности, пронес оружие на работу, где расстрелял своих коллег. Скандал, как такое могло быть у нас? Как у нас в благополучной России происходит подобное? Как у нас при праздновании такого события, как свадьба, джигиты, не считаясь с нашими традициями и наплевав на толерантность, проезжая по Москве палят из стволов пусть травматических, отмечая проезд невесты. Забыв, что время другое и о ее приближении можно просто позвонить по телефону, а не стрелять.

То, что касается обычаев, об этом как-то невнятно поговорили, отметив, что джигитов наказали и не более. От выходки в Храме Христа Спасителя и то больше шума было, и целые движения в их поддержку, но ума хватило и наказали. Сколько и как будут отбывать, время покажет. Однако трудно представить, если бы россияне или кто-то другой отмечали бы свадьбу по национальным обычаям в столицах закавказских республик или отчудили что-то, типа «пусеренок», в мечете. Фантазия нужна не слишком богатая, чтобы предугадать, что из этого получиться?

Но это в какой-то степени, как и другие события, больше локальные, а вот о вооружении или не вооружении граждан, проблема государственная. И об этом долго ничего не говорили. Но вот вдруг случилось, и надо вновь вернувшись к этой теме, оценить все за и против. Тема сложная, но решать ее, как бы она не была сложна, решать, или разрешать необходимо.

Вновь возвращаясь к теме о разрешении, ношении и хранении оружия необходимо вернуться к международной истории этого вопроса. Сторонники всеобщего вооружения ссылаются, как правило, на опыт США, где, как известно, право на свободное хранение и ношение оружия гарантировано конституцией, а именно Второй поправкой, принятой в 1791 году, которая гласит «Поскольку для безопасности свободных Штатов необходима хорошо организованная милиция, то право людей хранить и носить оружие не должно отменяться». Действительно, добившись независимости от Великобритании, для американских революционеров ружье и пистолет были не только атрибутами свободы, но и способом защитить народившиеся объединенные республики от тирании по европейскому образцу, считает М.Максладзе, аналитик «Оракула».

Словом, рассматривая ситуацию по Америке на момент создания США, можно утверждать, что отцы основатели вполне обоснованно наделили каждого гражданина правом на ношение оружия. При этом следует признать, что они не стали родоначальниками в данном вопросе, поскольку история и традиции обращения с оружием в англо-саксонском сообществе значительно древнее Второй поправки к Конституции США.

История права ношения оружия рыцарями и свободными гражданами существовала задолго до появления пороха в Европе. Билль о правах, принятый в Англии в 1689 году после так называемой «Славной революции» закреплял это право, по крайней мере, за протестантами. Данное положение мотивировалось тем, что в эпоху правления свергнутых Стюартов протестанты подвергались дискриминации, а потому имели право законное на самозащиту. Естественно никакого повального приобретения оружия широкими массами за этим не последовало.

Чего кстати не случилось и в России, хотя в тот период, до известной поры, законы не запрещали владеть оружием. В российском государстве право на ношение оружия издревле считалось неотъемлемым правом каждого законопослушного члена общества, утверждают сторонники широкого распространения гладкоствольного оружия. Было небольшое исключение, когда оружие не полагалось основной массе населения, крепостным. Но и после отмены крепостного права на его приобретение и хранение не получили, так как уж слишком дорогим считалось удовольствие. Что касается слоев более состоятельных, то и в отношении их права на приобретение и ношение оружия со стороны государства существовали некоторые ограничения. Так психически здоровым и законопослушным гражданам разрешение на

приобретение «нестроевых видов огнестрельного оружия» выдавал генерал-губернатор, либо градоначальник. Без разрешения можно было приобрести только гладкоствольное охотничье оружие. Власть по своему усмотрению, при наличии «чрезвычайных обстоятельств», типа народного восстания, могла ограничить права граждан на оружие, что было, к примеру, в 1905-1907 годах.

Если мы стали обсуждать право граждан на оружие в России, то следует вспомнить, что в Российской империи существовала жесткая уголовная ответственность за нарушение порядка оборота оружия. В «Уложении о наказаниях уголовных и исправительных» в 1885 году [23] за незаконное производство и хранение боевого оружия и боеприпасов к нему предусматривался набор наказаний от заключения в тюрьму от 2 до 4 месяцев, до заключения в крепости на срок от 8 месяцев до 1 года 4 месяцев.

Законодательная система регламентирования оборота оружия Российской империи была разрушена в 1917 году. Февральская, а затем Октябрьская революции послабления в порядке приобретения и хранения оружия не проявили. Да в этом и не было необходимости, так как с фронтов Империалистической войны принесли и попрятали столько стволов, из которых впоследствии изготавливали обрезы.

Но 10 декабря 1918 года, через год после победы большевиков, они провели через Совет народных комиссаров РСФСР декрет «О сдаче оружия» [1], в котором указывалось следующее, обязать все население, все учреждения гражданского ведомства сдать все находящиеся у них исправные и неисправные пулеметы и револьверы всех систем, патроны к ним и шашки всякого образца.

За укрывательство оружия, задержание сдачи его или противодействие сдаче, виновных подвергать лишению свободы на срок от одного года до десяти. Чувствуете разницу между наказанием у побежденных эксплуататоров и победивших пролетариев. Должностные лица, виновные в недостаточном рвении и усердии по сбору вышеуказанного оружия или в противодействии такой сдаче, подлежат немедленному отстранению от занимаемой должности с преданием военно-революционному суду. Вот так. Каково юридическим лицам от такой перспективы, если учесть, что в то время представлял собой военно-революционный суд. Но нужно понять большевиков и их последователей, нынешних демократов. Власть среди первоочередных своих задач видела недозволенность вооружения недовольных ею, кем бы они ни были, а уж потом борьбу с вооруженной преступностью.

Следует признать, что знаменитая ленинская фраза о том, что всякая революция чего-нибудь стоит, когда она умеет защищаться, была бы воспринята и отцами основателями США, они тоже яростно защищались и разоружали колониальные войска и симпатизирующих им североамериканцев. Но вот только после победы они доверили своим согражданам гораздо больше, чем наши большевики, так как у янки напрочь отсутствовала классовая ненависть. Поэтому после своей революции американцы оказались вооруженными до зубов и не боялись этого, а у граждан РСФСР оружие изъяли полностью и повсеместно, пригрозив жесточайшими карами за неповиновение.

В дальнейшем, уже в СССР, наступили некоторые послабления в приобретении и ношении огнестрельного оружия охотничьего образца и нарезного для охотников-промысловиков. Но эти послабления и по сей день не дают цивилизованного права на приобретение, хранение и ношение огнестрельного оружия, даже гладкоствольного и охотничьего нарезного. Воистину удивительно, условия для принятия решения вроде бы одни и те же – победа после революции над колонизаторами и капиталистами, а результаты диаметрально противоположные. Но удивительно еще и то, что нынешняя власть при каждом удобном случае открещивающаяся от большевистско-советского прошлого наследия, придерживается и в вопросе гражданского оружия и возможности дать короткоствол для законопослушных граждан, того же абсолютно большевистского принципа – запретить, да и делу конец. Власть боится народа, как всегда боялась. Правильно было сказано неким И.Шеншиным, о народе много говорят, но никогда не думают.

Поездив по заграницам, познакомившись с полицией и шерифами США, английскими бобби полицейскими Германии и многих других стран, мне не хочется говорить о том, что у них все хорошо, а у нас плохо. Следует разумно взять хорошее, тем более учиться на чужих ошибках и опыте лучше, чем на своих.

И все, кто с нами ратует за предоставление законопослушным гражданам, отвечающим всем медицинским и социальным критериям, нисколько не идеализирует американскую демократию. Нужно понимать, что подобная система демократии за свои двести с лишним лет существования продемонстрировала миру не образцы демократии, даже в праве приобретения оружия, а наоборот чудеса жестокости и лицемерия. Поэтому апеллируя к американской системе контроля над гражданским оружием нельзя не вспомнить, что оружие вначале было разрешено приобретать гражданам, а не рабам. Рабам положено было пахать от рассвета до заката на этих граждан. Подобного принципа американская демократия придерживается и сейчас, но уже в международном масштабе США имеет право иметь все виды вооружения, а другие страны, вроде Ирана, не имеют права иметь ядерное оружие. Кто так решил и почему, никто не знает, но молчаливо соглашаются. Ответ прост. Так решили США, только на том основании, что они всегда правы.

Абстрагируясь к России, прямая аналогия с нашим чиновничеством, которому случись в России послабление по части приобретения гражданами короткоствола, придется ломать голову кому давать ствол, а кому нет. Как тут разбираться? Те от кого зависит принятие закона, охраняются ФСО или личной охраной, а народ видит на запланированных телевстречах или в период предвыборных кампаний, да и то не весь, а тот который одобряет. Недоразумения типа Брейвика, Евсюкова или Виноградова, именно недоразумения, так как они все имели разрешения, правда, Евсюков стрелял их «левого» ствола, а Виноградов имел «липовое» разрешение. Правда убитым и родственникам от этого не легче.

Спор видимо будет идти до бесконечности, так как всем дает возможность создавать видимость активной работы. Противники и сторонники гражданского оружия дошли до маразма, подсчитывая количество ……. там, где оно разрешено и там, где не разрешено. Депутат Мосгордумы С.Гончаров считает, что если сегодня разрешить легализацию короткоствольного оружия, то завтра будет потеряна половина страны. Однако убедительной аргументации ноль. Видимо весь шум, чтобы запиариться. Обидно, что подобной логики придерживается и проректор РЭУ им. Г.В.Плеханова С.Марков. Все доводы основываются только на том, что у нас 90% бытовых убийств с применением подручных средств и 20% душевно больных. На этом основании опять по большевистски – запретить. А по идее и депутат, и проректор должны хотя бы дать какую-то альтернативу или предложения по возможности разрешить населению приобретать на законных основаниях оружие. О том, что те, кому оно потребуется, на все эти возражения просто плевали, как и те, кто его хранит незаконно. Купить оружие любой марки и боеприпасы к нему можно не заморачиваясь на ближайшем рынке, а ответственность за приобретение и хранение мизерная.

Дискутируя и споря до хрипоты о разрешении или запрещении оружия, оппоненты напрочь забывают о том, кому это оружие нужно. Напрочь забывают о гражданине, как основной части гражданского общества. И здесь следует прислушаться к мнению известного юриста М.Борщевского, который справедливо настаивает на том, что оружие неотъемлемый атрибут каждого гражданина на самооборону. С Борщевским, как и с известным писателем, юристом и полковником милиции в отставке Д.Корецким, нельзя не согласиться. Тем более, если не однозначно на самых высоких уровнях говорят о правовом государстве. Но только где гражданское общество и его граждане? Конечно, в гражданском обществе каждый гражданин имеет право на оборону в форме владения короткоствола, как личного оружия, но беда в том, что гражданское общество такая же химера, как и заложенная Вашингтоном со товарищи демократия, считает М.Мамаладзе [12].

А тем временем с завидной периодичностью в России вспыхивают прения по поводу легализации короткоствольного оружия, которое купить сегодня может практически каждый. Но в этом году короткоствольное оружие приобрело высокопоставленного покровителя. 24 июня 2012 года первый вице-спикер Совета Федераций А.Торшин выступил с экспертным докладом, обосновывающим необходимость его легализации и свободного оборота. По словам Торшина продажа короткоствольного оружия населению принесет в бюджет за пять лет до 1трлн. рублей. Разработкой законопроекта и созданием экспертной группы Торшин занялся после массовой драки в пос. Сагра. Тогда же сенатор выступил с инициативой о введении

права на ношение огнестрельного оружия. Но соратники Торшина, МВД и Общественная палата отреагировали на его инициативу скептически [8].

Но все-таки какие-то проблески в легализации оружия наметились. Утверждены новые регламенты выдачи лицензий на оружие. МВД, наконец, определилось с тем, кому из граждан можно облегчить жизнь, а кому нет. После того, как В.Путин подписал поправки в законодательство, позволяющие не регистрировать оружие, представляющее культурную ценность, заговорили и о новых регламентах [5; 7].

Послабления сделаны в получении лицензий для иностранцев, пенсионеров, ветеранов ВС и правоохранительных органов, коллекционеров, спортсменов, а также для юридических лиц, которые владеют оружием или его перевозят. В новых регламентах оговариваются все справки, которые граждане должны собрать, чтобы получить право не только хранить оружие, но и носить его при себе. Также оговорена необходимая документация для ввоза и вывоза оружия из страны [9].

Хочется надеяться, что здравый смысл восторжествует, и с учетом обстоятельств и экономической составляющей вопросы с оружием и наркотиками сдвинутся с места, а не будут забалтываться.

Список литературы

1. Декрет СНК РСФСР от 10 декабря 1918 г. «О сдаче оружия» // Собрание узаконений РСФСР. – 1917-1918. – № 93. – Ст. 993.
2. Александров Н. Пуля дура, ствол молодец // Огонек. – 2003.
3. Бесконтрольный выстрел // Версия на Неве. – 2012. – № 44.
4. Генерал // Огонек. – 2003. 10 июня.
5. Гордякова М. Президент взялся за оружие // Ваш статский советник. – 2010. – № 36.
6. Горевой Р. Продай оружие // Версия на Неве. – 2009. – № 18.
7. Егоров И. Процедуру приобретения оружия гражданам упростили? // Версия на Неве. – 2012. – № 36.
8. Информация «Вице-спикер по оружию» // Коммерсант Власть. – 2012. 30 июля.
9. Информация «Объединенные поправкой» // Коммерсант Власть. – 2012. 23 июля.
10. Калошин А. Привет оружие // Версия на Неве. – 2012. – № 35.
11. Листьев Н. Нападают – сложи руки? // АиФ. – 2011. – № 48.
12. Мамаладзе М. Девять граммов справедливости // 24 часа. – 2012. – № 445.
13. Никанов А. Где мой черный пистолет? // Огонек. – 2003. 10 июня.
14. Осетинский О. Господин маузер // Известия. – 2002. – № 122.
15. Саранов В. Взять на мушку // Версия на Неве. – 2010. – № 36.
16. Сидорова Г. Стой, стреляю! // Совершенно секретно. –2010. – № 12.
17. Сотников И. Убий // Версия. – 2001. – № 39.
18. Тулякова А. Гонка вооружений // Бизнес-журнал. – 2006. – № 20.
19. Утицын О. Мафия ждет перемен // Аргументы недели. –2009. – № 24.
20. Фалеев М. Трудно жить без пистолета // Комсомольская Правда. – 2004. 05 октября.
21. Щербаков А. Господин Макаров уравняет всех? // Версия в Питере. – 2003. 27 октября.
22. Яковлев М. Гонка вооружений // Версия на Неве. – 2010. – № 36.
23. http://www.istorya.ru/referat/6279/1.php
24. www.izvestia.ru/

ТРИФОНОВ Виталий Анатольевич,
адъюнкт кафедры конституционного и международного права Санкт-Петербургского университета МВД России
E-mail: vtr_28.88@mail.ru

Специальность 12.00.02 – Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВА ГРАЖДАН НА РАВНЫЙ ДОСТУП К ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЕ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА ПРИМЕРЕ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Аннотация. *Статья посвящена анализу первой стадии проводимого автором социологического исследования, направленного на изучение общественного мнения по вопросу обеспечения конституционного права граждан на равный доступ к службе в органах внутренних дел. Рассматриваются результаты анкетирования одной из групп респондентов: сотрудников органов внутренних дел, курирующих вопросы кадрового обеспечения.*

Ключевые слова: *государственная служба; служба в органы внутренних дел; семантический дифференциал; законодательство о службе в органах внутренних дел.*

TRIFONOV V.A.

ENFORCEMENT OF CITIZENS' RIGHTS TO EQUAL ACCESS TO GOVERNMENT SERVICE: SOCIOLOGICAL SURVEYS THROUGH THE EXAMPLE OF INTERNAL AFFAIRS BODIES

The summary. *The article is devoted to the analysis of the first stage, conducted by the author of sociological research aimed at studying the public opinion on the issue of ensuring the constitutional right of citizens to equal access to the service in bodies of internal Affairs. Discusses the results of the survey one of the groups of respondents: employees of internal Affairs bodies in charge of questions of staffing.*

Key words: *public service; the service in bodies of internal Affairs; semantic differential; law on service in bodies of internal Affairs.*

Вопрос обеспечения права граждан на равный доступ к государственной службе, и в том числе к службе в органах внутренних дел, имеет большое значение для развития правового государства в нашей стране. Данная проблема особенно актуальна в условиях реформирования МВД России и появления нового правоохранительного института – полиции [2]. Высокие общественные ожидания в отношении качества деятельности органов внутренних дел определяют повышенные требования к кадровому составу ведомства [4; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 12; 13; 14; 15; 16; 17; 22; 23; 24; 26; 27; 28; 29; 30;]. Данное обстоятельство предполагает необходимость разработки новой концепции реализации рассматриваемого права с учетом современного состояния развития МВД России и практики организации государственной службы.

Для решения вышеназванной проблемы и формирования новых подходов к обеспечению исследуемого конституционного права в рамках первого этапа проводимого нами социологического исследования было проведено анкетирование на факультете переподготовки и

повышения квалификации Санкт-Петербургского университета МВД России. Данное анкетирование имело целью выявление мнений специалистов, связанных с вопросами доступа на службу в органы внутренних дел (сотрудников подразделений по работе с личным составом управлений министерства внутренних дел нескольких субъектов Российской Федерации, а именно: Алтайского края, Архангельской, Белгородской, Брянской, Калининградской, Нижегородской, Магаданской, Мурманской, Псковской областей, г. Санкт-Петербурга). При этом были поставлены следующие задачи: 1) совершенствование законодательства, регулирующего данную сферу общественных отношений; 2) оптимизация структуры органов и подразделений органов внутренних дел, курирующих вопросы кадрового обеспечения; 3) совершенствование порядка их деятельности.

Объектом исследования стали общественные отношения, возникающие при реализации права граждан на равный доступ к службе в органах внутренних дел, а его предметом выступили проблемы обеспечения равного доступа граждан к службе в органах внутренних дел.

Гипотеза исследования сводилась к предположению о том, что эффективность реализации права граждан на равный доступ к службе в органах внутренних дел зависит от совершенствования:

- нормативно-правовой базы, регламентирующей порядок поступления на службу в органы внутренних дел;
- структуры органов и подразделений, в компетенцию которых входит прием на службу в органы внутренних дел;
- их деятельности по приему на службу в органы внутренних дел.

Основным способом получения социальной информации был выбран метод вычисления семантического дифференциала, на основании данных полученных в результате анкетирования. Названный способ исследования социальных процессов имеет широкий диапазон применения. Он используется для анализа восприятия рекламы и для её проектирования [5, 25], для сравнительного анализа различных групп – от групп потребителей в маркетинге [18] до гендерных стереотипов [33], для исследования экономического поведения [34], для изучения важнейших процессов социальной самоидентификации [20] и для решения многих других задач социологии [5], в политических технологиях [32, 35], в расстановке персонала [21].

На наш взгляд, указанный подход вполне применим и при исследовании проблемы обеспечения равного доступа граждан к государственной службе в органах внутренних дел. Полагаем, что его необходимо применить на завершающей стадии исследования при установлении различий в оценке понятия «право граждан на равный доступ к государственной службе» применительно к органам внутренних дел разными группами испытуемых в среднем по группе.

В ходе анкетирования были использованы следующие основные понятия:

1) государственная служба – профессиональная служебная деятельность граждан Российской Федерации по обеспечению исполнения полномочий: Российской Федерации; федеральных органов государственной власти, иных федеральных государственных органов; субъектов Российской Федерации; органов государственной власти субъектов Российской Федерации, иных государственных органов субъектов Российской Федерации; лиц, замещающих должности, устанавливаемые Конституцией Российской Федерации, федеральными законами для непосредственного исполнения полномочий федеральных государственных органов лиц, замещающих должности, устанавливаемые конституциями, уставами, законами субъектов Российской Федерации для непосредственного исполнения полномочий государственных органов субъектов Российской Федерации [1];

2) служба в органах внутренних дел – федеральная государственная служба, представляющая собой профессиональную служебную деятельность граждан Российской Федерации на должностях в органах внутренних дел Российской Федерации, а также на должностях, не являющихся должностями в органах внутренних дел, в случаях и на условиях, которые предусмотрены, Федеральным законом «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», другими федеральными законами и (или) нормативными правовыми актами Президента Российской Федерации [3].

Анализ первой стадии исследования

подтверждает предположение о том, что эффективность реализации рассматриваемого конституционного права зависит от совершенствования законодательства, регулирующего доступ к службе в органах внутренних дел, а также структуры и деятельности органов и подразделений министерства внутренних дел, курирующих вопросы кадрового обеспечения. Остановимся на конкретных предложениях сотрудников кадровых служб, которые нашли свое отражение в опросных листах.

Весь спектр мнения респондентов относительно изменений нормативно-правовой базы, регулирующей порядок поступления на службу в органы внутренних дел можно свести к следующим основным:

1) упрощение порядка поступления на службу в органы внутренних дел в части касающейся института личного поручительства (42% опрошенных);
2) пересмотр квалификационных требований к образованию кандидатов (25%);
3) конкретизация отказа в приеме на службу лиц, имеющих судимых близких родственников (17%);
4) пересмотр квалификационных требований к физической подготовке (8%);
5) отсутствие необходимости в изменении законодательства о службе в органах внутренних дел (8%).

По мнению респондентов, нужно внести ряд изменений в структуру органов и подразделений, в компетенцию которых входит прием на службу в органы внутренних дел, в частности:

- увеличить штатную численность отделов по работе с личным составом (33% опрошенных);
- морально-психологическое обеспечение сделать независимым от кадрового аппарата (17 %).

Следует отметить, что 50% опрошенных сотрудников не считают целесообразным изменения структуры кадровых служб. Это соответствует тезису о том, что эффективность работы отдельных служб снизилась из-за организационно-штатных и структурных изменений и существенного сокращения личного состава, высказанному Министром внутренних дел Российской Федерации В.А. Колокольцевым на расширенной коллегии министерства 8 февраля 2013 г. [31].

Последнее на чем стоит остановиться это рекомендации респондентов относительно внесения изменений в деятельность органов и подразделений министерства внутренних дел, в компетенцию которых входит прием на службу в органы внутренних дел. По этому поводу были высказаны следующие мнения:

- пересмотреть порядок представления «отчетности», сократить количество отчетных документов и в целом документооборот (17% орошенных);
- освободить кадровые службы от выполнения не свойственных им функций (охраны общественного порядка, административных зданий органов внутренних дел и т.п.) (8%);
- упростить систему морально-психологической подготовки и воспитательной работы (8%).
- при отборе кандидатов на службу в органы внутренних дел использовать опрос с применением полиграфа (17%);
- внесение изменений в деятельность указанных подразделений министерства внутренних дел не требуется (50%).

Таким образом, можно констатировать, что гипотеза настоящего исследования полностью подтвердилась. В последующих публикациях мы сформулируем конкретные предложения по совершенствованию законодательства, регулирующего доступ к службе в органах внутренних дел, а также структуры и деятельности органов и подразделений, в компетенцию которых входит прием на службу в органы внутренних дел.

Список литературы

1. Федерального закона от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ (ред. от 6 декабря 2011 г.) «О системе государственной службы Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2003. – № 22. – Ст. 2063.
2. Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 7. – Ст. 900.
3. Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ (ред. от 3 декабря 2012 г.) «О службе в органах внутренних

дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 49 (ч. 1). – Ст. 7020.
4. Абдрахманов А.И., Хабибулин А.Г. Министерство внутренних дел на рубеже эпох: традиции и перспективы // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 10. – С. 22-30.
5. Агапова И.Ю. Восприятие рекламы: методика использования репертуарных решеток для формирования биполярных шкал семантического дифференциала // Социология. – М., 1999. – № 11. – С. 73-100.
6. Алиев Я.Л., Сальников В.П., Сальников П.П. Традиции полиции: некоторые итоги аксиологического исследования // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 10. – С. 165-183.
7. Алиев Я.Л., Сальников П.П. Государственность и ее система: место полицейского традиционализма // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 2. – С. 25-33.
8. Алиев Я.Л., Сальников П.П. Государственность, законность и традиции полиции как социальная ценность // Мир политики и социологии. – 2012. – № 8. – С. 7-19.
9. Алиев Я.Л., Сальников П.П. Демократизация и укрепление связи с народом – ведущая традиция в прогрессе политики // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 9. – С. 37-52.
10. Алиев Я.Л., Сальников П.П. Международная правоохранительная деятельность и полицейские традиции России // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 8. – С. 130-150.
11. Алиев Я.Л., Сальников П.П. Правовая реальность и формирование традиций полиции // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 7. – С. 61-75.
12. Алиев Я.Л., Сальников П.П. Традиции и традиционализм полиции: общая характеристика понятий // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 2. – С. 7-19.
13. Алиев Я.Л., Сальников П.П. Традиции полиции как связь и преемственность истории российской государственности // Мир политики и социологии. – 2012. – № 7. – С. 7-18.
14. Алиев Я.Л., Сальников П.П. Традиции полиции: государственно-правовая сущность // Мир политики и социологии. – 2012. – № 2. – С. 7-19.
15. Алиев Я.Л., Сальников П.П. Традиции полиции: некоторые особенности // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 7. – С. 7-15.
16. Алиев Я.Л., Сальников П.П. Традиции, кадры полиции и юридическая наука // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 9. – С. 142-158.
17. Алиев Я.Л., Сальников П.П., Реуф В.М. Правовая идеология в контексте кумулятивной и прогностической функций традиций полиции // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 8. – С. 21-33.
18. Архипова О.Н. Повышение эффективности сравнительных исследований с помощью использования качественно-количественного метода семантического дифференциала // Маркетинг в России и за рубежом. – 2005. – № 1.
19. Баранова Т.С., Психосемантические методы в социологии // Социология: 4М. – 1994. – № 3-4. – С. 55-64.
20. Баранова Т.С., Эмоциональное «Я – Мы» (опыт психосемантического исследования социальной идентичности) // Социология. – М., 2002. – № 14. – С. 70-101.
21. Бегоян А.Н. Подбор, оценка и расстановка персонала банка методом семантического дифференциала: принцип концептуальной совместимости // Материалы I Летней психологической школы: Сборник научных статей / Отв. ред. Е.Р. Агадуллина, А.В. Ловаков. – М.: Эннеагон Пресс, 2011. – С. 13-21.
22. Безрядин В.И., Ихсанов Р.В. О единстве теоретического и практического при профессиональной подготовке специалистов для правоохранительных органов // Юридическая наука: история и современность. – 2011. – № 3. – С. 47-52.
23. Безрядин В.И., Сальников П.П., Шхагапсоев З.Л. Профессиональная культура юриста: некоторые современные проблемы формирования // Мир политики и социологии. – 2012. – № 2. – С. 116-126.
24. Безрядин В.И., Сальников П.П., Шхагапсоев З.Л. Юридическое образование как социальная ценность гражданского общества и правового государства // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 1. – С. 35-42.
25. Даудрих Н.И., Психосемантические методы в исследованиях бренда // Рекламодатель: теория и практика. – 2003. – № 9.
26. Колокольцев В. Если мы требуем соблюдения законности от граждан, то сами должны быть безупречны // Защита и безопасность. – 2012. – № 3. – С. 2-4.
27. Коровников А.В. С верой в лучшее и уважением к нашим традициям: Предвыборная программа кандидата в депутаты Совета депутатов Солецкого городского поселения Новгородской области, члена Совета Федерации Федерального Собрания РФ, депутата Парламентского Собрания Союза Беларуси и России, доктора юридических наук, полковника МВД России. – В. Новгород, 2012.
28. Корчмарюк В.А. Бессознательные аспекты копинг-стратегий поведения в правоохранительной деятельности

личности // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2010. – № 2.
29. Корчмарюк В.А. Развитие профессионализма сотрудника в процессе проблемно-ориентированного психоанализа // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2011. – № 4.
30. Корчмарюк В.А., Юренкова В.А. Психология социальной работы: Курс лекций. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2011. – 100 с.
31. Московский Комсомолец – электронная версия газеты [Электронный ресурс].– Режим доступа: http://www.mk.ru/politics/article/2013/02/08/810003-pokritikovav-mvd-putin-vruchil-kolokoltsevu-novoe-znamya.html
32. Петренко В.Ф., Митина О.А., Психосемантический анализ динамики общественного сознания (на материалах политического менталитета). – Смоленск: СГУ, 1997.
33. Резвушкина Т., Использование метода семантического дифференциала при изучении гендерных стереотипов, Гендерные исследования в Центральной Азии. Алматы: Центр гендерных исследований. 2002.
34. Степнова Л.А., Изучение экономического сознания методом семантического дифференциала // Социологические исследования. – 1992. – № 8. – С. 65-71.
35. Miller D.Y., Barker D.C. and Carman C.J., Mapping the Genome of American Political Subcultures: A Proposed Methodology and Pilot Study, The Journal of Federalism 2006 36(2), 303 – 315.

НАЦИОНАЛЬНАЯ, ГОСУДАРСТВЕННАЯ, ЭКОНОМИЧЕСКАЯ, ФИНАНСОВАЯ ИНФОРМАЦИОННАЯ И ВОЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ. ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА, МЕЖДУНАРОДНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ

ФИРСОВ Иван Владимирович,
Ученый секретарь Секции геополитики и безопасности РАЕН,
кандидат юридических наук
E-mail: LawerF@mail.ru

Специальность 08.00.05 – Экономика и управление народным хозяйством

О СООТНОШЕНИИ И СОДЕРЖАНИИ ПОНЯТИЙ «БЕЗОПАСНОСТЬ» И «ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ» В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Аннотация. *В статье приводится мнение автора о применении различных теорий и исследований на понятие «безопасность», его содержание, основания обеспечения. Обосновывается позиция автора на понятие «экономическая безопасность» и его соотношение с понятием «безопасность» в современных условиях.*

Ключевые слова: *безопасность; экономическая безопасность; угрозы; риски; макроэкономическая стабильность; стратегия обеспечения национальной безопасности.*

FIRSOV I.V.

ON THE CORRELATION AND CONTENT OF CONCEPTS “SECURITY” AND “ECONOMIC SECURITY” IN THE MODERN CONDITIONS

The summary. *the article presents the views of the author and the application of various theories and research on the concept of «security», its content, the grounds of security, the position of the author on the notion of «economic security» and its relation with the notion of «security» in modern conditions.*

Key words: *security; economic security; threats; risks; macroeconomic stability; the strategy of national security.*

Вопросы безопасности всегда играли первостепенную роль в жизни человека. Первобытный человек подчинялся природе, находился в ее власти. В то время под угрозой смерти от голода люди объединялись и совместно обеспечивали себя пищей и таким образом противостояли опасностям. Но в дальнейшем этого уже было не достаточно. В это время у людей возникает стремление к захвату территорий, природных и человеческих ресурсов, с целью укрепления своей мощи, силы и влияния. Именно экономические (продовольственные, ресурсные и др.) потребности вынуждали их применять физическое насилие в отношении других. И обеспечение собственной безопасности, в том числе экономической требовало создание запаса пищи, средств борьбы, стимулировало развитие интеллектуальных способностей людей,

воплощения идей в орудия труда, получения опыта их создания и усовершенствования. Физическая безопасность, сохранение жизни обеспечивались возможностью и способностью одних отражать нападения других. Победа в войне обеспечивала не только безопасность людей, их потомства, жилища, территории, но и повышение их экономического потенциала [20, стр. 16].

Как видно понятие «безопасность» и «экономическая безопасность» во изначально были не разделимыми и подвергались эволюционным процессам одновременно. Опалев А.В. и Пирумов А.В. выделяют шесть исторических периодов развития безопасности. При этом они справедливо указывают, что критерием выделения этих периодов является появление наравне с уже существующими новых угроз интересам личности, обществу и государству.

В ходе первого периода угрозы экономического характера явно не выделялись среди других угроз. Основную опасность для человека в это время представляли стихийные силы природы, что определяло и соответствующий подход к обеспечению безопасности индивида и общества.

Второй период связан с эпохой разложения родоплеменных отношений. Именно в этот период происходит существенное совершенствование орудий труда, создание излишков производимых продуктов, появление частной собственности, расслоения людей по уроню достатка. Именно в этот период люди столкнулись с огромным количеством угроз, реализация которых могла привести к гибели каждого индивида и общества в целом: самовольным захватом земли, кражами и грабежом имущества. С целью обеспечить политическое и экономическое господство одних над другими создается особый аппарат управления обществом - государство.

В рамках третьего периода происходит изменение вектора угроз личности общества и государства. Создание государства, как средства обеспечения безопасности, породило новый вид угроз экономического характера, которых не знали ранее. Эти угрозы связаны с действиями правителей и государственных чиновников по злоупотреблению государственной властью. Усиление коррупции, корыстное злоупотребление должностными полномочиями, олигархия и т.п. способны существенно влиять на экономический курс того или иного государства, и, следовательно, влияет на уровень его экономической безопасности.

Четвертый период по Опалеву А.В. и Пирумову В.С. связан с конструированием систем безопасности, в том числе экономической, обеспечивающих максимальную социальную справедливость при распределении благ, государственный контроль над злоупотреблениями, свободой рынка и т. д.

Пятый период дал старт бурному развитию науки и техники. Благодаря дальнейшему техническому прогрессу, человек создал агрегаты, механизмы, сложное технологическое оборудовании, новейших средств ведения войны и т. п., которые, по общему заблуждению должны были гарантировать ему безопасность, экономическое превосходство и благополучное существование. Однако, как известно, этот технический прогресс и связанное с ним удовлетворение многих человеческих потребностей обернулись для людей созданием новых, порой еще больших угроз безопасности человека, общества и государства. Этот период связан с активной трансформацией угроз экономического характера.

Шестой период напрямую связан с бурным ростом научно-технического прогресса, успехи которого все дальше и дальше отдаляли человека от природы. Постепенно у него происходила деградация врожденного чувства опасности, инстинкта самосохранения, закреплялись самоуспокоенность, беспечность, ощущение превосходства над природой. В обществе победили идеи всемерного возвышения человека над природой (антропоцентризм), которой отводилась роль пассивного пространства, данного Богом для приложения человеческих способностей. Исходя из представлений о пассивной Земле, человек делает с ней все, что угодно – проводит испытания оружия массового уничтожения, начиняет ее недра опасными захоронениями, нещадно вырубает леса, загрязняет реки, моря, выкачивает нефть, добывает уголь и т. п., не задумываясь над последствиями такого варварского обращения. Поэтому шестой период наряду с существованием угроз со стороны стихийных сил природы, опасностей, исходящих от самих людей, а также угроз техногенного порядка, характеризуется появлением нового вида угрозы – экологической, и соответствующей системы противодействия [20, стр. 21].

Как видно из представленного обзора, трансформация угроз безопасности личности, общества и государства неизбежно приводит к изменению рисков и угроз в экономической сфере, и, следовательно, содержанию понятия «экономической безопасности». Таким образом, защищенность экономики России непосредственно связана с понятием безопасности нашей страны.

Однако в понимании рассматриваемого понятия не все исследователи являются единодушными. В настоящее время существует несколько подходов (парадигм*), отражающих противоположное (а иногда исключающих друг друга) понимание сущности и содержания безопасности.

Первый подход (парадигма) определяют понятие «безопасность» как многоаспектное состояние, характеризующее положение объекта во внешней среде. В его рамках данное понятие дословно означает отсутствие опасности.

И действительно, русские слова «безопасность», «безопасный» конструктивно состоят из двух компонентов «без» и «опасность», «опасный» соответственно. Приставка «без» с позиций русского языка образует существительные со значением отсутствия чего-нибудь и прилагательные со значением не имеющий чего-нибудь [19, стр. 69]. Таким образом «безопасность» - это положение, при котором не угрожает опасность кому-, чему-нибудь, а «безопасный» - не угрожающий опасностью. В свою очередь противоположное по значению слово «опасный» - означает «способный вызвать, причинить какой-н. вред, несчастье» [19, стр. 681].

Выяснение этимологии слова «опасность» позволило сделать ряд важных выводов. Во-первых, опасность – всегда связана с возможностью негативного воздействия на социальное или природное явление, нуждающееся в обеспечении его сохранения и устойчивого развития. Такая возможность по Опалеву А.В. и Пирумову В.С. всегда объективно существующая, имеет строго определенный вектор, направленный на соответствующий объект, нуждающийся в обеспечении безопасности. Негативное воздействие, как правило, является прямой причиной ущерба, вреда такому объекту, ухудшает его состояние, придает его развитию нежелательные динамику или параметры [20, стр. 45].

Подобное представление (через отсутствие опасности для объекта) еще называют безопасностью в узком значении этого слова. В практическом плане такое определение носит достаточно условный характер, поскольку в реальной жизни ситуации с полным отсутствием угроз встречаются крайне редко. Более реалистичным является широкое значение безопасности, вытекающее из фактического взаимодействия индивидов и социальных объектов с многочисленными обстоятельствами и факторами, оказывающими на них негативное и деструктивное воздействие. Предотвращение, ослабление, нейтрализация этих воздействий, наносящих ущерб существованию, благополучию, нормальному функционированию людей, социальных объектов, а также поддержание их жизнедеятельности на уровне не ниже предельно допустимых (критических) значений и дает представление о безопасности в более широком плане.

В этой связи безопасность, в основном, ассоциируется с понятием защищенности, а именно с состоянием, при котором предотвращаются, преодолеваются или предельно снижаются негативные последствия возникновения потенциальных опасностей соответствующему объекту. При этом защищенность может быть только активной. То есть такое защищенное состояние достигается с помощью определенных результативных действий. В этом случае парадигма защищенности предполагает борьбу с опасностями. И нахождение в безопасном состоянии означает своевременное обнаружение и предотвращение опасности. Здесь идея защиты от опасности сама по себе приводит к тому, что государство и общество все свои усилия начинают тратить на прогнозирование и предотвращение опасных процессов, реализацию мер защиты в ущерб собственному развитию.

Деятельность по обеспечению безопасности, противодействию угрозам в отношении многих социальных объектов предполагает создание сложной системной организации. В этой связи в рамках данного подхода понятие «безопасность» может рассматриваться как системно-организованная деятельность по предотвращению, устранению и ликвидации внешних и внутренних угроз по отношению к тем или иным социальным объектам.

По всей видимости, именно второй подход оказал свое влияние на формирование отечественного законодательства по вопросам

обеспечения безопасности.

Рассматривая один из первых нормативных правовых актов в области обеспечения безопасности Российской Федерации - закон Российской Федерации от 5 марта 1992 года № 2446-I «О безопасности», не трудно убедится, что именно названная идея (парадигма) была взята за основу при формулировании нормативного правового определения рассматриваемого нами понятия. Здесь безопасность – состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внешних и внутренних угроз. Такое определение на протяжении почти 19 лет становится ориентиром для формирования терминологической базы для наполнения правовым содержанием правового регулирования обеспечения безопасности Российской Федерации. На основе указанного закона была обобщена система взглядов на обеспечение в Российской Федерации безопасности личности, общества и государства от внешних и внутренних угроз во всех сферах жизнедеятельности и сформулированы важнейшие направления государственной политики Российской Федерации в указанной сфере. Такие взгляды стали основой Концепции национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 17 декабря 1997 года № 1300, в котором указанные положения приобрели определенную детализацию. При этом следует отметить, что в данном документе говорилось лишь о национальной безопасности**, под которой понимается безопасность многонационального народа России как носителя суверенитета и единственного источника власти в Российской Федерации. Изменение внешнеполитической, социально-политической и экономической ситуации в России неизбежно повлекло необходимость уточнения основных направлений обеспечения безопасности нашего государства. В связи с этим на смену Закону РФ «О безопасности» и Концепции национальной безопасности Российской Федерации были приняты Федеральный закон от 28 декабря 2010 года № 390-ФЗ «О безопасности» и Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года, утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 года № 537 [6] (далее – Стратегия-2020). Несмотря на ряд изменений в правовом регулировании, в том числе и некоторых принципиальных вопросов регулирования общественных отношений, непосредственно связанных с обеспечением безопасности, сущностные характеристики понятия национальной безопасности существенно не изменились. И, по-прежнему национальная безопасность регулируется через понятие «защищенность». При этом в отличие от ранее действующего определения такая защищенность должна обеспечить конституционные права, свободы, достойные качество и уровень жизни граждан, суверенитет, территориальную целостность и устойчивое развитие Российской Федерации, оборону и безопасность государства.

Очевидно, что ученые, определяющие безопасность через состояние защищенности, связывают рассматриваемое понятие с такими категориями как «объект безопасности», «угрозы безопасности».

С позиций советской философии объект – это то, что противостоит субъекту в его предметно-практической и познавательной деятельности. При этом выделение объекта осуществлялось при помощи форм указанной деятельности, выработанных обществом и отражающих свойства объективной реальности [21]. В современной философии понятие объекта не претерпело существенных изменений. Объект – всегда предмет или явление, социального и (или) природного характера. Следовательно, объект безопасности – это социальные и природные явления (предметы), требующие защиты от имеющих место потенциальных или реальных опасностей. Но сама по себе защита не является самоцелью. Защитить объект безопасности означает сохранить дальнейшую его жизнедеятельность, обеспечить устойчивое развитие.

С правовой точки зрения впервые объекты безопасности в Российской Федерации были определены Законом Российской Федерации «О безопасности». Они не изменились и по сей день. Это личность, общество и государство.

В широком смысле слова личность – это человеческий индивид, вовлеченный в огромный спектр отношений и сознательную деятельность людей. Еще древнегреческие философы утверждали, что человек, как личность вне отношений так же нереален, как биологический орган, оторванный от целого организма. С

позиций социальных наук стержневым образованием личности является самооценка, которая строится на оценках индивида другими людьми и его оценивании этих других. Философы несколько иначе определяют понятие личности. Для них личность – это человек, занимающий определенное местно в мире. При этом их интересует только чем он фактически является, но и «...чем человек может стать, то есть может ли человек стать господином собственной судьбы, может ли он «сделать» себя самого, создать свою собственную жизнь» [12, стр. 43]. Современные философы говорят, что личность – это внутреннее определение единичного существа в его самостоятельности, как обладающего разумом, волей и своеобразным характером, при единстве самосознания [22]. Личность есть индивидуальный человек как субъект общественной жизни, общения и деятельности, а также - своих собственных сил, способностей, потребностей, интересов, устремлений [14]. Это является подтверждением и точки зрения, высказанной в свое время Э.Кантом, который утверждал, что человек становится личностью благодаря самосознанию, которое отличает его от животных и позволяет ему свободно подчинять своё «Я» нравственному закону. Таким образом, личностью делают человека не его природные данные, а его социально-значимые черты, которые характеризуют его как члена того или иного общества или общности. К таким чертам можно отнести взгляды, способности, потребности, интересы, моральные убеждения. Очевидно, не только названные категории дают личности возможность самореализоваться. Субъективные права и свободы, как меры возможного поведения человеческого индивида, обеспеченные и защищаемые принудительной силой государства, устанавливают не только границы общественных отношений, но и дают индивиду возможность воплотить в жизнь его взгляды, применить способности, реализовать потребности и интересы, выразить свои моральные убеждения, то есть осуществить все то, что делает человека личностью. Поэтому не сама личность является объектом обеспечения национальной безопасности, а его права и свободы, установленные для него Конституцией Российской Федерации, и реализаций которых дает возможность достичь достойных качества и уровня жизни.

В Большой Советской энциклопедии и ряде других подобных изданий можно найти такое определение общества (в широком смысле) - это совокупность исторически сложившихся форм совместной деятельности людей. Очевидно, что не любая совокупность взаимодействующих индивидов на базе общих интересов образует общество. По справедливому мнению В.Н. Хропанюка в обществе индивиды прежде всего связаны между собой интересами, имеющими постоянный и объективный характер. Такие связи способны обеспечить нормальное функционирование сообщества людей, его воспроизводство и саморазвитие [26, стр. 18]. С точки зрения философии и других гуманитарных наук именно в рамках общества, как обособившейся от природы части материального мира эволюционно продвинутые социоантропосы могут создавать материальные и духовные ценности***.

В сфере безопасности государство выступает не только объектом. Оно является той руководящей и направляющей силой непосредственно обеспечивающей такую безопасность. Обеспечение безопасности с точки зрения механизма государства является его функцией. Государство, являясь единой политической организацией общества, распространяя свою власть на всю территорию страны и ее население, издает общеобязательные для всех веления и с помощью имеющегося у него специального аппарата управления обеспечивает жизнедеятельность, развитие и безопасность личности, общества и собственно самого государства. Основу любого государства, в том числе и Российской Федерации, составляют его конституционный строй, территориальная целостность, а так же суверенитет, которые и являются объектами обеспечения безопасности.

При анализе объектов обеспечения безопасности Российской Федерации не трудно заметить, что хотя личность, общество и государство являются категориями взаимозависимыми, само по себе посягательство на каждый из них по своему характеру и степени опасности различаются. Такие посягательства непосредственно связаны с понятием «угроза безопасности».

В современном обиходе любая угроза для человека, как правило, связана с запугиванием. Подавляющая часть угроз имеет целью вызвать

чувство страха. В этом случае она предлагает обещание причинить индивидууму какой-либо вред. Очевидно, что для человека наличие угрозы – это в большинстве негативное влияние на него, средство так называемого силового давления. Субъективно угрозы переживаются как давление: инициатором - как собственное давление, адресатом - как давление на него со стороны инициатора или «обстоятельств».

Свойство предмета или явления содержать в себе угрозу не носит имманентного характера, а является весьма условным. Иными словами, если с одной стороны (с точки зрения одной шкалы ценностей) что-то оценивается, как угроза, с позиции иной оценки может оказаться совсем другим. В психологическом аспекте восприятие угроз не всегда является однозначным. Здесь надо иметь в виду то, что угроза, даже самая страшная, воспринимается таковой только до тех пор, когда она выглядит достаточно вероятной. Поэтому любая угроза воспринимается человеческим сознанием как некая сумма субъективно оцениваемой вероятности реализации угрозы и степени возможного ущерба.

С точки зрения этимологии русского языка угроза – запугивание, обещание причинить кому-нибудь зло [19, стр. 1212]. Однако это не единственное толкование рассматриваемого нами термина. С другой стороны, угроза – возможная опасность. В связи с этим ряд ученых, являющихся последователями первой парадигмы безопасности (а именно через понятие «защищенность») считают, что, в общем, угроза безопасности – совокупность условий и факторов, создающих опасность для социального или природного объекта или явления [20, стр. 45].

Исходя из Стратегии обеспечения национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года (далее – Стратегия-2020) по отношению к национальной безопасности нашего государства угрозы всегда посягают на те нужды, личности, общества и государства, которое требуют повседневного удовлетворения, иначе говоря, на их потребности. Угрозы национальной безопасности содержат в себе прямую или косвенную возможность нанесения ущерба конституционным правам, свободам, достойному качеству и уровню жизни граждан, суверенитету и территориальной целостности, устойчивому развитию Российской Федерации, обороне и безопасности государства, то есть тем объектам безопасности России, с которыми связаны такие категории как национальные интересы и стратегические национальные приоритеты.

При всем многообразии классификаций угроз безопасности среди них можно выделить следующие общие основания деления: по виду источника угроз (природные; техногенные; антропогенные); по местонахождению источника угроз (внутренние; внешние); по степени опасности источника угроз (потенциальные; реальные); по объекту воздействия (индивидуальные, коллективные, государственные, которые, в свою очередь по масштабу территории делятся на региональные, общенациональные, глобальные). Приведенная классификация угроз не является исчерпывающей и может быть дополнена еще рядом оснований (например, по видам безопасности и т.п.).

Понимание безопасности через идею защищенности хотя и легло в основу правового регулирования этой сферы, само по себе не нашло абсолютное число последователей, а в ряде случаев она приобрела противников.

Г.В. Иващенко, критикуя рассмотренную точку зрения на понятие «безопасность» исходит из того, что «значительная часть современных публикаций в области теории безопасности описывает свой предмет бессистемно и на уровне поверхности, а их авторы порой впадают в идеологизаторство, мифотворчество, переходят от объяснения сущего к описанию должного». Он согласен с теми учеными, которые считают, что определение безопасности через состояние защищенности от угроз является весьма аморфным, а апеллирование ко всем мыслимым и немыслимым угрозам делает нас заложниками этих угроз. Это не позволило отразить в теории объект исследования (то есть безопасность) на уровне, достаточном, по крайней мере, для того, чтобы он явился методологической базой для исследований технологического характера, а также для создания управленческих документов доктринального статуса. При этом для него практика обеспечения безопасности крайне нуждается в теории, которая бы достаточно четко объясняла смысл безопасности, независимо от того, рассматривается безопасность лица, отраслевая безопасность, направление безопасности, национальная безопасность или коллективная безопасность.

Несомненно, ряд положений, доказываемых кандидатом философских наук Г.В. Иващенко,

заслуживают пристального внимание. В частности, в исследовании проблем безопасности необходимо применить системно-деятельностный подход, и понимать безопасность как определенного рода систему, то и теоретическое знание о ней с необходимостью должно быть также представлено в виде системы. Для решения данной задачи недостаточно произвольное деление безопасности на подсистемы (виды). В самой системе должно быть логически непротиворечивым образом выделено системообразующее основание (сущностная абстракция) и всё теоретическое знание о данной системе должно быть выведено из этого системообразующего основания посредством правильных логических процедур. По мнению Г.В. Иващенко для этого необходимо представить безопасность как систему, выявить ее субстанцию, источник возникновения, развития и функционирования, формы ее проявления и т.д., то есть проанализировать, как «развертывается» сущность [13]. Однако несмотря на то, что в основу своих представлений о безопасности им был положен деятельностный подход, теория деятельности, исследованная в трудах социальной философии, в своих рассуждения Г.В. Иващенко все равно отталкивается от понятий «потребности», «интерес», которые были рассмотрены во второй парадигме безопасности.

Действительно, будучи формой активного отношения человека к миру, деятельность имеет своим содержанием целесообразное изменение и преобразование мира, сознательную активность субъекта, его саморегулируемое поведение во внешней среде с целью самосохранения в ней посредством адаптации к ее условиям с точки зрения целесообразности его существования. В основе любой деятельности лежит потребность, под которой понимается состояние организма, человеческой личности, социальной группы, общества в целом, выражающее зависимость от объективного содержания условий их существования и развития и выступающее источником различных форм их активности [18]. На основе потребности субъект самостоятельно определяет способы ее удовлетворения и формирует интерес****. Интерес стимулирует субъекта к формулированию четкой цели его деятельности, иначе говоря, к идеальному образу желаемого результата. Для достижения поставленной цели среди наличных условий субъектом определяются соответствующие средства. Каждый акт деятельности (деятельностный акт), как правило, завершается получением продукта деятельности, который удовлетворяет породившую его потребность. Затем потребность возникает вновь и все повторяется.

В рамках любых исследований проблем безопасности не маловажным является выявление (определение) субъектов деятельности, которые самостоятельно вырабатывают потребности, и удовлетворяют их продуктами такой деятельности. Субъект деятельности, позиционируя себя в качестве такового, нуждается в способности контролировать собственное социальное, правовое и иное положение. Однако, исходя из международно-правовых актов в области прав и свобод человека и гражданина, субъект деятельности обязан сообразовывать уровень своей свободы с уровнем свободы других субъектов. Даже если их потребности не совпадают с его потребностями.

По мнению Г.В. Иващенко, система деятельности – это система взаимодействия субъекта и условий, в которых он существует, самореализуется. Если наличные условия (в том числе и созданные самим субъектом) позволяют превратиться самореализации субъекта из возможности в действительность, это значит, что такая совокупность условий была для нее в целом благоприятной. В связи с этим названный автор делает вывод: «…совокупность условий существования субъекта, которыми он овладел (постиг, усвоил, создал) в процессе его самореализации, и которые он, таким образом, в состоянии контролировать, есть безопасность субъекта, безопасность его деятельности…. Поэтому безопасность – не есть состояние защищенности интересов субъекта, безопасность вообще не есть чье бы то ни было состояние. Безопасность есть условия существования субъекта, контролируемые им …» [13]. На основании данных выводов Г.В. Иващенко делает вывод о делении безопасности на объективную, то есть ту, при которой существует объективные, не зависящие от субъекта безопасные, благоприятные условия, и субъективную, ту, которая зависит от субъективных представлений субъекта о совокупности условий как безопасных (контролируемых им), а в действительности могущих такими и не являться.

Вне всякого сомнения, точка зрения

Г.В. Иващенко имеет право на жизнь и в методологическом аспекте объясняет сущность и содержание понятия безопасность. Его точка зрения очень близка к пониманию безопасности через такие категории, как «устойчивость», «стабильность», «равновесие». И это еще одна парадигма безопасности. При этом ряд ученых, исследующих поведение различных систем, вполне обосновано связывают безопасное состояние исследуемых объектов с состоянием «гоместазиса», под которым понимается тип динамического равновесия, характерного для сложных саморегулирующихся систем и состоящий в поддержании существенно важных для сохранения системы параметров в допустимых пределах. Другие предлагают рассматривать безопасность как идеальную ситуацию, характеризующуюся отсутствием самой возможности нанесения вреда и определяющую соответствующую целевую установку субъекта в ситуации опасности, указывая при этом на наличие «абсолютной» и «относительной» безопасности. Третьи ассоциируют опасность не с внешними опасными природными или антропогенными процессами, а с дефицитом собственных средств и методов работы [20, стр. 42].

Обобщение и анализ точек зрения позволил автору сделать вывод, что в общем виде существует два основных подхода к пониманию безопасности. Во-первых, это определение безопасности субъекта через стабильное, устойчивое, поступательное его развитие (существование), во-вторых, это наполнение содержания безопасности через активное создание состояния защищенности от внешних и внутренних угроз.

Не смотря на то, что ряд ученых (в том числе Г.В. Иващенко) не согласны с классификацией безопасности на виды путем ее деления на сферы деятельности, автор настоящей работы считает, что именно деятельностный подход может лежать в основе разделения безопасности на государственную, общественную, личную, в рамках которых можно выделить экономическую, технологическую, производственную, социальную и иные виды безопасности в зависимости от сферы деятельности объектов обеспечения безопасности.

Несмотря имеющуюся у некоторых ученых противоположную точку зрений, по мнению автора, экономическая безопасность является видовым понятием безопасности не только по тому, что это соответствует правилам формальной логики. Это связано еще и с тем, что к ней применимы два рассмотренных подхода, раскрывающие сущность и содержание понятия «безопасность».

Все взгляды ученых на сущность и содержание понятия «экономическая безопасность» можно разделить на несколько групп. При этом ученые-экономисты, как правило, более склонны рассматривать данное понятие описывая его как определенное состояние экономики или отдельных ее элементов.

Один из известных ученых, исследовавших феномен экономической безопасности России, профессор Сенчагов В.К. считает, что под ней необходимо понимать такое состояние экономики и институтов власти, при котором обеспечивается гарантированная защита национальных интересов, социально направленное развитие страны в целом, достаточный оборонный потенциал даже при наиболее неблагоприятных условиях развития внутренних и внешних процессов [28, стр. 48].

Астапов К.Л. считает, что экономическая безопасность России – это ничто иное, как гарантируемая степень защищенности национальных интересов, стабильность институтов власти создавать механизмы реализации и защиты национальных интересов развития отечественной экономики, поддержания социально-политической стабильности общества [8, стр. 12].

В более узком смысле определение понятия «экономическая безопасность» дал В.Д. Баранов. В его понимании, с точки зрения ее обеспечения экономическая безопасность внешнеторговой сферы в условия глобализации – это эффективная реализация экономической политики для достижения устойчивого роста экономик, стабильность отраслевой структуры и способность динамичного взаимодействия российской экономики с мировым рынком в условиях, как благоприятной экономической конъюнктуры, так и неблагоприятных внешних воздействий [9, стр. 14].

К.А. Стрельников считает, что под экономической безопасностью необходимо понимать состояние государственно-правовой обеспеченности экономических интересов, направленных на достижение определенных целей, основанное на эффективном использовании

и преумножении национальных ценностей [23, стр. 3].

В инвестиционной сфере под экономической безопасностью подразумевают состояние, при котором гарантированы условия защиты инвестиционных ресурсов, направляемых в экономику. При этом обеспечение такой безопасности в инвестиционной сфере достигается проведением комплекса политических, технико-экономических, социальных и других государственных мероприятий, направленных на снижение инвестиционных рисков и угроз [17, стр. 9].

В условиях существования мегаполисов А.Б. Корсак определяет экономическую безопасность не как состояние экономики субъекта Российской Федерации, а как невозможность нанесения вреда системообразующим свойствам целеустремленности, интегративности, эмерджентности и синергативности, определяющим защищенность интересов его населения и хозяйствующих субъектов [16, стр. 14].

С точки зрения защиты хозяйствующих субъектов от недружественных поглощений экономическая безопасность – это состояние имущественных отношений и институтов управления собственностью, при которых обеспечивается правовая и экономическая защищенность собственников, выражающаяся в эффективном формирование и использование производственных и финансовых ресурсов при возникновении угроз [10, стр. 7].

По иной точке зрения экономическая безопасность – есть совокупность условий и факторов. Так, академик Л.И.Абалкин определил экономическую безопасность как совокупность условий и факторов, обеспечивающих независимость национальной экономики, ее стабильность и устойчивость (выдел. – автор), способность к постоянному обновлению и самосовершенствованию [7, стр. 5].

Однако не во всех случаях экономическая безопасность – есть статичная категория. Например, по мнению Кисловского И. она представляет собой систему мер, направленных на защиту общенациональных интересов в сфере экономики, которые оказывают регулирующее воздействие и активно противодействуют внешним и внутренним угрозам, откуда бы они не исходили [15].

Вне всяких сомнений парадигма безопасности через состояние защищенности нашла свое отражение и во взглядах некоторых ученых на понятие «экономическая безопасность». Здесь она, прежде всего, определяется как безопасность экономической сферы, под которой понимается совокупность общественных отношений, касающихся производства, распределения и обмена товаров и услуг. При этом сущностью экономической безопасности по-прежнему является состояние защищенности жизненно важных экономических интересов человека, общества и государства*****. При этом, по мнению А.В. Опалева и В.С. Пирумова источником угрозы в экономической сфере могут выступать юридические и физические лица, от которых зависит экономическое развитие государства и общества, а также государственные структуры, от которых зависит выработка и реализация экономической стратегии государства, в основе которой должны быть не индивидуальные или корпоративные интересы, а интересы всего общества.

А.В. Возжеников определяет экономическую безопасность не как состояние защищенности, а как саму защищенность. В его понимании рассматриваемое нами понятие - есть защищенность экономических интересов государства и его экономического суверенитета от дискриминации и экономического диктата посредством экономических санкций, запретов и ограничений, а также от внутренних угроз экономическому потенциалу государства в условиях нестабильности экономических отношений и перестройки системы [11, стр. 43].

Исследования проблем содержания экономической безопасности Российской Федерации продолжаются. Большой вклад в разработку основных сущностных элементов изучаемого нами понятия внесли такие ученые: В.Н. Анищенко, А.Т. Алиев, В.Ф. Гапоненко, А.Е. Городецкий, Р.В. Илюхина, М.Г. Ионцев, Н.П. Купрещенко, Н.Ф. Кузовлева, Ю.В. Конева, А.Б. Корсак, Ю.А. Лукаш, Д.В. Ломакин, А.В. Молчанов, А.Е. Молотников, Ю.Ф. Нардюжев, В.В. Наумов, С.А. Погодин, Н.Б. Рудык, А.Г. Хабибулин, В.М. Яковлев и др.

Этими учеными экономическая безопасность рассматривается с позиций правоохранительных институтов и механизмов, призванных обеспечить условия для устойчивого развития различных сфер

экономической деятельности. Под руководством профессора А.Г. Хабибулина до сих пор ведутся комплексные исследования экономико-правовых отношений в области обеспечения экономической безопасности. Это позволяет всесторонне изучать это явление на основе экономических и юридических наук.

При всем многообразии точек зрение на понятие «экономическая безопасности» ни одна из них в окончательной форме так и не нашла свое место в нормативных правовых актах. Хотя попытки дать его нормативно-правовое определение были.

Впервые определение экономической безопасности было дано в Федеральном законе от 13 октября 1995 года № 157-ФЗ «О государственном регулировании внешнеторговой деятельности» [4]. Тогда законодатель установил, что под экономической безопасностью необходимо считать состояние экономики, обеспечивающее достаточный уровень социального, политического и оборонного существования и прогрессивного развития Российской Федерации, неуязвимость и независимость ее экономических интересов по отношению к возможным внешним и внутренним угрозам и воздействиям. Однако Федеральным законом от 8 декабря 2003 года № 164-ФЗ вышеназванный закон был признан утратившим силу. В настоящий момент нормативно-правового акта, в котором содержалось бы определение понятия «экономическая безопасность», нет [1; 3; 6].

Одним из первых правовых актов, определивших основные направления государственной политики в области обеспечения экономической безопасности современной России, являлась Государственная стратегия экономической безопасности Российской Федерации (Основные положения) [5]. Анализ его содержащихся в нем норм права показал, что, несмотря на отсутствие четкого определения понятия «экономическая безопасность Российской Федерации» указанный нормативный правовой акт обладает рядом очень важных достоинств.

Во-первых, в Государственной стратегии экономической безопасности Российской Федерации (далее Государственная стратегия) признана особая значимость экономической безопасности для стабильного существования Российской Федерации, так как без ее обеспечения практически невозможно решить ни одну из задач, стоящих перед страной, как во внутригосударственном, так и в международном плане.

Во-вторых, в Государственной стратегии обозначено понятие фундамента (базиса), на котором основывается построение модели экономической безопасности России – это наличие в нашей стране квалифицированных кадров ученых, инженеров, рабочих, подавляющего большинства видов минерально-сырьевых ресурсов, созданного производственного потенциала, способного обеспечить потребности ее дальнейшего развития.

В-третьих, на нормативном правовом уровне впервые были определены объекты экономической безопасности, а именно личность, общество, государство и основные элементы экономической системы, включая систему институциональных отношений при государственном регулировании экономической деятельности.

Четвертой важной особенностью, возможно превосходящей по значимости все предыдущие, является определение и нормативное закрепление основных составляющих современного понимания понятия «экономическая безопасность Российской Федерации», к которым были отнесены:

- критерии и параметры, характеризующие национальные интересы в области экономики;
- внешние и внутренние угрозы экономической безопасности;
- количественные показатели и качественные индикаторы экономической безопасности;
- механизмы, устраняющие или смягчающие воздействие факторов, подрывающих устойчивость национальной экономики.

Государственная стратегия «определила» место экономической безопасности России, обозначив ее составной частью национальной безопасности.

Государственной стратегии экономической безопасности была утверждена Указом Президента России в годы активного формирования нормативно-правовой основы регулирования практически всех сфер деятельности российского государства. При формулировании ее основных положений, очевидно, учитывалось то состояние экономики России и связанных с ней направлений деятельности, которое имело место в середине 90-х годов. Прошедшие в дальнейшем финансово-экономические кризисы (в том числе и мировой 2008-2009 годов), изменения

в геополитическом положении России на мировой арене не могли не повлиять на сущность и содержание экономической безопасности России в современных условиях.

Заменившая Концепцию национальной безопасности Российской Федерации Стратегия-2020 конкретизировала ряд положений Государственной стратегии применительно к современному положению России на мировой арене, трансформации подавляющего количества угроз в сфере экономики нашего государства.

В частности, руководство страны признает, что состояние национальной безопасности Российской Федерации напрямую зависит от экономического потенциала страны, и в связи с этим выделяет отдельное направление в сфере безопасности нашего государства – обеспечение национальной безопасности в экономической сфере. Данное понятие употребляется в Стратегии -2020 вместе с понятием «экономическая безопасность». Несмотря на то, что определение каждого из названных терминов в указанном правовом акте не дается, очевидно, что они употребляются как синонимы. Для обеспечения национальной безопасности необходимо, чтобы Россия в среднесрочной перспективе вошла в число пяти стран-лидеров по объему валового внутреннего продукта. Кроме того, стратегической целью является достижение необходимого уровня национальной безопасности в экономической и технологической сферах.

Одним из важнейших национальных интересов Российской Федерации на долгосрочную перспективу указано повышение конкурентоспособности национальной экономики. Для этого считается необходимым сосредоточиться на таких приоритетах устойчивого развития, как повышение качества жизни российских граждан, экономический рост, наука, технологии, образование, здравоохранение и культура, экология живых систем и рациональное природопользование.

Целями повышения качества жизни российских граждан являются прежде всего снижение уровня социального и имущественного неравенства населения, стабилизация его численности в среднесрочной перспективе, а в долгосрочной перспективе - коренное улучшение демографической ситуации. Такие цели будут достижимы путем обеспечения не только личной безопасности граждан Российской Федерации, а также высоких стандартов жизнеобеспечения, под которыми подразумеваются: доступность комфортного жилья, высококачественных и безопасных товаров и услуг, достойная оплата активной трудовой деятельности граждан нашей страны. Для создания условий эффективного обеспечения экономической безопасности в указанной сфере в Стратегии-2020 обозначены источники угроз. В первую очередь ими являются макроэкономические факторы: кризисы мировой и региональных финансово-банковских систем, усиление конкуренции в борьбе за дефицитные сырьевые, энергетические, водные и продовольственные ресурсы, отставание в развитии передовых технологических укладов, повышающие стратегические риски зависимости от изменения внешних фактор. В связи с этим руководство страны предполагает сосредоточить внимание на достижении социально-политической стабильности и положительной динамики развития Российской Федерации, устойчивости финансово-банковской системы, расширенном воспроизводстве минерально-сырьевой базы, доступности современного образования и здравоохранения, высокой социальная мобильность и поддержке социально значимой трудовой занятости, повышении квалификации и качества трудовых ресурсов, рациональной организация миграционных потоков.

Однако немаловажными факторами обеспечения повышения качества жизни российских граждан по-прежнему является противодействие экономической преступности. В частности обеспечению национальной безопасности в этой области будут способствовать снижение уровня организованной преступности, коррупции и наркомании, противодействие преступным формированиям в легализации собственной экономической основы.

Согласно Стратегии-2020 экономический рост может быть достигнут прежде всего путем развития национальной инновационной системы и инвестиций в человеческий капитал, в том числе за счет повышения производительности труда, освоения новых ресурсных источников, модернизации приоритетных секторов национальной экономики, совершенствования банковской системы, финансового сектора услуг и межбюджетных отношений в Российской Федерации.

Еще 3 декабря 2001 г. Владимир Путин на

встрече с членами президиума Российской академии наук впервые заявил о необходимости создания целостной национальной инновационной системы с развитой инфраструктурой, цивилизованным рынком технологий и правовой охраной результатов интеллектуального труда.

Препятствиями решения проблем национальной безопасности в экономической сфере являются прежде всего сохранение экспортно-сырьевой модели развития национальной экономики, снижение конкурентоспособности и высокая зависимость ее важнейших сфер от внешнеэкономической конъюнктуры. Дефицит топливно-энергетических, водных и биологических ресурсов, принятие дискриминационных мер и усиление недобросовестной конкуренции в отношении России могут напрямую оказать негативное воздействие на уровень обеспечения рассматриваемой нами безопасности в сфере экономики. К ним следует присовокупить кризисные явления в мировой финансово-банковской системе.

Однако потеря контроля над национальными ресурсами, ухудшение состояния сырьевой базы промышленности и энергетики, неравномерное развитие регионов и прогрессирующая трудонедостаточность, низкая устойчивость и защищенность национальной финансовой системы, сохранение условий для коррупции и криминализации хозяйственно-финансовых отношений, а также незаконной миграции составляют основную часть внутренних угроз экономической безопасности Российской Федерации.

Выходом из сложившейся ситуации является сосредоточения усилий органов государственной власти, иных элементов механизма государства и политической системы на развитии науки, технологий и образования, совершенствовании национальных инвестиционных и финансовых институтов в интересах достижения необходимого уровня безопасности в военной, оборонно-промышленной и международной сферах.

Необходимо признать, что в современных условиях перехода на инновационный путь развития и модернизации российской экономики имеют право на жизнь и парадигма, объясняющая экономическую безопасность, как устойчивое, стабильное состояние национальной экономики (пассивная экономическая безопасность), и парадигма, рассматривающая названное понятие через призму активной защиты экономической сферы России от внешних и внутренних угроз (активная экономическая безопасность).

Общеизвестно, что рыночная экономика опирается, прежде всего, на саморегулирующуюся систему отношений. И в этой связи экономическая безопасность отражает способность (готовность) объекта обеспечения такой безопасности к самовыживанию и развитию в условиях непредсказуемых и трудно прогнозируемых факторов. Это прежде всего связано с наличием определенного риска.

Происхождение термина «риск» восходит к греческим словам ridsikon, ridsa утес, скала. В итальянском языке risiko – опасность, угроза; risicare – лавировать между скал. В англоязычную литературу слово «risk» пришло в середине XVIII века из Франции как слово «risque» (рискованный, сомнительный). В словаре Вебстера «риск» определяется как «опасность, возможность убытка или ущерба». В Толковом словаре русского языка «риск» определяется как «возможность опасности» или как «действие наудачу в надежде на счастливый исход». Как видно происхождение и этимология слова «риск» не может позволить отделить рассматриваемое понятие от понятия «угроза». Хотя, очевидно, разница в их сущности и содержании есть.

И действительно, по мнению доктора философских наук Белькова О.А. угроза всегда связана с созданием опасности целенаправленной деятельностью враждебных сил. В отличие от угрозы риск определяется как возможность возникновения неблагоприятных и нежелательных последствий деятельности самого субъекта. В этой связи риск непосредственным образом связан с управлением и находится в прямой зависимости от эффективности и обоснованности принимаемых управленческих решений. С экономической точки зрения риск представляет собой возможность совершения события, которое может повлечь за собой три основных экономических результата: отрицательный (убыток), нулевой (отсутствие предполагаемой прибыли) или положительный (прибыль). Риск всегда связан с преодолением неопределенности в ситуации неизбежного выбора, в процессе которой имеется возможность количественно и качественно оценить вероятность достижения предполагаемого результата, неудачи и отклонения от цели.

Риск зависит от социальных, политических и

правовых факторов. Он всегда присутствует там, где существует неполная либо недостоверная информация о текущем состоянии самого хозяйствующего субъекта и его внешней среды. А это, как правило имеет место всегда, так как предпринимательская деятельность осуществляется в условиях неопределенности. Здесь невозможно с абсолютной точностью прогнозировать основные тенденции развития конъюнктуры рынка. Поэтому в современных условиях ведения конкурентной финансово-хозяйственной деятельности возможность точно определить предполагаемый экономический результат планируемой коммерческой операции как правило отсутствует.

Традиционное деление рисков на внешние и внутренние частично сближает их с рассмотренным ранее понятием «угрозы». В самом общем виде ученые-экономисты делят риски на чистые, спекулятивные, коммерческие, которые в свою очередь по структурному признаку делятся на имущественные, производственные, торговые, финансовые. Классификаций рисков достаточно большое количество, но все они отражают именно экономическую природу рассматриваемого явления и влияют на стабильность развития экономического субъекта, его устойчивость.

Профессор А.Ц. Хатаев рассматривает понятие «обеспечение экономической безопасности» как экономико-правовые отношения, способствующие независимости государства, созданию условий для стабильности и эффективной жизнедеятельности общества, достижению экономического роста. Это обусловлено тем, по его справедливому мнению, что экономика представляет собой одну из жизненно важных сторон деятельности общества, государства и личности, и, следовательно, понятие национальной безопасности будет более полным при оценке жизнеспособности экономики, её устойчивости к возможным внешним и внутренним угрозам [25, стр. 22].

Вторым немаловажным методологическим постулатом А.Ц. Хатаева на сущность экономической безопасности Российской Федерации является выражение содержания отождествленных категорий национальная и экономическая безопасность через посредство защиты национальных, государственных и общественных интересов. При этом содержание экономической безопасности определяется с учетом глобализации мирового хозяйства, влияния внешних и внутренних угроз.

Угрозы, по мнению автора, более применимы ко второй составляющей экономической безопасности, в содержание которой входит деятельность правоохранительных структур по противодействию экономической преступности, правонарушителям в экономической сфере, ответственность за которое возложена на правоохранительные органы государства.

По справедливому мнению профессора Шарихина А.Е. при отсутствии сильной правоохранительной системы и авторитетной судебной власти экономика является притягательной силой для организованной преступности и иных криминальных элементов и как результат высокий (в пределах 40%) уровень «теневой экономики» [27, стр. 25]. Организованные преступные группировки, преступные сообщества, осуществляющие свою противоправную деятельность в сфере экономики, имеют перед собой две главные цели. Первая из них удержание ключевых позиций в экономической сфере. Лидеры стремятся за установлением контроля за деятельностью прибыльных предприятий, на их базе создают собственные экономические структуры, способные занять лидирующее положение в инфраструктуре отдельных отраслей экономики России, таких как автомобилестроение, добыча и переработка полезных ископаемых, драгоценных металлов и драгоценных камней. Не остались без их «внимания» энергетический комплекс, кредитно-финансовая сфера.

Вторая главная цель экономических преступных группировок – проникновение во властные структуры для лоббирования своих преступных интересов, оказания влияния на избирательную систему региона, России в целом. Такое положение дел стало возможным вследствие сохраняющейся и по сей день коррумпированности отдельных чиновников. В результате налаженной преступниками системы «откатов» происходит хищение бюджетных средств, производится поставка некачественная продукция, реализуются невыгодные для регионов, России в целом инвестиционные проекты, завозится «серый импорт» и т.д.

Слабость, а в некоторых случаях и разобщенность в своих действиях правоохранительных органов, неадекватность правовых средств, неотработанные механизмы

координации и взаимодействия при организации противодействия криминальным проявлениям в экономики и, в конечном итоге, безнаказанность способствуют разрастанию экономической преступности, расширению ее экспансии по всей территории России, особенно в периоды циклических экономических кризисов.

В этой связи целесообразно выделить два основных аспекта противодействия преступности в экономической сфере России:

- во-первых, декриминализация законной предпринимательской деятельности экономических субъектов, вывод из «тени» товаров, работ, услуг, своевременное и точное исполнение налоговых обязательств перед государством и др;
- во-вторых, подрыв экономических основ функционирования организованных преступных группировок, преступных сообществ, которые способны проникнуть во властные структуры и лоббировать преступные интересы, противоречащие целям поступательного, устойчивого развития регионов и страны в целом.

Таким образом, под экономической безопасностью Российской Федерации в современных условиях перехода российской экономики на инновационный путь развития и модернизацию, по мнению автора, понимается триединое взаимообусловленное состояние:

- устойчивости российского национального хозяйства в условиях неопределенности международных, политических, социально-экономических и других факторов и рисков;
- стабильности развития российской экономики, достижения достойного качества и уровня жизни граждан независимо от внешних и внутренних воздействий глобальной конкуренции;
- защищенности экономической сферы России от угроз, инспирированных экономическими преступными группами, отдельными лицами, достигаемого путем противодействия криминальным проявлениям в сфере экономики, которое включает профилактику, борьбу и устранение причин и условий их порождающих.

Примечания

* В данном случае под парадигмой понимается научная теория, в содержание которой входит система понятий, отражающих существенные черты исследуемого явления (предмета); модель постановки проблем и их решение.

** Очевидно, с точки зрения масштаба территории ее обеспечения различают региональную (безопасность конкретного региона), национальную (безопасность Российской Федерации), глобальную (мировую или международную) безопасность.

*** Ранее материальные и духовные ценности общества были вторым объектом обеспечения безопасности в Российской Федерации [2; 6].

**** Интерес – (лат. «interest» - иметь значение) - причина действий индивидов, социальных общностей (класса, нации, профессиональной группы), определяющая их социальное поведение [24].

***** Жизненно важные интересы – совокупность потребностей, удовлетворение которых обеспечивает существование и возможность устойчивого развития человека, общества или государства [20, стр. 46].

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации (ст. 281 «Диверсия») // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
2. Закон Российской Федерации от 5 марта 1992 г. № 2446-I «О безопасности» // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. – 1992. – № 15. – Ст. 769.
3. Федеральный закон Российской Федерации от 12 августа 1995 года № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. – № 33. – Ст. 3349.
4. Федеральный закон Российской Федерации от 13 октября 1995 года № 157-ФЗ «О государственном регулировании внешнеторговой деятельности» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. – № 42. – Ст. 3923.

5. Указ Президента РФ от 29 апреля 1996 года № 608 «О Государственной стратегии экономической безопасности Российской Федерации (Основных положениях)» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 18. – Ст. 2117.
6. Указ Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 года № 537 «Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2009. – № 20. – Ст. 2444.
7. Абалкин Л.И. Экономическая безопасность России: угрозы и их отражение // Вопросы экономики. – 1994. – № 12.
8. Астапов К.Л. Некоторые аспекты экономической безопасности России. – М.: ТЕИС, 2000.
9. Баранов В.Д. Экономическая безопасность внешнеторговой сферы в условиях глобализации: Учеб. пособие. – М.: Социум, 2011.
10. Беседин М.Ю. Механизм обеспечения экономической безопасности хозяйствующих субъектов: Автореф. дис. … канд. экон. наук. – М., 2007.
11. Возжеников А.В. Национальная безопасность: теория, политика, стратегия. – М., 2000.
12. Грамши А. Избр. произв. Т. 3. – М., 1959.
13. Иващенко Г.В. О понятии «безопасность» // Теоретический журнал CREDO NEW [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://credonew.ru/content/view/207/25
14. Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П., Степашин С.В. Экономическая безопасность России: концепция – правовые основы – политика. – СПб.: Фонд «Университет», 2002.
15. Кемеров В. Философская энциклопедия. – М.: Панпринт, 1998.
16. Кисловский И. Экономическая безопасность России // Сб. ст. Отд. погранологии Межд. акад. информатизации. Ч. 2. Вып. 6. – 1999.
17. Корсак А.Б. Система обеспечения экономической безопасности мегаполиса: Автореф. дис. … докт. экон. наук. – М., 2008.
18. Кучумов А.В. Обеспечение экономической безопасности в инвестиционной сфере России: Автореф. дис. … канд. экон. наук. – М., 2007.
19. Литвиненко А.Н., Очередько В.П. Безопасность хозяйствующего субъекта: опыт экономико-правового анализа: Монография. – СПб.: СоветникЪ, 2011. – 132 с.
20. Новая философская энциклопедия, 2003 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.terme.ru/dictionary/
21. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: Ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / Под ред. Л.И. Скворцова. – М., 2010.
22. Опалев А.В., Пирумов В.С. Национальная безопасность. – М.: Оружие и технологии, 2011.
23. Советский философский словарь. – М., 1974.
24. Соловьев В. Толковый словарь по философии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://terme.ru/dictionary/194
25. Стрельников К.А. Правовые аспекты обеспечения экономической безопасности современного государства: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Н. Новгород, 2004.
26. Философский энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1989.
27. Хатаев А.Ц. Интеграция правоохранительных систем по противодействию незаконному обороту наркотиков и обеспечение экономической безопасности: Монография. – М., 2007.
28. Хропанюк В.Н. Теория государства и права: Учеб. пос. для высших учебных заведений / Под ред. В.Г. Стрекозова. – М.: Отечество, 1993.
29. Шарихин А.Е. Новая парадигма экономической безопасности // Ключевые проблемы в обеспечении экономической безопасности государств-участников Союзного государства: Матер. межгосудар. науч.-практ. конфер. / Под общ. ред. А.Г. Хабибулина. – М., 2011.
30. Экономическая безопасность России: Общий курс: Учебник / Под ред. В.К. Сенчагов. 3-е изд., перераб. и доп. – М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2009.
31. Экономическая безопасность Российской Федерации: Учебник для вузов. В 2-х частях / Под общ. ред. С.В. Степашина. – СПб.: Лань, 2001.

Ибрагимов Суламбек Михайлович,
адъюнкт кафедры уголовного права Санкт-Петербургского университета МВД России
E-mail: sulambek1984@mail.ru

Специальность 12.00.08 – Уголовное право и криминология, уголовно-исполнительное право

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ И УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ МЕРЫ БОРЬБЫ С СОДЕЙСТВИЕМ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

Аннотация. *Статья посвящена актуальным организационно-правовым вопросам противодействия терроризму и содействию террористической деятельности в Кавказском регионе. Автор рассматривает различные виды укрепления антитеррористического потенциала государства в идеологической, религиозной и уголовно-правовой сферах. Особое внимание уделено усилению взаимодействия федеральных органов исполнительной власти с религиозными организациями и общественными институтами.*

Ключевые слова: *терроризм, содействие террористической деятельности, экстремизм, противодействие терроризму, ваххабизм, религиозный фанатизм.*

IBRAGIMOV S.M.

IDEOLOGICAL AND CRIMINAL ACTION AGAINST THE PROMOTION OF TERRORISM IN THE NORTH CAUCASUS

The summary. *Article is devoted to organizational and legal issues for countering terrorism and promoting terrorist activities in the Caucasus region. The author discusses the various types of counter-terrorism capacity building of the state in the ideological, religious and criminal matters. Special attention is paid to strengthening of cooperation between the federal bodies of executive power with religious organizations and public institutions.*

Key words: *terrorism, the promotion of terrorism, extremism, anti-terrorism, Wahhabism, religious fanaticism*

Содействие террористической деятельности на Северном Кавказе представляет собой серьёзную проблему. Так, только за девять месяцев 2012 г. были задержаны более 500 террористов, уничтожены около 300 боевиков, среди них - 43 руководителей банд формирований [25, стр. 2].

Согласно действующему законодательству (ст. 205.1 УК РФ [1]), под данным преступлением следует понимать одно их следующих деяний: а) склонение, вербовка или иное вовлечение лица в совершение хотя бы одного из преступлений, предусмотренных ст. 205, 206, 208, 211, 277, 360 УК; б) вооружение или подготовка лица в целях совершения хотя бы одного из указанных преступлений; в) финансирование терроризма [2; 8; 9; 18; 20; 21; 22; 23; 30, стр. 709-713; 31].

Склонение заключается в убеждении другого лица в необходимости совершения одного или нескольких преступлений, перечисленных в настоящей статье. Способы склонения могут быть различными, включая применение психического насилия.

Вербовка представляет собой деятельность (подыскание, агитация, запись желающих, направление к месту обучения и т. п.) по привлечению одного или несколько лиц к участию в совершении хотя бы одного из перечисленных в ч. 1 преступлений. При вербовке исключается применение какого-либо насилия.

Иное вовлечение лица в совершение

преступления террористического характера означает совершение действий, направленных на возбуждение у лица желания совершить одно из указанных преступлений. Вовлечение можно признать собирательным понятием, включающим склонение и вербовку, а также иные формы вовлечения (например, принуждение, обман и т. п.).

Вооружение или подготовку лица в целях совершения преступлений террористического характера образуют любые действия, связанные с предоставлением лицу оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ или взрывных устройств, проведением с лицом специальных занятий.

Под финансированием терроризма понимается предоставление или сбор средств либо оказание финансовых услуг с осознанием того, что они предназначены для финансирования организации, подготовки или совершения хотя бы одного из преступлений, предусмотренных статьями 205, 205.1, 205.2, 206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279 и 360 УК РФ, либо для обеспечения организованной группы, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации), созданных или создаваемых для совершения хотя бы одного из указанных преступлений.

Под пособничеством в ст. 205.1 УК РФ понимаются умышленное содействие совершению преступления советами, указаниями, предоставлением информации, средств или орудий совершения преступления либо устранением препятствий к его совершению, а также обещание скрыть преступника, средства или орудия совершения преступления, следы преступления либо предметы, добытые преступным путем, а равно обещание приобрести или сбыть такие предметы [17, стр. 304-305].

Для более эффективной борьбы с содействием террористической деятельности ряд отечественных исследователей, в частности, И.О. Кошевой предлагает добавить в ч. 2 ст. 205.1 УК РФ пункты «б», «в», «г» и «д» следующей формулировки: б) те же деяния, связанные с привлечением несовершеннолетних лиц, а также ограниченно вменяемых лиц; в) те же деяния, связанные с привлечением лиц, которые находятся в сложной жизненной ситуацией, связанной с гибелью близкого родственника-участника террористической организации; г) те же деяния, связанные с использованием специальных методик подготовки и вовлечения в террористическую деятельность; д) те же деяния, связанные с использованием возможностей Интернета [24].

Значительное число лиц, активно занимающихся террористической деятельностью, а также оказывающих содействие терроризму на Северном Кавказе являются приверженцами крайне радикального течения ислама – ваххабизма [3; 7; 11; 14; 19].

Ваххабизм возник в Аравии сравнительно недавно - в середине XVIII в. Основоположником данного направления был проповедник Мухаммад ибн Абд аль-Ваххаб. Идеология ваххабизма была поддержана родом Саудидов, ведшим борьбу за объединение под своей властью всей Аравии. Ваххабизм - это религиозно-политическое течение среди суннитов, проповедующее возвращение к чистоте раннего ислама времен Муххамеда, строжайшее соблюдение принципа единобожия, отказа от поклонения святым людям и святым местам, отказ от заимствования новшеств (бида), требующее от мусульман избегать всяких проявлений роскоши в быту, одежде и культе. Сама по себе принадлежность к ваххабизму не делает верующего сторонником политического терроризма, как ошибочно полагают некоторые исследователи и политики. Следует указать, что ваххабитское учение является официальной религией в Саудовской Аравии, Бахрейне, Катаре, Кувейте, ОАЭ и Омане [12, стр. 28-29].

Ваххабизм превращается в идеологическую оболочку терроризма усилиями тех политиков и религиозных деятелей, которые гипертрофируют заложенные в нем деструктивные идеи (фанатизм в вопросах веры и склонность к экстремизму в практике борьбы со своими религиозными противниками) и принижают гуманистические (проповедь социальной гармонии, братства и единства всех мусульман, призывы к соблюдению морально-этических принципов ислама, осуждение роскоши и стяжательства). Его наиболее фанатичные последователи претендуют на непогрешимость. Для них главной санкцией в отношении «неверных» (иудеев и христиан) является лишение их жизни. Ряд авторов отмечает сходство экстремистского толкования ваххабизма и других тоталитарных идеологий, которые подчеркивают свою антагонистичность к любому инакомыслию [12, стр. 28-29].

Исламские радикалы, сторонники экстре-

мистских религиозных течений гипертрофируют заложенные в правоверной религии элементы нетерпимости и воинственности. Как правильно указывает М.П. Требин, «фундаменталисты... приватизируют право на Истину и истинную веру, отказываются от всякого компромисса во имя величайшего добра» [30, стр. 102]. В свою очередь, некоторые современные арабские юристы, досконально исследовав мусульманское право, делают однозначный вывод о том, что воинствующая доктрина фундаменталистов - это не вера, а политическая идеология, которую они используют в своих интересах [26, стр. 61]. Не вызывает сомнений, что легче исказить те религиозные учения, в которых есть потенциал для неоднозначного толкования.

Для того чтобы успешно противостоять росту экстремистских идей и терроризму в нашей стране, необходимо разбираться в традиционных ценностях ислама. Прежде всего, следует отметить, что в России исповедуют ислам более 20 млн. граждан, при этом из 21 республики, входящих в состав Российской Федерации, 9 являются национально-территориальными образованиями, коренное население которых составляют мусульмане [13].

Ислам буквально означает покорность. Слово «мусульманин» переводится как «тот, кто покоряется». Смысл и назначение ислама вытекает из следующих трех основных концепций - единственность (тавхид), пророчество (рисала) и жизнь после смерти (ахира). Ислам не только определенное религиозно-этическое учение. Он - особая культура, цивилизация, образ жизни. Формирование такого образа жизни, регулирование различных ее сторон осуществляются шариатом - сводом предписаний, узаконений. Шариат означает «путь», «следование». По утвердившемуся в исламской литературе мнению, шариат определяется как совокупность обращенных к людям предписаний, установленных Аллахом и переданных им через Пророка [5, стр. 94; 27, стр. 112; 28, стр. 37-40].

Шариат (шариа) - это тщательно разработанный кодекс поведения, или канон, содержащий в себе обрядовые нормы богопочитания, нравственные законы семейной и общественной жизни, различные разрешения, предписания и запреты, призванные урегулировать отношение мусульманина к Богу, к обществу в целом и к человеку в частности [4].

Шариат един для всех мусульманских стран. Различия в шариатских постановлениях возникли вследствие расхождения взглядов основателей и законоведов каждой отдельной религиозной школы на разные предметы догматической и практической части вероучения, а не из-за различия государственного устройства этих стран, а также не из-за разнообразия общественного положения мусульман и принадлежности к разным нациям. Ввиду этого мусульмане не признают и не могут признать существование особого права: турецкого, персидского, египетского. Для них существует шариат - по учению той религиозной школы, к которой они принадлежат. По этим основаниям мусульманское правоведение делится на ряд толков (школ) как ортодоксального, так и еретического характера [16, стр. 9-12].

Шариат нельзя отождествлять исключительно с мусульманским правом. В действительности шариат охватывает жизнь и деятельность мусульманина от колыбели до могилы. В шариате освещаются как светские, так и религиозные проблемы. Шариат призван регулировать как поведение верующих и порядок жизни мусульманской семьи, так и защищать, отстаивать основные ценности ислама. В силу этого шариат по своему предназначению в сущности нечто большее, чем право. Исламу как одной из трех величайших религий присущи определенные ценности. Именно на их отстаивание, обеспечение нормального функционирования направлены нормы шариата. В исламе выделяются и подлежат защите следующие основные ценности: религия; жизнь; разум; продолжение рода; собственность. Указанные ценности выступают в качестве основных объектов охраны шариата [10, стр. 59-60; 15, стр. 24-26].

Первая, наиважнейшая ценность в исламе - религия. Религия в европейском понимании обозначается на арабском языке словом «дин». В Коране термин «дин» употребляется свыше 100 раз, причем в разных значениях. Он может обозначать «суд», «воздаяние», «религию», «веру» отдельного человека и религию как систему ритуальной практики, являющуюся основой жизни религиозной общины. Наиболее широкое распространение получило определение, согласно которому «дин» есть совокупность веры (ал-иман), исполнения религиозных предписаний (ал-ислам) и совершенствования в искренности веры (ал-их-сан). «Дин» - это, прежде всего

исполнение обязанностей, которые Бог предписал человеку. «Дин» охватывает пять столпов, или пять религиозных основных правил Ислама, которые должен соблюдать и выполнять каждый мусульманин. Это - символ веры (шахада - свидетельство); молитва (ас-салат, намаз); пост (ас-саум, руза, ураза рамадан); благотворительный налог и милостыня в пользу бедных (закят, садакат); паломничество в Мекку (хадж) [5, стр. 94].

В системе иерархии ценностей ислама религия занимает первое место. Именно религия, пять ее столпов - основные правила ислама закладывают и в последующем определяют и развивают отношение человека к другим важным сторонам индивидуального и общественного бытия. В священном Коране (сура 13, аят 11) говорится: «Воистину, Аллах не изменяет положения людей, пока они не изменяться внутри себя».

Таким образом, в «традиционном» исламе нет места для оправдания политического экстремизма и терроризма. Более того, террор следует рассматривать как мощный удар по защищаемым шариатом ценностям. При этом следует помнить, что многие предписания отражают реалии, оставшиеся в далеком прошлом и, «вырванные» из исторического контекста, могут быть истолкованы весьма противоречиво.

В современном мире под влиянием процесса глобализации усиливаются тенденции, знаменующие собой не только «этнический», но и «религиозный ренессанс», что предопределяет появление нового, внутренне противоречивого, но при этом крайне опасного феномена этноконфессионального терроризма, требующего выработки особых подходов к идеологическому противостоянию ему [29].

Однако следует помнить, что уголовно-правовые меры, независимо от степени их строгости, носят вспомогательный или вторичный характер. Основные мероприятия по борьбе с преступлениями, связанными с террористической деятельностью, должны заключаться в принятии мер, направленных на создание условий, обеспечивающих общественную безопасность; предупреждение террористических проявлений, укрепление системы управления государством в кризисных ситуациях.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954
2. Александров Р.А., Горбашев В.В., Ильичев В.В., Кондрат И.Н. Терроризм и наркобизнес: финансово-экономическая обусловленность // Правовое поле современной экономики. – 2011. – № 3. – С. 28-30.
3. Баликоев В.З. Ваххабиты: кто они и чего добиваются? // Советская Сибирь. – 2007. – № 179.
4. Боронбеков С. Афганское уголовное право: История и современность: Дис. ... докт. юрид. наук. – М., 1996.
5. Боронбеков С. Основные ценности ислама – объекты охраны шариата // Государство и право. – 2003. – № 2.
6. Васильев Л.С. Ислам как религиозная доктрина // Азия и Африка сегодня. – 1977. – № 7.
7. Ваххабиты: XVIII – XX века. Историческое исследование / Составители С.А. Шумов, А.Р. Андреев. – М., 2002.
8. Викторов Г.В. Терроризм и экстремизм: к вопросу о совершенствовании механизма пресечения каналов финансирования // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 9. – С. 121-125.
9. Дикаев С.У. Террор, терроризм и преступления террористического характера (криминологическое и уголовно-правовое исследование). – СПб.: Юридический цент Пресс, 2006.
10. Дмитриев А.В., Залысин И.Ю. Религиозные аспекты терроризма // Терроризм и религия / Науч. ред. В.Н. Кудрявцев. – М.: Наука, 2005.
11. Игнатенко А. Эндогенный радикализм в исламе // Центральная Азия и Кавказ. – 2007. – № 2(8).
12. Ислам в России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/
13. Кангезов М.Р., Рассказов Л.П. Мусульманское право как разновидность религиозного права // Общество и право. – 2010. – № 1 (28). – С. 24-26.
14. Кирилов И.В. К вопросу о происхождении течения «ваххабизм» и его влияние в России // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 2. – С. 138-140.
15. Козлов Т.Л. Религиозная правовая традиция. Мусульманское право // Право и государство. – 2008. – № 5. – С. 9-12.
16. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Под ред. Г.А. Есакова. 4-е изд. –

М.: Проспект, 2012.
17. Кошевой И.О. Криминологические и уголовно-правовые проблемы борьбы с содействием террористической деятельности: Дис. … канд. юрид. наук. – М., 2011.
18. Международный терроризм: истоки и противодействие: Матер. межд. науч.-практ. конф. 18-19 апреля 2001 г. / Под ред. Е.С. Строева, Н.П. Патрушева. – СПб.: Секретариат Совета Международной Ассоциации государств-участников СНГ, 2001.
19. Михайлин Д. Ваххабизм – не просто зло, это смертоносное зло // Российская газета. – 1999. 28 сентября.
20. Нигметов Н.А. О необходимости создания общегосударственной системы профилактики терроризма и экстремизма в России // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 2. – С. 86-88.
21. Организованная преступность, терроризм, коррупция в их проявлениях и борьба с ними / Под ред. А.И. Долговой. – М.: Российская криминологическая ассоциация, 2005.
22. Павлик М.Ю. Террористический акт, захват заложника, бандитизм, вопрос теории и практики. – СПб.: Юридический Центр Пресс, 2011.
23. Перечень организаций и физических лиц, в отношении которых имеются сведения об их причастности к экстремистской деятельности или терроризму // Российская газета. – 2011. 6 июля.
24. Психология террористов и серийных убийц: Хрестоматия. – Минск, 2004.
25. Саидов А.Х. Сравнительное правоведение и юридическая география мира. – М., 1993.
26. Сюкияйнен Л.Р. Шариат и мусульманско-правовая культура. – М., 1997.
27. Тепляков О.В. Использование конфессионального фактора в террористической деятельности политическими радикалами: Дис. … канд. полит. наук. – СПб., 2004.
28. Требин М.П. Терроризм в XXI веке. – Минск, 2004.
29. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: Учебник / Под ред. А.В. Бриллиантова. – М.: Проспект, 2009.
30. Ханбабаев К.М. Мусульманское право в современном Дагестане: состояние и проблемы. Ч. I // Северокавказский юридический вестник. – 2006. – № 3. – С. 18-42.
31. Шавхалов М. Корни терроризма – в социально-экономических проблемах // Ингушетия. – 2010. – № 109 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gazetaingush.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=1680:2010-02-18-08-34-00&catid=6:2009-05-05-20-24-47&Itemid=6
32. Шариат [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/ (дата обращения 10 декабря 2012 г.)

БЕЗОПАСНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА, ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА. ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ И ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ОХРАНЫ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ

ДЖОБАВА Нугзар Алексеевич,
доцент кафедры финансового права юридического факультета Высшей школы экономики (г. Санкт-Петербург),
кандидат юридических наук
E-mail: expert758@inbox.ru

Специальность 12.00.06 – Природоресурсное право; аграрное право; экологическое право

ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВОСОЗНАНИЕ

Аннотация. *По мнению автора, предметом исследования экологического права является не только правовое регулирование отношений по использованию природных ресурсов и охрана природы, но и некоторые аспекты экологического правосознания и экологической этики, обоснование и разработка этических принципов и норм, регулирующих отношение человека к природе. В данной статье рассмотрены некоторые аспекты этой проблемы.*

Ключевые слова: Ключевые слова: правосознание; экологическое право; экологическая этика; природные ресурсы; охрана труда; принципы; нормы; человек; природа.

DZHOBAVA N.A.

ENVIRONMENTAL LEGAL CONSCIOUSNESS

The summary. *In the author's opinion the subject of study in environmental law is not only the legal regulation of relations for the use of natural resources and protection of nature but also some aspects of environmental legal consciousness and environmental ethics, justification and development of ethical principles and standards regulating the treatment of the individual to the nature По мнению автора, предметом исследования экологического права является. In the present article some aspects of this issue are under consideration.*

Key words: *legal consciousness; environmental law; occupational safety; natural resources; occupational safety; principles; norms; individual; the nature.*

Некоторые ученые, в том числе Олдо Леопольд полагают, что экологическое правосознание, должно распространяется не на отдельные особи, а на виды и сообщества. Проблема же в том, что «этики, регулирующей взаимоотношения человека с землей, с животными и растениями, обитающими на ней, пока еще не существует. Земля остается собственностью, и взаимоотношения с ней остаются чисто потребительскими, подразумевающими только права без обязанностей» [26].

А на самом деле? Стоит обратиться к недавней, да и к современной крестьянской жизни, чтобы увидеть нечто, противоречащее О.Леопольду. Применение «оборотов» земли, распределение лугов под выпасы и сенокосы, нормы полива

огородных культур, нормы эксплуатации и ухода за домашней скотиной, нормы забора меда из ульев, нормы порубок в лесах, сельскохозяйственный календарь и само традиционное отношение к окружающей среде и миру – что это как не экологическая этика, исконно существующая у разных народов. И не только у земледельческих.

Другое дело, что потомственный горожанин может и не знать, чему учили деревенских детей их бабушки: «Очень большой гриб грех отнимать у... лешего. Сколько-то ягод надо оставлять: малину – «батюшке на язык» (медведю т.е.), чернику – «лисичке на закуску», «дурницу» (гоноболь) – «братцу волку на упокой» , костянику – «сойке, горлышко прочистить», рябину…». Не знает горожанин и того, что когда ходили ловить рыбу с бреднем, например, то с собой брали по одному ведру на семью. Кстати сказать, самую большую рыбину и самую маленькую («матушку с доченькой») возвращали водяному. Отсюда, видно, и «рыбацкие» рассказы, в которых размеры самой большой выловленной рыбины подтвердить нечем.

Об особенном отношении к «земле-кормилице», к всходам, к первому и последнему снопу, к жатве, к хлебу, известно не только из фольклора. Многие неписанные «экологические» правила знают и сегодняшние земледельцы пастухи, охотники, лесорубы... Сохраняется у людей и нерядовое отношение к разного рода объектам живой и неживой природы. Это, может и осколки традиционной экологической этики, но ее влияние обнаруживается и в современном семейном быту, и в отношении к некоторым явлениям обыденной жизни. Например, в устойчиво негативном отношении к уничтожению бездомных животных, к спиливанию даже и совсем старых деревьев, к сносу исторических зданий...

Обнаруживается и традиционная мастеровая этика. Кто молодым рабочим приходил на завод, вряд ли забудет, что поначалу ни дня не проходило, чтобы старый мастер не заставил, подобрать оброненный кем-то гвоздь, смотать в бухту веревку, протереть что-то от пыли, надежнее укрыть от дождя… Наряду с этим – и заинтересованное отношение рабочих к условиям складирования продукции, особенное отношение к рабочему инструменту, внимание к рациональному расходованию труда, к прилагаемым физическим усилиям…

При ближайшем рассмотрении обнаруживается и экологическая этика городского происхождения. Это же в ее русле у горожан с детства развивается особенное отношение к своему городу, отыскиваются его достоинства. Забота о гармоничном развитии города, усвоенные нормы социально ответственного поведения тоже ведь не просто так, хотя это речь уже о «второй природе».

Понятно, что и то и это обычно не считается экологической или какой-то еще этикой. Но, между прочим, ее положения «разбросаны» в самых разных произведениях фольклорного и литературного характера [36, 47, 56], в сохранившихся обрядах и даже в машинально совершаемых поступках вполне современных, не обязательно старых, людей.

Эти «азы экологического правосознания» ждут своего собирателя и исследователя и ждут своего осмысления. А вот во что именно выльется экологическое правосознание, «выдуманное в ученых кабинетах», в уверенности, что «этики, регулирующей взаимоотношения человека с землей, с животными и растениями, обитающими на ней, пока еще не существует» – об этом можно только гадать. Между тем, осмысленная с учетом реальностей традиционная экологическая этика может стать одним из источников философии современной экологической этики, источником, прошедшим испытание веками своего бытования. При том, это еще и «кладезь» разнообразия этических принципов, специализированных для разных видов хозяйственной деятельности народов разных стран и частей света.

Но О.Леопольду важнее, что отдельные мыслители со времен библейских пророков постоянно указывали, что опустошение земли не только вредно, но и дурно. С другой стороны, если подумать, то экологическая этика начала формироваться в городах еще и до библейских пророков. Тем более, что изначально они были поселениями сельских, в основном, жителей. К древнейшему пласту экологического правосознания первых горожан можно отнести сами принципы выбора мест возведения городов (наличие водных и сухопутных путей для общения с внешним миром, наличие подходящей продовольственной базы, разного рода природных ресурсов…).

О. Леопольд не только устанавливает основные принципов экологического правосознания: «Вещь правильна, когда у нее есть тенденция сохранять целостность, стабильность и красоту

биологического сообщества. Она неправильна, когда имеет обратную тенденцию.

Не следует уничтожать или способствовать вымиранию видов; необдуманно смешивать отечественные и экзотические виды.

Не следует добывать непомерную энергию из почвы и освобождать ее в быту.

Нельзя запруживать или загрязнять реки; следует заботиться о животных.

Пора перестать считать бережное отношение к земле чисто экономической проблемой. Ищите не только то, что экономически выгодно, но и то, что хорошо этически и эстетически» [27].

О. Леопольд возлагает на экологическое правосознание и большие надежды: «Экологическая этика изменяет роль человека. Из завоевателя-варвара он становится полноправным членом гармонического сообщества природы».

Экологические проблемы О.Леопольд считает философскими как в общем-то и вопросы правосознания в целом [5; 6; 7; 11; 15; 16; 17; 18; 19; 29; 34; 35; 38; 39; 40; 41; 42; 44; 45; 46; 48; 49; 50; 51; 52; 53; 54; 55; 63; 64; 65; 66; 68], и ищет соответствующие подходы. Он полагает, что этическое отношение к земле не может существовать «без благоговения перед ее ценностью… ценностью в философском смысле». Что значит быть «ценностью в философском смысле»? Это, когда нечто признается ценностью не потому только, что оно полезно в практическом плане, но и является внутренней или присущей ценностью.

Внимание О.Леопольда часто обращено к «дикой» природе. Он полагает, что «сбережение дикой природы должно стать актом национального раскаяния со стороны людей, губивших ее ранее». О.Леопольд ратует не просто за охрану дикой природы, а за охрану ее свободы...

Кстати сказать, О.Леопольд первым дал определение термина «территория дикой природы». Это участок в две недели перехода, сохраненный в натуральном состоянии, где можно охотиться, рыбачить, но где нет дорог, искусственных сооружений и других творений человека [27].

Первым О.Леопольд указал и на важную эстетическую роль животных и растений, которые придают жизненность и порядок ландшафту. Так в северных американских лесах это красный клен и плюс воротничковый рябчик. «Уберите его, и всё будет мертвым». Такие виды О.Леопольд назвал «эстетическими индикаторами». Их не обязательно даже видеть. Иногда достаточно просто знать, что они где-то тут есть.

О.Леопольд предлагает несколько критериев для эстетической оценки видов дикой природы:

- «художественная ценность» – наименее значимый критерий;
- «характер», который мы ощущаем в видах, а не в отдельных особях (находчивость лисы, изящество оленя);
- «ценность редкости», как природной, так и созданной человеком;
- чем более диким является, чем менее он терпимо к человеку, тем более красиво это животное;
- «родные» виды животных, растений надо считать более ценными, чем экзотические;
- эстетически значимым нужно считать и неожиданное появление или одну только возможность такого появления животного, обнаружения растения или редкого по красоте минерала [10].

Взгляды Леонардо Боффа кажутся более радикальными. «Назрела потребность в такой этике, которая регулировала бы не только отношения людей между собой, но и их отношения с окружающей средой. Мы должны… ограничить насилие над природой. Такая этика может стать источником благоговения перед природой, обретением слитности с природой, которая утрачена в психологии техницизма и секуляризации» [25].

Звучит как призыв вернуться к племенному сознанию, характерному, например, для индейцев, Такие призывы не редкость, но Л.Боффа они чужды. Новая социально-экологическая этика состоится, если мы выработаем новое планетарное мироощущение, сознание общей ответственности за судьбу всех людей.

Словно в пику всем Б.Калликотт заявляет о невозможности создать «единое экологическое правосознание» [20]. Препятствие он видит в наличии различных культов, религий, ментальностей.

К этому можно добавить и наличие несопоставимо разных экономических условий существования не только разных людей, но разных стран, регионов, континентов. И не только это.

Идея единого экологического правосознания возникла в связи с осмыслением не какого-то локального, а всеобщего экологического кризиса.

Но идея эта, кажется, противоречит даже и здравому смыслу. Ровно как и унифицированное понимание свободы человеческой личности.

Другая сторона осмысления общего экологического кризиса – радикализация экологических движений. В ее основе осознание, что именно капиталистическая система своей гонкой за прибылью любой ценой привела мир к такому кризису. Значит, и глобализация экономики не решит проблем. Она только распространяет «либеральные» идеи на страны, еще незатронутые жаждой наживы. Готовый пример – Россия, ставшая неспособной заняться чем-то еще, кроме бессмысленной охоты на евро, доллары, рубли в режиме «гори оно огнем, всё остальное». О формировании какого-то экологического правосознания не может идти речь в такой атмосфере! Однако жизнь человека сегодня очень часто зависит от окружающей природной среды. Отсюда и беспокойство о необходимости ее охраны [2; 3; 4; 8; 12; 14; 22; 23; 24; 28; 30; 31; 43; 57; 58; 59; 60; 61; 62; 67].

Но, есть еще и такое соображение. Населению Советского Союза активно старались привить этику, соответствующую социалистическим идеям. На это работала не худшим образом устроенная пропагандистская машина мощного государства. И что? Не успели еще разрушить СССР, как, с одной стороны, та часть «активистов-пропагандистов», которая теперь считает себя элитой, а с другой – ограбленное этой «элитой» население, показали, что они друг друга стоят. Было продемонстрировано все, что угодно, только не тот коллективизм, на усвоение которого столько сил тратило государство. В связи с этим и вопрос. Если Советской власти не хватило семидесяти лет, то располагает ли современное человечество временем, достаточным чтобы успеть усвоить некую этику, принципы которой еще только обсуждаются? А с учетом того, что на эту этику, если честно, «плевать хотелось» бизнесу и элите, а они-то и определяет образ жизни в своих странах? Или мы сильно сгущаем краски? Хочется думать, что сгущаем.

Обратимся, например, к статье А.С. Мамзина «Человек в условиях кризиса» [33]. Здесь мы встречаемся с идеей, близкой любому, кто не ставит точку в конце известного высказывания: «Бытие определяет сознание».

«Неверно думать, что к решению духовных проблем нашего общества можно будет перейти тогда, когда будут решены его материальные проблемы. Хотя бытие и определяет сознание, но и сознание активно воздействует на бытие, существенно способствует его изменению…».

Под этим хочется подписаться, но вот какое дело: все-таки нравственность вырастает не из чего-нибудь, а из укоренившихся нравов. И тогда получается, что – сначала цивилизация, а потом нравственность. Но времени жизни «советской цивилизации» оказалось недостаточно для восприятия соответствующей ей нравственности. Хотя, положа руку на сердце, требования были просто элементарными. Не сложнее, чем – «не убий, не кради, не прелюбодействуй…». Поскольку основа нынешней «цивилизации» (по факту) – и убий, и кради, и прелюбодействуй, то может для кого-то это оказаться еще элементарнее и не потребует никаких духовных усилий…

Не просто же так и А.С. Мамзин отмечает: «Как это не печально, теоретически вполне допустима в будущем ситуация борьбы одних народов с другими за экологически чистое пространство, …превращение значительных регионов мира в экологические колонии» [33]. Само это ожидание идет от понимания, что «западной цивилизации» и за тысячу лет так и не удалось, хотя бы приблизиться к некой «человеческой» нравственности. И то сказать: в «библейских» краях не прекращается «битва» за пресную воду, в Персидском заливе – за нефть. Для России тоже «звонок прозвенел», когда «уважаемая» М. Олбрайт высказала полное непонимание по поводу Сибири, неизвестно почему все еще принадлежащей какой-то там России.

В названной статье А.С. Мамзина. есть и предположение, что пришел конец эпохе, в которой человек считал себя «царем природы». Конец эпохи знаменуется экологическим кризисом, а человечество, не замечая того, – в состоянии выживания. В связи с этим нам надо понять, что «выживание в наши дни – это проблема не только материальная, но и духовная, а экология должна обрести эстетический смысл».

Это, кажется, проще всего. Если постигший нас кризис будет продолжаться, что называется, «вечно», то непременно выработаются и нормы нравственного поведения людей в этих условиях: возникнет нравственность эпохи выживания. В таком случае и новую этику нужно будет назвать этикой выживания. Философски осмысленная,

она неизбежно породит и эстетику выживания. Как поэтично звучит: «Эстетика выживания»… Вроде как – «эстетика медленного увядания». Но, не будет ли «эстетика выживания» напоминать собой «эстетику эвтаназии», если только не будет сводиться к ней? Хотелось бы видеть этому любую альтернативу.

С другой стороны, если дело дошло до элементарного выживания, то к чему нам – философское осмысление сущности современного (т. е. почти что уже «конченного») бытия и какое-то там экологическое мировоззрение, эстетика выживания?

Многие ученые, и не только из экологов, без устали твердят, что наша планета в состоянии кризиса, вот, вот встанет вопрос, кто кого: «кризис нас или мы его»… А в таких ситуациях общественное сознание как будто уходит в глухую защиту. Оно отказывается серьезно воспринимать всю тревожность ситуации. Неизвестно даже, что может открыть людям глаза на реальность, а тут еще ряд исследователей настаивает, что «точку возврата» мы уже прошли…

Впрочем, и далеко не все философы озабочены реальным положением дел. Что им Гекуба! Они, как и сто лет назад, продолжают давать свои рецепты, как будто в пику радикальным идеям.

Экофилософ из США, Эдвард Эбби (1927 – 1989) одним из условий возникновения экологической этики называет следующее. «Нужно научиться любить то, что является «свободным, грубым, диким, неизведанным» [69].

Хочется эту идею распространить и на людей, но любовь от экологии всё не задается. Впрочем, оказывается и с Христом, который будто бы есть любовь, тоже не задается. Недавно один православный священник объяснил по телевизору, что Христос – это совсем даже не любовь. «Христос – это страх, страх Божий, боязнь преступить некие границы». Может, и экологическая этика не в последнюю очередь должна «исповедовать» страх? Страх переступать некие границы…

Философ, культуролог из США, Ий-Фу Туан считает, что взаимосвязь этики и эстетики предполагает осознание конфликта между «хорошим» и «красивым». А что считать «хорошим»? Это зависит от конкретного опыта и ценностей людей... [37].

Такой «либерализм» настораживает. Мы же не понаслышке знаем об опыте «хорошего и плохого», характерном и для отечественных «братков» 90-х гг., и для ныне респектабельной «публики», заделавшейся элитой. Как-то не очень хочется «поддерживать» представления о «хорошем», сформированные на «конкретном опыте» этих субъектов.

Р.Алтфилд в «Этике экологической ответственности» [1] делает попытку осмыслить предысторию экологической этики с неожиданной стороны.

В Средние века жил Франциск Ассизский. Церковь причислила его к лику святых, хотя он и выражал нетрадиционные для христианства идеи отношения к «меньшим братьям». Франциск приучал диких животных «самолично» благодарить Бога за то, что они живы и могут летать, прыгать, ползать и пр. Он читал животным проповеди и-таки уговорил одного волка, особенно досаждавшего крестьянам, извиниться перед ними за свои «нечестивые» дела. Этот волк покаялся и остаток дней прожил в святости. Он даже был похоронен в освященной земле. Вот такие есть возможности в связи с экологическими проблемами. Особенно для тех, кому хочется быть похороненным в освященной земле. Это вполне могло бы подойти и «браткам», и элите.

Р.Алтфилд предлагает признать св. Франциска покровителем экологической эстетики и вообще экологии. Православные могут возразить: ведь и Сергий Радонежский тоже что-то проповедовал медведю и ел с ним из одной чашки…

Все же надо понимать, что христианству всегда было не до экологии. Да и при чем тут экология? Когда единственной заботой человека полагается подготовка к встрече с Господом, то «гори огнем всё остальное». Вот и «горит». Так что недаром в русской традиционной экологической этике нет ничего «Христа ради», а фигурируют представления, идущие от язычества.

Может быть, понятие экологического греха стоит поискать в каких-то других мировых религиях. С другой стороны, эффективные приемы «поиска» нужных корней какой-либо проблемы – это ведь давно уже не проблема.

Если серьезно говорить об «этике экологической ответственности», то вот кратко, что сообщается в газетной статье Анатолия Вербина. «За чей счет «экологический банкет» [13].

В «цивилизованных странах» происходят благоприятные изменения. Япония с целью

оздоровления экологической обстановки сократила свои металлургические мощности в 10 раз, переведя их на Филиппины. Теперь «грязное» производство отравляет природу здесь. Существенно сократилась популяция рыбы в реках и прибрежных водах, понизилось качество почв, из-за чего упала урожайность риса. Местное население жалуется на заболевания, которых раньше здесь не было…

Американцы решили предприятия «грязного» производства строить в Мексике. Здесь нет экологического законодательства, и отходы можно сливать прямо в канализацию или в канавы. Это – «большой ОКей» по сравнению с «волокитой» из-за загрязнений в самих Штатах.

Некое судно под панамским флагом (владелец – грек, заказчик – лондонский филиал швейцарской фирмы) доставило в Абиджан бочки с ядовитыми отходами. «Нью-Йорк таймс» писала, что это была самая «обычная темная история современной глобализации». А что за история?

Сразу после выгрузки бочек умерли десять местных жителей, многие госпитализированы. Куда делись бочки не сообщается…

Может ли экологическая этика остановить такую «глобализацию»? Но мы же не вчера родились, экологическая или еще какая этика тут совсем не при чем. Правда, либерально настроенные субъекты могут возражать, выпучив глаза: «Никто же не заставлял Филиппины или Мексику принимать у себя «грязные» производства. А грузчики вообще могли отказаться разгружать ядовитые отходы»… И либералы правы: никто никого не заставлял. Все на добровольных началах, хотя и по принципу «гори все огнем». С одной стороны, «этика наживы», с другой – «этика выживания».

Проблемы экологического правосознания естественным образом связаны с разработкой экологического кодекса. Насущность его очевидна, но и понятно, что без формирования экологического мировоззрения у миллионов и миллионов людей, без философского обеспечения этого мировоззрения вряд ли кодекс будет действенным инструментом экологической безопасности. И совершенно прав А.С. Мамзин, заявляя об «абсолютной необходимости организации своего рода экологического и мировоззренческого ликбеза, широкого и всестороннего философского и экологического образования и просвещения» [32].

Само собой разумеется, что и без хорошо развитого экологического правосознания (теоретической дисциплины), усвоенной на уровне практической жизнедеятельности людей, экологический кодекс не может стать ориентиром для различения что есть «хорошо», что – «плохо» во взаимоотношении человека с природой. Даже и в условиях глобального экологического кризиса.

Отсюда и задачи, требующие нерядовых усилий научного сообщества, тем более, что общественное сознание теперь будет «спать», обеспечивая, как ему и положено в кризисных состояниях, «общественный гомеостаз».

Список литературы

1. Алтфилд Р. Этика экологической ответственности. – М.: Прогресс, 1994.
2. Бабаджанов И.Х., Оль Е.М., Тарайко В.И. Благоприятная окружающая среда и право человека на жизнь // Правовое поле современной экономики. – 2012. – №1. – С. 122-127.
3. Бадалов Ш.К. Теоретические проблемы определения источников экологического права в современной юриспруденции // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 9. – С. 54-59.
4. Бадалов Ш.К. Экологические права граждан в современном обществе и политике государства // Мир политики и социологии. – 2012. – №9. – С. 93-96.
5. Баскин Ю.Я., Гудинов И.А. Вопросы теории правового сознания // Правоведение. – 1972. – №2.
6. Бельский К.Т. Социалистическое правосознание. Диалектика формирования и развития. – Ярославль, 1979.
7. Бельский К.Т. Формирование и развитие социалистического правосознания. – М., 1982.
8. Боголюбов С.А. Конституционные основы охраны окружающей среды // Журнал российского права. – 2003. – № 11. – С. 106-112.
9. Борейко В.Е. Прорыв в экологическую этику. – Киев: КЭКЦ, 1999.
10. Борейко В.Е. Философия дикой природы и природоохрана. – Киев: КЭКЦ, 2001.
11. Бура Н.А. Функции общественного правосознания. – Киев: Наукова думка, 1986.

12. Васильева М.И. Концептуальные вопросы совершенствования экологической политики и законодательства об охране окружающей среды // Экологическое право. – 2007. – № 2.
13. Вербин А. За чей счет «экологический банкет // СПб ведомости. – 2009. – № 79.
14. Голиченков А.К. Экологический контроль: теория и практика правового обеспечения. – М., 1998.
15. Гуцериев Х.С., Сальников В.П., Федоров В.П., Худяк А.И. Правовая и духовная культура сотрудников правоохранительных органов. – СПб., 1996.
16. Захарцев С.И. Правосознание: понятие и уровни // Правовое поле современной экономики. – 2012. – №2. – С. 48-53.
17. Ильин И.А. О сущности правосознания. – М.: Рарот, 1993.
18. Ильин И.А. Проблемы современного правосознания. – Берлин, 1923.
19. Ильин И.А. Собрание сочинений в 10-ти томах. – М.: Русская книга, 1994-1999.
20. Калликотт Б. Азиатская традиция и перспективы экологической этики. Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности. – М.: Прогресс, 1990.
21. Калликотт Б. Природоохранные ценности и этика // Гуманитарный экологический журнал. Т. 1. Вып. 2. – 1999.
22. Колбасов О.С. Экология: политика – право. – М., 1990.
23. Лапина М.А. Обеспечение экологической безопасности правоохранительными органами: зарубежный опыт: Монография. – М., 2001.
24. Лапина М.А. Юридическая ответственность за экологические преступления. – М., 2003.
25. Леонардо Бофф, Социальная экология: бедность и нищета // ЭКОТЕОЛОГИЯ, Голоса Севера и Юга: Сб. статей / Под ред. Д.Г. Холмана. – М., 1997.
26. Леопольд О. Альманах «Сент Каунти» // Экологическая энтология. – М.: Голубка, 1992.
27. Леопольд О. Календарь песчаного графства. – М.: Мир, 1980.
28. Лопатин В.Н. Экологическая безопасность: проблемы конституционной законности // Государство и право. – 2004. – № 2.
29. Лукашева Е.А. Социалистическое правосознание и законность. – М.: Наука, 1973.
30. Лукьянцев В.П., Очередько В.П., Сальников В.П., Соболь И.А. Общество и природа в дореволюционной России: правовой анализ: Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2003.
31. Лю Хунянь. Юридическая ответственность за экологические правонарушения в России и Китае // Гражданин и право. – 2007. – № 1.
32. Мамзин А.С. Социальные аспекты защиты гражданского общества от экологических потрясений. – 2008. (не опубликована, цитируется по рукописи).
33. Мамзин А.С. Человек в условиях кризиса. – 2006. (не опубликована, цитируется по рукописи).
34. Методологические проблемы правосознания сотрудников органов внутренних дел / В.П. Сальников и др. – Л.: ВПУ МВД России, 1986.
35. Назаренко Е.В. Социалистическое правосознание и советское правотворчество. – Киев, 1968.
36. Народные русские сказки А.Н. Афанасьева. В 3-х тт. – М.: Гос. изд.-во худ. литер., 1957.
37. Обзор отечественной и зарубежной литературы по философии дикой природы / Под ред. В.Е. Борейко // Гуманитарный экологический журнал. Т. 4. Спецвыпуск, 2002.
38. Олейников В.С. Правосознание личности: социально-правовой аспект: Монография. – СПб., 2004. – 210 с.
39. Олейников В.С., Джегутанов Б.К., Балахонский В.В. Философия права и правосознания: Монография. – СПб., 2009. – 231 с.
40. Олейников В.С., Пономаренко А.В., Снетков В.Н. Акмеология правосознания и нравственно-правового воспитания. – СПб.: СПбГТУ, 1998.
41. Олейнков В.С. Генезис правосознания личности // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 1999. – № 2.
42. Остроумов Г.С. Правовое осознание действительности. – М.: Наука, 1969.
43. Охрана окружающей среды, природопользование и обеспечение экологической безопасности в Санкт-Петербурге в 2008 г. / Под ред. Д.А. Голубева, Н.Д. Сорокина. – СПб., 2009.
44. Покровский И.Ф. Формирование правосознания личности (вопросы теории и практики). – Л.: ЛГУ, 1972.
45. Потопейко Д.А. Правосознание как особое общественное явление. – Киев, 1970.
46. Правосознание и правовая культура сотрудников милиции / В.П. Сальников и др. – Л.: ВПУ МВД СССР, 1984.
47. Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия / Собр. М. Забелиным. – М.: Совместное советско-канадское предприятие «Книга принтшоп», 1990.
48. Рябко И.Ф. Правосознание и правовое воспитание. – Ростов-на-Дону, 1969.
49. Сальников В.П. Вопросы правового воспитания. – Л.: ВПУ МВД СССР, 1983.
50. Сальников В.П. Правовая культура сотрудников милиции. – Л.: ВПУ МВД СССР, 1983.
51. Сальников В.П. Правовая культура сотрудников органов внутренних дел. – Л.: ВПУ МВД СССР, 1988.

52. Сальников В.П. Социалистическая правовая культура: Методологические проблемы / Под ред. Н.И. Матузова. – Саратов: СГУ, 1989.
53. Сальников В.П. Уважение к праву в деятельности органов внутренних дел. – Л.: ВПУ МВД СССР, 1989.
54. Сальников В.П., Федоров В.П. Убеждение и принуждение в деятельности органов внутренних дел. – Л.: ВПУ МВД СССР, 1989.
55. Соколов Н.Я. Профессиональное сознание юристов. – М.: Наука, 1988.
56. Солнечный круг. Обряды, обычаи, заговоры, суеверия восточных славян / Собр. В. Далем; ред. Н.П. Лебедева. – М.: Лабрис, 1991.
57. Тарайко В.И. Государственно-правовая политика России в области обеспечения экологической безопасности // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 2. – С. 66-74.
58. Тарайко В.И. Национальная безопасность России и охрана окружающей среды // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 1. – С. 61-67.
59. Тарайко В.И. Экологическая безопасность России: Монография / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2010.
60. Тарайко В.И. Экологическая преступность в Российской Федерации: Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2011.
61. Тарайко В.И. Экологические преступления в России: понятие, система, профилактика. – М.: Юрлитинформ, 2012. – 184 с.
62. Урсул А.Д., Уледов В.А. Государство и экология. – М.: РАГС, 1996.
63. Фарбер И.Е. Правосознание как форма общественного сознания. – М., 1963.
64. Чефранов В.А. Взаимодействие правового сознания с иными видами социального отражения. – Харьков, 1975.
65. Чефранов В.А. Правовое сознание как разновидность социального отражения. – Киев, 1976.
66. Чефранов В.А. Философские проблемы правового сознания: Автореф. дис. … докт. философ. наук. – Харьков, 1983.
67. Шемшученко Ю.С. Правовые проблемы экологии. – М., 1996.
68. Щегорцов В.А. Социология правосознания. – М.: Мысль, 1981.
69. Эбби Э. Враг // Гуманитарный экологический журнал. Т. 3. Вып. 1. – 2001.

ЗОИРОВ Сухроб Джурахонович,
следователь Следственного отделения Отдела внутренних дел-1 по району Рудаки МВД Республики Таджикистан,
адъюнкт кафедры криминалистики Санкт-Петербургского университета МВД России
E-mail: zoirov-sd@gmail.ru

Специальность 12.00.12 – Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ НЕЗАКОННОМУ ОБОРОТУ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ В ТАДЖИКИСТАНЕ: МЕЖДУНАРОДНО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Аннотация. *В статье анализируются усилия государственного руководства Таджикистана в обеспечении контроля за незаконным оборотом наркотических средств. Показывается последовательность государственной политики республики в этом направлении. Обращается внимание на постоянную обеспокоенность политической элиты, правоохранительных органов о необходимости повышения эффективности борьбы со страшным злом – наркоманией, организованной транснациональной наркопреступностью.*

Исследуется деятельность государства по обеспечению международного сотрудничества с другими странами, всем мировом сообществом. Изучаются международные документы, в том числе конвенции ООН – Единая конвенция о наркотических средствах 1961 года с поправками; Конвенция о психотропных веществах 1971 года; Конвенция о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ 1988 года. Обращается внимание на то, что Республика Таджикистан активно участвует в международном сотрудничестве в рамках данных конвенций. Подписано более тридцати межправительственных соглашений в этой сфере. В статье изучаются подписанные документы.

В работе предложен исторический экскурс усилий государства и правоохранительных органов в борьбе с незаконным оборотом наркотиков.

Особое внимание уделено деятельности государства и его руководства по борьбе с наркоманией и транснациональной преступностью в рамках государств-участников СНГ. В том числе приводятся результаты работы Саммита «Душанбе-2011», на котором было принято Заявление глав государств-участников Содружества Независимых Государств. Заявление было принято в связи с 20-летием образования СНГ и подписано Председателем Совета глав государств Содружества Независимых Государств Э. Рахмонов. В нем подведены итоги 20-ти летнего сотрудничества и определены задачи дальнейших совместных усилий. Среди них необходимость укрепления сотрудничества в борьбе с транснациональной организованной преступностью и незаконным оборотом наркотиков.

Вызывают определенный интерес выводы автора. Они формулируются с позиций потребностей криминалистической науки и потому особенно ценны.

Ключевые слова: *криминалистика; международное сотрудничество; незаконный оборот наркотиков; наркомафия; организованная транснациональная преступность; Конвенция ООН; саммит; международный договор; соглашение; международные акты: проекты ООН и других международных организаций; единый банк данных; правоохранительные органы; координация деятельности по борьбе с наркомафией.*

ZOIROV S.D.

ANTI-DRUG TRAFFICKING ENFORCEMENT IN TAJIKISTAN: INTERNATIONAL CRIMINALISTIC ANALYSIS

The summary. *The article analyzes the efforts of Tajikistan state leadership in ensuring control over illicit traffic in narcotic drugs. The coherence of the state policy of the republic in this area is shown. Attention is paid to the continuous concern of the political elite, law enforcement agencies about the need for improving the efficiency of the fight against the terrible evil – drug abuse, transnational drug crime.*

The research deals the activities of the state to ensure international cooperation with other countries, with the whole world community. International documents are studied including UN Conventions – Single Convention on Narcotic Drugs of 1961 with amendments; Convention on Psychotropic Substances of 1971; Convention against illicit Traffic in Narcotic Drugs and Psychotropic Substances of 1988. Emphasis is placed on the fact that the Republic of Tajikistan takes an active part in the international cooperation within the framework of these Conventions. More than thirty intergovernmental agreements in this area are signed. The signed documents are studied in the article.

The paper presents a historical excursus to the efforts of the state and law-enforcement agencies in the fight against illicit drug trafficking.

Particular attention is paid to the activities of the state and its leadership on the struggle against drug abuse and transnational crime within the framework of the CIS Member Nations. Among other things the results of Summit "Dushanbe-2011" work are given where the Declaration of the heads of the member-states of the Commonwealth of Independent States was adopted. The Declaration was adopted in connection with the 20th anniversary of CIS formation and signed by the Chairman of the Council of Heads of the Commonwealth of Independent States E. Rakhmonov. It sums up the 20-year cooperation and determines the tasks for the future joint efforts. Among them is strengthening of cooperation for the struggle against transnational organized crime and illicit drug trafficking.

The author's conclusions arouse certain interest. They are formed from the perspective of criminalistic science demands, therefore they are particularly valuable.

Key words: *criminalistics; international cooperation; illicit drug trafficking; drug mafia; organized transnational crime; UN Convention; summit; international treaty; agreement; international acts: UN and other international organizations projects; single data bank; law enforcement agencies; coordination of activities to combat drug mafia.*

Борьба с наркоманией во всем мире является весьма актуальной. Не меньшую, а возможно и большую значимость она имеет для Республики Таджикистан [44; 45; 46; 47; 48; 51;]. Все мировое сообщество обеспокоено ситуацией с распространением наркотиков и не медицинским их употребление, особенно среди молодежи. Оно предпринимает значительные усилия по противодействию незаконному обороту наркотических средств. Однако достижение желаемого результата ещё очень далеко. Ярким примером усилий международного сообщества в этой области выступают конвенции ООН. [1; 2; 3;] Среди них особая роль принадлежит следующим: Единая конвенция о наркотических средствах 1961 г. с поправками, внесёнными в неё в соответствии с Протоколом 1972 г.; Конвенция о психотропных веществах 1971 г. и Конвенция о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ 1988 г. Нормы, содержащиеся в названных конвенциях, имеют общесоциальное, международно-правовое, законотворческое и правоприменительное значение. Республика Таджикистан активно участвует в международном сотрудничестве по противодействию незаконному обороту наркотиков. Подписано более 30 межправительственных соглашений в этой сфере.

Можно выделить следующие меры международно-правового значения, принятые

руководством Республики Таджикистан в сфере противодействия криминальному обороту наркотических средств:

1) присоединение к Конвенциям ООН 1961 года [1], 1971 года [2], 1988 года [3] (1995-1996 гг.);

2) принятие Государственных Национальных Программ, определяющих стратегию Таджикистана по контролю за оборотом наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров, контроля за их законным оборотом, профилактики, лечения и реабилитации больных наркоманией (июнь 1996 года, май 1999 года) [8; 10;];

3) Указ Президента Республики Таджикистан «О неотложных мерах по усилению борьбы с незаконным оборотом наркотиков» (апрель 1996 года) [10];

4) создание Государственной Комиссии Республики Таджикистан по контролю за наркотиками (апрель 1996 года);

5) решение о создании «Пояса безопасности» вокруг Афганистана (на Сессии Генеральной Ассамблеи ООН в июне 1998 года);

6) решение об объединении усилий стран мирового сообщества в решении проблем наркотизма в Центрально-Азиатском регионе (на международной конференции в г.Душанбе «Таджикистан против наркотиков» в январе 1999 года);

7) создание Агентства по контролю за наркотиками при Президенте Республики Таджикистан (июнь 1999 года);

8) Указ Президента Республики Таджикистан «Об одобрении проекта Единой Концепции антинаркотиковой Коалиции» (июнь 2003 года) и др. [11; 48].

9) Разработка и принятие национальных законодательных и иных нормативно-правовых актов, постановлений Пленума Верховного Суда республики, формирование стратегий борьбы с наркоманией в выступлениях Президента государства [7; 8; 9; 12; 30] в контексте мировой политики противодействия незаконному обороту наркотических средств.

С 1999 года на территории Республики Таджикистан размещалось 16 Проектов ООН и других международных организаций, из которых более 10 завершены. Их реализация оказала позитивное влияние на эффективность деятельности правоохранительных структур республики и Краснознаменного пограничного управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации в Республике Таджикистан в борьбе с незаконным оборотом наркотиков, их координации и взаимодействия.

Шесть Проектов реализованы или находятся на стадии реализации, среди них отдельно отметим следующие:

1. Проект ООН AD/RER/H24 «Укрепление контроля вдоль таджикско-афганской границы» (апрель 2003 года - апрель 2005 года). Бюджет - 2100000 долларов США (для укрепления технического потенциала, из которых для КПУ ФСБ РФ в РТ - 1020000 долларов США, для правоохранительных органов и силовых структур Республики Таджикистан - 350000 долларов США).

2. Проект ООН AD/TAJ/E24 «Укрепление контроля вдоль таджикско-афганской границы» (июнь 2003 года - декабрь 2005 года). Бюджет 4019000 долларов США (для поддержки правоохранительных органов республики).

Для мониторинга и усиления реализации проектов создана Межведомственная рабочая группа (МРГ) в составе представителей Комитета по охране Государственной границы при Правительстве Республики Таджикистан, Таможенного Департамента Министерства по Государственным доходам и сборам Республики Таджикистан, КПУ ФСБ РФ в РТ, Посольств США, Японии и Великобритании в Республике Таджикистан, Регионального Представительства Управления ООН по наркотикам и преступности в Центральной Азии и Агентства Таджикистана. МРГ утвердила «Концепцию реализации проектов УПН ООН «Укрепление контроля вдоль таджикско-афганской границы» и план работы.

3. Проект ООН AD/TAJ/03/HO3 «Агентство по контролю за наркотиками Таджикистана (АКН-Фаза 2)» (июль 2003 года - декабрь 2005 года). Бюджет 4114100 долларов США. Данный проект является продолжением проекта ООН AD/TAJ/99/D65 «Институционное развитие, разработка стратегии и усовершенствование мер по контролю за наркотиками и борьбе с преступностью в Таджикистане».

В целях оказания содействия в планировании, контроле и проведении обзора процесса реализации проекта создана Международная рабочая группа (МРГ) в составе представителей Правительства Республики Таджикистан,

Посольств США в Республике Таджикистан, Регионального Представительства Управления ООН по наркотикам и преступности в Центральной Азии (УПН ООН) и Агентства. В рамках проекта ООН «Агентство по контролю за наркотиками Таджикистана Фаза-2» состоялась церемония безвозмездной передачи автомобилей и офисной оргтехники, предоставленных Посольством ФРГ в Республике Таджикистан.

4. Проект ООН AD/RER/F23 «Правоохранительные системы по сбору, анализу и обмену оперативной информацией в сфере борьбы с наркотиками» (начат в 2002 году).

Экспертами по информационным технологиям УНП ООН в Центральной Азии произведена установка оборудования, монтаж внутренней компьютерной сети, инсталляция программного обеспечения «ТАИС-ОНТОС» для создания Единого банка данных в:

- Агентстве по контролю за наркотиками при Президенте Республики Таджикистан;
- Министерстве внутренних дел Республики Таджикистан;
- Таможенном Департаменте Министерства по Государственным доходам и сборам Республики Таджикистан;
- Комитете по охране Государственной границы при Правительстве Республики Таджикистан.

Единый банк данных предлагает объединение оперативной и иной информации о преступлениях в сфере незаконного оборота наркотических средств, необходимой для четкого определения маршрутов транспортировки опиатов, проникающих в республику из Афганистана; выявления преступных связей разрабатываемых криминальных групп, связанных с наркотиками; выявления источников финансирования наркогруппировок и их связей с террористическими и экстремистскими организациями.

Создание Единого банка данных способствует созданию системы по мониторингу и анализу наркоситуации в стране и позволяет быстро определять возникшую угрозу и принимать соответствующие меры. Кроме этого повышается осведомленность о распространении наркотиков, что позволяет правоохранительным ведомствам эффективно бороться с незаконной торговлей наркотиками путём проведения совместных мероприятий и специальных операций.

Кроме того, Республика Таджикистан и, прежде всего, Агентство по контролю за наркотиками при Президенте Республики Таджикистан, осуществляет международное сотрудничество с компетентными органами зарубежных государств в рамках антинаркотиковых конвенций ООН, двусторонних и многосторонних межгосударственных соглашений.

Среди многосторонних соглашений в сфере борьбы с незаконным оборотом наркотических средств необходимо назвать следующие:

- Межгосударственная Комиссия Центрально-Азиатского Экономического Сообщества по контролю за наркотиками (МГККН ЦАЭС) (г. Бишкек, 1996 год) Казахстан, Кыргызстан, Узбекистан, Таджикистан;
- «Шанхайский форум» (Шанхай, 1996 год) Казахстан, Китай, Кыргызстан, Российская Федерация, Таджикистан;
- Координационный орган по контролю за наркотиками (КОКН) (июль 1999 год) Казахстан, Кыргызстан, Узбекистан, Таджикистан, Туркменистан, Турция, Пакистан, Афганистан, Азербайджан, Иран;
- группа соседей и друзей Афганистана (ГРУППА 6+2) (Ташкент, июль 1999 год) - Китай, Пакистан, Туркменистан, Таджикистан, Иран, Узбекистан, Российская Федерация, США;
- государств - участников СНГ (Минск, ноябрь 2000 год);
- Стран Центральной Азии, Российской Федерации, Азербайджана, Фонда Ага-Хана по развитию (Душанбе, сентябрь 2001 год).

Среди наиболее значимых двусторонних соглашений в сфере борьбы с незаконным оборотом наркотиков можно назвать:

- Таджикистан - Кыргызстан (г. Бишкек, май 1998 год).
- Таджикистан - Узбекистан (г. Худжанд, май 1999 год).
- Таджикистан - Китай (г. Дальян, август 1999 год).
- Таджикистан - Казахстан (г. Душанбе, июнь 2000 год).
- Таджикистан - Индия (г. Нью-Дели, май 2001 год).
- Таджикистан - Турция (г. Душанбе, ноябрь 2001 год).
- Таджикистан - Иран (г. Душанбе, апрель 2002 год).

- Таджикистан - Франция (г. Париж, декабрь 2002 год).
- Таджикистан - США (г. Душанбе, январь 2003 год).
- Таджикистан - Украина (г. Душанбе, апрель 2003 год).
- Таджикистан - Италия (г. Душанбе, май 2003 год).
- Таджикистан - Польша (г. Варшава, май 2003 год).

Помимо этого сотрудники правоохранительных органов и силовых структур проходили обучение в учебных аудиториях Агентства на курсах и семинарах, организованных при финансовой поддержке Правительства США, Посольства Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии в Республике Таджикистан, управления ООН по наркотикам и преступности, Федеративной полиции Германии, а также на международных конференциях, семинарах, учебных курсах, организованных Федеральным ведомством Криминальной Полиции Германии (БКА), Федеральной Разведывательной Службой Германии (БНД), Администрацией по борьбе с наркотиками США, УПН ООН, Европейским Центром по вопросам безопасности имени Дж. Маршала Федеративной Республики Германии и т.д.

История развития международно-правовых норм, посвященных противодействию незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ, развивалась по следующим этапам:

1) Решения Шанхайской опиумной комиссии, созданной в 1909 году регулировали, главным образом, различные вопросы контроля над легальным оборотом наркотиков, например: введение законодательной регламентации производства опиатов и других наркотиков для медицинских целей; ликвидация опиокурения; пресечение переброски опия-сырца из Китая морским путем.

2) Решения международной конференции, проходившей в Гааге в 1911 году, согласовали меры контроля над применением морфия и кокаина в медицинских целях. Международная конвенция об опиуме, подписанная в Гааге в 1912 году, основывалась на принципах международного контроля над наркотиками.

3) Женевское соглашение 1925 года, которое ввело систему лицензий и обязательную регистрацию торговли наркотиками, а также новые меры контроля за их рынком.

4) Международная конвенция от 13 июля 1931 года «Об ограничении производства и регулировании распределения наркотических средств», с изменениями, внесенными в нее протоколом, подписанным в Лейк Саксесе 11 декабря 1946 года, распространила международный контроль за новыми, главным образом, синтетическими лекарственными средствами, способными вызвать наркоманию. В СССР протокол вступил в силу 1 декабря 1949 года.

5) Международные протокола ООН 1948 и 1953 гг. устанавливали контроль над производством некоторых видов наркотических средств, ограничивала и регламентировали культивирование опийного мака, а также производство из него опиума, международную оптовую торговлю и пользование опиатами, исходя из потребностей медицины и науки.

6) Единая конвенция ООН о наркотических средствах 1961 года, Конвенция ООН о психотропных веществах 1971 года. Конвенция ООН о борьбе с незаконным оборотов наркотических средств и психотропных веществ 1988 года устанавливали международные стандарты в области контроля за наркотическими средствами, их прекурсорами и противодействия наркопреступности.

Международные документы примечательны также тем, что они учреждали специализированные структурные звенья для координации рассматриваемой деятельности в международном масштабе. Например, в соответствии с Единой конвекцией о наркотических средствах 1961 года для координации противодействия незаконному обороту наркотических средств был учреждён Международный комитет по контролю за наркотиками. Кроме того в 1971 году Генеральная Ассамблея ООН приняла решение об учреждении фонда ООН по контролю за наркотиками. В 1972 году в Женеве был образован Центр подготовки специалистов по борьбе с наркотиками.

Особо следует отметить, что идею комплексного системного подхода к правовому обеспечению противодействия незаконному обороту наркотических средств продемонстрировала Единая конвенция ООН 1961 года. В ст. 36, например, декларировалась наказуемость культивирования, производства,

изготовления, извлечения, приготовления, хранения, предложения с коммерческими целями, распределения, покупки, продажи, доставки на любых условиях, маклерства, отправки, переотправки транзитом, перевозки, ввоза и вывоза наркотических средств и любых иных действий, произведенных в нарушение требований Конвенции. Тем самым были созданы предпосылки для криминализации национальным уголовным законодательством наиболее распространенных деяний, связанных с незаконным оборотом наркотиков. При этом в п. 4 ст. 36 отмеченного документа говорилось, что конкретные составы преступлений, связанные с наркотиками, прерогатива внутреннего национального законодательства.

Абсолютное большинство стран последовали рекомендациям ООН, установив уголовную ответственность за преступления, связанные: а) с производством; б) с хищением; в) с приобретением и продажей; г) с транспортировкой; д) с потреблением наркотических средств и склонением к их потреблению.

Проблемным оказался лишь вопрос о криминализации потребления наркотических средств. Вокруг него и в современных условиях продолжается дискуссия.

Перечисленные международные акты в силу своего содержательного аспекта, а также систематизации правовых норм привлекли внимание законодателей в разных странах, в том числе и в странах СНГ, Здесь проявилось несколько тенденций относительно адаптации правовых положений вышеуказанных международно-правовых документов, Так, в Российской Федерации, Белоруссии, Казахстане и Киргизии были приняты законодательные акты, которые регулировали как оборот наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, так и противодействие их незаконному обороту. На Украине же было принято несколько законодательных актов, в частности пакет правовых документов, который регулировал:

а) оборот наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов и прекурсоров;
б) меры противодействия незаконному обороту наркотических средств, прекурсоров и злоупотребления ими;
в) уголовно-правовые меры, устанавливающие ответственность и наказуемость за ряд деяний, связанных с наркотическими средствами, психотропными веществами и прекурсорами. С учетом названных поправок в УК Украины был скорректирован и ряд положений уголовно-процессуального кодекса;
г) административно-правовые меры противодействия незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров.

Поскольку ряд бывших республик Союза ССР вошли в состав СНГ, то Межпарламентской ассамблеей стран СНГ была предпринята попытка обобщить нормотворческую деятельность в этой области, подготовив и приняв на этой основе рекомендательные законодательные акты по рассматриваемым вопросам.

Содружество Независимых Государств (СНГ) создано в декабре 1991 года. В настоящее время в СНГ входят: Азербайджанская Республика, Республика Армения, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Киргизская Республика, Республика Молдова, Российская Федерация, Республика Таджикистан, Республика Узбекистан, Украина и Туркменистан в качестве ассоциированного члена. СНГ не является надгосударственным образованием и функционирует на добровольной основе. Это региональная международная организация (международный договор), призванная регулировать отношения сотрудничества между странами, ранее входившими в состав СССР. Площадь СНГ около 22,1 млн. км2, население – около 272 млн. человек. Это первая интеграционная структура на постсоветском пространстве и крупнейшее в рамках бывшего СССР. За двадцать лет существования СНГ сложилась существенная законодательная основа взаимодействия и сотрудничества государств, входящих в его состав, в основе которых – Алма-Атинская Декларация 1991 года [5].

Данная декларация обеспечила признание независимости границ постсоветских государств и способствовала становлению суверенных независимых государств, составляющих СНГ.

Содружество, в современных условиях, пожалуй, единственное в своем роде база многостороннего сотрудничества государств, по существу во всех областях. Благодаря СНГ торгово-экономические отношения были переведены на рыночную основу, налажены

постоянный политический диалог, организованно сотрудничество в укреплении безопасности и стабильности, в гуманитарной сфере и, что для нас очень важно, - в контроле за незаконным оборотом наркотических средств.

Все чаще раздаются голоса о том, что за СНГ – будущее [18; 21; 23; 32; 43; 49; 53; 57; 64; 68; 69; 73; 75; 76; 80; 84; 85; 90; 92; 101; 109; 112; 113; 114; 115; 120; 121].

В контексте интересующей нас темы, можно привести пример Саммита: «Душанбе-2011», государств СНГ, который состоялся в начале сентября 2011 года в столице Республики Таджикистан г. Душанбе и был посвящен двадцатилетнему юбилею создания Сотрудничества. На Саммите были подведены итоги сотрудничества государств СНГ за 20 лет в областях экономики, политики, гуманитарной сферы, межпарламентской деятельности.

Специально обсуждается вопрос о сотрудничестве в сфере борьбы с преступностью и укрепления безопасности. В Заявлении глав государств-участников Содружества Независимых Государств в связи с 20-летием образования СНГ, принятом 3 сентября 2011 г. в городе Душанбе и подписанном Председателем Совета глав государств Содружества Независимых Государств Э. Рахмоном, прямо отмечено: «В целях надлежащего обеспечения безопасности граждан мы будем и впредь укреплять сотрудничество в борьбе с терроризмом и иными насильственными проявлениями экстремизма, транснациональной организованной преступностью, незаконной миграцией и торговлей людьми, незаконным оборотом наркотиков (выделено автором – С.З.), последствиями техногенных катастроф и стихийных бедствий» [111].

Оценивая весь состоявшийся в истекшее два десятилетия процесс законодательного регулирования в странах СНГ противодействия незаконному обороту наркотических средств, следует указать на основные закономерности, свойственные принятым на постсоветском пространстве законодательным актам антинаркотической направленности

Во-первых, внимание акцентируется на том, что противодействие незаконному обороту наркотических средств должно быть соответствующим образом организовано, то есть необходимы органы, компетентные вести борьбу с этим явлением. Они вправе иметь определенные для этого полномочия, их работа должна планироваться на основе программ федерального и регионального уровня и ведения общенациональных специализированных банков данных. Работу по противодействию незаконному обороту наркотиков следует строить во взаимодействии всех заинтересованных компетентных органов, а в роли координатора должны выступать Генеральная (Национальная) прокуратура и Правительство, а в ряде республик СНГ - специализированный государственный орган по контролю за наркотиками. Практически во всех национальных законах устанавливается надзор за противодействием незаконному обороту наркотиков.

Во-вторых, законодательное регулирование противодействия незаконному обороту наркотических средств в странах СНГ отводит значительную роль в этой деятельности оперативно-розыскным мероприятиям, обеспечивающим выявление, раскрытие и пресечение преступной деятельности наркодельцов. Несмотря на то, что в этих странах приняты оперативно-розыскные законы, национальные антинаркотические правовые документы детально регламентируют подготовку и осуществление таких оперативно-розыскных мероприятий, как контролируемая поставка, контрольная закупка, подчёркивая, что они в комплексе с иными оперативно-розыскными мерами должны обеспечивать результативность противодействия наркобизнесу [25; 29; 36; 37; 38; 39; 40; 41; 42; 63; 89; 93].

В-третьих, в законодательных актах стран СНГ, посвящённых противодействию незаконному обороту наркотических средств, уделяется внимание ряду административно-правовых процедур, призванных обеспечить своевременное распознание потребителей наркотиков, установление за ними наблюдения и контроля (медицинское освидетельствование лиц, злоупотребляющих наркотиками, их учёт, наблюдение, административный надзор и т.п.) [14; 16; 17; 26; 27; 31; 50; 52; 56; 58; 59; 62; 67; 86; 87; 100; 102, с. 111-112; 103; 105; 107; 116; 117; 118; 119].

Проведенное изучение проблемы определения механизма противодействия незаконному обороту наркотических средств позволяет выделить следующие принципиально важные моменты.

Механизм противодействия криминальному

наркообороту представляет собой комплекс взаимосвязанных функций правоохранительной направленности, содержанием которых являются соответствующие средства и методы воздействия на наркопреступность. Субъекты этих функций определяются в организацонно-правовом порядке, что в итоге создает и модернизирует модель анализируемого механизма. Результативность же работы рассматриваемого механизма в свою очередь предопределяется мерами, которые носят как общегосударственный, так и международный характер.

Для оптимального противодействия незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров важно, во-первых, наличие в национальном законодательстве материальных норм, определяющих виды правонарушений, связанных с указанными средствами и веществами, и их дифференциация с учетом степени общественной опасности на преступления и административные правонарушения. Во-вторых, определение видов и регламентация нормативно-правового статуса тех государственных органов, в компетенцию которых входит противодействие незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров. В-третьих, правовое регулирование тех функций административной и уголовной юстиции, которые обеспечивают расследование преступлений и иных правонарушений, связанных с наркотиками.

Данные положения бесспорны, однако проблемным остается вопрос о форме законодательной регламентации указанных трех аспектов противодействия незаконному обороту наркотиков и иных веществ, изъятых из гражданского оборота вследствие их негативного воздействия на здоровье человека. Так, в СССР имелась четкая регламентация материальных, процессуальных и административно-управленческих положений, направленных на борьбу с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ. Особенностью рассматриваемой регламентации было то, что она опиралась на систему действующего в тот период законодательства, которое охватывало кодифицированные материальные и процессуальные нормы, а также имело в своей структуре законодательные и подзаконные акты, регулировавшие управление административно-политической сферой, куда входило управление безопасностью и внутренними делами. Современное законодательство Республики Таджикистан и многих других стран СНГ стало обновляться с опорой на эти традиции, что позволило обеспечить в правовом плане механизм противодействия незаконному обороту наркотиков [6; 13; 14; 15; 17; 19; 20; 24; 27; 33; 65; 70; 71; 72; 78; 91; 94; 97; 108; 110; 117].

Кроме того, важно подчеркнуть, что сегодня, сформировав в целом антинаркотическое законодательство, в том числе предусматривающее основания ответственности за его нарушения, государство встает перед дилеммой. Она состоит в том, какую правовую политику в этой области проводить дальше: ужесточать уголовно-правовые и административно-правовые меры или проводить либерализацию в этой области. Вероятно, что здесь важно рациональное определение полномочий правоохранительных органов по борьбе с незаконным оборотом наркотиков и разумное устройство этих органов, что должно позволять им надлежащем образом решать задачи выявления, раскрытия и расследования наркопреступлений. В связи с этим важно совершенствование уголовно-процессуального и оперативно-розыскного законодательства. Актуальным является и осуществление иных правовых мер, позволяющих оказывать медицинскую и социальную помощь больным наркоманией. Все эти меры должны быть предельно сбалансированы и учитывать наркоситуацию в обществе. Механизм противодействия незаконному обороту наркотиков имеет в своей основе моделирование различного рода программ антинаркотической направленности, однако их реализация требует надлежащего ресурсного, кадрового и иного обеспечения.

Государственная политика и общественное мнение по отношению к наркотикам и наркопотреблению существенно различалась и различается до сих пор в зависимости от государства: от терпимости и даже благожелательности до полного неприятия, запрета и преследования (прогибиционизм). История знала и вполне мирное сосуществование общества и наркотиков, и антагонизм вплоть до сражений («опийные войны» в Китае, военные действия США против латиноамериканских наркобаронов). В настоящее время в цивилизованном мире наблюдается постепенный переход от политики «война с наркотиками» («War on Drugs») к

политике «меньшего вреда» («Harm reduction»). Об этом говорится в докладе Национальной Комиссии США по уголовной юстиции, в трудах учёных и выступлениях политиков. Наиболее последовательно по этому пути пошли Нидерланды, Швейцария, Великобритания, Австралия. «Третий путь» - сочетание запрета с активной антинаркотической пропагандой, социальной и медицинской помощью наркоманам – избрала Швеция [83].

К сожалению, Таджикистан пока идёт «своим путём», пренебрегая как зарубежным, так и своим собственным опытом. Усиление запрета и репрессий, подмена реальной антинаркотической деятельности очередным приступом «усиления борьбы» лишь ухудшает ситуацию. Кроме этого важной негативной детерминантой является влияние соседнего Афганистана и, как ни странно это прозвучит, США с их так называемой «антитеррористической операцией» при практически открытой поддержке наркопреступности.

Таджикистан имеет общую протяженную границу с Афганистаном (более 1 300 км). В результате транзита афганских наркотиков в республике начало увеличиваться количество лиц больных наркоманией, преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков и задача борьбы с этими негативными явлениями приобретает все большое значение.

Кроме того, незаконный оборот наркотиков создаёт благоприятную основу для совершения многочисленных преступлений, особенно транснационального характера, а также для распространения терроризма и экстремизма, и поэтому сегодня вызывает тревогу и озабоченность человечества [1; 14; 22; 28; 34; 35; 47; 51;55; 60; 61; 66; 74; 77; 79; 81; 82; 88; 94; 95; 96; 98; 99; 105; 106].

В конце 90-х годов двадцатого века Таджикистан присоединился к антинаркотиковым Конвенциям ООН 1961, 1971, 1988 годов и вошел в мировую систему противодействия наркотикам.

В декабре 1999 г. был принят Закон Республики Таджикистан «О наркотических средствах, психотропных веществах и прекурсорах».

В 1996-2007 годах в республике были реализованы три Национальные Государственные программы, которые определили стратегию борьбы с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, контроля за их оборотом, профилактики наркомании, лечения и реабилитации наркозависимых. Постановлением Правительства Республики Таджикистан за № 585 от 30 ноября 2007 года была утверждена новая «Единая государственная целевая программа профилактики наркомании и противодействия незаконному обороту наркотиков в Республике Таджикистан на 2008 - 2012 годы».

В результате этого, за прошедшие десять лет (с 2000 по 2009 годы) на территории Таджикистана было изъято более 64 тонн наркотиков, в том числе 30 тонн героина [54].

Правоохранительными органами Таджикистана в 2009 году из незаконного оборота изъято свыше 4 тонны 570 килограмм наркотиков, в том числе 1 тонна 132 килограмм героина, 1 тонна 66 килограмм опия и 2 тонны 372 килограмм наркотиков каннабисной группы. Причём на долю сотрудников МВД Республики Таджикистан приходится практически половина всего изъятого в 2009 году (каннабиса – 1 тонна 335 килограмм, опия-сырца – 415 килограмм, героина 448 килограмм, всего наркотиков более 2 тонн 198 килограмм).

Таким образом, можно сказать, что Таджикистан играет роль щита, ограждающего Россию и Европу от наркотиков, произведенных в Афганистане. В 2000 г. на долю Таджикистана приходилось 58% от всего объема афганских наркотиков, конфискованных в Центральной Азии. К 2004 г. доля Таджикистана возросла до 91%.

Кроме того, в последние годы правоохранительными органами Таджикистана пресечена деятельность ряда транснациональных наркогруппировок, в состав которых входили граждане ЮАР, Филиппин, Уганды, Афганистана, Турции, России, Украины и стран Центральной Азии.

Таджикистан не является страной - производителем синтетических наркотиков, однако в силу своего геополитического расположения и наличия почти полутора тысячной границы с Афганистаном со сложными природно-климатическими условиями, превратился в один из главных барьеров на пути их транзита в СНГ, Европу, Америку и другие континенты и регионы мира. Вполне очевидно, что в деле борьбы с транснациональными организованными наркогруппировками усилиями только одного государства, каким бы мощным оно ни было, добиться ощутимых результатов практически

невозможно. Поэтому одно из ключевых условий организации эффективного противодействия наркоугрозе является создание многоуровневой системы международного сотрудничества.

С целью расширения международного сотрудничества в области противодействия наркотикам, Таджикистан ещё в 1995-1996 годах присоединился к конвенциям ООН о наркотических средствах, о психотропных веществах и о борьбе с наркотическими средствами и психотропными веществами [4].

Кроме того, с целью укрепления антинаркотического сотрудничества наша страна ратифицировала 27 межправительственных соглашений, в рамках которых ведётся активная борьба с незаконным оборотом наркотиков.

Также правоохранительные органы Таджикистана являются активными участниками всех региональных и международных операций против угроз современного мира, в том числе – незаконного оборота наркотиков.

Так, правоохранительные органы Республики Таджикистан с 2003 года принимают активное участие в ежегодной международной комплексной оперативно-профилактической операции «Канал», которая проводится в соответствии с решением глав государств-участников Организации Договора о коллективной безопасности, куда входят Армения, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Россия, Таджикистан, Узбекистан. В операции также в качестве наблюдателей принимают участие 15 стран мира.

По данным Международного координационного штаба по проведению операции «Канал-2008» на территории государств - членов ОДКБ из незаконного оборота было изъято 2 тонны 157 кг наркотических средств, в том числе 1 197,943 кг героина и 959 кг опия, из которых 48,7% героина и 35% опия-сырца приходится на долю правоохранительных органов и пограничных войск Республики Таджикистан.

Ещё в 1998 году, Президент Таджикистана Э.Рахмон на специальной сессии Генассамблеи ООН по вопросам борьбы с наркотиками о позиции Таджикистана и мерах, принимаемых им в области борьбы с наркотическими веществами, предложил создать вокруг Афганистана «пояс безопасности».

Наряду с этим, с целью расширения международного сотрудничества, в 1999 году в Душанбе впервые была проведена международная конференция по проблемам борьбы с наркотиками, в ходе которой были серьёзно проанализированы пути решения проблем, связанных с производством, контрабандой и распространением наркотиков в регионе Центральной Азии.

В последнее время, руководители правоохранительных органов России выдвигают инициативу о создании единой антинаркотической коалиции для противодействия транснациональной наркопреступности, исходящей из Афганистана и оказания помощи Правительству и народу Афганистана в искоренении опийных посевов.

Необходимо отметить, что еще в 1999 году Таджикистан разработал, утвердил и представил странам-членам СНГ, влиятельным международным организациям и другим региональным структурам Концепцию единой антинаркотической коалиции, цель которой заключается в принятии действенных мер в области борьбы с наркотиками, защиты границ стран от их контрабанды, оказания гуманитарной помощи, восстановления и модернизации экономики Афганистана.

С целью претворения в жизнь целей и задач единой антинаркотической коалиции, Президент Таджикистана Э.Рахмон, выступая с трибуны 52-й сессии Генассамблеи ООН, вновь призвал международное сообщество к налаживанию глобального сотрудничества в деле противостояния угрозе наркотиков.

В целях повышения эффективности борьбы с транснациональной организованной преступностью в сфере незаконного оборота наркотиков и взаимодействия с правоохранительными органами Исламской Республики Афганистан Агентством по контролю за наркотиками при Президенте Республики Таджикистан активно используется институт офицеров связи.

Только в 2008 году офицерами связи АКН в северных провинциях Афганистана (Бадахшан, Тахор, Кундуз, Балх), граничащих с Республикой Таджикистан, проведены 46 совместных операций, в результате которых из незаконного оборота изъято 2 тонны 886 кг 050 гр наркотических средств, 25 единиц огнестрельного оружия, пусковая установка реактивных снарядов с 14 снарядами, 5 взрывных устройств с дистанционным управлением, 10 кг тротила, большое количество снарядов и боеприпасов, уничтожены 8 нарколабораторий,

задержан 81 гражданин Исламской Республики Афганистан и освобождены 2 граждан Республики Таджикистан, находившийся в качестве заложника [54].

Результатом одной из операций стало уничтожение 2 нарколабораторий, на территории которых изъято: 166 кг героина, 16 кг опий-сырца, 1000 литра жидкого опия со смесью кислоты уксусного ангидрида, 26 кг семян опийного мака, 132 кг прекурсоров, 2 ствола АКМ с 6 магазинами, 2 аппарата для выжимки опия.

Афганистан постепенно в течение последних десятилетий становился мировым лидером по производству опиатов. По официальным данным ООН в прошлом году объем производства опия составил более 6900 тонн. Причиной такой высокой урожайности являются благоприятные погодные условия, а также хорошая орошаемость маковых полей. По данным УНП ООН из этого количества 2800 тонн экспортируется, 3800 тонн идет на переработку в героин. От общего количества произведенных в Афганистане наркотиков определенная часть контрабандным способом перемещается в страны СНГ и Европу по «Северному маршруту», проходящий через Таджикистан, Узбекистан и Туркменистан.

Так, согласно данным УНП ООН, основными маршрутами оборота наркотиков из Афганистана в другие страны являются: Афганистан-Иран-Республики Закавказья - Российская Федерация; Афганистан-Иран-Турция-Украина-Российская Федерация; Афганистан-Иран-Азербайджан-Российская Федерация.

Как отметил директор АКН Таджикистана генерал-лейтенант милиции Р. Назаров «В прошлом году 83% произведенных в Афганистане наркотиков прошли через территорию Ирана» [122].

Основные потоки контрабандных наркотиков через афганско-таджикскую границу идут по трем направлениям: западное — через пограничную с Афганистаном реку Пяндж, недалеко от населенных пунктов Хамадони (бывший Московский) и Шуроабад, и два восточных маршрута — в Горно-Бадахшанской АО по труднодоступным тропам в г. Хорог и далее по автодороге в Мургаб и более протяженной дороге Хорог – Ишкаш – Мургаб). По транзиту и изъятию опиатов из Афганистана в Россию и наркотиков в целом Таджикистан занимает первое место не только среди среднеазиатских стран СНГ, но и всех государств, поставляющих наркотики в Российскую Федерацию.

На западном направлении при переправке наркотиков через реку Пяндж афганские контрабандисты используют надувные лодки и самодельные плавсредства. Груз, как правило, сопровождается вооруженной охраной, и не редко на этом участке границы возникают вооруженные столкновения с таджикскими пограничниками. Еще сложнее ситуация на восточных горных участках границы. Здесь выделяется автодорога Хорог-Мургаб, идущая далее через горы в административный центр Ошской области Киргизии г. Ош. На юго-восточном участке границы Таджикистана с Афганистаном используется также ряд других мест для перехода на таджикскую территорию. Горные народы, населяющие Памир, не знают, как правило, языков друг друга, а иногда и таджикского языка (дари). Их разобщенность облегчает деятельность наркотрафикантов. Контрабандистами нередко используется способ переправки наркотиков без личных контактов с получателем, когда «товар» на территорию Таджикистана и оставляется в условном месте, а деньги за наркотики передаются по другим каналам. В случаях, когда оплата за поставленные наркотики своевременно не производится, афганские наркокотрабандисты берут в заложники членов семьи получателя.

Одним из путей сокращения объёмов производства наркотических веществ являются разработка и реализация программы альтернативного развития сельскохозяйственной отрасли и восстановления экономики Афганистана, а также осуществление коллективных мер по созданию постоянных рабочих мест и решению на этой основе социальных проблем его народа. Хотя этот вопрос неоднократно обсуждался на разных уровнях в авторитетных организациях, тем не менее, меры по его реализации оказались пока малоэффективными.

По словам таджикистанского министра иностранных дел Хамрохона Зарифи, для решения афганской проблемы необходимо разработать эффективную стратегию по восстановлению экономики Афганистана. «Проблемы Афганистана не имеет исключительно военного решения», - заявил он на конференции по афганской проблематике в Лондоне 28 января 2010 года [123].

Зарифи отметил, что строительство средних и

крупных гидроэлектростанций в Таджикистане, а также восстановление и развитие ирригационной системы даст возможность обеспечить орошение миллионов гектаров афганских земель, создать рабочие места в Афганистане, а также производить электричество, которое имеет жизненно важное значение для социально-экономического развития в соседней стране.

Другим немаловажным фактором развития афганской экономики Зарифи назвал строительство автотрассы и железной дороги из Таджикистана в Иран и Пакистан через Афганистан. Кроме того, глава таджикистанского МИД одним из основных элементов экономической реабилитации соседней страны отметил прокладку газового трубопровода и железнодорожной линии между Таджикистаном и Туркменистаном через Афганистан. По его мнению, реализация этих целей является ключевым фактором мира и стабильности в Центральной Азии, а также развития регионального сотрудничества.

Подводя итоги данной статьи необходимо отметить, что реально оценивая исходящую с территории Афганистана угрозу, Таджикистан выдвинул ряд собственных антинаркотических инициатив:

- О создании «Пояса безопасности» вокруг Афганистана на Сессии генеральной Ассамблеи ООН (июнь 1998 г.);
- Об объединении усилий стран мирового сообщества в решении проблем наркотизма в Центрально-Азиатском регионе на международной конференции в г. Душанбе, «Таджикистан против наркотиков» (январь 1999 г.);
- О создании Агентства по контролю за наркотиками при Президенте Республики Таджикистан (июнь 1999 г.);
- О создании Антинаркотиковой коалиции (июнь 2003 г.)
- О создании Антинаркотического центра ШОС на базе Агентства по контролю за наркотиками при Президенте Республики Таджикистан на Саммите Глав государств-членов и наблюдателей ШОС в г. Душанбе (август 2008);
- О создании в городе Душанбе специализированных учебных центров для подготовки и переподготовки сотрудников правоохранительных органов, осуществляющих борьбу с незаконным оборотом наркотиков, кинологов и дрессировки служебных собак по поиску наркотиков на «Международной конференции по управлению границами и борьбе с незаконным оборотом наркотиков», г. Душанбе (октябрь 2008 г.).

Кроме этого, Таджикистан активно участвует в международном сотрудничестве по противодействию незаконному обороту наркотиков. В частности, подписано более 30 межправительственных соглашений в этой сфере. С 1999 года на территории Республики Таджикистан размещалось 16 Проектов ООН и других международных организаций, из которых более 10 завершены. Помимо этого Республика Таджикистан и, прежде всего, Агентство по контролю за наркотиками при Президенте Республики Таджикистан, осуществляет международное сотрудничество с компетентными органами зарубежных государств в рамках антинаркотиковых конвенций ООН, двусторонних и многосторонних межгосударственных соглашений.

И, наконец, стоит отметить, что государственная политика и общественное мнение по отношению к наркотикам и наркопотреблению существенно различалась и различается до сих пор в зависимости от государства: от терпимости и даже благожелательности до полного неприятия, запрета и преследования (прогибиционизм). Также в некоторых государствах придерживаются сочетания запрета с активной антинаркотической пропагандой, социальной и медицинской помощью наркоманам. Позиция государственных органов Республики Таджикистан в данный момент находится на стадии активной выработки стратегии противодействия незаконному обороту наркотических средств с учётом имеющегося зарубежного опыта и при тесном сотрудничестве с правоохранительными органами всех заинтересованных государств.

Список литературы

1. Единая конвенция о наркотических средствах 1961 года с поправками, внесенными в нее в соответствии с протоколом 1972 года о поправках к Единой конвенции о наркотических средствах 1961 года (с изменениями от 25 марта 1972 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://legalnorms.ru/zakonodatelstvo/93-edinaja-konventsija-o-narkoticheskih-sredstvah-1961-g
2. Конвенция о психотропных веществах (заключена в г. Вене 21.02.1971) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами, Вып. XXXV. – М., 1981. – С. 416-434.
3. Конвенция о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ 1988 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://zakon.kuban.ru/nd2/2002-2/k201288.shtml
4. Конвенция Организации Объединенных Наций о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ (заключена в г. Вене 20.12.1988) // Сборник международных договоров СССР и Российской Федерации. Вып. XLVII. – М., 1994. – С. 133-157.
5. Алма-Атинская декларация от 21 декабря 1991 года // Дипломатический вестник. – 1992. – № 1. – С. 7.
6. Всемирный Доклад ООН о наркотиках за 2010 год // Наркоконтроль. – 2010. – № 3. – С. 26-34.
7. Уголовный кодекс Республики Таджикистан // Права человека: Электронный учебник / Сост. А.М. Диноршоев, Б.А. Сафаров, Д.С. Сафаров. – Душанбе, 2011.
8. Закон Республики Таджикистан от 10 декабря 1999 г. № 873 «О наркотических средствах, психотропных веществах и прекурсорах» (в редакции Закона Республики Таджикистан от 10.05.2002 г. №37) // Права человека: Электронный учебник / Сост. А.М. Диноршоев, Б.А. Сафаров, Д.С. Сафаров. – Душанбе, 2011.
9. Закон Республики Таджикистан «О наркологической помощи» от 5 ноября 2003 г. // Права человека: Электронный учебник / Сост. А.М. Диноршоев, Б.А. Сафаров, Д.С. Сафаров. – Душанбе, 2011.
10. Указ Президента Республики Таджикистан от 12 апреля 1996 года «О неотложных мерах по усилению борьбы с незаконным оборотом наркотических веществ» // Права человека: Электронный учебник / Сост. А.М. Диноршоев, Б.А. Сафаров, Д.С. Сафаров. – Душанбе, 2011.
11. Указ Президента Республики Таджикистан от 25 июня 2003 г. «Об одобрении проекта Единой Концепции антинаркотиковой Коалиции» // Права человека: Электронный учебник / Сост. А.М. Диноршоев, Б.А. Сафаров, Д.С. Сафаров. – Душанбе, 2011.
12. Постановление Пленума Верховного суда Республики Таджикистан от 12 декабря 2002 г. № 5 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными веществами или прекурсорами» // Права человека: Электронный учебник / Сост. А.М. Диноршоев, Б.А. Сафаров, Д.С. Сафаров. – Душанбе, 2011
13. Аврутин Ю.Е., Гуляев А.П., Егоршин В.М., Сальников В.П., Шапиев С.М. Преступность, общество, государство: проблемы социогенезиса. Опыт междисциплинарного теоретико-прикладного исследования / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб., 2002.
14. Александров Р.А., Горбашев В.В., Ильичев В.В., Кондрат И.Н. Терроризм и наркобизнес: финансово-экономическая обусловленность // Правовое поле современной экономики. – 2011. – № 3. – С. 28-30.
15. Александров Р.А. Наркобизнес – угроза национальной безопасности России. – М., 2006.
16. Александров Р.А. Проблемы противодействия наркобизнесу в Российской Федерации / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб., 2005.
17. Александров Р.А. Противодействие наркобизнесу в системе обеспечения национальной безопасности России / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб., 2007.
18. Алиев И. Азербайджан – самостоятельная, независимая страна, имеющая свои интересы и приоритеты // Мир Содружества: Специальный выпуск. Декабрь 2011. – С. 40-41.
19. Алиев Я.Л., Сальников П.П. Международная правоохранительная деятельность и полицейские традиции России // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – №8. – С. 130-150.
20. Антонян Ю.М., Князев В.В. Борьба с незаконным оборотом наркотиков за рубежом. – М., 1999.
21. Атамбаев А. Высокое место страны // Мир Содружества: Специальный выпуск. Декабрь 2011. – С. 48-49.
22. Баликоев В.З. Ваххабиты: кто они и чего добиваются? // Советская Сибирь. – 2007. – № 179.
23. Бердымухамедов Г. Новая эра Туркменского народа // Мир Содружества: Специальный выпуск. Декабрь 2011. – С. 56-57.
24. Булатов Р.М., Шеслер А.В. Криминологическая характеристика и профилактика преступности, связанной с незаконным оборотом наркотических средств. – Казань, 1999.
25. Бухаров Н.Н., Захарцев С.И., Рохлин В.И., Федоров А.В., Шахматов А.В. Прослушивание телефонных разговоров в оперативно-розыскной деятельности / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2005. – 128 с.

26. Васильев А.И., Сальников В.П., Степашин С.В. Наркомания в армии (социологический анализ). – СПб., 1999.
27. Верещагин В.А. Наркотизация населения на территории Российской Федерации / Под ред. Л.М. Исаевой. – М., 2005.
28. Викторов Г.В. Терроризм и экстремизм: к вопросу о совершенствовании механизма пресечения каналов финансирования // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 9. – С. 121-125.
29. Винниченко Н.А., Захарцев С.И., Рохлин В.И. Правовая регламентация использования оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2004. – 196 с.
30. Выступление Президента Республики Таджикистан Эмомали Рахмона по случаю 10-летия со дня создания Агентства по контролю за наркотиками при Президенте Республики Таджикистан 30 мая 2009 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.president.tj
31. Глобальная угроза безопасности России: незаконное распространение наркотиков: Учебное пособие. – СПб., 2000.
32. Густов В.А. В поисках интеграционных приоритетов // Мир Содружества: Специальный выпуск. Декабрь 2011. – С. 30-31.
33. Гуцериев Х.С., Сальников В.П., Степашин С.В., Федоров В.П., Худяк А.И. Человек и правоохранительная деятельность: Научное издание / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб: Фонд «Университет», 2000.
34. Дикаев С.У. Терроризм и преступления террористического характера (опыт системного анализа): Монография / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2004.
35. Дикаев С.У. Террор, терроризм и преступления террористического характера (криминологическое и уголовно-правовое исследование). – СПб.: Юридический цент Пресс, 2006. – 464 с.
36. Евстратиков Б.М., Захарцев С.И., Медведев В.Н., Сальников В.П. Оперативно-розыскные мероприятия на каналах связи (правовой анализ) / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2005.
37. Захарцев С.И. Диалектический метод в оперативно-розыскной деятельности // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 7. – С. 62-69.
38. Захарцев С.И. Наука оперативно-розыскной деятельности: философский, теоретико-правовой и прикладной аспекты. – СПб.: СПбГУ, 2011. – 264 с.
39. Захарцев С.И. Оперативно-розыскные мероприятия в России и за рубежом: Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2003. – 256 с.
40. Захарцев С.И. Оперативно-розыскные мероприятия: Общие положения. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. – 159 с.
41. Захарцев С.И., Игнащенков Ю.Ю., Сальников В.П. Оперативно-розыскные мероприятия в XXI веке. – СПб.: Фонд «Университет», 2006. – 320 с.
42. Захарцев С.И., Медведев В.Н. Снятие информации с технических каналов связи: правовые вопросы / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2004.
43. Захарцев С.И., Чабукиани О.А. Оперативно-розыскные мероприятия и следственные действия: понятия и соотношение. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2010. - 268 с.
44. Зоиров Д.М., Колокольцев В.А. Организационно-правовой механизм обеспечения национальной и коллективной безопасности стран-участников СНГ // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2003. – № 1(17). – С. 111-117.
45. Зоиров Д.М., Рахимов Р.Х. Противодействие незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ в Республике Таджикистан: Монография. – Душанбе: Ирфон, 2005.
46. Зоиров Д.М., Сальников М.В. Национальная политика СССР как фактор формирования постсоветского геополитического пространства // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2002. – № 3(15). – С. 80-85.
47. Зоиров С.Д. Криминалистическая характеристика преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств в Республике Таджикистан // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 7. – С. 133-141.
48. Зоиров С.Д. Организация предупреждения незаконного оборота наркотических средств подразделениями МВД Республики Таджикистан // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 2. – С. 134-140.
49. Зоиров С.Д. Противодействие незаконному обороту наркотических средств в Таджикистане: международно-правовые аспекты // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 8. – С. 156-160.
50. Зоиров С.Д. Расследование преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств: некоторые особенности организации и проведения обыска // Мир политики и социологии. – 2012. – № 8. – С. 127-129.
51. Зоиров С.Д. Типичные следственные ситуации по уголовным делам о незаконном обороте наркотических средств // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 8. – С. 88-93.
52. Зоиров С.Д. Уголовная ответственность за незаконный оборот наркотических средств в Таджикистане и России:

сравнительно-правовой анализ // Мир политики и социологии. – 2012. – № 7. – С. 35-38.
53. Иванов В.П. О наркоситуации в Российской Федерации // Наркоконтроль. – 2008. – № 3.
54. Интеграция. К союзу равных // Мир Содружества: Специальный выпуск. Декабрь 2011. – С. 66-77.
55. Интервью полномочного представителя Агентства по контролю за наркотиками при президенте Республики Таджикистан в Центральноазиатском региональном информационном координационном центре (ЦАРИКЦ) генерал-майора Шеравлиё Мирзоавлиеева, 10.02.2010 г.
56. Исмагилов Р.Ф., Карагодов А.В., Сальников В.П. Межнациональный конфликт: понятие, динамика, механизм разрешения / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб., 2003.
57. Калашников О.Д. Особенности профилактики наркомании и правонарушений среди несовершеннолетних и молодежи на территории Нижегородской области // Система профилактики преступности: современное состояние, проблемы и перспективы развития: Матер. всерос. науч.-практ. конф., г. Санкт-Петербург, 20-21 октября 2011 года. Ч. 1. – СПб., 2011.
58. Каримов И. Традиции великого шелкового пути продолжаются // Мир Содружества: Специальный выпуск. Декабрь 2011. – С. 58-59.
59. Каширин Р.М. К вопросу о содержании определения «наркомания» // Юридическая наука: история и современность. – 2011. – № 2. – С. 104-107.
60. Каширин Р.М. Проблемы квалификации преступлений, связанных с незаконным оборотом аналогов и прекурсоров наркологических средств и психотропных веществ // Юридическая наука: история и современность. – 2011. – № 3. – С. 122-125.
61. Кирилов И.В. К вопросу военно-политической обстановке и потенциальных угроз Российской Федерации на Западе // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 10. – С. 160-164.
62. Кирилов И.В. К вопросу о происхождении течения «ваххабизм» и его влияние в России // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 2. – С. 138-140.
63. Комлев Ю.Ю. Наркоситуация в Татарстане: специфика, тенденции, перспективы. Казань, 2004.
64. Комментарий к Федеральному закону от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» / О.А. Вагин, А.П. Исиченко, А.Е. Чечетин. – М., 2011.
65. Коротченя И.М. У истоков создания Содружества // Мир Содружества: Специальный выпуск. Декабрь 2011. – С. 33.
66. Криминология – XX век / Под ред. В.Н. Бурлакова, В.П. Сальникова. – СПб.: Юридический цент Пресс, 2000.
67. Кудрявцев В.Н. Транснациональная преступность и противоречия глобализации // Российской государство и углубление реформ в контексте глобализации мировых процессов, внешних и внутренних угроз безопасности России, борьбы с организованной преступностью и коррупцией: Матер. конференции. Вып. 1. – Калуга, 2001.
68. Курченко В.Н. Противодействие незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ: уголовно-правовой и уголовно-процессуальный аспекты. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. – 427 с.
69. Лебедев С.Н. Новые горизонты интеграции // Мир Содружества: Специальный выпуск. Декабрь 2011. – С. 8-11.
70. Лукашенко А. По пути созидания // Мир Содружества: Специальный выпуск. Декабрь 2011. – С. 44-45.
71. Лунеев В.В. Правовое регулирование общественных отношений – важный фактор предупреждения организованной и коррупционной преступности // Государство и право. – 2001. – № 5.
72. Лунеев В.В. Преступность XX века: Мировой криминологический анализ. – М., 1997.
73. Лунеев В.В. Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции. Изд. 2-е. – М., 2005.
74. Лупу М. Знаковый год для народов стран Содружества Независимых Государств // Мир Содружества: Специальный выпуск. Декабрь 2011. – С. 50-51.
75. Мамедов С.К. Проявление сепаратизма и международное право // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 2. – С. 118-121.
76. Матвиенко В.И. Межпарламентская ассамблея – сокровищница общего опыта стран СНГ // Мир Содружества: Специальный выпуск. Декабрь 2011. – С. 12-13.
77. Медведев Д. Россия: от первого Президента до первой Олимпиады // Мир Содружества: Специальный выпуск. Декабрь 2011. – С. 52-53.
78. Международный терроризм: истоки и противодействие: Матер. межд. науч.-практ. конф. 18-19 апреля 2001 г. / Под ред. Е.С. Строева, Н.П. Патрушева. – СПб.: Секретариат Совета Международной Ассоциации государств-участников СНГ, 2001.
79. Михайлик А.Г., Сальников М.В. Геополитические и ресурсно-экономические детерминанты функционирования современного государства: политико-правовой анализ // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2002. – № 3(15). – С. 9-14.
80. Михайлин Д. Ваххабизм – не просто зло, это смертоносное зло // Российская газета. – 1999. 28 сентября.
81. Молчанов А.Ю. Содружество Независимых Государств: между прошлым и будущим // Мир Содружества:

Специальный выпуск. Декабрь 2011. – С. 14-15.
82. Моторный И.Д. Современный терроризм и оценка диверсионно-террористической уязвимости гражданских объектов. – М., 2004.
83. Мурадян С.В. Проблемы квалификации финансирования терроризма по международному праву // Юридическая наука: история и современность. – 2011. – № 3. – С. 92-97.
84. Мусаев А.Н. Предупреждение наркопреступлений // Государственная политика и общественные инициативы в области противодействия наркомании и наркобизнесу: Материалы международной научно-практической конференции, г. Санкт-Петербург, 24 июня 2003 года. – СПб., 2007.
85. МФГС. Политика добрых отношений // Мир Содружества: Специальный выпуск. Декабрь 2011. – С. 82-83.
86. Назарсбаев Н. Своя стезя // Мир Содружества: Специальный выпуск. Декабрь 2011. – С. 46-47.
87. Наркотики в России: преступления и расследование / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 1999.
88. Наумец А.Б., Плешаков А.А. О наркопреступности в вооруженных силах // Защита и безопасность. – 2012. – №4. – С. 19-21.
89. Нигметов Н.А. О необходимости создания общегосударственной системы профилактики терроризма и экстремизма в России // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 2. – С. 86-88.
90. Нигметов Н.А. Снятие информации с технических каналов связи как оперативно-розыскное мероприятие и противодействие информационному экстремизму в современной России // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 7. – С. 77-82.
91. Новиков А. Будущее – за СНГ // Мир Содружества: Специальный выпуск. Декабрь 2011. – С. 1.
92. Овчинский В.С. XXI век против мафии. Криминальная глобализация и Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности. – М.: Инфра-М, 2001.
93. ОДКБ. Во имя мира и согласия // Мир Содружества: Специальный выпуск. Декабрь 2011. – С. 78-81.
СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2011. – С. 114-118.
94. Организованная преступность, терроризм, коррупция в их проявлениях и борьба с ними / Под ред. А.И. Долговой. – М.: Российская криминологическая ассоциация, 2005.
95. Павлик М.Ю., Сальников М.В. Бандитизм в современной России: политические, криминологические и уголовно-правовые проблемы // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2002. – № 3(15). – С. 115-119.
96. Павлик М.Ю. Террористический акт, захват заложника, бандитизм, вопрос теории и практики. – СПб.: Юридический Центр Пресс, 2011.
97. Политический режим и преступность / Под ред. В.Н. Бурлакова, В.П. Сальникова. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2001.
98. Право и общество: от конфликта к консенсусу / Под ред. В.П. Сальникова, Р.А. Ромашова. – СПб., 2004.
99. Преступления террористической направленности: уголовное преследование на досудебных ситуациях / Под науч. ред. О.Н. Коршуновой. – СПб.: Юридический цент Пресс, 2003. – 435 с.
100. Прохорова М.Л. Наркотизм: уголовно-правовое и криминологическое исследование. – СПб.: Юридический Центр Пресс, 2002.
101. Рахмон Э. Мир, единство и национальное согласие // Мир Содружества: Специальный выпуск. Декабрь 2011. – С. 54-55.
102. Роганов С.А. Криминалистические аспекты расследования преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств // Правоприменительная практика по исследованию административного и уголовно-процессуального законодательства: Матер. ведомственного научно-практического круглого стола (26 мая 2010 года) и всерос. межведомств. круглого стола (27 октября 2010 года), г. Санкт-Петербург. – СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2011. – С. 111-112.
103. Роганов С.А. Проблемы первоначального этапа расследования преступлений в сфере незаконного оборота синтетических наркотических средств: Монография. – СПб., 2002.
104. Роганов С.А. Расследование преступлений в сфере нетрадиционного наркобизнеса. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2005. – 549 с.
105. Родионов К.С. Интерпол в борьбе с терроризмом // Междунар. публич. и част. право. – 2002. – № 2. – С. 6-10.
106. Родионов М.М., Припечкин В. Феномен терроризма: реальность и творческое осмысление // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2000. – № 1. – С. 24-30.
107. Романова Л.И. Криминологическая характеристика наркопреступности // Криминология / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой. М., 2010.
108. Ромашов Р.А. Проблемы правоохранительной деятельности современной России. – СПб., 2008.
109. Россотрудничество. Альтернатива народной дипломатии нет // Мир Содружества: Специальный выпуск.

Декабрь 2011. – С. 34-35.
110. Сальников М.В. Политико-правовая традиция, правовая культура и правовая система: к вопросу о соотношении категорий // Мир политики и социологии. – 2012. – № 9. – С. 153-156.
111. Саммит. Душанбе-2011 // Мир Содружества: Специальный выпуск. Декабрь 2011. – С. 36-37.
112. Саргасян С. Путники вечности // Мир Содружества: Специальный выпуск. Декабрь 2011. – С. 42-43.
113. СНГ: динамика развития. Магистраль с двухсторонним движением // Мир Содружества: Специальный выпуск. Декабрь 2011. – С. 20-23.
114. Союзное государство. Прочный союз // Мир Содружества: Специальный выпуск. Декабрь 2011. – С. 62-65.
115. Структуры. Вертикаль СНГ // Мир Содружества: Специальный выпуск. Декабрь 2011. – С. 24-29.
116. Тонков Е.Е. Генезис формирования государственной политики противодействия наркотизации общества: сравнительно-правовой анализ // Российская юстиция. 2010. №7.
117. Федоров А.В., Федулов А.В. Первая международная конференция о контроле над наркотиками // Наркоконтроль. – 2007. – № 4. – С. 37-44.
118. Фролов В.В., Фролова О.В. Возникновение наркоугрозы в Российской империи в конце XIX – начале XX века и современные проблемы борьбы с наркопреступностью: сравнительный анализ наркоситуации // Мир политики и социологии. – 2012. – № 7. – С. 97-100.
119. Фролов В.В., Фролова О.В. Полицейская реформа: исторические особенности и антинаркотическое законодательство // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 1. – С. 143-147.
120. Хроника становления: Ради сотрудничества и прогресса // Мир Содружества: Специальный выпуск. Декабрь 2011. – С. 16-19.
121. Янукович В. Стратегическое партнерство // Мир Содружества: Специальный выпуск. Декабрь 2011. – С. 60-61.
122. http://news.tj/tj/node/2149
123. http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1291362300

ПАРУБЕЦ Юлия Григорьевна,
соискатель Киевского международного университета
E-mail: weide02@gmail.com

Специальность 12.00.02 – Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право

К ВОПРОСУ О РЕОРГАНИЗАЦИИ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ В УКРАИНЕ, ОБЕСПЕЧИВАЮЩИХ ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРАВА

Аннотация. *В статье характеризуется реорганизация системы центральных органов исполнительной власти Украины, обеспечивающих экологические права, согласно Указу Президента Украины от 9 декабря 2010 № 1085/2010 «Об оптимизации центральных органов исполнительной власти».*

Ключевые слова: *реорганизация; государственные органы власти; экологические права.*

PARUBETS Yu.G.

ON THE ISSUE OF ENVIRONMENTAL RIGHTS ENSURING GOVERNMENTAL AUTHORITIES REORGANIZATION IN UKRAINE

The summary. *The article characterized the reorganization of the system of central executive bodies of Ukraine, providing environmental rights, according to the Decree of the President of Ukraine dated December 9, 2010 № 1085/2010 «On the optimization of the central authorities».*

Key words: *restructuring; government agencies; environmental rights.*

Коренные изменения, происходящие в Украине за последнее время, расширили внешнеполитическое пространство и формы ее международной деятельности, привели к необходимости интегрироваться в мировое сообщество. Эти обстоятельства побуждают Украину брать на себя обязательства, закрепленные в международных документах. Международные обязательства предусматривают внесение корректив в концепцию и процесс проводимых в стране реформ, в частности оптимизацию государственных органов, обеспечивающих экологические права [1; 8; 9; 10; 11; 12; 13; 14; 15; 16; 17; 19; 20; 21; 23; 24; 25; 26; 27; 28; 29].

Согласно Закону Украины «Об охране окружающей природной среды» граждане Украины имеют право на: безопасную для жизни и здоровья окружающую природную среду; объединение в общественные природоохранные формирования; получение в установленном порядке полной и достоверной экологической информации и т.п. [4]. Конституция Украины провозглашает, что человек, его жизнь и здоровье, честь и достоинство, неприкосновенность и безопасность являются высшей ценностью (ст. 3) [2]. Жизнь людей напрямую зависит от состояния окружающей среды, и поэтому именно государство должно обеспечить реализацию экологического права людей, ведь для государства утверждение и обеспечение прав и свобод человека является главной обязанностью (ст. 3) [2]. В ст. 50 Конституции Украины экологическое право формализовано следующим образом: «Каждый имеет право на безопасную для жизни и здоровья окружающую среду и на возмещение причиненного нарушением этого права вреда. Каждому гарантируется право свободного доступа к информации о состоянии окружающей среды, о качестве пищевых продуктов и предметов быта, а также право на ее распространение». Итак,

согласно положениям Конституции Украины, действующему закону, государство должно обеспечить каждому человеку возможность реализации экологических прав в порядке, предусмотренном законодательством.

Необходимыми условиями для обеспечения экологических прав в отдельно взятой стране является специализированная система органов государственной власти, а ообъективной основой для ее создания и деятельности такой специализированной системы органов государственного власти в области обеспечения экологических прав – наличие системы правовой охраны окружающей среды в государстве. Как справедливо отмечает О.Е. Кутафин, государство осуществляет свою разноплановую деятельность посредством государственных органов, которые, несмотря на свое разнообразие, имеют общие характерные черты и каждый из них, являясь составным элементом государственного аппарата, входящего в систему государственных органов, наделен властными полномочиями, а его действия отличаются властным характером [22]. Следует отметить, что сбалансированное государственное регулирование, профессиональное выполнение функций и полномочий органов государственной власти по обеспечению экологических прав гарантирует достижение социально полезных результатов и целей, решения задач в этой области, в то время как их ненадлежащее исполнение, дублирование функций различными органами подрывают основы экологического правопорядка, исключающих реализацию экологических прав граждан.

Однако, за последние годы в Украине были приняты нормативные акты с противоречивыми нормами, которые не обеспечивают сбалансированную работу государственных органов власти, что позволяет злоупотреблять и нарушать нормы законодательства в области реализации экологических прав.

Особенностью экологических прав человека является то, что они обеспечивается различными отраслями права, а именно: земельной, водной, лесной, горной и т. п. Вопросов обеспечения экологических прав касались в своих работах такие украинские ученые, как В. Авкрьянов, Д. Бахрах, Ю. Битяк, И. Голосниченко, Т. Грушкевич, Л. Коваль, В. Колпаков, В. Костицкий, Е. Липий, В. Луць,Ю. Шемшученко и др. В Российской Федерации различные темы экологии рассматривали Ю. Арский, М. Бринчук, М. Будыко, Е. Высторобец, А. Голиченкова, В. Горшков, К. Лосев, В. Коптюга, Э. Кузьменко, Э. Кульпин, О. Колбасов, В. Петров, Л. Харченко и др.

Мы хотели бы остановиться на организационных вопросах в такой важной области, как лесная, поскольку, как известно, лес - это «легкие» нашей планеты, и бесспорно, является одной из основных составляющих экологических прав человека. Законодательство Украины определяет, что «Леса Украины являются ее национальным богатством и по своему назначению и месторасположению выполняют преимущественно водоохранные, защитные, санитарно-гигиенические, оздоровительные, рекреационные, эстетические, воспитательные, другие функции и являются источником для удовлетворения потребностей общества в лесных ресурсах. Все леса на территории Украины, независимо от того, на землях каких категорий по основному целевому назначению они растут, и независимо от права собственности на них, составляют лесной фонд Украины и находятся под охраной государства» [3].

Статистика свидетельствует, что лесные ресурсы в Украине ограничены: если в странах Западной Европы средняя лесистость составляет 24,2 %, а вместе с европейской частью России – 41,3%, то в Украине этот показатель достигает только 15,6%, причем расположение лесов на территории страны крайне неравномерно. Безответственное отношение к лесным ресурсам современного общества повлекло за собой катастрофические последствия. Так, на протяжении последних десятилетий западные регионы страны страдают от мощных наводнений, основной причиной которых послужило уничтожение лесов в водоохранных зонах, поймах рек, на склонах гор и предгорьях. Эта ситуация усугубляется старением лесов на всей территории страны, что ухудшает их санитарное состояние, а также большими площадями искусственно созданных лесов, требующих усиленного ухода. Несмотря на это в Украине меры к изменению существующей системы управления лесами происходят довольно не эффективно. Кроме того, отдельные объекты природно-заповедного фонда находятся под управлением центральных органов исполнительной власти, для которых дело охраны окружающей природной среды не является

приоритетом деятельности.

Проанализируем, например, Указ Президента Украины от 9 декабря 2010 № 1085/2010 «Об оптимизации центральных органов исполнительной власти». Согласно Указу в Украине произошла реорганизация системы центральных органов исполнительной власти с целью «оптимизации системы центральных органов исполнительной власти, устранения дублирования их полномочий, обеспечения сокращения численности управленческого аппарата и расходов на его содержание, повышения эффективности государственного управления» [5]. Система государственных органов в области обеспечения экологических прав претерпела существенных изменений: в результате принятия новых положений произошло уточнение компетенции и функций соответствующих ведомств. Экологическая функция государства, как отмечает И.А. Иванников, осуществляется в первую очередь правом, которое призвано регламентировать границы пользования отдельными ресурсами [18, стр. 123].

Как известно, систему государственных органов, уполномоченных обеспечивать экологические права, составляют государственные органы общей компетенции и специализированной компетенции [7, стр. 363]. К государственным органам общей компетенции относятся Кабинет Министров Украины, правительство АРК, местные государственные администрации, органы местного самоуправления. К органам специализированной компетенции, которые наделены властными полномочиями обеспечивать экологические права, согласно вышеупомянутому Указу, входят Министерство экологии и природных ресурсов Украины, Министерство аграрной политики и продовольствия Украины, государственные службы и агентства, в том числе и Государственное агентство лесных ресурсов Украины. Ведущим органом в системе центральных органов государственной власти в формировании государственной политики в области экологии, в том числе и приоритет в обеспечении экологических прав, согласно вышеупомянутому указу, является Министерство экологии и природных ресурсов Украины. Именно через министра экологии и природных ресурсов Украины Кабинет Министров Украины направляет и координирует деятельность ряда государственных служб и агентств, которые, как элементы системы органов исполнительной власти, создаются для обеспечения реализации государственной политики по осуществлению государственного регулирования в сфере охраны окружающей природной среды, рационального использования, воспроизводства и охраны природных ресурсов… [5].

Деятельность же Государственного агентства лесных ресурсов Украины направляется и координируется Кабинетом Министров Украины через министра аграрной политики и продовольствия Украины, а не через министра экологии и природных ресурсов. Проанализировав Положение о Министерстве аграрной политики и продовольствия Украины, которое является главным органом в системе центральных органов исполнительной власти по вопросам формирования и обеспечения реализации: государственной аграрной политики, политики в сфере сельского хозяйства и по вопросам продовольственной безопасности государства… лесного и охотничьего хозяйства, мы пришли к выводу, что министерство прежде всего проводит хозяйственную деятельность в лесах, направленную на обеспечение главных его задач в области аграрной политики, политики в сфере сельского хозяйства и продовольственной безопасности государства. Очевидно, что о системной защите леса, как о составляющем элементе экологических прав человека, в основных задачах министерства речь не идет. К тому же в перечне задач «охрана ... лесного хозяйства» упоминается в конце статьи в сочетании с охотничьим хозяйством (ст. 1 Положения), что дает основания утверждать о не приоритетности такого направления деятельности министерства.

На наш взгляд, не логично подчинять Государственное агентство лесных ресурсов Украины через министра аграрной политики и продовольствия Кабинету Министров Украины. Было бы целесообразно указанное агентство, как и Государственное агентство водных ресурсов, подчинить Кабинету Министров Украины через министра экологии и природных ресурсов Украины. Кроме этого, следует отметить, что взаимодействие деятельности, в частности в вопросах обеспечения экологических прав, государственных органов власти должно быть законодательно урегулировано.

Итак, можно сделать вывод, что система государственных органов власти, обеспечивающих экологические права, несмотря на кардинальную

реорганизацию, окончательно не сформирована. Кроме этого, можно утверждать, что сегодня определяются оптимальные пути взаимодействия центральных государственных органов власти в Украине для достижения эффективного результата в обеспечении экологических прав.

Список литературы

1. Декларация по окружающей среде и развитию, Рио-де-Жанейро, 3 – 14 июня 1992 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/riodecl.shtml
2. Конституція України. Офіційний вісник України від 01.10.2010 р., № 72/1 // Спеціальний випуск, стор. 15, стаття 2598.
3. Лісовий кодекс України: Відомості Верховної Ради України (ВВР), 1994, № 17, ст.99. [Електронний ресурс]. – Режим доступа: http://zakon2.rada.gov.ua
4. Закон України «Про навколишнє природне середовище» // Відомості Верховної Ради України від 08.10.1991 р., № 41, стаття 546.
5. Указ Президента України «Про оптимізацію системи центральних органів виконавчої влади» // Офіційний вісник України від 17.12.2010 р., № 94, стор. 15, стаття 3334.
6. Положение о Министерстве аграрной политики и продовольствия Украины: Указ Президента от 23 апреля 2011 № 500/2011 [Електронний ресурс]. – Режим доступа: http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/500/2011
7. Адміністративне право України: Підручник / Ю.П. Битяк, В.М. Гаращук, О.В. Дьяченко та ін.; За ред. Ю.П. Битяка. – К.: Юрінком Інтер, 2007. – 544 с.
8. Бабаджанов И.Х., Оль Е.И., Тарайко В.И. Благоприятная окружающая среда и право человека на жизнь // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 1. – С. 122-127.
9. Бадалов Ш.К. О некоторых аспектах экологизации гражданского законодательства Республики Таджикистан // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – №10. – С. 79-91.
10. Бадалов Ш.К. Теоретические проблемы определения источников экологического права в современной юриспруденции // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – №9. – С. 54-59.
11. Бадалов Ш.К. Экологические права граждан в современном обществе и политике государства // Мир политики и социологии. – 2012. – № 9. – С. 93-96.
12. Боголюбов С.А. Конституционные основы охраны окружающей среды // Журнал российского права. – 2003. – № 11. – С. 106-112.
13. Боголюбов С.А. Новый Гражданский кодекс и охрана окружающей среды // Государство и право. – 1995. – № 10.
14. Бринчук М.М. Государственное управление как эколого-правовая категория // Экологическое право. – 2006. – № 1.
15. Горелов А.А. Экология. – М., 2002.
16. Дубовик О.Л. Экологическое право и экологические конфликты // Право и политика. – М.: Nota Bene, 2006. – № 5. – С. 116-136.
17. Дубовик О.Л. Экологическое право: Учебник. – М., 2006.
18. Иванников И.А. Теория государства и права: Учебник. – М.: Юрлитинформ, 2011. – 392 с.
19. Колбасов О.С. Экология: политика – право. – М. 1990.
20. Крассов О.И. Экологическое право: Учебник. – М., 2001.
21. Лопатин В.Н. Экологическая безопасность: проблемы конституционной законности // Государство и право. – 2004. – № 2.
22. Основы государства и права: Учебное пособие для поступающих в юридические вузы / Под ред.. О.Е. Кутафина. – 416 с.
23. Раупова Р.Т. Гражданско-правовая охрана окружающей среды в Республики Таджикистан. – М., 2007.
24. Тарайко В.И. Государственно-правовая политика России в области обеспечения экологической безопасности // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – №2. – С. 66-74.
25. Тарайко В.И. Национальная безопасность России и охрана окружающей среды // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – №1. – С. 61-67.
26. Тарайко В.И. Экологическая безопасность России: Монография / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2010.
27. Экологическое право: Курс лекций и практикум / Под ред. Ю.Е. Винокурова. – М., 2005.
28. Экологическое право: от идей к практике / Колл. авторов; Отв. ред. Б.Н. Топорнин. – М., 1997.
29. Экологическое право: Учебник / Под ред. В.Д. Ермакова и А.Я. Сухарева. – М., 1997.

ФИЛОСОФИЯ ПРАВА. ПРАВОСОЗНАНИЕ. ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА. СОЦИОЛОГИЯ ПРАВА. ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

САЛЬНИКОВ Михаил Викторович,
руководитель Санкт-Петербургского научно-исследовательского центра интеллектуальной собственности РНИИИС,
доктор юридических наук, профессор
E-mail: spb@rniis.ru

Специальность 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

ТРАДИЦИОНАЛИЗМ КАК ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ ФЕНОМЕН: МЕТОДОЛОГИЯ ПОЗНАНИЯ И ИССЛЕДОВАНИЯ

Аннотация. *Статья посвящена, пожалуй, одной из самых слабо изученных проблем в философии права – традиционализму как политико-правовому феномену. Автор предлагает свои подходы к методологии его познания и исследования. При этом он опирается на достижения в области философии и методологии права мэтра советской и российской юридической науки, члена редколлегии журнала «Мир политики и социологии», члена-корреспондента Российской академии наук, доктора юридических наук, профессора Д.А. Керимова. Автор статьи использует научный подход, предлагаемый Д.А. Керимовым, к исследованию своей конкретной проблемы - традиционализму.*

Исследователь рассматривает достаточно широко распространенный подход в современной науке изучения эволюции государственно-правовых явлений и их национальной специфики через феномен традиций. Подчеркивает эффективность этого подхода там, где усматривается определенная преемственность, поступательность развития социальных явлений. Обращает внимание на то, что данный подход изначально и формировался в рамках такого социально-философского направления, как традиционализм. Это направление подробно рассматривается в статье.

По мнению автора, современная традиционалистская интерпретация государства и права позволяет подходить к общественно-политическому устройству с позиций интеграции противоречий, объединения разногласий и создания нового синтеза. Современный традиционализм отрицает либерально-индивидуалистические принципы, равно как и формы тоталитаризма, выступает против общества потребления.

В статье рассматриваются в том числе и комплекс вопросов, связанных с соотношением традиций и модернизации. По мнению ученого, феномен традиции рассматривается чаще всего под углом зрения этой проблемы. Проследив эволюцию взглядов на исследуемую тему в определенной исторической ретроспективе, автор констатирует стремление нынешних исследователей почерпнуть взаимосвязь и взаимообусловленность традиций и инноваций, традиций и современности.

По мнению автора, и с ним надо согласиться, в современной отечественной науке традиционализм – это скорее методологический прием, позволяющий установить преемственность, проследить поступательность развития социальных явлений.

Ключевые слова: *философия права; методология права; политико-правовой феномен; методология познания; методология исследования; традиционализм; эволюция; национальная*

специфика; преемственность; поступательность; противоречия; разнообразие; синтез; традиции; модернизация; инновации.

SAL'NIKOV M.V.

TRADITIONALISM AS A POLITICAL-AND-LEGAL PHENOMENON: METHODOLOGY OF RESEARCH

The summary. *The article is concerned with, perhaps, one of the most poorly studied problems in the philosophy of law – traditionalism as a political-and-legal phenomenon. The author offers his own approaches to the methodology of its cognition and research. In this respect he relies upon the advances in the philosophy and methodology of law made by the maitre of the Soviet and Russian legal science, member of the editorial board of the journal "World of politics and sociology", corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Juridical Science, professor D.A. Kerimov. The uthor of the article uses the scientific approach proposed by D.A. Kerimov to the research of his specific subject - traditionalism.*

The researcher considers Исследователь рассматривает достаточно широко распространенный подход в современной науке изучения эволюции государственно-правовых явлений и их национальной специфики через феномен традиций. Подчеркивает эффективность этого подхода там, где усматривается определенная преемственность, поступательность развития социальных явлений. Обращает внимание на то, что данный подход изначально и формировался в рамках такого социально-философского направления, как традиционализм. Это направление подробно рассматривается в статье.

According to the author the modern traditionalist interpretation of state and law allows to approach to social-and-political structure from the perspective of integration of contradictions, consolidation of disagreements and creation of a new synthesis. The modern traditionalism negates liberal and individualist principles as well as totalitarianism forms, opposes the consumer society.

Among other things the article deals with a set of issues related to the correlation of traditions and modernization. In the researcher's opinion the phenomenon of tradition is mostly considered from the viewpoint of this problem. Having retraced the evolution of vies on the subject under study in a certain historical retrospective the author certifies the urge of the contemporary researchers towards deriving the interrelation and interdependence of traditions and innovations, traditions and modernity.

According to the author, and he should be agreed with, the traditionalism in the present-day domestic science is rather a methodological technique which enables to establish continuity, trace progressive development of social phenomena.

Key words: *philosophy of law; methodology of law; political-and-legal phenomenon; methodology of cognition; methodology of research; traditionalism; evolution; national specificity; continuity; progressive development; contradictions; variety; synthesis; traditions; modernization; innovations.*

Приступая к историко-теоретическому и сравнительно-правовому анализу феномена российской политико-правовой традиции, соглашаясь по этому вопросу с точкой зрения Д.А. Керимова, следует отметить, что «мировоззренческая позиция исследователя складывается из трех взаимосвязанных компонентов: во-первых, из общего отношения к объектам познания, зависящего в основном от роли ученого в жизни общества; во-вторых, из специального отношения к объектам познания, определяемого принадлежностью исследователя к той или иной научной школе или научному направлению; в-третьих, из методов, приемов и средств, избираемых ученым для познания соответствующих объектов» [29, стр. 65]. При этом уже от себя добавим, что первые два компонента как правило представляют собой некую внутреннюю субъективную сторону познавательной деятельности которая объективно

выражается именно в конкретных приемах и способах познания, т.е. в методологии. Всю же совокупность указанных «трех взаимосвязанных компонентов» образующих, в конечном счете, определенную «мировоззренческую позицию исследователя» можно охарактеризовать как научный подход к исследованию конкретной проблемы.

В этой связи следует констатировать, что в современной науке, достаточно широкое распространение получил подход, в соответствии с которым эволюция государственно-правовых явлений, их национальная специфика исследуется через феномен традиции. Причем это характерно как для западной [2; 16; 21; 26; 32; 33; 56; 58], так и для отечественной науки [2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 12; 13; 14; 15; 19; 21; 27; 28; 34; 35; 40; 48; 50; 56]. Мы полагаем, что надо вести речь о политико-правовой традиции. При этом понимать ее и как социальный феномен, и как категорию теоретического правоведения [5]

По нашему мнению, исследование правовых явлений через феномен традиции в достаточной степени эффективно там, где усматривается определенная преемственность [33; 37; 50; 51; 53; 59], поступательность развития социальных явлений, там, где необходимо выделить некую устойчивую связь между социально-историческими предпосылками и дальнейшим развитием объекта исследования. Кроме того, апеллирование к феномену «традиция» позволят с наибольшей степенью эффективности применять такой метод познания политико-правовых явлений как компаративистика [60].

Необходимо отметить, что данный подход изначально формировался в рамках так называемого традиционализма, т.е. социально-философского направления, в основе которого лежит представление о некой «изначальной традиции», выражающей всеобщий, космический смысл мироздания и в ходе исторического развития проявляющей себя через те или иные конкретные этнокультурные и религиозные формы [57, стр. 352-353].

Всякая религиозная система содержит не только представление о мироздании, но и освящает определенное общественно-политическое устройство, тем самым, способствуя в той или иной мере проявлению принципов «изначальной традиции»: поэтому традиционализм направлен на постижение и синтез всех духовных традиций (антитрадиционализм, напротив, связан с гипертрофией обособленных тенденций). Избегать всякого разрыва с традицией, поскольку она является хранилищем истины, сохранять старые формы и ценности, ибо они есть спонтанное выражение подлинных потребностей общества, – такова сущность традиционализма. Разумеется, традиционализм допускает, что исторически сложившийся социальный порядок может подвергнуться искажению; но исправление положения мыслится как «возвращение к истокам» снятие наслоений, очищение от искажений, приведение в соответствие «неизменной сущности» вещей и адекватной духу времени формы. Образно это выражено в понятии «золотой век» – порядка, существовавшего изначально, с которым следует соотносить всякий возникающий во времени порядок. Такое представление, свойственное культурной традиции разных народов служит в глазах многих традиционалистов свидетельством существования скрытой, единой, всеобщей традиции, древней как мир, в которой берут начало все религии и символы. Верность традициям, скептическое соотношение к обоснованности и легитимности инноваций существовали во все эпохи, но становление традиционализма как сознательного учения стало возможным только после того, как возникли глубокие сомнения в прежних истинах, внесенные философией Просвещения, и произошел решительный разрыв с прошлым в результате Великой французской революции*.

Отвергая принципы рационалистической философии Просвещения, буржуазного либерализма и народовластия традиционализм, особенно активный во Франции, выступил как контрреволюционное учение, связанное с феодально-аристократической оппозицией. Основными элементами этого учения стали понятия «органического общества» и его корпоративного устройства, которые получили дальнейшую разработку в учении социального католицизма, а также в системе Конта.

Центральная категория традиционалистских концепций – это категория традиции, которая весьма неоднозначно интерпретируется в науке. «Термин «традиция» многозначен, – совершенно точно отмечает в этой связи исследователь феномена политической традиции Р.Ф. Матвеев. – Им часто обозначают весьма разноплановые явления, проявляющиеся в различных областях

общественной жизни. В принципе сущность традиции состоит в том, что данное общественное отношение в широком смысле этого слова: политическая и общественная система, форма общественной жизни, общественной активности или, наоборот, общественной пассивности, бездействия – приобретает историческую устойчивость, повторяемость для некоторых коллективов, для достаточно широкого круга людей одного и того же поколения и разных поколений. Традицией называют явление, которое часто повторяется, становится для данного коллектива преобладающим типом поведения, в известном смысле – типичным» [47, стр. 142].

Вместе с тем следует указать на то, что вплоть до 60-х гг. нашего века научный взгляд на понятие «традиция» определялся тем подходом, который был сформулирован М. Вебером и сводился к жесткому противопоставлению категорий традиционного и рационального. Традиционные институты, обычаи и способ мышления рассматривались как препятствия к развитию общества [17; 18; 19; 20, стр. 639; 25; 61; 72].

Современный традиционализм опирается на достижения наук о природе и человеке, на новые прочтения таких авторов, как Ницше, Хайдеггер, Дюмезиль, Лоренц и др.**.

Согласно современной традиционалистской интерпретации государства и общества, общественно-политическое устройство должно интегрировать противоречия, объединять разнообразное, создавая новый синтез. Современный традиционализм отрицает либерально-индивидуалистические принципы, разъединяющие, по его мнению, индивидов, превращающие их в не связанные друг с другом «атомы», озабоченные единственно поиском материального успеха, равно как и формы тоталитаризма, подавляющие разнообразие, он выступает против общества потребления, массового общества: осуществление принципа «единства в разнообразия» мыслится как соединение в едином ансамбле огромной федерации всевозможных сообществ, функционирующих синергетически, солидарно, подобно организму, в котором каждый элемент, выполняя свою функцию, сотрудничает с другими ради обеспечения равновесия целого. Эта модель предполагает децентрализацию на множество сообществ, сравнительно автономных, объединившихся по семейному, профессиональному, региональному принципу, каждое из которых является «посредническим корпусом», промежуточной ступенью между индивидом и государством. В таком обществе царит классовый мир при сохранении неравенства, поскольку каждому определено свое место в социальной структуре, а право принятия решений принадлежит компетентной элите, правлению экспертов [57, стр. 354].

Сегодня одну из центральных проблем, исследуемых в рамках традиционализма, составляет комплекс вопросов, связанных с соотношением традиции и модернизации. Феномен традиции рассматривается чаще всего именно под углом зрения этой проблемы, причем изначально традиция интерпретировалась как некая застывшая, неизменно сохраняющаяся форма.

Так С. Эйзенштадт, в этой связи отмечает, что традиция – «это неотъемлемый элемент любой социальной культуры: как всякой социальной организации в целом (будь то так называемое традиционное или современное общество), так и каждого ее элемента в отдельности (традиции, например, сохраняют свое значение даже в таких наиболее рационализированных и динамичных областях человеческой деятельности, как наука и технология)» [52, стр. 97]. При этом «традиционными» обычно называют самые различные общества – от примитивных бесписьменных обществ до племенных федераций, патримониальных, феодальных, имперских систем, городов-государств и т. п.» [65, p. 151]. Все они рассматриваются как некие застывшие формы, которые изменяются только под воздействием внешних обстоятельств или причин экономического, политического и т.п. характера, но в любом случае вопреки самой сути традиционного общества.

Но в первой половине 60-х гг. XX в. взгляд на традицию как на застывшую форму был поставлен под сомнение [38, стр. 171]. Сделали это в первую очередь не теоретики модернизации, а ученые-страноведы – востоковеды и африканисты, которым приходилось непосредственно в ходе своей полевой работы изучать те самые общества, которые обычно и называли традиционными. Так, американский востоковед Л. Пай (о некоторых идеях которого говорилось в предыдущей главе), утверждал, что процессы модернизации

оказываются «бесконечно более сложными, чем предполагают существующие подходы» [66, p. 37]. По его убеждению, в некоторых случаях вынужденная модернизация, вместо того чтобы приводить к общественному прогрессу, «может вызывать широкий спектр очень глубоких разрушительных реакций, грозящих нарушением идентичности индивидов», препятствующим «их способности к их человеческим и политическим отношениям», «парализующим активность» [66, p. 287]. А по мнению другого востоковеда-этнолога Л.Деспрэ, связанные с теорией модернизации концепции аккультурации (восприятия новых культурных моделей) «продолжают исходить из предположений, которые едва ли выходят за приемлемые границы наивности» [67, p. 2].

Во второй половине 60-х гг. XX в. появляется уже ряд теоретических исследований по общим вопросам модернизации, положивших начало всесторонней и глубокой критике этой теории и прежде всего – тезиса о статичности традиционного общества, который до сих пор принимался без доказательств в силу своей кажущейся непосредственной убедительности. «Основа основ теории модернизации – тезис о статичности традиции и традиционного общества, которому приписывалось значение универсальной истины, становился утверждением, удовлетворяющим лишь известным условиям... Если учесть, что это положение имело силу аксиомы в теории модернизации, то можно понять, сколь серьезной, затрагивающей саму суть этой теории была та критика, которой она подвергалась...» [52, стр. 90]. Начиная с этого периода, меняется и взгляд исследователей и на проблемы «современности». Стало очевидно, что последняя, во-первых, является не более чем умозрительной моделью, нигде и никогда не воплощавшейся хотя бы в относительно чистом виде, а во-вторых, не может быть однозначно противопоставлена традиции, поскольку те черты, которые считались характерными только для современности, оказались присущими тем или иным образом и традиционным обществам, а потому о модернизации следует говорить не как об антитезе традиции, а скорее как о результате «смещения акцента в представлении об относительной значимости культурных комплексов, весь набор которых в той или иной форме содержится во многих человеческих культурах» [52, стр. 88].

В конце 60-х – начале 70-х гг. XX века в востоковедческой литературе ставится вопрос о наличии в традиции внутренней и внешней стороны, или, можно так сказать, о сущности, которая относительно неизменна, и форме выражения, которая может меняться. Слитность внутренней и внешней сторон традиции считается характерной только для обычая и обряда, в остальных случаях она является необязательной [38, стр. 172-173].

Начиная с 70-х гг. для работ западных востоковедов и африканистов характерен переход от статического рассмотрения традиции к ее динамическому рассмотрению. «Такое направление научных изысканий способствует существенному расширению представлений о пределах устойчивости традиций. Точка зрения на традиции как на универсальные образования завоевывает наиболее прочные позиции... Возникает взгляд на традицию как категорию, призванную охватить все способы фиксации, передачи и воспроизводства культуры. Понятие «традиция» все четче отделяется от понятий «обычай» и «обряд» как более общее, собирательное... Представление о традиции по всем важнейшим аспектам – по вопросу о пределах ее устойчивости, сфере действия, функциях и т. д. – существенно расширяется и углубляется» [52, стр. 22-23].

Сегодня все чаще высказывается мысль, что традиция и инновация, традиция и современность взаимосвязаны и взаимообусловлены. Так, Л. и С. Рудольфы на примере Индии показали, что даже те «традиционные институты (каста, расширенная форма семьи и т. д.), которые раньше рассматривались как сугубо устойчивые и неизменные и потому безоговорочно противостоящие силам современности, прежде всего экономическому развитию, в действительности не только сосуществуют бок о бок с современными институтами, но и приспосабливаются к их требованиям, видоизменяясь при этом и по существу, выступая в качестве проводников современности в условиях данной традиционной социальной организации» [52; 69].

Сделанные выводы вели к созданию популярной и в наше время концепции «переходного общества». Одним из первых ее основные идеи выразил Ф.Риге. По его мнению, традиционное общество «под влиянием сил

модернизации эволюционирует в социально-политическую систему нового типа и такая новая система, часто характеризуемая по-прежнему как традиционная или как переходная, вырабатывает свои собственные системные характеристики, образуя оригинальный механизм самовоспроизводства и поддержания стабильности. Иными словами, традиция под напором сил современности не сдавала своих позиций, как того ожидали; она обнаружила значительные адаптивные способности, порождая специфически национальные формы модернизации» [52, стр. 85; 67]. Традиционные общества и институты, реорганизуясь, эффективно приспосабливаются к изменяющимся условиям, а традиционные ценности в некоторых случаях даже обеспечивают источники легитимации для достижения новых целей.

В некоторых случаях авторы, по существу признавая правомерность новых взглядов на проблему традиции, предпочитали сохранять за термином «традиция» старое значение (как чего-то косного и консервативного), а для описания «переходных» состояний общества использовать иные термины. Например, американский этнолог А.Ройс предлагает понятие «исторический стиль», который «основывается на общих характеристиках и ценностях» [68, p. 137], предполагая при этом гибкость и вариативность. Это может показаться парадоксальным, но именно такой подход, где значение понятия «традиция» сужалось до сугубо частных (и более психологических, нежели социокультурных) проявлений, вел к тому, что противопоставление «традиция - модернизация» исчезало окончательно. И социальные формы, ушедшие в прошлое, и современные социальные формы могли истолковываться как внешние проявления пластичного, гибкого «исторического стиля».

Другие исследователи предпочитали сохранять сам термин «традиция», но по своему значению он оказывался близким к тому, что А. Ройс называл «историческим стилем». Так, почти классическим является концепция Э. Шилза, согласно которой «следование традиции по сути является реализацией различных вариаций на воспринятую от предыдущих поколений тему... Традиция не является чем-то саморепродуцирующимся и самовырабатывающимся. Только живущее, познающее, обладающее желаниями человеческое существо может воспринять ее и модифицировать. Традиция развивается потому, что тот, кто является ее носителем, стремиться создать что-то лучшее, более подходящее» [70, p. 13, 15]. Таким образом, традиция, хотя и воспринимается как нечто подвижное и вариативное, лишается собственной структуры, собственной сущности. В своей монографии, относящейся к 80-м гг. XX в., Э. Шилз пишет о традиции как о явлении развивающемся. «Традиция может меняться в ответ на изменение внешних обстоятельств, проецировать происходящие изменения в обществе, в котором они перед тем практиковались. Традиции меняются потому, что обстоятельства, которым они адекватны, меняются» [70, p. 257-258]. Но при этом автор подчеркивает, что традиция не имеет механизма саморазвития. Ее развитие определяет человек и определяет почти сознательно, словно ведет громоздкую машину социальных отношений к намеченной цели.

В западной социологии наибольшее распространение получило эволюционистское понимание традиции: «Под традицией... мы будем понимать, – пишет П. Штомпка, – совокупность тех объектов и идей, истоки которых коренятся в прошлом, но которые можно обнаружить в настоящем, т. е. это все то, что не было уничтожено, выброшено и разбито. В данном случае традиция равносильна наследию – тому, что реально сохранилось от прошлого... Любая традиция независимо от ее содержания может сдерживать творчество или новации, предлагая готовые рецепты решения современных проблем» [61, стр. 90, 96]. Таково типичное определение традиции, которое дает современный западный социолог [38, стр. 174].

В отечественных изданиях, в значительной мере принадлежащих советским авторам, традиции определяются как исторически сложившиеся и передаваемые из поколения в поколение обычаи и нормы поведения людей [24, стр. 6-7; 30]. П.В. Иванов и В.В. Луцкин, раскрывая данное ими определение традиции, отмечают такие его признаки, как устойчивость, повторяющийся характер сторон, свойств, отношений, явлений социальной действительности, указывают на их исторический характер, связь и отличие с понятием обычай. Подчеркивают преемственность поколений как закономерность развития общества, формой выражения которых являются традиции и обычаи. Характеризуют их противоречивый характер – прогрессивность и реакционность.

Они, в частности верно подмечают, что наиболее зримо и действенно традиции проявляются «в период потрясений, период перехода к новым экономическим отношениям, в чрезвычайных ситуациях, в боевой обстановке и трудовых буднях» [24, стр. 6-7].

Отмечают три основные группы традиций: революционные, боевые или военно-патриотические и трудовые, а также профессиональные, семейно-бытовые, национальные, спортивные, традиции искусства, культуры и т. д. [62, стр. 1348]. Подобные определения характеристики понятия традиций даются и в работах других авторов [23, стр. 77]. Некоторые отличия в определениях и формулировках понятия традиции касаются ее отдельных существенных сторон и признаков. Ф. Энгельс, характеризуя сущность традиции, отмечал ее устойчивость, повторяемость, инерционный характер ее воздействия на людей. Он писал, что «традиция – это великий тормоз, это сила инерции в истории» [39, стр. 318]. В этом определении он характеризовал, прежде всего, буржуазные реакционные традиции. Известный советский педагог А.С. Макаренко указывал на связь традиции с культурой и привычкой. Он говорил: «Наша задача – не только воспитывать в себе правильное, разумное отношение к вопросам поведения, но и воспитывать в себе правильные привычки, то есть такие привычки, когда мы поступали бы правильно, вовсе не потому, что сели и подумали, а потому что иначе мы не можем, потому, что мы так привыкли» [39, стр. 411]. Многие авторы отмечают нравственно-этическую, мобилизующую и нормативно-закономерную сущность традиции [30; 46, стр. 272].

Глубокое исследование традиций полиции предлагают Я.Л. Алиев и П.П. Сальников. В поле их зрения многие подходы, представляющие для нас интерес. Это такие, например, вопросы как:

- место полицейского традиционализма в системе государственности [3, стр. 25-33];
- соотношение государственности, законности и полицейских традиций с позиций аксеологии [4, стр. 7-19];
- демократизация и укрепление связи с народом как ведущая и прогрессивная традиция полиции [5, стр. 37-52];
- российские полицейские традиции с высоты международной правоохранительной деятельности [6, стр. 21-33];
- формирование традиций полиции в контексте правовой реальности [8, стр. 61-75];
- традиции и традиционализм полиции: общая характеристика понятий [9, стр. 7-19];
- традиции полиции как связь и преемственность истории российской государственности [10, стр. 7-18];
- государственно-правовая сущность традиций полиции [11, стр. 7-19];
- специфические особенности полицейских традиций [12, стр. 7-15];
- взаимосвязь традиций с кадрами полиции и юридической наукой [13, стр. 142-158].

Конечно, каждый из этих вопросов интересен с позиций тех аспектов, которые мы рассматриваем в данной статье. Но вряд ли будет правильным останавливаться здесь на анализе высказываемых Я.Л. Алиевым и П.П. Сальниковым позиций. Это скорей предмет самостоятельной работы. Отметим лишь одно, с нашей точки зрения, отличительное свойство приведенных проблем. Все они исследуются Я.Л. Алиевым и П.П. Сальниковым с аксиологических позиций, в них можно и нужно наблюдать ценностный срез традиций и традиционализма [2, стр. 165-183].

Соглашаясь с существенными характерными моментами определений понятия традиции, в них, в этих определениях, нельзя не отметить ряд важных моментов, которые не в полной мере выражают сущность традиции. Эти моменты выражаются в следующем:

1) нельзя сводить сущность традиций только к обычаям или нормам поведения людей (П.В. Иванов, В.В. Луцкин).
2) не всегда достаточно четко отражается исторический характер традиции.

Рассматривая первый из обозначенных моментов, следует отметить, что большинство отечественных и зарубежных авторов указывают на множественную, разнородную, сложную и устойчивую по характеру природу традиции. Традиция – это не только, и не столько обычай или привычка или их совокупность. Она соединяет в себе в интегрированном виде и духовное, и материальное, и субъективное, и объективное начала. Ее сущность выражается в многообразии устойчивых форм проявления в виде моделей и стереотипов отношений, сознания, поведения и деятельности. Традиция – это не только и

не столько стереотипы сознания, как говорят об этом многие западные авторы. Основу традиции составляют объективные формы поведения и деятельности, социальной практики людей, исторически определенных социальных общностей, групп и слоев населения. В её корнях находятся исторически определенные по характеру типы способа производства, орудий труда, производственных отношений, сугубо конкретные естественно-природные факторы социальной практики.

Как модель сознания, мышления, познания, отношений, поведения и деятельности традиции представляют собой относительно устойчивый, многократно (и даже веками) повторяющийся слепок диалектически связанных между собой духовных и материальных элементов общественного сознания и общественного бытия, общественных отношений, поведения и деятельности.

Как стереотипы сознания, мышления, отношений, поведения и деятельности традиция представляет собой исторически сложившуюся инерцию, определенную шаблонность, длительность, а также эталонность различных идеальных и материальных форм системообразующих элементов традиции. Инерционность, шаблонность, длительность и эталонность характеризуют относительную устойчивость, неизменность, повторяемость традиций, с одной стороны, и высшее качество достигнутого уровня сознания, отношений, поведения и деятельности, с другой стороны. Поэтому нельзя подчеркивать только односторонний характер социальной роли традиции, ее прогрессивность или реакционность. В данном конкретном обществе они существуют и взаимодействуют в диалектическом единстве, взаимодействии и противоречии. Для данной экономически и политически господствующей социальной силы традиция всегда является существенным элементом, цементирующим и стабилизирующим данную социальную систему. Поэтому мы не можем не различать исторически конкретные типы традиций: первобытные, рабовладельческие, феодальные, буржуазные, социалистические традиции.

Как уже было отмечено выше, еще одним моментом, характеризующим большинство подходов к пониманию феномена «традиция» как недостаточно точные, является нечеткое отражение исторического характера.

Вместе с тем любая традиция независимо от ее особенностей, социальной направленности и связи с прогрессом не существует отдельно от конкретного исторического этапа развития общества, от конкретных условий ее формирования, проявления и функционирования. Она не есть плод кратковременного промежутка времени, а является синтезированным следствием и результатом относительно длительного промежутка времени в развитии конкретного исторического типа общества, имеющего только присущие этому обществу социальные движущие силы, источники и экономические, социально-политические, научно-технические, духовные и естественно-природные условия развития. Для каждого исторического типа общества характерны свои традиции, отличные от традиций других исторических типов общества по своему характеру, формам проявления, социальной направленности и социальной роли.

Следует отметить, что для российских исследователей, в отличие от подавляющего большинства их западных коллег, представление о неподвижности традиции всегда было нонсенсом. Более того, понятие «традиция» в равной мере относилось к настоящему в той же степени, что и к прошлому. Когда в 1984 г. Э.С.Маркарян выступил в журнале «Советская этнография» с программной статьей, предлагавшей концептуальные положения традициологии как науки, он вынес на обсуждение тезис о том, что «культурная традиция и сегодня продолжает оставаться универсальным механизмом, который благодаря селекции жизненного опыта, его аккумуляции и пространственно-временной трансмиссии позволяет достигать необходимой для существования социальных организмов стабильности. Без действия этого механизма общественная жизнь людей просто немыслима... Общая природа и функции этих форм (форм традиции в прошлом и настоящем), механизмы их образования и замены остались в принципе теми же самыми» [45, стр. 87].

«Культурная традиция в наши дни продолжает оставаться универсальным стабилизирующим и селективным механизмом, действующим во всех сферах социального организма… Различия в проявлениях культурной традиции в прошлые и современные эпохи должны быть соответственным образом дифференцированы и

типологизированы. Но это должно производиться в пределах единого круга явлений, интегрируемого общим понятием «культурная традиция» [42, стр. 88]. Здесь главным образом имелось в виду, что в наше время интервалы действия стереотипизированных форм опыта стали несравненно короче, и система их значительно усложнилась. Традиция была определена в целом как «механизм самосохранения, воспроизводства и регенерации этнической культуры как системы. Традиции включают в себя процесс и результаты стереотипизации как сгусток социально-исторического опыта людей» [1, стр. 93]. Таким образом, традиция понимается как один из механизмов изменения общества. «Развитие культуры, в частности развитие этнической культуры, выражается в процессах инноваций и их стереотипизации. Под инновацией понимается введение новых технологий или моделей деятельности, а под стереотипизацией – принятие этих моделей определенным множеством людей в пределах соответствующих групп» [1, стр. 91].

Э.С. Маркарян писал: «Изучение традиции должно происходить, прежде всего, в соответствии с фундаментальными принципами самоорганизации» [65, p. 157]. Причем традиция для ученого – это опыт общественной жизни [41; 43; 44].

Полемизируя с Э. Шилзом, ученый отмечает: «Как мы помним, Шилз, характеризуя содержание традиции (ее «подвижной части»), использует понятия образа действия, верований и т. п. Но эти понятия, даже в их наиболее широкой интерпретации, не могут иметь плодотворную интегративно-когнитивную функцию. Для этого нужны совершенно иные концепции. Есть все основания говорить, что адекватной концепцией для этих целей была бы концепция «социального жизненного опыта» [65, p. 162]. Но эта концепция немыслима в теоретических рамках, поставленных Э. Шилзом, ибо предполагает признание саморазвития традиции, самоорганизации человеческого опыта [38, стр. 174-177].

В современной отечественной науке традиционализм – это скорее методологический прием позволяющий установить преемственность, проследить поступательность развития социальных явлений, там, где необходимо выделить некую устойчивую связь между посылкой и следствием. Исследование социальных явлений через феномен традиции позволят с наибольшей степенью эффективности применять метод сравнительного исследования.

Примечания

* Формирование традиционализма как концепции связывается с работой Берка «Размышление о французской резолюции» (1790), за которой в 1976 году последовали произведения де Местра и де Бональда, а затем, в эпоху Реставрации, – Балланша, Шатобриана, Ламенне и др.

** В этой вязи следует отметить, что в начале XX века ряд идей развиваемых в рамках традиционалистских концепций (романтический антипрогрессизм, антииндивидуализм, органицизм) были подхвачены и развиты интеллектуалами группы «Аксьон франсез» во главе с ее идеологом Ш. Моррасом и кружком «Консервативная революция» во главе с Меллером ван ден Бруком (Германия), деятельность которых способствовала становлению фашистской идеологии. Скомпрометированное политически, традиционалистское направление долгое время существовало в качестве малоизвестной школы мышления, но с середины 70-х гг. его идеи привлекают усиленное внимание со стороны идеологов неоконсерватизма, средств массовой информации.

Список литературы

1. Абрамян Э.Г. Инновация и стереотипизация как механизмы развития этнической культуры // Методологические проблемы этнических культур: Материалы симпозиума. – Ереван, 1978.
2. Алиев Я.Л., Сальников В.П., Сальников П.П. Традиции полиции: некоторые итоги аксиологического исследования // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 10. – С. 165-183.
3. Алиев Я.Л., Сальников П.П. Государственность и ее система: место полицейского традиционализма // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 2. – С. 25-33.
4. Алиев Я.Л., Сальников П.П. Государственность, законность и традиции полиции как социальная ценность // Мир политики и социологии. – 2012. – № 8. – С. 7-19.
5. Алиев Я.Л., Сальников П.П. Демократизация и укрепление связи с народом – ведущая традиция в прогрессе

политики // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 9. – С. 37-52.
6. Алиев Я.Л., Сальников П.П. Международная правоохранительная деятельность и полицейские традиции России // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 8. – С. 130-150.
7. Алиев Я.Л., Сальников П.П. Правовая реальность и формирование традиций полиции // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 7. – С. 61-75.
8. Алиев Я.Л., Сальников П.П. Традиции и традиционализм полиции: общая характеристика понятий // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 2. – С. 7-19.
9. Алиев Я.Л., Сальников П.П. Традиции полиции как связь и преемственность истории российской государственности // Мир политики и социологии. – 2012. – № 7. – С. 7-18.
10. Алиев Я.Л., Сальников П.П. Традиции полиции: государственно-правовая сущность // Мир политики и социологии. – 2012. – № 2. – С. 7-19.
11. Алиев Я.Л., Сальников П.П. Традиции полиции: некоторые особенности // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 7. – С. 7-15.
12. Алиев Я.Л., Сальников П.П. Традиции, кадры полиции и юридическая наука // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 9. – С. 142-158.
13. Алиев Я.Л., Сальников П.П., Реуф В.М. Правовая идеология в контексте кумулятивной и прогностической функций традиций полиции // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 8. – С. 21-33.
14. Арановский К.В. Конституционная традиция в российской среде. – СПб., 2003.
15. Берманом Г.Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. – М., 1998.
16. Вебер М. Избранные произведения. – М., 1990.
17. Вебер М. Национальное государство и народнохозяйственная политика // Политические работы. – М., 2003.
18. Вебер М. Политика как призвание и профессия // М. Вебер. Избранное: протестантская этика и дух капитализма. – М., 2006.
19. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // М. Вебер. Избранное: протестантская этика и дух капитализма. – М., 2006.
20. Величко А.М. Государственные идеалы России и запада. Параллели правовых культур. – СПб., 1999.
21. Графский В.Г. Традиции и обновление в праве: ценностное измерение перемен // Проблемы ценностного подхода в праве: традиции и обновление: Сб. науч. тр. / Под ред. В.С. Нерсесянца. – М.: ИГП РАН, 1996.
22. Зарубежный опыт и отечественные традиции в российском праве: Материалы всероссийского научного методологического семинара. 28 – 30 июня 2004 г. / Под общ. ред. В.П. Сальникова, Р.А. Ромашова. – СПб., 2004.
23. Зуев Ю.П. Роль социалистической обрядности в идейно-нравственном воспитании советских людей //Традиции, обряды, современность / Под ред. В.А. Зоц. – Киев: Политиздат Украины, 1983.
24. Иванов П.В., Луцкин В.В. Воспитание сотрудников на традициях органов внутренних дел: Учебное пособие / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2002.
25. Игнатьева О.А. Реконструкция концепции власти М. Вебера и ее методологическое значение // Мир политики и социологии. – 2012. - №2. – С. 67-73.
26. Идейное наследие А. Токвиля и современная политическая традиция Запада: Научно-аналитический обзор. – М., 1983.
27. Ищенко Е.Н. Развитие евразийских традиций в трудах Л.Н. Гумилева и современном евразийстве: Автореф. дис. … канд. ист. наук. – Улан-Удэ, 2004.
28. Канюков С.К. Генезис права собственности в контексте эволюции российской правовой традиции. Автореф. дис. … канд. юрид. наук. СПб., 2002.
29. Керимов Д.А. Методология права: Предмет, функции, проблемы философии права. – М., 2003.
30. Кожанов В.И., Бочарова Р.А. Революционным, боевым и трудовым традициям верны. – М.: Просвещение, 1982.
31. Козлов Т.Л. Региональная правовая традиция. Иудейское право // Юридические науки. – 2008. – № 2 (30).
32. Козлов Т.Л. Региональная правовая традиция. Мусульманское право // Государство и право. – 2008. – № 5. – С. 9-12.
33. Колдаева Н.П. О преемственности в праве. – М., 1991.
34. Колотова Н.В. Мораль и право: анализ традиции и исследования ценностных аспектов проблемы // Проблемы ценностного подхода в праве: традиции и обновление: Сб. науч. тр. / Под ред. В.С. Нерсесянца. – М.: ИГП РАН, 1996.
35. Корольков А.А. Философия права: западноевропейская и русская традиция // Русская философия права / Под ред. А.П. Альбова, Д.В. Масленникова, В.П. Сальникова. – СПб., 1999.
36. Культурология и глобальные вызовы современности: к разработке гуманистической идеологии самосохранения человечества: Сб. науч. ст., посвященных 80-летию Э.С. Маркаряна / Под общ. ред. А.В. Бондарева, Л.М. Мосоловой. – СПб.: СПбКО, 2010.

37. Литвинович Ф.Ф. Специфика исследования преемственности в праве // Государство. Политика. Право: Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. А.Г. Хабибулина. – Уфа, 2000.
38. Лурье С.В. Историческая этнология. – М., 1998.
39. Макаренко А.С. Соч. Т. 5. – М., 1961.
40. Малевич Ю. Незападная (тихоокеанская) традиция прав человека // Ежегодник. К пятилетию вступление России в Совет Европы. – М., 2001.
41. Маркарян Э.С. Гуманизм XXI столетия: идеология самосохранения человечества. – Ереван: РАУ, 2008.
42. Маркарян Э.С. Культурная традиция и задача дифференциации ее общих и локальных проявлений // Методологические проблемы этнических культур: Материалы симпозиума. – Ереван, 1978.
43. Маркарян Э.С. Наука о культуре и императивы эпохи. – М., 2000.
44. Маркарян Э.С. Теория культуры и современная наука. – М.: Мысль, 1983.
45. Маркарян Э.С. Узловые проблемы теории культурной традиции // Сов. этнография. – 1984. – №2.
46. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 22.
47. Матвеев Р.Ф. Теоретическая и практическая политология. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1993.
48. Момотов В.В. Российская правовая традиция: из истории формирования // Актуальные проблемы теории и истории государства и права: Материалы межвузовской научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 14 декабря 2001 г. / Под ред. В.П. Сальникова, Р.А. Ромашова. – СПб., 2002.
49. Мурашова С.А. Развитие отечественной традиции правопонимания в эпоху постмодерна // Труды Московской государственной юридической академии: Сб. статей №10. – М., 2003. – С. 199-202.
50. Наконечная Т.В. Преемственность в развитии советского права. – Киев, 1987.
51. Неновски Н. Преемственность в праве: Монография. – М.: Наука, 1978.
52. Осипова О.А. Американская социология о традициях в странах Востока. – М., 1975.
53. Родина Е.В. Преемственность принципов советского государственного права: Дис. … докт. юрид. наук. – М., 1988.
54. Сальников М.В. Политико-правовая традиция, правовая культура и правовая система: к вопросу о соотношении категорий // Мир политики и социолгии. – 2012. – № 9. – С. 153-156.
55. Сальников М.В. Политико-правовая традиция: социальный феномен и категория теоретического правоведения // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – №11. – С. 151-166.
56. Сальников М.В., Вележев С.И., Тищенко А.Г. Отечественная и западная политико-правовые традиции: сравнительно-правовой аксиологический анализ // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2004. – № 4(24). – С. 29-31.
57. Фадеева Т.М. Традиционализм // Современная западная социология: Словарь. – М., 1990.
58. Шалин В.В., Альбов А.П. Право и толерантность. Либеральная традиция в эпоху глобализации. – Краснодар, 2005.
59. Швеков Г.В. Преемственность в праве: Монография. – М.: Высшая школа, 1983.
60. Шохин В.К. Ф.И. Щербатской и его компаративистская философия. – М., 1998.
61. Шпакова Р.П. Легитимность. Уроки Вебера // Вебер, прочитанный сегодня. – СПб., 1997.
62. Штомпка П. Социология социальных изменений. – М., 1996.
63. Энциклопедический словарь. – М., 1987.
64. Despres L. Ethnicity, and Resource Competition in Plural Societies. The Hague – Paris, 1975.
65. Eisenstadt S.N. Tradition, Change and Modernity. – New York, 1973.
66. Markarian E.S. Tradition as an Object of System Study // World Futures. 1992. V. 34.
67. Pye L. Politics, Personality and National Building: Burma's Search for Identity.
68. Riggs F. Administration in Developing Countries: The Theory of Prismatic Society. – Boston, 1964.
69. Rouce A.P. Ethnic Identity: Strategies of Deversity.
70. Rudolph L.I., Rudolph S.H. The Modernity and Tradition: Political Development in India. – Chicago; London, 1967.
71. Shils E. Tradition. – London; Boston, 1981.
72. Weber M. Wirtschaft und Gesellschaft. – Tübingen., 1972.

ЗАХАРЦЕВ Сергей Иванович,
доктор юридических наук
E-mail: SergeyIZ@rm.ru

Специальность 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

ФИЛОСОФИЯ ПРАВА И ДИАЛЕКТИКА

Аннотация. *В статье рассматривается диалектический метод познания, анализируется его роль в познании права. Критикуется позиция ученых, ранее успешно применявших этот метод, однако теперь - без серьезных оснований - отрицающих его значение. Предлагается вернуться к признанию диалектики методологической основой познания права.*

Ключевые слова: *философия права; общая теория права; диалектика; диалектический метод.*

ZAKHARTZEV S.I.

PHILOSOPHY OF LAW AND DIALECTICS

The summary. *The article deals with the dialectical method of cognition, analyzes the role of in cognition of law. The criticism is directed at the viewpoints of the researchers who previously applied this method but now, without any serious reason, deny its significance. The proposal is made for coming back to the recognition of dialectics as the methodological basis of law cognition.*

Key words: *philosophy of law; general theory of law; dialectics; dialectical method.*

Многие годы в СССР диалектический метод считался всеобщим универсальным научным методом. За истекший период, используя названный метод в качестве основного, советская наука (и это объективно) совершила значительный рывок в развитии. Достижения советских ученых в области физики, химии, математики, космонавтики и т.д. можно не перечислять. Динамично развивались и гуманитарные дисциплины, в том числе право. Причем подход к диалектике как всеобщему научному методу удовлетворял абсолютно всех.

Распад СССР и последовавшие за этим кардинальные изменения и преобразования, произошедшие в 1990-х годах, как ни странно значительно коснулись методологии. Так, метод диалектики был подвергнут обструкции, появились заявления, что универсального и всеобщего метода в философии не имеется. Некоторые пошли еще дальше и заявили, что названный метод фактически представляет собой путь в тупик. А отдельные специалисты пришли к парадоксальному выводу, что подлинно философской мысли в СССР вообще не было.

В результате российские философы оказались разделены на несколько групп. Первая группа планомерно продолжает отстаивать диалектический метод как всеобщий метод науки, другая группа предлагает рассматривать его наравне с другими общенаучными методами, наконец, третья в силу разных причин старалась низложить значение диалектики для науки.

Такое положение в философии стало лихорадить методологию других наук, в том числе правовой науки. В ней непроизвольно тоже образовались группы, которые стали исповедовать различные подходы к диалектике. В конечном счете, это привело к разрушению выработанной годами четкой методологии правовых дисциплин. В базовой для юридических дисциплин науке общей теории государства и права научные методы стали толковаться совершенно по-разному. Например, часть ученых, по-прежнему, считают диалектику всеобщим методом познания [11,

стр. 49-50, 83; 19, стр. 35]. Другие специалисты рассматривают диалектику в числе других равных по значению общенаучных методов [33, стр. 11, 15-16].

Образовалась и другая группа, не жалеющая сил и слов для уничижения диалектики*. Например, А.Б. Венгеров писал: «…гиперболизация материалистической диалектики превращала методологию в искусственные поиски «восхождения» научного знания от конкретного к абстрактному, к схоластическим рассуждениям об отсутствии в социалистическом государстве антагонистических противоречий и т.д. Надо понимать, что кризис социалистической идеи в том виде, в каком она была осуществлена в тоталитарном государстве и его правовой сфере, одновременно означал и кризис догматизированной материалистической диалектики» [5, стр. 21]. И далее, продолжая свою мысль, автор писал о формировании принципа научности в изучении государства и права, который «… предполагает избавление от мифотворчества, утопизма и вульгаризма, утверждает примат объективного научного знания над сиюминутными интересами тех или иных классов, социальных групп или отдельных ученых» [5, стр. 21].

Это породило не характерное ранее для права явление, когда отдельные специалисты стараются вообще указанный вопрос в методологии обойти. Так, С.М. Кошелев пишет, что в теории государства и права используются специальные и частные методы познания права, (например, конкретно-социологический метод, сравнительно правовой и т.д.). Однако метод диалектики автором вообще не упоминается ни среди универсальных, ни среди общих, ни среди частных методов познания [15, стр. 12]. Периодически стали встречаться случаи, что в учебной литературе по юридическим дисциплинам авторы стали избегать писать о методологии той или иной отраслевой либо прикладной науки.

Такая же картина наблюдается и в философии. Например, даже в Википедии Интернета обращено внимание на то, что для современного состояния науки характерно замалчивание диалектики.

Изложенное требует кратко возвратиться к содержанию диалектики и оценить ее значение через призму современных правовых знаний. По философии Гегеля, под диалектикой понималось использование в науке закономерности, заключенной в природе мышления, и в то же время саму эту закономерность. По мнению Гегеля, диалектика – движение, лежащее в основе всего как подлинно духовная действительность, и в то же время – движение человеческого мышления, которое в спекулятивном плане участвует в этом движении абсолютно и всеобъемлюще. Все движения протекают по «разумным» законам диалектики. Закон движущегося мышления есть также закон движущегося мира [38, стр. 134-135]. Такое понимание диалектики стало базой для формулирования и обоснования современных диалектических направлений (в том числе и марксистско-ленинской диалектики).

Одним из основных предметов изучения диалектики является развитие. Диалектика – наука о наиболее общих закономерностях развития природы, общества и мышления.

Развитие, в свою очередь, невозможно представить без динамики, движения, изменения. Такие изменения носят не единичный характер, а комплексны и системны. Системность изменений подразумевает изменение качества, поэтому развитие характеризуется прежде всего качественными изменениями.

Эти качественные изменения не беспорядочны. Они происходят в системе и потому подразумевают наличие взаимозависимости между предыдущими и последующими изменениями, их преемственность. В связи с этим формулируется обоснованный вывод о существовании направленности в преобразованиях и, соответственно, в развитии. При этом развитие с философской точки зрения, с учетом системных качественных изменений и направленности, есть процесс необратимый. Необратимость изменений понимается как появление качественно новых возможностей, не существовавших ранее.

Таким образом, в общем исходном смысле развитие – это направленные, необратимые качественные изменения системы.

При необходимости учесть специфику диалектической концепции развития это определение может быть расширено путем указания на внутренний механизм развития, связанный с внутренними противоречиями. В таком случае развитие – это направленные, необратимые качественные изменения, обусловленные противоречиями системы [2, стр. 434].

Поскольку развитие в широком понимании

является одной из основ диалектики, что такое диалектика для науки? Видимо, всё.

Развитие научного знания предполагает постоянное изменение, движение, динамику знаний. В диалектическом развитии раскрываются такие обязательные свойства научного знания, как предметность, определенность, точность, системность, логичность, проверяемость, теоретическая и эмпирическая обоснованность, практическая полезность. Совокупность этих свойств определяет и гарантирует объективность научного знания. Именно диалектика является методом, жизненно необходимым для любой науки, в том числе (а может быть, и в первую очередь) для правовых дисциплин.

Как заметил Гегель: «Познание движется от содержания к содержанию. Прежде всего это поступательное движение характеризуется тем, что оно начинается с простых определенностей и что следующие за ними становятся все богаче и конкретнее. Ибо результат содержит в себе свое начало, и движение последнего обогатило его некоторой новой определенностью. Всеобщее составляет основу; поэтому поступательное движение не должно быть принимаемо за некоторое течение от некоторого другого к некоторому другому. Понятие в абсолютном смысле сохраняется в своем инобытии, всеобщее – в своем обособлении, в суждении и реальности; на какой ступени дальнейшего определения поднимает выше всю массу его предшествующего содержания и не только ничего не теряет вследствие своего диалектического поступательного движения и не оставляет ничего позади себя, но несет с собой все приобретенное и обогащается и уплотняется внутри себя» [6, стр. 34].

Без развития наука мертва. Без постоянной реализации основанных на диалектике функций познания, объяснения, эвристики, прогноза и практической реализации любая теория прекратит свое существование. Сначала она остановится в развитии, вскоре наметится ее заметное отставание от жизненных потребностей, а затем она уйдет в небытие. Правда, объективное (опять же диалектическое) мировое развитие знаний может заставить вернуться к забытой теории, но этот процесс весьма трудоемок и затратен.

В качестве примера хочется вспомнить, что в СССР кибернетика длительное время считалась лженаукой и не разрабатывалась. Спустя чуть ли не полвека объективное протекание жизни и развитие научных знаний заставили вернуться к этой забытой теории. Однако за время длительного простоя произошло очень значительное отставание России в познании сущности информационных технологий, производстве компьютеров, других ЭВМ и т. д. Это, в свою очередь, предопределило отставание правовой науки в вопросах информации и информационных технологий наблюдаемое во многих правовых дисциплинах. Так, информационное право с явным опозданием признано у нас самостоятельной отраслью права [1; 3; 10; 14; 17; 22; 23; 24]. В уголовном праве только в 1996 г. появились статьи, предусматривающие уголовную ответственность за преступления в сфере компьютерной информации, причем около двух лет эти статьи почти не применялись, так как уголовно-процессуальное право не было готово к такому виду вещественных доказательств, как вредоносная программа, приобщенная к материалам уголовного дела в электронном виде. Имелось, соответственно, и заметное отставание в криминалистике: не было методических рекомендаций по тактике производства следственных действий и методики раскрытия компьютерных преступлений. Сейчас, когда информационные технологии активно применяются для совершения многих преступлений (мошенничества, незаконного обналичивания денежных средств, незаконной банковской деятельности, легализации денежных средств, полученных преступным путем, коррупционных преступлений и т. д.), правовые науки вновь не находятся в авангарде в деле обеспечения практики методическими рекомендациями по доказыванию подобных преступлений.

Вот к чему приводит отход от диалектических принципов развития, отрицание того, что в науке развитие играет первостепенную роль и мешать ему не следует.

В настоящее время известно немало общенаучных методов. Однако при внимательном рассмотрении оказывается, что в их применении присутствует диалектика. Даже если взять такой обязательный метод науки, как системный подход, то и здесь четко прослеживаются изменение и развитие. Система не константна. Она развивается и изменяется как минимум в двух направлениях. Первое направление – расчленение на более мелкие подсистемы, определенная витиеватость

системы; второе направление – противоположное, заключающееся в укрупнении подсистем, слиянии их, включении частей в целое. Иначе говоря, система тоже динамична в своем развитии и требует познания именно с точки зрения диалектики.

Следует учитывать, что применяемые в праве общенаучные методы (системно-правовой, сравнительно-правовой, историко-правовой и др) едва ли в состоянии обойтись без диалектики.

Кроме принципа развития, в диалектике принято выделять принцип материального единства мира и принцип всеобщей связи и взаимной обусловленности явлений.

Принцип материального единства мира подразумевает, что весь имеющийся реальный мир упорядочен, представляет собой систему, а не хаотичную массу. Этот принцип выражается в том числе и в реальном существовании различных форм движения материи, включая социальную форму, характеризующую человека и общество, их взаимодействие. В развитии и материальном единстве мира важное место занимает взаимосвязь. Диалектика опирается на идею всеобщей связи, которая, в свою очередь, подразумевает взаимную обусловленность явлений. Связь есть отношение, а основой всякого отношения выступает взаимодействие. Отсюда и проистекает идея взаимообусловленности как необходимое дополнение к идее всеобщей связи, вместе же они выражают тот факт, что в мире, в реальном бытии нет ни одного явления, которое так или иначе не было бы связано с другим явлением [31; 34; 35; 36, стр. 302; 37].

Например, социально-экономические преобразования, наблюдавшиеся в России в конце XX века, привели к изменению отношений к собственности физических и юридических лиц. Вследствие таких изменений был восстановлен институт частной собственности. Изменение одного объекта или явления неизбежно влечет изменения в другом объекте. Восстановление частной собственности с одной стороны, предопределило ликвидацию колхозного права, с другой стороны, потребовало серьезных изменений в других отраслях права. Или: такое социальное явление, как преступность, подразумевает существование борьбы с ней, наличие уголовного права и уголовного процесса. Уголовный процесс не может существовать без криминалистики, равно как и криминалистика неразрывно связана с уголовным процессом, уголовным правом, борьбой с преступностью и т. д. Появление компьютерных преступлений вызывает необходимые изменения в уголовном праве, развивает уголовный процесс, требует новых подходов в криминалистике. Исключение из Уголовного кодекса состава «спекуляция» подразумевает, с одной стороны, исключение этого деяния из числа преступлений, с другой стороны – изменение направления криминалистической методики расследования преступлений.

Как известно, основными законами диалектики являются:

- закон единства и борьбы противоположностей;
- закон взаимного перехода количественных и качественных изменений;
- закон отрицания отрицания.

Закон единства и борьбы противоположностей указывает на сосуществование разных сил и тенденций, причем эти силы одновременно находятся в единстве и противоречии друг другу. Иначе говоря, диалектика связывает развитие во всех областях реального мира с противоречиями, свойственными любому явлению, процессу, объекту. Диалектические противоречия носят внутренний характер; в постоянном конкурирующем взаимодействии движущих сил явления изменяются и, соответственно, развиваются**. Внутреннее единство и противоречия связей внутри науки, их постоянное осмысление, конкуренция мнений в конечном счете обусловливают научное развитие. В этом смысле указанный закон является методологической основой для других научных законов.

Закон взаимного перехода количественных и качественных изменений производен от закона единства и борьбы противоположностей и в общем виде может быть сформулирован так: количественные изменения того или иного объекта, явления, постепенно накапливаясь, умножаясь, на определенном этапе приводят к изменению качества этого объекта. Объективно наблюдавшийся во второй половине XX в. интерес к социологии права, осуществление множества исследований по данной тематике, постепенно приводит к качественному улучшению знаний. Названный закон в равной степени распространяется как на другие науки, так и на научные методы.

Размышляя над этим законом, В.С. Нерсесянц отмечал, что количественные изменения философско-правового знания (его умножение, уточнение и конкретизация, увеличение его объема и т.д.) происходят в целом с позиций и границах того или иного понятия права, которое лежит в основе определенной концепции философии права, ее метода и предмета. Качественные изменения философско-правового знания связаны с переходом от прежнего понятия права к новому понятию права, с формулированием новой философско-правовой теории с соответствующим новым методом и новым предметом. Разумеется, степень подобных качественных изменений может быть различной, но новые понятия выражают качественный скачок в процессе развития философско-правового познания и процессе философско-правовой мысли [20, стр. 12].

Сущность закона отрицания отрицания в том, что он рассматривает развитие в виде сменяющих друг друга уровней (ступеней, качеств), связанных между собой таким образом, что каждый последующий уровень развития является отрицанием предыдущего. Экологическое право длительное время не рассматривалось как правовая наука. Затем она стала рассматриваться в рамках других юридических дисциплин, то есть произошло отрицание предыдущих знаний. Наконец, она выделилась в самостоятельную отрасль права и соответствующую самостоятельную правовую науку, при этом снова произошло отрицание предыдущей ступени развития.

В.К. Бабаев верно писал о том, что каждый из диалектических законов проявляет себя в любом юридическом явлении, процессе. Так, любая юридическая норма, и прежде всего вновь принятая, отражает единство и противоположность регулируемых общественных отношений, совпадающие и в то же время противоречивые интересы. Она проявляется тогда, когда изменения в социальной жизни, постепенно накапливаясь, достигают нового качественного состояния и требуют принципиально иной юридической нормы. Новые общественные отношения сменяют прежние, а вновь принятая юридическая норма, регулирующая эти отношения, отрицает старые, предшествующие ей правовые предписания [21, стр. 42].

Основными диалектическими категориями являются: целое и часть, отдельное и общее, действительность и возможность, структура и элементы, теоретическое и практическое, содержание и форма, цель и средство, причина и следствие и др. Например, потребность регулирования конкретных общественных отношений выступает причиной издания правовой нормы. Издание же нормы является следствием необходимости регулирования названных отношений. Или: конкретное деяние лица выступает причиной применения правовой нормы. Применение нормы, как и закрепленные в ней последствия, являются следствием деяния лица.

Через описанные принципы, законы и категории реализуется диалектика как универсальный метод познания. Диалектика лежала и лежит в основе развития юридических наук.

В.К. Бабаев по этому поводу написал, что при изучении права метод диалектики проявляется в том, что право рассматривается как явление, которое, во-первых, определяется природой человека, социально-экономическими, политическими, духовными иными условиями жизни общества.

Во-вторых, оно самым тесным образом связано с другими социальными явлениями. Трудно найти в обществе сферу общественных отношений, где не действовали бы юридические нормы, общественные явления, с которыми право не соприкасалось бы в той или иной мере. Соотнося право с другими социальными явлениями, можно определить место права в обществе, его характерные черты. Именно поэтому право сопоставляется с политикой, экономикой, моралью, обычаями.

В-третьих, право постоянно развивается. Каждый новый этап в поступательном движении общества это и новая ступень в развитии права. Постепенные количественные изменения (обновление законодательства, в частности) в правовой системе приводят к качественным преобразованиям права [21, стр. 42].

Р. Лукич верно сказал, что нельзя стать хорошим юристом в том случае, если ограничиваться исключительно специальными, чисто профессиональными методами и не походить к праву с позиций более общего, диалектического метода [18, стр. 43].

К сожалению, в правовой науке на суждения иногда оказывают влияние идеологизированность и политизированность. Мы относимся к ученым,

стремящимся к так называемой «чистой» науке, не подверженной чьему-либо влиянию. Возможно, что к этому же стремился А.Б. Венгеров и другие активно критикующие диалектику ныне специалисты. Однако, стремясь уйти от идеологии и политики, они, напротив, в них погрузились. Тот же А.Б. Венгеров патетично заявлял: «Ведь опираясь на такие догмы диалектики, как, например, единство и борьба противоположностей, Сталин и его единомышленники говорили о бесконечной и все усиливающейся классовой борьбе в социалистическом обществе. Известно, к каким геноцидным формам борьбы с собственным народом привел этот перенос «диалектического» знания в 1920-1930-х гг. в России на процессы коллективизации, устранение творческой интеллигенции из общественной жизни и т.п.» [5, стр. 21].

Но разве в диалектике Гегеля что-то сказано о коллективизации, геноциде собственного народа, устранении интеллигенции? Где научные философские аргументы, конкретно указывающие на невозможность использования диалектики в качестве универсальной методологической основы? Почему действия политиков, возможно и не знавших в полном объеме диалектики, являются аргументом для ее нивелирования***? Разве так ведется научная, философская дискуссия?

Очень точно по поводу современной ситуации в науке в части диалектики сказал академик В.С. Степин [32, стр. 85], на мнение которого многим ученым следует обратить внимание: «В начале 90-х гг., после распада СССР, появились оценочные суждения, согласно которым в нашей философии не было достижений, что она была оторвана от мировой философской мысли и все надо начинать с нуля. Такого рода суждения можно встретить даже в философских учебниках и энциклопедических словарях того времени. Они были чисто идеологическим феноменом, возникшим в русле огульной критики мировоззрения советской эпохи. То, что в советскую эпоху считалось позитивным, автоматически объявлялось негативным, знак «плюс» заменялся на знак «минус». Но подобные утверждения, впрочем, не требующие сколько-нибудь серьезной мыслительной работы, не выдерживают критики при обращении к реальным фактам. Показательно, что известный американский историк науки, профессор Массачусетского технологического института (Бостон) Лорен Грэхэм свое фундаментальное исследование исторического развития философии науки в СССР завершил обобщающим выводом о том, что данная область исследований в стране является «впечатляющим интеллектуальным достижением» и «по универсальности и степени разработанности диалектико-материалистическое объяснение природы не имеет равных среди современных систем мысли» [7, стр. 415].

Диалектика являлась и является универсальным научным методом не потому, что она была идеологически выгодна конкретному руководству, а по объективным причинам. Да, в СССР диалектика действительно была господствующей философской теорией как в науке, так и в преподавании. Другие философские концепции рассматривались критично-односторонне и не всегда полно. Так, конечно, не должно быть. Однако сие вовсе не умаляет значение диалектики****.

Дополняя абсолютно точное высказывание В.С. Степина, с грустью приходится констатировать, что значительные достижения советской философской мысли, в том числе касающиеся диалектики, к сожалению недостаточно востребованы в настоящее время. Это, увы, обедняет современную науку.

Методология, как известно, не терпит давления со стороны и направлена на получение так называемых деперсонифицированных и интерсубъективных научных знаний. Методы, которые она изучает, нацелены на фиксацию объективных знаний, без примесей субъективного, личностного фактора, и уже тем более – без примеси идеологии. По справедливому мнению Т.Г. Лешкевич, современная методология – наиболее стойкая, сопротивляющаяся изменениям сфера, направленная на изучение методов научного познания и способов организации деятельности [16, стр. 107].

Однако не всеми специалистами эта истина полностью осознана. В качестве комического примера можем привести цитату из научной статьи профессоров И.А. Климова и Г.К. Синилова по оперативно-розыскной деятельности (ОРД) – науки достаточно консервативной, причем имеющей выраженный прикладной характер. Рассуждая о методологии ОРД и критикуя диалектику, названные авторы пишут: «… Поскольку становление теории ОРД исторически совпало с периодом функционирования

советского типа государственности, а его распад и реформирование происходят в настоящее время, то в этих условиях неизбежна эволюция взглядов на методологию теории ОРД» [12, стр. 33-34]. То есть, перефразируя, эволюция взглядов на философские, методологические аспекты теории, по мнению авторов, зависит не от развития науки, а от реформирования государства, изменения конституционного строя и т. д. Ни больше, ни меньше!

Здесь, кроме того, важно понимать, что даже при критическом подходе именно к марксистско-ленинской диалектике не следует отвергать диалектику вообще либо преуменьшать ее огромное значение. При этом следует учитывать, что диалектический метод также развивается и изменяется, поэтому подходы к его содержанию не могут быть догматическими. В этом вновь находит выражение принцип диалектики как постоянного развития и изменения [8; 9].

С учетом изложенного, оценивая с позиции настоящего времени диалектический метод познания, мы заключаем, что он еще долго будет оставаться всеобщим, универсальным методом (методологической основой) для общей теории права и правовых дисциплин.

Все-таки мы удивительные люди, у нас поразительное государство. Сейчас уже всем – и в России, и на Западе, - стало очевидно, что советская система среднего и высшего образования была одной из лучших, если не лучшей в мире. Она приносила свои плоды, воспитывала выдающихся ученых, которые не просто не уступали западным, но и по многим позициям их превосходили. Сейчас система образования реформирована, в результате чего мы сами добровольно отходим от тех идей и достижений, которые у нас были. В то время как западные ученые советско-российские достижения науки с удовольствием воспринимают, ими пользуются и достигают успехов.

Так происходит практически во всех сферах научной деятельности, в том числе в юриспруденции. Например, известный американский юрист Г. Берман на базе обобщения трех конкурирующих, по его мнению, школ права (правового позитивизма, теории естественного права и исторической школы права) предложил создать интегрированную юриспруденцию [4, стр. 341-363]. Но показательно, как подметил И.Ю. Козлихин, другое: ученики Г. Бермана главную его заслугу видят не в том, что он предложил «соединить три конкурирующие школы», а в диалектическом методе исследования истории права. «Интеграция трех основных школ – это только один из моментов интегральной юриспруденции Бермана; кроме этого и даже более важно, предлагается примиряющий их диалектический метод», - утверждается в одной из статей сборника, посвященного творчеству Г. Бермана. Здесь же приводится еще один пример применения диалектического метода для получения цельного, т.е. интегрального видения права [13, стр. 251]. То есть, то от чего пытаемся отказаться мы, почему-то активно используется за границей.

Диалектика подразумевает возможность познания мира и, соответственно, находящихся в нем явлений и процессов. То есть, в том числе и права. Этим, в том числе, она позитивно отличается от множества других теорий.

Как известно, дискуссии о том, познаваем или не познаваем мир, длятся, наверное, столько же, сколько существует философия. Например, в западной философии сейчас достаточно распространена точка зрения о невозможности полного (абсолютного) познания мира. По мнению сторонников таких взглядов, познаваемость отвергается как ограниченностью научного познания, так и бесконечной многомерностью, разноплановостью объекта познания. Стала расхожей, например, точка зрения автора концепции «конструктивного эмпиризма» Б. ван Фраассена о том, что ни одна теория не является абсолютно верифицируемой, полностью определяемой эмпирическим фактами [40]. Другой известный философ Р. Рорти пошел еще дальше и предложил фактически отказаться от гносеологии, по его мнению - наследственной болезни европейской философии*****. От указанного американского философа досталось и науке, и истине. Р. Рорти, как известно, считал претензии науки на истинные, достоверные знания неоправданными. При этом, согласно Р. Рорти, истина – это скорее «то, во что для нас лучше верить», нежели «точное изображение реальности» [35; 36; 37; 38; 39].

Вместе с тем, встать на точку зрения о том, что мир не познаваем достаточно просто. С таким подходом можно выдвигать любые идеи, отрицать очевидное и даже усомниться в собственном существовании. Что, естественно, можно

«доказать»: ведь, мы в общем-то воспринимаем факт своего существования субъективно (и, иронизируя - а факт ли это?). Но насколько продуктивен такой подход? И насколько он честен к жизни вообще и науке – в частности? Стоять на позиции агностицизма или утопизма, как минимум, не продуктивно даже по отношению к собственной жизни.

Нам очень жаль, что некоторые российские специалисты столь подвержены подобному стороннему влиянию. Например, И.Л. Честнов полагает, что познаваемость (полная, абсолютная мира) в современной эпистемологии (выделено нами – С.З.) отвергается. Применительно к праву он поддерживает некоторых зарубежных специалистов и излагает так: «Известный английский антрополог Э. Лич… пишет, что любое социальное (в том числе юридическое, например: законность и преступность) понятие наделяется различным смыслом в разных контекстах: преступным может стать законное и наоборот. Поэтому, по его мнению, не может быть вечных законов человеческого общежития и неотъемлемых прав человека. Таким образом, можно сделать вывод, что любой социальный институт исторически и социокультурно контекстуален: его содержание задается эпохой и особенностями культуры данного социума». И далее: «Очевидно, что право контекстуально обусловлено как исторической эпохой, так и определенной культурой-цивилизацией через научное сообщество, разрабатывающее, транслирующее, пропагандирующее соответствующую теорию права. Поэтому теория права (правопонимание) не может перепрыгнуть границы интеллектуального консенсуса, эпистемы эпохи и культуры-цивилизации» [39, стр. 254, 256, 260].

Что ж, право действительно, отражает современную эпоху и культуру. Но разве только современную? Разве право не отражает предыдущие эпохи? И при этом разве право не наделено опережающим отражением, то есть отражением будущих общественных отношений? Хорошо продуманные правовые нормы живут столетиями. Яркий и всем известный пример – римское право. Оно отразило как опыт его создателей (исторический аспект), свою современную эпоху и пережило десятки эпох (опережающее отражение). Право как раз способно и даже направлено на то, чтобы заглянуть в будущее, «перепрыгнуть» свою через эпоху и культуру. Поэтому «привязывать» право к конкретной эпохе в корне не верно.

Очень точно о теории отражения объективной реальности в праве написал Д.А. Керимов: «… Эта теория, воспроизводящая тончайший механизм человеческого мышления, не только обнаруживает несостоятельность агностицизма, но и играет чрезвычайно важную методологическую роль во всей системе наук, в том числе и в правоведении, ибо законодательство и его реализация суть не что иное, как отражение и чаще всего опережающее отражение объективной действительности, направляющее ее развитие. Проблема отражения является ключевой в правоведении, поэтому ее решение будет способствовать дальнейшему совершенствованию как правотворчества, так и правоприменения. В этой связи прежде всего надо обратиться к понятию отражения. Эта категория, во-первых, имеет исторический характер, поскольку в процессе прогресса наук постоянно развивается и обогащается; во-вторых, систематически совершенствуется в процессе познания и, в-третьих, обладает универсальным качеством, поскольку обнаруживает себя на различных уровнях познания как органического, так и неорганического мира» [11, стр.101].

Другие выводы Э. Лича и И.Л. Честнова тоже вовсе не бесспорны. Так, зависимость права от эпохи и культуры проявляется, отнюдь, не во всех случаях. В частности, едва ли от эпохи, культуры и цивилизации зависит такое естественное право человека как на свободу мысли, свободу вероисповедания, свободу совести и т.д. Указанные права относятся к таким, которые вряд ли можно отнять. По крайней мере, ни у кого отнять право на свободу мысли, совести пока не получилось. Помешать свободе вероисповедания, например, можно, но отнюдь не отнять. У большинства европейских стран есть печальный опыт войны за веру. Победы никто не одержал и свободу вероисповедания не отнял. Есть печальный опыт гонения на Церковь и в России. Однако Церковь, вера и вероисповедание остались. Они оставались всегда. И всегда играли важную роль в жизни нашего общества, государства и каждого человека. И довольно часто эта роль была очень значима, скажем, в годы Великой Отечественной войны, да пожалуй, и сегодня [30].

И из посыла, что законное подчас становится преступным (и наоборот) не следует того, что

не может быть вечных законов человеческого общежития. Действительно, одной из граней права является его динамичность и противоречивость в своей динамике. Подчас то, что является преступным становится законным и наоборот – например, разрешение (запрещение) абортов. Однако умышленные убийства из корыстных побуждений считались и считаются преступными независимо от эпохи. Наказание за такие преступления действительно были разными и прямо зависели от уровня культуры, цивилизации, эпохи и т.д. Но не сами преступления. Правовая защита от указанных убийств как раз является одним из вечных законов человеческого общежития. То же относится к законам, производным от заповедей, например, не укради.

Кроме того, мы изначально не согласны с посылом И.Л. Честнова о том, что отрицание познания мира и есть современная эпистемология. Получается, о чем уже говорилось, что другие мнения изначально несовременны, стары и не совершенны. Однако пока лишь следует признать, что указанные рассуждения о невозможности познания, содержат явные изъяны.

А диалектика в настоящий момент представляется не просто универсальным, но и наиболее ценным методом познания мира. Конечно, познание идет медленнее, чем бы нам хотелось. Тем не менее, движение вперед есть.

В завершении подчеркнем то, что право познаваемо, а диалектический метод познания остается и еще долго будет оставаться всеобщим, универсальным методом (методологической основой) для общей теории права и правовых дисциплин.

Примечания

* Мы специально выбрали для анализа, главным образом, учебную литературу;

** Внутренние диалектические (так называемые «жизненные») противоречия следует отличать от формально-логических противоречий. Формально-логические противоречия имеют место в том числе тогда, когда об одном и том же объекте (или предмете), в одно и то же время, в одном и том же смысле высказываются противоположные суждения и умозаключения. Например, в 2009 г. высказывалось мнение об искоренении коррупции в органах внутренних дел, и практически одновременно говорилось об увеличении числа фактов проявления коррупции среди работников МВД. В данном случае речь идет не о диалектических противоречиях внутри системы, а о нарушении формальной логики, т. е. о логическом противоречии, искажении истины.

*** Е.И. Темнов правильно сказал «Традиции академической и вузовской науки теории права и государства на протяжении ряда десятилетий в нашей стране связывали ее с развитием материалистического, исторического, диалектического направлений в его марксистско-ленинском понимании. Однако материализм, диалектика, историзм возникли еще на ранних этапах становления научного знания, последовательно разрабатывались учеными многих поколений и по логике дела должны присутствовать и на его современном этапе. Философской (мировоззренческой) основой теории права и государства выступает диалектика, т.е. учение о наиболее общих закономерных связях, становлении и развитии бытия и познания» [21, стр. 33].

**** Кстати следует отметить, что в других странах, на которые сейчас пытаются ровняться некоторые современные российские исследователи, преподавание философии тоже носило монотеоретический характер. Так, во многих европейских странах было доминирование феноменологии. В англо-американской философской науке, напротив, прослеживалось господство аналитической философии. Такой монизм неоднократно попадал в орбиту критики западных философов, поскольку не принес философии ожидаемых успехов. При этом указанные теории, хотя и получили распространение, но по сравнению с диалектикой объективно не были столь подробно и всесторонне разработаны.

***** Существует мнение и оно, похоже, достаточно объективно о том, что для пропаганды лозунга о «смерти эпистемологии» Р. Рорти сделал столько, сколько не сделал ни один другой мыслитель второй половины XX века.

Список литературы

1. Актуальные проблемы безопасности информационного пространства: Матер. Всерос. науч.-практ. конф., г. Санкт-Петербург, 6-8 октября 1999 г. / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб., 1999. – 325 с.
2. Алексеев П.В., Панин А.В. Философия. – М., 2005.
3. Бачило И.Л., Ломатин В.Н., Федоров М.А. Информационное право: Учебник / Под ред. Б.Н. Топорнина. – СПб.:

Юридический центр Пресс, 2001. – 787 с.
4. Берман Г. Вера и закон: примирение прав и религии. – М., 1999.
5. Венгеров А.Б. Теория государства и права. – М., 2009.
6. Гегель Г.В.Ф. Соч. Т. V. – 1990.
7. Грэхэм Л. Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе. – М., 1991.
8. Захарцев С.И. Диалектический метод в оперативно-розыскной деятельности // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 7. – С. 62-69.
9. Захарцев С.И. Наука оперативно-розыскной деятельности: философский, теоретико-правовой и прикладной аспекты. – СПб.: СПбГУ, 2011. – 264 с.
10. Информационное право: Актуальные проблемы теории и практики / Под ред. И.Л. Бачило. – М.: Юрайт, 2009. – 530 с.
11. Керимов Д.А. Методология права – М., 2000.
12. Климов И. А., Синилов Г. К. Методология развития теории и совершенствование практики ОРД в условиях современного российского общества // Актуальные вопросы теории и практики оперативно-розыскной деятельности. – М., 2001.
13. Козлихин И.Ю. Интегральная юриспруденция: дискуссионные вопросы // Философия права в России: история и современность: Матер. третьих философ.-правовых чтений памяти акад. В.С. Нерсесянца. – М., 2009.
14. Копылов В.А. Информационное право: Учебное пособие. – М.: Юристъ, 1997. – 472 с.
15. Кошелев С.М. Теория государства и права. – СПб., 2007.
16. Лешкевич Т. Г. Философия науки. – М., 2005
17. Лопатин В.Н. Информационная безопасность России: Человек. Общество. Государство. – СПб.: Фонд «Университет», 2000. – 326 с.
18. Лукич Р. Методология права. – М., 1981.
19. Макуев Р.Х. Теория государства и права – М., 2010.
20. Нерсесянц В.С. Философия права. – М., 2011.
21. Общая теория права / Под редакцией В.К. Бабаева. – Н. Новгород, 1993.
22. Общая теория права и государства. – М., 2010.
23. Рассолов М.М. Информационное право: Учебное пособие. – М.: Юристъ, 1999. – 400 с.
24. Рассолов М.М. Право и интернет. Теоретические проблемы. 2-е изд., дополн. – М.: Норма, 2009. – 384 с.
25. Русская Православная церковь в годы Великой Отечественной войны. – СПб.: Издательский центр «Золотая книга»; ДЕАН, 2010. – 368 с.
26. Сальников В.П., Сандулов Ю.А., Гуцериев Х.С., Кальной И.И. Философия для аспирантов. – СПб., 2001.
27. Степин В. С. Философия науки. Общие проблемы. – М., 2008.
28. Теория государства и права / Под ред. М.Н. Марченко. – М., 2009.
29. Философия для аспирантов: Учебник для адъюнктов высшего образовательного учреждения МВД России / В.П. Сальников, И.И. Кальной, Х.С. Гуцериев, Ю.А. Сандулов. – СПб.: Лань, 1999. – 510 с. (Мир философии)
30. Философия и методология познания: Учебник для магистров и аспирантов / Под ред. В.П. Сальникова, В.Л. Обухова, Ю.Н. Солонина, В.В. Васильчиковой. – СПб., 2003.
31. Философия / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб., 1999.
32. Философия: Учебник для юридических вузов / Под ред. И.И. Кального, В.А. Карпушина, В.П. Сальникова. – СПб.: Стикс, 1996.
33. Философский энциклопедический словарь. – М., 2003.
34. Честнов И.Л. Критерии современного правопонимания // Философия права в России: история и современность: Матер. третьих философ.-правовых чтений памяти акад. В.С. Нерсесянца. – М., 2009.
35. Рорти Р. Consequences of Pragmatism. – Minneapolis, 1982.
36. Рорти Р. Contingency, irony, and solidarity. – Cambridge, 1989.
37. Рорти Р. Philosophy and Social Hope. – New York, 2000.
38. Рорти Р. Philosophy and the Mirror of Nature. – Princeton, 1979.
39. Рорти Р. Philosophy in History. – Cambridge, 1985.
40. Van Fraassen B. The Scientific Image. – Oxford, 1980.

БАЙЖУМИНОВ Серик Нуралдинович,
декан юридического факультета филиала Балтийского института экологии, политики и права в г. Мурманск,
кандидат педагогических наук
E-mail: kazax.133@mail.ru

Специальность 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

ОСНОВЫ ПРАВОВОЙ ИДЕОЛОГИИ В РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Аннотация. *Автор пытается сформулировать собственные подходы к пониманию правовой идеологии и определить пути формирования ее основ в современной России. Он задает себе интересные вопросы: что же происходит в нашей стране? Есть ли выход из сложившейся ситуации? Какими должны быть политика и стратегия будущего правового развития России? Не связаны ли в целом неудовлетворенные результаты нашей двадцатилетней «либерализации» с неправильно выбранной стратегией правового развития, направленной на возрождение известных западных правовых и духовных ценностей и идеалов, на массовое воспроизводство бесконечно противоречивых законодательных новелл, отражающих иллюзию, а не реальную действительность?*

Вряд ли на все эти вопросы мы найдем подробные ответы в данной статье. Но важно другое. Прав исследователь, когда в завершении статьи пишет: эти и многие другие вопросы важны в плане выбора пути развития российского государства и права в третьем тысячелетии.

Заслуживает всяческой поддержки стремление автора, возможно и не всегда очень удачное, ответить на поставленные злободневные и в то же время стратегические вопросы.

Ключевые слова: *правовая идеология; правовые идеалы; правосознание; правовая культура; правовое развитие; идеи; принципы; правовой феномен; реальность.*

BAYZHUMINOV S.N.

FOUNDATIONS OF LEGAL IDEOLOGY IN RUSSIA: PROBLEMS OF FORMATION UNDER MODERN CONDITIONS

The summary. *The author tries to formulate his own approaches to the understanding of legal ideology and determine the ways of forming its foundations in the present-day Russia. He asks himself interesting questions: what is happening in our country? Is there a way out of the current situation? Which should the policy and strategy of Russia's future legal development be? Are the unsatisfactory results of our twenty-year "liberalization" generally related to the incorrectly chosen strategy of legal development aimed at revival of well-known Western legal and spiritual values and ideals, mass reproduction of endlessly contradictory legislative innovations reflecting illusions but not the reality as it is?*

We can hardly find detailed answers to all these questions in this article. But the other thing is important. The researcher is right when he states at the end of the article: these and many other questions are important for choosing the way of Russian state and law development in the third millennium.

The author's desire, perhaps not always very successful, to answer the raised pressing and at the same time strategic questions deserves every support.

Key words: *legal ideology; legal ideals; legal consciousness; legal culture; legal development; ideas; principles; legal phenomenon; reality.*

В настоящее время достаточно большое количество научных работ в области общей теории права и работ по философии права так или иначе затрагивают проблему правовой идеологии [1; 2; 3; 4; 8; 9; 10; 11; 12; 14; 15; 17; 18; 19; 21; 22; 26; 27; 28; 29; 30; 31; 32; 33; 34; 35; 36; 37; 38; 39; 40; 41; 42; 43; 44; 45; 47; 48; 49; 50; 51; 52; 53]. Однако несложно заметить отсутствие единого общепринятого понятия «правовая идеология», и это создает определенные трудности в научной коммуникации. Усугубляет эти трудности и крайне широкая вариативность использования категории «правовая идеология». И здесь уместно поставить вопрос: в каком контексте нам стоит рассматривать правовую идеологию, если мы хотим в действительности исследовать все многообразие идеологических феноменов в правовой сфере в современных условиях?

Дело в том, что, предлагая определение понятия «идеология», мы можем опираться на давно существующее в юридической теории понимание правовой идеологии как системы идей, представленной рациональным уровнем правосознания (в контексте противопоставления правовой идеологии и правовой психологии). Однако такое понимание правовой идеологии, на наш взгляд, не исчерпывает ее современного значения и не позволяет понять психологические иррациональные механизмы идеологии, на которые указывал еще Г. Лебон [13]. Существуют еще некоторые «зацепки» для понимания идеологии, которые являются ее важнейшими характеристиками и могут послужить своего рода субстратом для понимания этого феномена. К ним относятся, прежде всего, понимание идеологии как «ложного», спекулятивного сознания и наиболее широкое понимание идеологии как иерархической системы ценностей (последнее опять приводит нас к пониманию идеологии как системы идей, т.е. к содержательной интерпретации идеологии).

Для того чтобы понять, как категория идеологии наполнялась новыми смыслами, т.е. как происходил генезис этой категории, достаточно сравнить современные подходы к определению идеологии с пониманием ее тем, кто впервые ввел это понятие. Дестют де Траси в наиболее общем контексте понимал под идеологией науку об идеях (точнее, о том, как сознание производит идеи из ощущений). Сегодня, разумеется, понимание идеологии изменилось до неузнаваемости.

Сегодня мы говорим о правовой идеологии не как об уровне правового сознания, но как о том, что может воздействовать на правосознание, изменять его содержание, его установки. Современное понимание правовой идеологии, как правило, апеллирует к пониманию идеологии вообще (в философии, социологии и политической теории). Именно так понимая идеологию, мы можем полноценно исследовать существующие идеологические явления в правовой сфере.

В рамках юридических исследований можно заметить попытку определять идеологию как систему идей, принципов и т.д. Так, М. Рейснер отмечал, что идеология - совокупность идей, принципов, норм и идеалов, подлежащих воплощению в общественной деятельности человека [23, стр. 10]. Определения, построенные таким способом, имеют свои достоинства, однако при этом здесь достаточно сложно отделить собственно идеологию от науки, философии и т.д. Конечно, и наука, и философия имеют свои идеологические компоненты, но именно для того, чтобы выделить эти компоненты, нам и нужно четко понять, что такое идеология. Соответственно, говоря о том, что идеология есть совокупность или система идей, т.е. определяя идеологию через ее содержание, мы не можем отличить идеологию от другой системы идей, которая идеологией не является. Идеология теряет свою специфику, становится «всем», что связано с идеями. Таким образом, она становится категорией столь наполненной, что оказывается совершенно пустой с точки зрения ее научного использования.

Вместе с тем, когда мы говорим об идеологизированной науке, об идеологическом мышлении, мы имеем в виду мышление, искажающее реальность, науку, также содержащую искажения, или ненаучное «достраивание» этой реальности [5; 6; 7; 20]. При этом то, что идеологично, не может соответствовать в полной мере научному критерию истинности, что не исключает положительного функционального значения идеологии. Таким образом, идеология, на наш взгляд, должна определяться не через систему идей (хотя, несомненно, ее содержание выступает прежде всего как система идей), а через определенный способ или метод, посредством которого идеология функционирует - решает определенные задачи в политически организованном обществе. И в данном контексте, когда идеология предстает как социальное явление,

явление объективное, первостепенным становится определение ее функциональных характеристик, которые в общем и определяют структуру ее механизма - механизма объяснения, искажения и дополнения реальности на уровне отражения этой реальности сознанием. Этот способ (способ функционирования идеологии) применяется с определенными целями, и исследование этих целей может осуществляться в рамках исследования функциональных характеристик идеологии [40, стр. 34]. В этом плане следует согласиться с М.К. Мамардашвили [16] в том, что те или иные взгляды характеризуются в качестве идеологических не по содержанию, а по функции. Он отмечает: «Идеологией является такая совокупность представлений, которая служит для того, чтобы соединять людей вместе в те или иные социальные структуры. Иными словами, идеология есть как бы клей социальных структур, способ гомогенизации, или делания однородными, социальных структур». В этом заключается функционально-структурный подход к исследованию идеологии.

В данном случае, если мы воспримем такой подход, который, разумеется, не может и не должен претендовать на статус «единственно верного», нам следует применительно к правовой идеологии решить следующие задачи:

- определить основные функции идеологии;
- определить идеологию через ее механизм (механизм примирения реальности с разумом, предполагающий искажение, механизм структурирования социального опыта), через способы и механизмы реализации этих функций;
- установить специфику правовой идеологии (в этом случае возникает вопрос: имеет ли правовая идеология лишь содержательную специфику, специфична ли она лишь связью со сферой своего применения, или же сам идеологический механизм правовой идеологии специфичен, либо она специфична в силу особых функциональных характеристик в политически организованном обществе определенного типа).

Для начала нам надо ответить на вопрос: какова функциональная нагрузка идеологии в политически организованном обществе? А затем на вопрос: в чем специфика правовой идеологии в функциональном плане?

Итак, идеология есть феномен не собственно сознания (в сознании существуют мифы, стереотипы и т.д., но это еще не идеология), это феномен политический, что и придает идеологии определенную специфику. Идеология всегда направлена на решение политически значимых задач. Она предполагает определенного рода политику как совокупность осмысленных действий. Можно согласиться в этом плане с мыслью о том, что функцией идеологии является овладение массовым сознанием, определение целей и задач развития политического пространства. Таким образом, идеология может быть по своей природе охарактеризована как социально-политическое явление. Любая политическая группа, политическая организация нуждается в идеологии, т.к. именно идеология осуществляет политическое единство. Идеология выражает политические интересы, однако интересы динамичны, и более или менее стабильное политическое образование должно иметь общие законсервированные интересы, четко сформулированные. Таким образом, функция социальной интеграции является системообразующей функцией любой идеологии, обусловленной ее социально-политической природой, т.к. любое политическое единство есть единство идеологическое. Здесь мы говорим и о том, что каждая политическая группа обладает не только одной «системой ценностей», но и о том, что в ней вырабатывается особая коммуникативная среда, выражающаяся в особом значении понятий, системе коннотаций и т.д., и особый способ мышления, считающийся допустимым, «нормальным» и «правильным» [8, стр. 23].

Теперь обратим внимание на такую особую организацию политической власти в обществе, как государство. М.А. Рейснер понимал государство как идеологический феномен [24; 25]. Полагаем, что идеология существует не только в государственно-организованном обществе, однако, без сомнения, в государстве она наиболее очевидна ввиду ее формализации. Политическая идеология приобретает в государстве иное качество, особо ее отличающее.

Государственность представляет собой механизм дифференциации власти в политически организованном обществе посредством права. Право и правовые представления формируют правила и условия существования политической власти. Соответственно, государственно-

организованное общество предполагает развитую правовую систему, которая не нужна в догосударственном образовании, т.к. в последнем вопрос стабильности власти не стоит так остро. Таким образом, государственная организация политического общества предполагает властвование по праву (правилам). При этом не исключен произвол, однако без правил государство обойтись не может. Именно правила рождают предсказуемость в социальных отношениях и, как следствие, обеспечивают их стабильность и «воспроизводимость». И здесь мы видим интересный феномен того, как государственная политическая идеология приобретает качество правовой. Таким образом, идеология государства представляет собой феномен социально-политический по своей природе (основаниям и происхождению) и наряду с этим, в сущности, становится правовой, т.к. обосновывает не просто политическое единство, но и имеет своим предметом порядок - право властвования, распределение статусов, структуру общества и т.д. Не случайно рядом авторов подчеркивается связь правовой идеологии с государством. Причем здесь речь идет не просто о соотношении правового и политического в идеологии государства как о соотношении содержания и формы. Здесь речь идет об изменении функциональной нагрузки идеологии и отчасти самого способа ее функционирования. Так, по содержанию любая политическая идеология может рассматриваться как религиозная, эстетическая и т.д. Не является исключением и идеология государства. Однако при этом идеология остается по своей природе социально-политической (это и отличает религиозную по своему содержанию идеологию от собственно религии как системы религиозных идей). А идеология государства, являясь социально-политической по своей природе, также может включать различное содержание, но в своей сущности она является правовой. Если любая политическая идеология, прежде всего, обосновывает управляемое социальное единство, то правовая идеология, кроме того, обосновывает определенный достаточно институционализированный порядок управления [46]. Таким образом, правовая идеология (идеология государства) обладает всеми функциональными характеристиками любой другой политической идеологии, но в дополнение к ним получает новую функцию - объяснение, обоснование нормативного порядка. Последнее выражается в нормативном регулировании, статусах, социальной иерархии и т.д.

Как ранее отмечалось, правовая идеология может, к примеру, быть религиозной, научной, эстетической и даже моральной по содержанию. Однако это для нас не существенно. Гораздо важнее выделить тот механизм, посредством которого правовая идеология «стабилизирует» реальность в сознании, объясняет и обосновывает ее - механизм функционирования идеологии. Безусловно, в основе механизма идеологии лежат психологические особенности человека. В этом смысле можно сказать, что идеологический механизм в целом носит психологический характер, он нацелен на использование «коллективной психики» (Л.И. Петражицкий, М.А. Рейснер) и одновременно является ее продуктом [46].

М.А. Рейснер выделяет три направления осмысления теоретико-правовых проблем. По своей сути эти три направления в их особом сочетании образуют алгоритм механизма функционирования идеологии, по которому ее можно всегда определить и отличить, к примеру, от науки или философии. Для любой политической идеологии существенно сочетание онтологии как стремления объяснения и оправдания бытия, как системы (структурирование знаний о сущем) в обязательном сочетании с телеологией, предполагающей целеполагание и выработку определенной поведенческой стратегии - политики. Теперь обратимся к структуре механизма правовой идеологии. Можно выделить три звена в структуре механизма правовой идеологии. Они в принципе универсальны для идеологии вообще. Однако когда мы говорим об идеологии государства, т.е. о правовой идеологии, то обнаруживаем определенную специфику.

Первое звено тесно связано с содержанием конкретной идеологии и заключается в способе обоснования социально-политической ситуации. При этом речь идет и об обосновании политического единства общества, и об обосновании его структуры. Следует особо подчеркнуть, что правовая идеология, т.е. идеология государства, тяготеет к использованию рационального способа обоснования порядка. В качестве аргумента можно отметить, что политическая идеология государства (правовая в сущности идеология) всегда так или иначе

рационализируется, тогда как идеология любой другой политической группы никогда не возникает на рациональной основе. Кроме того, зачастую именно «неполное» государство, которое имеет не очень развитую правовую систему, вынуждено существовать в симбиозе с иными социально-политическими институтами (церковь, политическая партия и т.д.), зачастую ограничивающими его суверенитет, но это не относится к современному типу государств и к современному пониманию государства. Таким образом, когда государство идеологически самостоятельно, то оно тяготеет к рациональному обоснованию своего существования.

Второе звено не связано с содержанием идеологии и является инструментальным. Сюда следует отнести приемы обоснования социально-политической ситуации. Среди этих приемов можно выделить следующие, присущие любой идеологии: номинация, символизация, стериотипизация, интерпретация, ритуализация, мифологизация.

Номинация (наделение именем), здесь определенной ситуации дается ценностно окрашенное обозначение. Этот прием запускает в идеологическом смысле и эффект коннотации. Не случайно в идеологиях часто используются определения с богатой позитивной или негативной коннотативной нагрузкой. Сердцевиной современной доктрины правового государства и правовой идеологии является идеология естественных прав и свобод человека. С философской точки зрения идеология правового (прагматического) государства, центральная идея которого представлена в начале высшей ценности человека, его прав и свобод, является своеобразным антропоцентризмом с элементами правового этатизма.

Расцвет данной теории связан с возникновением христианства как религиозной идеологии богочеловека с его центральным положением в мироустройстве. Естественно-правовая идеология отчасти способствовала трансформации мироощущения человека и, как следствие, закреплению креационистских (антиэволюционных) взглядов на мироздание, а в итоге - революционном общественно-политическим скачком и преобразованиям.

Однако по мере развития общества, науки, техники и промышленности, увеличения знаний и опыта представления человечества о мире значительно расширились.

Вопрос о судьбе будущего права в современных условиях представляется актуальным еще и в связи с тем, что научно-технический прогресс предлагает человечеству ранее неизвестные механизмы и модели поведения и жизнеустройства. К сожалению, морально-нравственная оценка новых веяний оказывается не всегда правильной и эффективной. Теоретическая правовая наука со старых позиций не способна выработать четких и объективных трактовок таких проблем, как трансплантация органов и тканей человека, генная инженерия и репродуктивные технологии, использование стволовых клеток и иных биоматериалов, клонирование, создание новых лекарственных средств и технологий поддержания жизни, эвтаназия, развитие наноиндустрии и освоение космоса с околоземных планет (Луны, Венеры, Марса), направленное изменение экосистем и т.д.

Что же происходит? Куда мы движемся? Есть ли выход в сложившейся ситуации? Какими должны быть политика и стратегия будущего правового развития России? Не связаны ли в целом неудовлетворительные результаты нашей двадцатилетней «либерализации» с неправильно выбранной стратегией правового развития, направленной на возрождение известных западных правовых и духовных ценностей и идеалов, на массовое воспроизводство бесконечно противоречивых законодательных новелл, отражающих иллюзорную, а не реальную действительность? Эти и многие другие вопросы важны в плане выбора пути развития российского государства и права в третьем тысячелетии.

Список литературы

1. Бабаджанов И.Х., Реуф В.М., Хасанова С.Г. Человек, общество, государство: аксеологическая оценка и идеологические основы охранительных правоотношений // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – №2. – С. 129-137.
2. Бабаджанов И.Х., Реуф В.М., Хасанова С.Г. Правовая охрана, идеологическая сущность и ценностное

восприятие человека, общества и государства // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 1. – С. 135-147.
3. Бабосов Е.М. Идеология Белорусского государства: теоретические и практические аспекты. – Минск, 2008.
4. Баранов П.П., Шпак А.В. Сила права: политико-конституционный анализ. – Ростов-на-Дону, 2004.
5. Бачинин В.А., Сальников В.П. Правовая реальность в контексте цивилизации и культуры: методология причинного анализа: Монография / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2005.
6. Бачинин В.А., Сальников В.П. Причинность как философско-правовая проблема: Монография / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2002.
7. Бачинин В.А., Сальников В.П. Философия права: Краткий словарь. – СПб.: Фонд «Университет», 2000.
8. Зиновьев А.А. На пути к сверхобществу. – СПб., 2004.
9. Ильичев В.В., Реуф В.М., Зацепа О.О. Народовластие: от правового принципа к государственной правовой идеологии // Мир политики и социологии. – 2012. – №2. – С. 50-56.
10. Кара-Мурза С.Г. Идеология и мать ее наука. – М., 2002.
11. Карцов А.С. Правовая идеология русского консерватизма (2-ая половина XIX – начало XX веков): Автореф. дис. … канд. юрид. наук. – М., 2008.
12. Крыгин С.С. Правовоспитательная функция современного российского государства: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Краснодар, 2009.
13. Лебон Г. Психология народов и масс. – М.: Академический проект, 2011. – 238 с.
14. Лученкова Е.С. Основы идеологии белорусского государства. Практикум: Учеб. пособие. – Минск, 2010.
15. Максименко Н.Г., Реуф В.М., Удычак Ф.Н. Государственно-правовая идеология и политика обеспечения национальной безопасности // Мир политики и социологии. – 2012. – № 7. – С. 89-96.
16. Мамардашвили М.К. Эстетика мышления. – М.: Московская школа политических исследований, 2000.
17. Мельник В.А. Основы идеологии белорусского государства. – Минск, 2011.
18. Нерсесянц В.С. История идей правовой государственности. – М., 1993.
19. Панченко А.В. Идеология социальной справедливости: Пособие по основам идеологии белорусского государства и политологии. – Минск, 2011.
20. Петражицкий Л.И. Введение в изучение права и нравственности. Основы эмоциональной психологии. – СПб., 1908.
21. Правовые идеи и институты в историко-теоретическом дискурсе. – М., 2008.
22. Рахимов Р.А., Хабибулин А.Г. Политическая власть и право: проблемы семиотического анализа // Правоведение. – 2000. – № 2. – С. 52-59.
23. Рейснер М.А. Государство. Введение. Культурно-исторические основы: Пособие к лекциям по общему учению о государстве. Ч. 1. – М., 1911.
24. Рейснер М.А. Государство: Пособие к лекциям по общему учению о государстве. Ч. 1. – М., 1911.
25. Рейснер М.А. Теория Л.И. Петражицкого. Марксизм и социальная идеология. – СПб., 1908.
26. Реуф В.М. Государственная правовая идеология и ее воздействие на общественное правосознание (теоретико-правовой аспект проблемы) // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. – 2010. – №2. – С. 67-72.
27. Реуф В.М. От принципов права к государственной правовой идеологии: Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2009.
28. Реуф В.М., Удычак Ф.Н. Национальная безопасность России и механизм ее обеспечения: государственно-правовая идеология и институционные основы // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 1. – С. 114-121.
29. Реуф В.М., Сальников П.П. Правовая идеология и правовые идеалы: некоторые дискуссионные аспекты понимания и соотношения // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. – 2010. – № 3. – С. 89-95.
30. Реуф В.М., Удычак Ф.Н. Механизм обеспечения национальной безопасности в России: некоторые вопросы правовой теории и идеологии // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – №2. – С. 27-34.
31. Реуф В.М., Удычак Ф.Н. Политико-правовая система общества и национальная безопасность России: современные проблемы государственно-правовой идеологии // Мир политики и социологии. – 2012. – №2. – С. 89-92.
32. Ромашов Р.А., Тищенко А.Г. Правовая культура: ценностный аспект // Правовая культура. Научный журнал. – 2006. – № 1.
33. Ромашов Р.А., Шукшина Е.Г. Правовая культура и правовой нигилизм в молодежной среде // История государства и права. – 2006. – №1.
34. Сальников В.П. Правовая культура общества: понятие и структура // Вопросы теории государства и права. Вып. 7. – Саратов, 1986.

35. Сальников В.П. Правовая культура: проблемы формирования гражданского общества и правового государства // Демократия и законность: проблемы развития и соотношения. – Самара, 1991.
36. Сальников В.П. Правовая культура: проблемы, развитие, поиск // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 1999. – №1.
37. Сальников В.П. Социалистическая правовая культура. Методологические проблемы: Монография / Под ред. Н.И. Матузова. – Саратов: СГУ, 1989.
38. Сальников В.П., Бородин В.В., Рожкова Л.П. Морально-правовая культура демократического общества // Демократия и законность: проблемы развития и соотношения. – Самара, 1991.
39. Сальников В.П., Ивашов Л.Г., Джегутанов Б.К. Философия глобализации (Методологические основы геополитической доктрины России): Монография. – СПб.: Фонд «Университет», 2006.
40. Сальников В.П., Степашин С.В., Хабибулин А.Г. Государственность как феномен и объект типологии: теоретико-методологический анализ. СПб., 2001.
41. Сальников В.П., Степашин С.В., Хабибулина Н.И. Государственная идеология и язык закона: Монография. – СПб., 2002.
42. Сальников В.П., Стремоухов А.В. Правовая культура общества и личности – важнейшее средство охраны прав человека // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2000. – №4(8).
43. Сальников М.В. Политико-правовая традиция, правовая культура и правовая система: к вопросу о соотношении категорий // Мир политики и социологии. – 2012. – № 9. – С. 153-156.
44. Сальников М.В. Политико-правовая традиция: социальный феномен и категория теоретического правоведения // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 10. – С. 151-166.
45. Славин Б.Ф. Идеология возвращается. М., 2009.
46. Хабермас Ю. Техника и наука как «идеология». – М., 2007;
47. Хабибулин А.Г. Политическая субъектность и идеология как ценностные свойства государства // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – №8. – С. 7-13.
48. Хабибулин А.Г., Рахимов Р.А. Государственная идеология: к вопросу о правомерности категорий // Государство и право. – 1999. – № 3. – С. 11-20.
49. Хабибулин А.Г., Рахимов Р.А. Идеологическая деятельность государства и типология государственности. – СПб., 1998.
50. Цыбулевская О.И. Правовая культура субъектов власти: нравственный аспект // Правовая культура. Научный журнал. – 2006. – № 1.
51. Черненко А.Г. Общероссийская национальная идеология и государственность / Автор вступ. ст. В.П. Сальников. – СПб., 1999.
52. Шварцмантель Д. Идеология и политика. – Харьков, 2009.
53. Яковлев А.И. Государственная идеология. – Калуга, 2001.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Научный журнал «Мир политики и социологии» публикует научные статьи и материалы различной политической и социологической тематики, отвечающие требованиям научной новизны, актуальности, фундаментальности и аргументации выводов.

Редакция принимает к рассмотрению научные статьи на русском языке. Срок принятия решения о публикации – не более двух месяцев с даты регистрации рукописи.

Основания для включения статьи в журнал является:

- положительная рецензия независимого рецензента, определяемого редакционным советом направления журнала;
- для аспирантов дополнительно – отзыв-рекомендация научного руководителя;
- издательский договор с автором статьи;
- лицензионный договор о передаче прав на использование произведения автора;
- выполнение правил представления рукописей и требований к их оформлению.

Требования к оформлению статьи

1. Статья присылается в электронном варианте.
2. Электронный вариант статьи представляется в формате Word или RTF, кегль 14 «Times New Roman», полуторный междустрочный интервал.
3. Объем статьи – не менее 12 стр., но не более 18 стр. (до 40 000 знаков, включая пробелы); объем статьи для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук – не менее 6 стр.
4. Рисунки встраиваются в формате BMP, диаграммы – в формате Excel, таблицы - в формате Word.
5. Тема статьи – на русском и английском языках.
6. Аннотация статьи – на русском и английском языках (не более 1000 знаков, включая пробелы).
7. Ключевые слова – на русском и английском языках (не более 7).
8. Затекстовые ссылки оформляются в соответствии с библиографическими требованиями, размещаются после текста статьи под заголовком «Список литературы». Источники располагаются в алфавитном порядке. Сначала указываются нормативные акты, затем материалы на иностранном языке и, наконец, на русском языке. Для связи затекстовых библиографических ссылок с текстом статьи используют знак отсылки, который приводят в виде цифр (порядковых номеров). Отсылки в тексте статьи заключаются в квадратные скобки. Если ссылку приводят на конкретный фрагмент текста/документа, то в отсылке указываются порядковый номер и страницы. Сведения разделяют запятой. Например:

- в тексте: [7, стр. 15].
- в затекстовой ссылке: **7.** Чибинев В. М., Макаров Д. А. Эволюция государственности степных народов Евразии и их влияние на становление древнерусского государства. – Санкт-Петербург: ЛЕМА, 2008. – 361 с.

9. Если автор считает необходимым привести ряд комментариев, то перед списком литературы необходимо создать раздел под заглавием «Примечания», в котором в порядке очередности будут указаны авторские уточнения или пояснения, обозначенные в тексте одной и несколькими (до трех) звездочками.
10. Специальные символы (например, греческие, древнерусские и другие редкие буквы) оформляются в виде картинки или сопровождаются шрифтами с данными символами.

Всех авторов просим обратить внимание на требования к оформлению статей, поскольку игнорирование хотя бы одного вышеуказанного пункта даёт редакции право отказать в публикации Вашей статьи.

К тексту статьи прилагаются данные об авторе:

1. Ф. И. О. автора (полностью на русском и английском языках).

2. Полное название (на русском и английском языках) организации, где работает автор, с указанием города, страны.
3. Почтовый адрес.
4. Контактный адрес: E-mail, телефон, факс.
5. Ученая степень и звание.
6. Основные направления научных исследований.
7. Специальность по Номенклатуре специальностей научных работников.
8. Для аспирантов и соискателей: научный руководитель (Ф. И. О., научная степень, ученое звание, должность).

Обязательными компонентами условий включения статьи в научный журнал являются:

- представление автором текста статьи и комплекта сопутствующих документов в строгом соответствии с вышеназванными требованиями, подтверждаемое получением регистрационного номера;
- подписание лицензионного договора;
- предварительная оплата автором научного рецензирования статьи (рецензентом, определяемым редакционным советом направления журнала).

Рукопись статьи направляется рецензентам после поступления на счет Издательства оплаты по договору на этот вид деятельности.

Печать статьи в порядке естественной очередности с предоставлением одного экземпляра ее оттиска при получении положительной рецензии производится для автора бесплатно. Оплата расходов за редактирование и полиграфию осуществляется за счет средств ООО «Образовательный центр «СоветникЪ».

В случае необходимости срочной публикации статьи Издательство может после получения положительной рецензии за отдельную плату реализовать определяемый автором ускоренный выход статьи в свет: один, полтора, два, два с половиной, три или три с половиной месяца после подписания журнала в печать.

В этом случае автор также компенсирует все затраты по выпуску его статьи. Автору предоставляется один экземпляр журнала с собственной статьей.

Плата за опубликование рукописей аспирантов не взимается.

По просьбе автора могут предоставляться дополнительные платные услуги:

1. Одно повторное рецензирование статьи, в случае неположительной первой рецензии.
2. Литературное редактирование.
3. Написание и перевод на английский язык текста аннотаций, перечня ключевых слов.
4. Продажа дополнительных экземпляров журнала на льготных условиях.
5. Предоставление библиографического описания и электронной версии окончательного варианта статьи с указанием страниц в журнале сразу после появления оригинал-макета номера журнала.

Перечень обязательных и дополнительных услуг, а также полная стоимость публикации статьи в журнале определяется издательским договором.

Рукопись статьи и сопутствующие ей документы направляются на редактирование и в печать после поступления средств на счет по издательскому договору.

Авторские гонорары не выплачиваются. Рукописи и сопутствующие материалы не возвращаются.

Материалы просим присылать по адресу:

Редакция журнала «Мир политики и социологии»,
198261, Санкт-Петербург, пр. Ветеранов, д. 114, корп. 1, лит. Б
тел.: 8 (901) 370-00-25, тел. / факс: (812) 755-56-58
E-mail: magazine-sovetnik@yandex.ru
www.centersovetnik.ru

Федеральная служба
по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

СВИДЕТЕЛЬСТВО

О РЕГИСТРАЦИИ СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

ПИ № ФС77-40505 *от 01 июля 2010 г.*

Название *Мир политики и социологии*

Адрес редакции *198261, г. Санкт-Петербург, пр-т Ветеранов, д. 114, корп. 1, лит. Б*

Примерная тематика и (или) специализация *Научная; реклама не более 40 %*

Форма периодического распространения *журнал*

Язык(и) *русский*

Территория распространения *Российская Федерация*

Учредитель (соучредители) *Общество с ограниченной ответственностью "Образовательный центр «СоветникЪ" (198261, г. Санкт-Петербург, пр-т Ветеранов, д. 114, корп. 1, лит. Б)*

Заместитель Руководителя **Р.В. Шередин**

Начальник Управления разрешительной работы в сфере массовых коммуникаций **М.Ю. Ксензов**

Настоящее свидетельство выдано в соответствии с Законом Российской Федерации от 27 декабря 1991 года № 2124-1 "О средствах массовой информации".
Нарушение законодательства Российской Федерации о средствах массовой информации влечет ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации.

017613

Корректор Щурова Е.Ю.
Верстка Ларин Д.А.

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
«МИР ПОЛИТИКИ И СОЦИОЛОГИИ»

2012, № 11

Подписано в печать 20.10.2012. Формат 60 x 84 $^{1}/_{8}$. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Объем 18,5 уч.-изд. л.; 18,5 усл. печ. л. Тираж 500 экз. Заказ № 423.
ООО «Образовательный центр «СоветникЪ»

198261, Санкт-Петербург, пр. Ветеранов, д. 114, корп. 1, лит. Б
тел.: 8 (901) 370-00-25; E-mail: magazine-sovetnik@yandex.ru
www.centersovetnik.ru